

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 12 2023 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

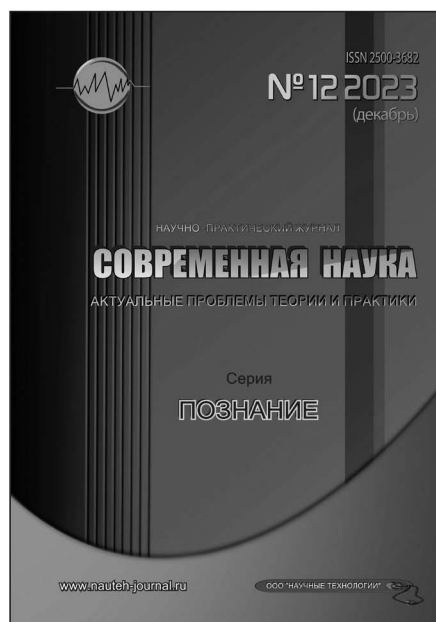
Подписано в печать 13.12.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №11 (ноябрь) 2023 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Бетоева Е.А. – Влияние VR на нравственное сознание современного человека
Betoeva E. – The influence of virtual reality on modern moral consciousness 6

Григорьева М.А. – «Сила места» как пространственное и культурологическое измерение воображения
Grigorieva M. – "The power of place" as a spatial and cultural dimension of imagination 10

Татевосян А.Г. – Формирование визуальных образов заполярья в контексте природного ландшафта и этнокультурного своеобразия
Tatevosyan A. – History of solving the problem of forming visual images of the polar region in the context of natural landscape and ethno-cultural uniqueness 14

Фетисова Е.Н. – Арт-терапевтический феномен музыки
Fetisova E. – Art therapeutic phenomenon of music 19

Фетисова Е.Н. – Экзистенциальные мотивы в русской музыкальной культуре XX в. (советский период)
Fetisova E. – Existential motives in Russian musical culture of the twentieth century. (Soviet period) ... 22

Фидарова Ф.К. – Формирование индивидуальности через культурную интеграцию
Fidarova F. – Formation of individuality through cultural integration 28

Психология

Андрущак Е.Н. – Влияние позитивной психологии на преподавание и изучение китайского языка
Andrushchak E. – The influence of positive psychology on teaching and learning Chinese 34

Егорова О.И. – Коррекция самоповреждающего поведения с функцией сенсорной стимуляции у детей с РАС
Egorova O. – Correction of self-injurious behavior with sensory stimulation function in children with ASD 39

Зиневич А.В. – Искажения в восприятии собственного тела у людей с расстройствами пищевого поведения (РПП)
Zinevich A. – Body image disturbance among people with eating disorders (EDS) 45

Коваленко Р.К., Звонарёва Н.А. – Исследование соционического признака «рассудительность – решительность»
Kovalenko R., Zvonareva N. – Research of socionic characteristics "prudence – decision" 49

Кулинич А.Д. – Применение функциональной музыки для оптимизации психологического состояния студентов
Kulinich A. – Functional music usage in optimization of students' psychological state 57

Левчук И.А. – Исследование проживания одиночества молодыми людьми и связи с психологическим благополучием
Levchuk I. – A study of young people's loneliness and the relationship with psychological well-being 61

Носкова М.В. – Программа тренинга развития психической устойчивости спортсменов
Noskova M. – The training program for the development of mental stability of athletes 66

Огуй В.О., Быков Е.В. – Физиотерапевтические методы в коррекции ПТСР и перспективы применения авторского метода виброакустического массажа поющими чашами (обзор)
Oguy V., Bykov E. – Physiotherapeutic methods in the correction of PTSD and prospects for using the author's method of vibroacoustic singing bowls massage (a literature review) 72

Осипова А.А., Мирошниченко А.В., Ковтун В.Е. – Особенности синдрома эмоционального выгорания у представителей различных юридических профессий <i>Osipova A., Miroshnichenko A., Kovtun V.</i> – Features of emotional burnout syndrome among representatives of various legal professions	78
Соколова А.И., Шингаев С.М. – Эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость студентов-юристов с различным профессиональным планом <i>Sokolova E., Shingayev S.</i> – Emotional intelligence and stress tolerance of law students with different professional plans.	86
Столбов М.М. – Психологические особенности развития профессиональной идентичности в контексте профессионализации <i>Stolbov M.</i> – Psychological features of professional identity development in the context of professionalization	91
Тур Е.Ю. – Медитация как метод разрешения внутриличностного конфликта у пациента психосоматического профиля <i>Tur E.</i> – Meditation as a method of resolving intrapersonal conflict in a patient with a psychosomatic profile	95
Чижова К.И. – Ответственность как значимое качество отцов среднего возраста <i>Chizhova K.</i> – Responsibility as a significant quality of middle-aged fathers	102
Шевцова Ю.В., Плотнова С.В., Козловская Е.Ю. – Влияние стереотипов и предрассудков на качество межкультурной коммуникации <i>Shevtsova Yu., Plotnova S., Kozlovskaya E.</i> – The influence of stereotypes and prejudices on the quality of intercultural communication.	106
Яковлева С.Л., Ганишина И.С. – Личностный профиль курсантов младших курсов образовательных организаций ФСИН России с учетом выраженности их нравственных и волевых качеств <i>Yakovleva S., Ganishina I.</i> – Personal profile of junior cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, taking into account the severity of their moral and volitional qualities	109

Философия

Ибрагимова Э.С., Ярахмедов Р.М., Куркиева Э.Ч., Абдуллаева С.А., Курбанов А.М. – Проблемы сознания в философии и медицине <i>Ibragimova E., Yarakhmedov R., Kurkieva E., Abdullayeva S., Kurbanov A.</i> – Problems of consciousness in philosophy and medicine.	113
Кемеров В.Е. – Парадигма как проблема современного обществознания <i>Kemerov V.</i> – Paradigm as a problem modern social-humanitarian knowledge	119
Куртов С.Ю. – Влияние демографического перехода на устойчивость социальной системы <i>Kurtov S.</i> – The role of the demographic factor in ensuring the sustainability of the social system.	123
Липицкая В.М. – «Ипполит Бедросович» и дипфейк-аватар Милославского: «советскость» как компонент отечественной медийной повестки <i>Lipitskaya V.</i> – "Ippolit Bedrosovich" and Miloslavsky's deepfake avatar: "sovietness" as a component of the national media agenda.	127
Максименко М.В. – Значение кодексов профессиональной этики в деятельности сотрудников правоохранительных органов <i>Maksimenko M.</i> – The importance of codes of professional ethics in law enforcement service.	132
Скопа В.А., Ан С.А. – «Второе осевое время» в западной и русской философской мысли: компаративный подход <i>Skopa V., An S.</i> – "Second axial time" in Western and Russian philosophical thought: comparative approach	135
Сорокин К.А. – Deus ex machine. Взаимодействие между технологиями и теологией: философско-исторический анализ их влияния на человека <i>Sorokin K.</i> – Deus ex. machine. Interaction between technology and theology: philosophical and historical analysis of their influence on humans.	139

Харченко Д.О. – Влияние идеи сверхчеловека на глобальные исторические процессы
Kharchenko D. – The influence of the idea of superhumanity on global historical processes ..146

Христосова А.О., Дорофеева Т.Г. – Актуальность «женского вопроса» для христианской этики
Christosova A., Dorofeeva T. – The relevance of the "women's question" for Christian ethics152

Черняга Я.С. – Изменения сознания и интерпретаций реальности социума в виртуальном пространстве
Chernyaga Ya. – Changes in consciousness and interpretations of the reality of society in virtual space155

Черняга Я.С. – Изменения сознания и ценностей социума в условиях виртуальной реальности
Chernyaga Ya. – Changes in consciousness and values of the society in the conditions of virtual reality158

Информация

Наши авторы. Our Authors.....160

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....161

ВЛИЯНИЕ VR НА НРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Бетоева Елизавета Александровна

Аспирант, преподаватель, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия
liza.betoeva@yandex.ru

THE INFLUENCE OF VIRTUAL REALITY ON MODERN MORAL CONSCIOUSNESS

E. Betoeva

Summary: This article analyzes the influence of virtual reality on the formation of modern moral consciousness. It examines in detail the features of VR as a new media form, its impact on the nature of social interactions, the transformation of traditional cultural industries under the influence of VR, the educational and scientific potential of VR, as well as related ethical issues and social risks. Both positive and negative aspects of the impact of virtual reality on the moral and ethical perceptions of a person are considered. Particular attention is paid to the issues of modeling moral dilemmas, as well as the problems of loss of connection with reality. The prerequisites for the need to develop ethical and legal norms to minimize threats and risks are analyzed.

Keywords: virtual reality, VR, culture, society, ethics, education, social risks, moral consciousness, media, art, social risks, technology, future, social development.

Аннотация: В данной статье анализируется влияние виртуальной реальности на формирование современного нравственного сознания. Подробно освещаются особенности VR как новой формы медиа, её воздействие на характер социальных взаимодействий, трансформация культурных ценностей под влиянием VR, образовательный и научный потенциал VR, а также связанные с ней этические проблемы и социальные риски. Рассматриваются как позитивные, так и негативные аспекты воздействия виртуальной реальности на морально-этические ценности человека. Осуществляется анализ предпосылок необходимости выработки нравственных и правовых норм для минимизации или устранения угроз и рисков.

Ключевые слова: виртуальная реальность, VR, культура, общество, этика, образование, нравственное сознание, медиа, искусство, социальные риски, технологии, развитие общества.

Виртуальная реальность (VR) представляет собой технологию, позволяющую создавать искусственную среду, в которую пользователь может погрузиться при помощи специальных устройств (VR шлем, очки и т.п.). В данной статье рассматривается, каким образом виртуальная реальность влияет на формирование современного нравственного сознания. За последние десятилетия VR стала одним из наиболее заметных технологических достижений, оказывающих существенное влияние на различные сферы человеческой деятельности, включая образование, медицину, развлечения. По прогнозам, в ближайшие годы объем мирового рынка VR будет быстро расти, достигнув к 2024 году 184,66 млрд. долларов [17]. Однако воздействие VR выходит и за рамки утилитарного использования, оказывая влияние на более глубокие аспекты человеческого бытия, в том числе этические и нравственные. Как отмечают Ю.В. Китов и С.Л. Гертнер «Изучение технической стороны вопроса о виртуальной реальности, безусловно, необходимо. Однако оно должно касаться не сущности виртуальной реальности, а средств ее обеспечения... Важная культурная функция закрепляется за виртуальным, когда оно оказывается характеристикой нравственного поведения» [5].

Рассмотрим виртуальную реальность как новую форму медиа. С позиции медиатеории VR можно рассматри-

вать как принципиально новую форму медиа, качественно отличающуюся от всех предыдущих. По мнению Ж. Делеза, виртуальное складывается из противопоставления реального и актуального, в настоящее время это реализовано благодаря технологии виртуальной реальности, где в отличие от традиционных медиа, представляющих собой «окно» в мир, VR создает убедительный эффект присутствия внутри моделируемой среды, тем самым реализуя виртуальный образ «актуального» [1]. Такая возможность радикально меняет само восприятие человеком виртуального контента, делая его гораздо более ярким, объемным и «реалистичным». По мнению Н.А. Носова, VR как медиа характеризует «...синтез объемного изображения, стереозвука и возможностей взаимодействия в реальном времени...», что обеспечивает эффект погружения или «эффект присутствия» [10]. Похожий взгляд встречается и у других ученых, например М. Хейм, описывает VR как «иммерсивную среду, созданную компьютерными технологиями и предназначенную дарить ощущение присутствия в ней» [14].

Из изложенного следует, что важнейшими особенностями VR как медиа являются иммерсивность, интерактивность и мультимодальность. По словам Дж. Стейера концепции «присутствия» или «телеприсутствия» соответствует нахождение человека в киберпространстве VR с точки зрения человеческого опыта и «...ощущение

пребывания внутри сгенерированного компьютером мира...» [16]. Эффект «полного погружения» принципиально новое качество медиа, которое открывает широкие возможности для творчества, образования, науки и других областей.

Обратим внимание на трансформацию характера социальных взаимодействий. Новые технологические возможности VR оказывают заметное влияние на характер социальных взаимодействий и формы коммуникации в обществе. В частности, в виртуальных мирах появляются принципиально новые формы общения, основанные на эффекте «присутствия», когда пользователи находятся в общем виртуальном пространстве, взаимодействуя друг с другом при помощи «аватаров» [2].

Как отмечает М. Ломбард, «...виртуальная реальность открывает революционные возможности социального взаимодействия, при котором люди могут общаться, сотрудничать и даже физически соприкоснуться в виртуальном мире» [15]. Это принципиально новый тип коммуникации и коллаборации. По мнению Красаевой, в виртуальном пространстве «происходит конструирование новых форм социальности, основанных на эффекте вовлеченного присутствия и возможности глубокого погружения в моделируемые ситуации» [7].

Однако существуют и опасения относительно того, что виртуальные контакты не способны в полной мере заменить содержательность и многогранность реального человеческого взаимодействия «лицом к лицу». К примеру, есть предположения, что регулярное использование VR может приводить к «эффекту выгорания» в реальных социальных контактах и даже вызывать тревогу при личном общении. Также есть опасения, что погружение в виртуальный мир может способствовать развитию игровой и интернет-зависимости, приводя к социальной изоляции человека. В связи с этим, влияние VR на социальные взаимодействия является неоднозначным и требует дальнейшего осмысления [6].

Трансформация культурных пространств под влиянием VR с каждым годом все более заметна. Виртуальная реальность оказывает существенное влияние на культурное пространство, сферы развлечений, образования и искусства, вызывая в них значительные изменения. В сфере развлечений VR меняет саму природу игрового процесса и видеоконтента, делая их гораздо более погружающими и интерактивными. Как указывает Носов, «виртуальная реальность позволяет игроку буквально попасть внутрь игрового мира и взаимодействовать с ним посредством собственных движений и ощущений» [10], что открывает новую эру в развлекательной индустрии. Однако есть позиция, что «погружение в виртуальные миры может создавать иллюзию реальности, провоцируя опасное и асоциальное поведение» [6]. В

образовании VR активно применяется для создания разнообразных симуляций и тренажеров, где обучающиеся могут отрабатывать практические навыки в виртуальной среде. Как считает Хейм, «VR позволяет моделировать реалистичные обучающие сценарии, которые безопасны, наглядны и эффективны для усвоения знаний» [13]. Но существуют опасения, что «виртуальное обучение не способно в полной мере заменить ценный опыт реального практического взаимодействия», а использование VR оборудования негативно повлияет на здоровье учеников.

Посредством VR в искусстве появляются интерактивные VR-инсталляции и перформансы, которые вовлекают зрителя в свое киберпространство «VR открывает уникальные возможности синтеза технологий и искусства, позволяя создавать принципиально новые формы художественного выражения» [10]. Художники используют технологии VR для создания виртуальных арт-объектов и трехмерных миров, в которых зритель может свободно передвигаться и взаимодействовать с окружением. Процесс творчества в VR позволяет художнику буквально «погрузиться» вглубь своего арт пространства и создавать его изнутри, управляя формами, цветом, звуком при помощи различных контроллеров и жестов, что открывает широкие возможности для экспериментов на стыке искусства и технологий. Помимо зрительных образов, в VR-арте активно используются тактильные, звуковые и иные эффекты для создания многомодальных художественных впечатлений, что выводит искусство на качественно новый уровень выразительности. VR предоставляет художникам новые инструменты творчества и позволяет создавать уникальный иммерсивный опыт для зрителя, помещая его в интерактивное художественное пространство. Это радикально трансформирует природу искусства. Однако критики отмечают, что «погружение в VR может отвлекать от смыслового постижения произведения искусства».

Таким образом, VR радикально трансформирует традиционное культурное пространство, но это влияние неоднозначно и имеет как положительные, так и отрицательные эффекты.

Осветим вопрос культурных проблем реального против виртуального. Наряду с очевидными достоинствами, технологии VR порождают и важные научные проблемы, в частности, проблему размывания грани между реальным и виртуальным. Как отмечают исследователи, «виртуальная реальность ставит под вопрос традиционные представления о подлинности, иллюзорности и объективной истине, разрушая границы между ними». Согласно М. Кастельсу, «погружение в гиперреалистичные виртуальные миры может привести к подмене реального опыта его симулякрами и утрате онтологических ориентиров» [13].

По Ж. Бодрийяру, «чем совершеннее технологии VR, тем сложнее отделить истинное от ложного, так как виртуальное неотличимо от реальности» [1]. Это ставит сложные вопросы о природе реальности. Другими словами, VR индуцирует научные рефлексии об онтологическом статусе виртуального, его соотношении с подлинным и роли технологий в конструировании человеческого опыта. Кроме того, виртуальная реальность побуждает задуматься о природе человеческого сознания и восприятия. С точки зрения когнитивистики, VR демонстрирует конструируемый и символический характер нашего восприятия мира. С позиции экзистенциализма, погружение в VR может приводить к «забвению бытия» и подмене подлинного существования искусственными переживаниями [8].

Другая проблема состоит во влиянии VR на человеческую идентичность и субъективность. VR позволяет человеку «примерять» самые разные идентичности в виртуальном мире. Это может размывать представления о стабильном и целостном «Я» [3]. В результате, VR побуждает по-новому взглянуть на многие фундаментальные онтологические вопросы.

Еще одно важное измерение влияния VR - это этические проблемы и социальные риски, порождаемые этой технологией. С одной стороны, VR открывает колоссальные возможности для человечества, способна расширить горизонты познания человека и повысить эффективность многих видов деятельности. С другой, как предупреждает М. Хайдеггер, «технологии виртуальных миров несут угрозу подмены подлинного бытия человека технократическими симулякрами» [12].

Рассмотрим более подробно некоторые из возможных рисков и этических проблем, связанных с развитием технологий виртуальной реальности: риск возникновения психологической или даже физической зависимости от виртуальных миров, что может привести к социальной дезадаптации; угроза массового распространения опасного и агрессивного контента VR, способного нанести психологическую травму особенно детям; возможность манипулирования сознанием и поведением людей посредством VR технологий; риск усиления социального неравенства из-за неравномерного доступа разных слоев населения к дорогостоящим VR технологиям. Одной из главных опасностей выступает возможность формирования психологической и физической зависимости от виртуальных миров, что может привести к социальной дезадаптации. Как считает Ж. Бодрийяр, «современные технологии создают гиперреальность, заменяющую человеку подлинный жизненный опыт» [1].

С этим связана опасность подмены подлинных социальных связей их виртуальными симулякрами. Общение в виртуальных мирах не способно заменить живое

человеческое взаимодействие со всей его глубиной и нюансами. Гипертрофированное увлечение VR может привести к утрате навыков реальной коммуникации. По мнению Хейма, «распространение VR чревато утратой социальных навыков, снижением эмпатии и ростом киберзависимости» [13].

Еще один риск - неконтролируемое распространение в виртуальных мирах опасного и вредоносного контента. Это касается как материалов сомнительного морального характера, так и откровенной пропаганды насилия, ненависти, суицидальных наклонностей. Особенно такой контент опасен для детей и подростков. По мнению Ж. Делёза, «виртуальные миры открывают беспрецедентные возможности манипулирования человеческим сознанием и поведением» [1], что чревато катастрофическими последствиями для общества.

Остро встает вопрос достоверности реальности и критериев истины в условиях тотального внедрения VR. Если любые ощущения и переживания можно симулировать, то, как отличить их от подлинного опыта? Это затрагивает фундаментальные онтологические и гносеологические вопросы. Наконец, широкое распространение VR чревато углублением социального неравенства и расслоением общества. Доступ к виртуальным мирам, как и любым передовым технологиям, будет непропорционально сосредоточен у более состоятельного слоя населения, что создаст новые барьеры и конфликты в обществе. Как отмечает М. Кастельс, «виртуальная реальность может стать новым фактором стратификации общества» [13]. Таким образом, чтобы свести к минимуму потенциальный вред VR, необходимы усилия по комплексному культурологическому осмыслению этого феномена и выработке этико-правовых норм его использования.

Необходимость решения этических проблем для минимизации социокультурных рисков в VR является актуальной проблемой. Бурное развитие технологий виртуальной реальности порождает целый комплекс этических и, в целом, социокультурных вызовов, для решения которых необходим комплексный подход, включающий научное осмысление феномена VR, выработку нравственно-правовых норм и реализацию практических мер по минимизации рисков. Согласно Ю. Хабермасу, «виртуальные миры требуют новой этической парадигмы, основанной на принципах универсального гуманизма и ответственности технологий перед человеком» [11].

Как считает С. Жижек, «необходим критический анализ идеологического измерения виртуальной реальности, чтобы не допустить ее превращения в инструмент манипулирования сознанием» [4].

Для минимизации рисков и негативных эффектов от

распространения технологий виртуальной реальности можно предложить такие меры, как: разработка юридически закреплённых культурных норм использования VR, ограничивающих её применение в манипулятивных целях; создание экспертных советов по этике VR для анализа и прогнозирования проблем; внедрение систем контроля VR-контента и возрастных ограничений для защиты детей; повышение медиаграмотности пользователей для ответственного подхода к VR; государственная поддержка отечественных разработок VR для обеспечения технологического суверенитета. На сегодняшний день разработчики VR контента уделяют недостаточно внимания решению социокультурных проблем в своих приложениях. В связи с этим особенно важно заострять внимание на данных аспектах при создании виртуальной реальности. Необходимо принятие комплекса мер, начиная от введения возрастных ограничений в VR до поддержки позитивного контента и развития медиаграмотности пользователей. Лишь так возможно вписать VR в гуманистическую парадигму культурно-технологического развития.

Подводя итог, можно констатировать, что виртуальная реальность представляет собой чрезвычайно мощный технологический и социокультурный феномен, способный радикально трансформировать многие сферы человеческой жизни. Её влияние затрагивает как характер коммуникации и творчества, так и этические основы общества. Анализ показал, что с одной стороны VR открывает уникальные возможности для образования, науки, искусства, расширяя перспективы человеческого опыта. Но, с другой стороны, эта технология содержит серьёзные риски дезадаптации личности, манипулирования сознанием, роста агрессии и социального неравенства. Для того чтобы максимально использовать позитивный потенциал VR и минимизировать угрозы, необходимо выработать новые этические принципы и правовые нормы использования виртуальной реальности, а также повышать медиаграмотность и критическое мышление в обществе. Лишь культурологический подход с его интегративностью позволит вписать VR в гуманистическую парадигму позитивной динамики современной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асташкин А.М. Анализ онтологического статуса виртуальных объектов: модальная логика и современная французская философия (Ж. Делёз, К. Мейясу, Ж. Бодрийар и Ж. Деррида) // Философская мысль. 2018. №10.
2. Бодрийар Ж. Симулякры и симуляции. Перевод с французского А. Качалова М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. — 240 с.
3. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. КАНОН-пресс, 2000. 304 с.
4. Жижек, Славой (Добро пожаловать в пустыню реального! = Welcome to the desert of the real! / Славой Жижек; [Пер. с англ.: Артем Смирнов]. - Москва: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», 2002. - 159 с.
5. Китов Ю.В., Гертнер С.Л. Виртуальная реальность и медиа как предметы анализа социального этимологического подхода // Вестник ЧГАКИ. 2022. №3 (71).
6. Корнилов Юрий Вячеславович, Мукашева Манаргуль Умирзаковна, Сарсимбаева Сауле Мусаевна О рисках применения технологий виртуальной реальности в обучении // Педагогика. Психология. Философия. 2022. №4 (28). 6 с.
7. Красавина А.В., Шашева А.Н. Эффекты и риски иммерсивной журналистики: технологический и этический аспекты // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. No 3. С. 95-102.
8. Мягков Д.В. Виртуальная реальность // Экономика и социум. 2018. No 5 (48). С. 887-895с.
9. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. М.: Мысль, 2021. 120 с.
10. Носов Н.А. Виртуалистика // Исследовано в России. 1999. 36 с.
11. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. 144 с.
12. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221-238.
13. Castells M. The rise of the network society. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 597 p.
14. Heim M. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice and promise / Ed. Sandra K. Helsel and Judith Paris Roth. Meckler. — Westport and London, 1991. — 208 с.
15. Lombard M., Ditton T. At the Heart of It All: The Concept of Presence // Journal of Computer-Mediated Communication. 1997. Vol. 3, No 2. P. 20-33.
16. Steuer J. Defining Virtual Reality: Dimensions Determining Telepresence // Journal of Communication. 1992. Vol. 42, No 4. P. 24.
17. Virtual reality (VR) - Statistics & Facts // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/topics/2532/virtual-reality-vr/> (дата обращения: 20.02.2023)

© Бетоева Елизавета Александровна (liza.betoeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«СИЛА МЕСТА» КАК ПРОСТРАНСТВЕННОЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВООБРАЖЕНИЯ

Григорьева Марина Анатольевна

Кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «KANT», Издательство «Ставролит», Ставрополь
info@stavrolit.ru

«THE POWER OF PLACE» AS A SPATIAL AND CULTURAL DIMENSION OF IMAGINATION

M. Grigorieva

Summary: The study reveals the problem of the relationship between the universal (global) and the unique (local) through the cultural dimension of physical and imaginary spaces. As a result, based on the analysis of the works of Otto von Bollnow, depicting space as the perceptual basis of the relationship between man and the environment; the concept of "placelessness" of the modern inhabitant from Edward Relph and the construct of "groundlessness" proposed by Vilém Flusser; narratives of spatial behavior of modern man by Zygmunt Bauman; appeals to "unique existence" from Walter Benjamin and Jean-Luc Nancy, we can say that the value of "place" as a field of culture and a fact of habitability returns to the need to talk about it as the only condition for returning the previous conditions of existence.

Keywords: space as perceptual evolution, universal and unique, Human, digital and physical field, imagination, disappearance, safety, Benjamin, Flusser, Bauman.

Аннотация: Исследование раскрывает проблематику соотношения универсального (глобального) и уникального (локального) через культурологическое измерение физического и воображаемого пространств. В результате, на основе анализа работ Отто фон Боллноу, изображающего пространство в виде перцептивной основы отношений между человеком и средой обитания; концепции «безместности» современного обитателя от Эдварда Релфа и конструкта «беспочвенности», предложенного Вилемом Флюссером; нарративов пространственного поведения современного человека у Зигмунта Баумана; обращений к «уникальному существованию» от Вальтера Беньямина и Жан-Люка Нанси, можно сказать, что ценность «места» как поля культуры и факта обитаемости, возвращает к необходимости вести о нем речь как о единственном условии вернуть прежние условия существования.

Ключевые слова: пространство как перцептивная эволюция, универсальное и уникальное, человек, цифровое и физическое поле, воображение, исчезновение, безопасность, Беньямин, Флюссер, Бауман.

С тех пор, как пространственное поведение подтолкнуло человека в объятия кругосветных путешествий на встречу с неизведанным, но имеющим вполне конкретные очертания, предметным миром, образ пространства претерпел значительные изменения. Благодаря измерительным приборам, вооружившись которыми географы с энтузиазмом принялись ошупывать мир, и в последствии благодаря картографии, которая зафиксировала его на гладкой поверхности атласа, пространство, по крайней мере, в описаниях Вилема Флюссера [4], стало мыслимым, достигаемым и доступным. И наконец, заключительным поворотным пунктом в осмыслении пространства стала оцифровка его физической оболочки, приблизившая его к абстрактной форме наравне с вещами, которые мы привычно принимаем на веру.

В конце концов, усилий воображения к тому, чтобы воссоздать мир по представлениям, требуется всё меньше, когда гладь экрана «делает» мир по-настоящему «плоским» – подразумевая, но не обнажая его глубины. Воображение начинает облекать пространство в бесплотную материю, за которой локальное «место» оказывается сильно скомпрометированным со стороны виртуализированного поля бесконечного *ни здесь*,

но *повсюду*, и теряет, в конце концов, свою защитную функцию убежища. Под властью анонимных сил глобализации, не умеющей найти пределы своего роста в направлении тотального господства, ценность «места» как фиксированной точки в более или менее стационарном существовании человека, с этого момента окончательно подорвана и вынуждает вести о нем непрерывные дебаты в надежде вернуть его прежнее состояние.

И обращаясь к прежнему состоянию, можно обнаружить, что пространство, которому недостаточно самого себя, раскрывается непосредственно через опыт прикосновения, то есть через взаимодействие человека и среды обитания. В связи с чем, Отто фон Боллноу представляет нам пространство как перцептивную эволюцию, или отношения, которые формируются между человеком и средой обитания. «Факт обитаемости» [8, с. 120], определяемый им через институцию дома, которая конструирует пространственность через исходную точку и постоянное возвращение к ней, подчеркивает защитные и дифференцированные качества пространства. Дом или жилище составляют важнейший центр повседневной жизни человека и противопоставляются беспоконному и *анонимному* внешнему миру. Резюмируя свои собственные выводы, Боллноу утверждает, что обитание

предполагает необходимость где-то пустить корни. Жить означает быть дома и, таким образом, быть защищенным в этом конкретном месте. Этому противостоит страх оказаться на улице, что вызывает чувство покинутости. Сам этот страх противостоит институту дома, который обеспечивает защиту, но до сих пор не был абсолютным.

Глобальные или космические концепции пространства как дикие плоды поздних событий западной истории начинают назреть в XIV веке в эпоху великих географических открытий, чтобы усыпать собой весь «земной сад» в течение всей современной истории открытий и наук. В наибольшей степени эта проблема актуализируется сегодня, толкая его обитателей в объятия «безместности», о которой впервые упоминает в своей работе Эдвард Релф, [13] и «беспочвенности» [10, с. 9], развернутой Вилемом Флюссером, когда он предлагает взглянуть на вазу с цветами, принесенными из сада и помещенными в незнакомое для них пространство для того, чтобы исследовать динамику власти в том, как [мы] видим мир. И несмотря на то, что все их последующие устремления будут направлены на вынужденное приспособление к новым условиям в надежде вновь пустить корни, вернуться в сад им уже не удастся, как и обрести почву и занять прежнее место в мире. История с садом и цветами для завтрака была положена Флюссером в основу автобиографии, согласно которой ему пришлось сменить родную Прагу сначала на Лондон, затем на Сан-Паулу и юг Франции, чтобы по возвращении в оставленную Прагу закончить жизнь случайной автокатастрофой. Тем не менее, возвращение домой было важным и знаменательным событием в его жизни, как и для цветов, мечтающих вновь оказаться в безопасности взрастившего их сада.

Как и Флюссер, Эдвард Релф в своем обращении к «месту» и «безместности» хватается за отсутствие корней в современном обществе в сочетании с однофункциональным использованием пространства (например, специализированные места для работы, еды и отдыха), которое лишает жизнь какой-либо очевидной цели. Отсутствие глубокой привязанности к определенному месту, по идее Релфа, заставляет нас коротать свои часы в ловушке поверхностных отношений с тем, что нас *поневоле* окружает, страдая при этом хронической тоской по тому, что нас удерживало бы на месте. Эту неумную тоску он определяет как ностальгию по естественной среде обитания, симптоматично проявляющуюся в дизайне жилья, где таунхаусы должны удовлетворять тоску горожанина по прошлому единению с открытыми пространствами. Но в конечном счете, такие устройства лишь усиливают особую форму отчуждения – «безместность».

Это означает, что гегемонистский космополитический нарратив, прославляющий мобильную самость, гостеприимную к незнакомцу, не выдерживает критики со

стороны условий норм человеческого существования. Истоки человека и мира, в конечном счете, по-прежнему лежат в местной среде несмотря на то, что современный человек, как заверяет Зигмунт Бауман, «не может стоять на месте» [6, с. 138]. Таким образом, изучение архаичных колоний и внимательное исследование поселений обращено к реконструкции новой культурной антропологии, которая сосредоточена в пространственной глубине «места» с ее раскрывающейся включенностью. Исходя из того, что человек – существо, которому всегда необходимо обрести онтологическую устойчивость, найти логику и *смысл* во всем происходящем, он обречен блуждать в поиске опоры – семантической, языковой, культурной и социальной.

При этом быть частью места и социальной модальности предполагает воображаемое родство незнакомцев, чья повседневная жизнь проистекает параллельно и обнаруживает себя только через соприкосновение и распознавание, узнавание близости. Стремление окружить себя предметами, сделать их ближе, владеть ими безраздельно раскрывает механизм, по которому работает распознавание среды: в доме это шкаф, письменный стол с принадлежностями, полка для книг и диван, за окном виднеется сад, уходящая вправо от него улица, ведущая к школе, а за нею – река и мост. Всё то, что знакомо с детства и дарит прочные ориентиры, в то время как «человек без страны» [9, с. 26], в определении Эрика Дарделя, «дезориентирован» и колеблется во всех смыслах, в том числе относительно направления, в котором следует двигаться.

«Впечатляющую пустыню» Зигмунт Бауман начинает с того, что движет человеком в его пространственном поведении, когда «по узкому гребню между исчезающим «сейчас» и никогда почти не появляющимся «еще не»» [6, с. 138] человек вынужден искать способы удержаться над пропастью, в конце концов, он не может стоять на месте, потому что ему *негде* стоять. Это то, что заставляет его перемещаться, покидать свой дом, прощаться с привычным образом жизни, оставлять близких в обмен на компанию незнакомцев и «анонимных камней, зданий, возвышающихся во славе своей анонимности» [6, с. 140] и бесприютности, среди которых он прогуливается, поскольку ни камни, ни цемент, связывающий их в здания, не «отсюда», так же как, вероятно, и он сам. Таким образом, он растворяется в настоящем, утрачивая связь с прошлым и всяким смыслом существования. На маршрутах неизведанных им улиц нет ничего, кроме отпечатков шагов, уводящих его дальше от «места», с которым он связан изначально. В итоге все эти проделанные маршруты и передвижения дают ему осознание, что он не имеет понятия, где оказался в погоне за ускользающим смыслом, поскольку сам смысл исчерпан и мутировал до полной неопределенности.

Чтобы как-то определиться с тем, куда направиться, если полная остановка уже невозможна, Жан-Люк Нанси предлагает два способа мышления о движении: как о том, что оторвано от процесса, где каждый момент заранее отмечен в бесконечности своего движения, или как о том, что оторвано от своего значения, которое может быть только фиктивным и идеологическим. В конечном счете, движение, как история, как развитие – «территория неизбежного искончания» [12, с. 144]. И ее смысл приходит только, когда всё уже завершилось. *Оторванный от своего происхождения* смысл не выдерживает темпа, теряясь в анонимных операциях языка, где каждый раз он рождается заново в пространстве ускользающих цифровых символов, «в молчании невысказанных ценностей» [3, с. 254]. При этом технологии, которые в отличие от нас, хорошо знают, что хотят сказать, благодаря сложно устроенному инкубатору коммуникативных связей – цифровых сетей, успешно колонизирующих социальные отношения, социальную активность и человеческое поведение.

Пространство и место, приглашающие к перемещению, создающие условия для возможности перемещаться, обращены к области воображения мерцающей точкой на горизонте физического пространства, а затем на плоской поверхности экрана. Безудержное распространение образов в социальном пространстве не только создает визуальную какофонию, подавляет и дезориентирует человека, но и мешает представить себе что-то другое. Воображение в этом контексте работает как репродуктор, который множит ссылки, коды и репликации. [2] Дискуссия должна начинаться с понимания перехода от текстового дискурса к изобразительному. В самих средствах публичного дискурса есть свойства, влияющие на образ мышления человека и закупоривающие его способность к воображению. Этот мир изображений помещает всю реальность в повторяющиеся, лишённые контекста, но визуально воздействующие контейнеры для передачи, ставящие под тотальный контроль визуальное и акустическое измерение культурного повествования.

Одним из важных элементов постмодернистского воображения, ориентированного на образы, является то, что новые медиа деконтекстуализируют наблюдаемые объекты. Результаты этого процесса включают устранение различий между реальным и репрезентативным, а также между изображением и оригиналом, оригиналом и репликацией. Подробное исследование этого процесса взято из широко обсуждаемой работы Вальтера Беньямина «Произведение искусства в эпоху механического воспроизводства» [7]. Бенджамин рассуждает о важности оригинального исторического и географического контекста произведения искусства и о том, как при массовом воспроизведении произведение теряет свою ауру, аутентичность и историческое свидетельство. Не только искусство становится репродуктором информа-

ции и форматируется для этой передачи, но и повседневная жизнь как *то*, что простирается перед нами и создает отпечатки времени.

Сознание массового производства создает среду, в которой доминирует плюрализм, и заменяет ощущение «уникального существования» [7, с. 3] в том месте, где находится та или иная вещь, ее присутствия в пространстве и времени. Эти процессы продолжают усиливаться в современной культуре, поскольку воздействие репликаций увеличивается с повсеместным присутствием Интернета, телевидения и кино. Аура объекта ветшает, истончается и выветривается. Подлинность или оригинальность, очевидно, исчезает при воспроизведении, что уменьшает исторические свидетельства и, в свою очередь, делает их не считаваемыми. Медиа действует как блендер, который делает ингредиенты исторических мифов и образов текучими, чтобы они могли двигаться через соломинку развлекательных технологий к потребителю уже в готовом и смешанном виде. Беньямин отмечает, что преходящее и воспроизводимое заменяет постоянное и уникальное до такой степени, что «чувство всеобщего равенства вещей» подавляет восприятие их уникальности, точно так же как и стремление «сблизить» вещи в пространстве, рождающееся из непреодолимой жажды «завладеть предметом с очень близкого расстояния» [7, с. 5] путем его подobia, его воспроизведения.

Образ и симулякры вытесняют реальность, а потребность в воображении или критическое мышление угасают под давлением монокультуры, которая, очевидно, признает, что продуктивное воображение слишком великолепно и слишком безгранично для ограниченного природой своего происхождения человека. Тем временем воображение беспокойно пытается нащупать свое искончание, чтобы отодвинуть этот болезненный и неизбежный момент. Ограничение и исход, переживаемые воображением, возникают не из-за необходимости работать с конечным набором образов, а из-за того, что мы принимаем слишком конечный набор безапелляционно. Принятие предлагаемого набора образов создает, в конце концов, замкнутый цикл коллективного воображения, где «культура грезит одной и той же мечтой» [11, с. 57].

Со сдвигом в области искусственного интеллекта, нацеленного, как считает Раймонд Барглю, [5, с. 17] на колонизацию нашего воображения, ценность физического пространства и уникальности «места» снижается, пока мигающая точка на экране продолжает удерживать наше внимание. В конце концов, целыми днями на работе, не отводя взгляда, мы пристально заглядываем в глаза своему высокотехнологичному противнику и дрожим. Парадигмой социального совершенства или, по крайней мере, производительности является именно [он]. Чтобы иметь хотя бы небольшой шанс получить преимущество

перед ним в этой гонке, мы должны быть достаточно запрограммированными и механизированными, такими же безупречными и неодоушевленными, служить целям своих компаний и своих рабочих мест. Таким образом, культура – наш основной тренажер в этой гонке, в то время как наш экран, то есть наш противник, отдыхает в спящем режиме: мечтает ли [он] об электрических овцах или запрограммированных на кладку яиц курах, в момент, когда сканирует наш ментальный ландшафт.

Таким образом, пространство, раскрывающееся через взаимодействие человека и среды обитания, как социальное и, наконец, цифровое поле, актуализирует феноменологическое раскрытие локального «места», и сопутствующие ей аспекты миграционных и экономических потоков, а также движения товаров и информации, включая образы пространства в единое поле человеческой жизнедеятельности. Управление культурой через медиаобразы на экране – это, по сути, управление

воображением, тонко чувствующим и реагирующим на растущую угрозу технологий, собственную культурную зависимость и грядущий исход. По определению Жан-Люка Нанси, чтобы «быть в единственном числе во множественном числе» [12], мир должен совершить свой поворот от глобализующей и тотальной универсальности, обрушивающейся на неоднородность, обратно в сторону гетерогенной уникальности – «места», пространства, культуры, языка во всем их разнообразии. Все те немислимые вещи, которые способствовали установлению границ, считавшихся стабильными и непроходимыми, уступили место под двойным давлением – сверху (глобализации) и снизу (биоразнообразию). И теперь, согласно идее Нанси, должны быть восстановлены, соответственно «логике производства здравого смысла» [1], вместе с ценностью первозданной вещи, культурой обращения с ней, историей появления и историей соприкосновения с миром. По крайней мере, мы должны пробудить к этому наше угасающее воображение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. Н.В. Суслова. - Екатеринбург, 2000. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt> (дата обращения: 15.02.2023).
2. Григорьева М.А. Проблематика копирования и понимание современного искусства в условиях техногенного развития общества: «в мире множественного числа» // KANT. - 2020. - №1(34). - С. 137-143. EDN: IIQPEM.
3. Григорьева М.А. Расщепление коммуникативного поля на шум и молчание: трудности диалога и разобщение // KANT. - 2020. - №4(37). - С. 253-260. EDN: ASCPWC.
4. Флюссер В. Мой Атлас / пер. с англ. М.А. Григорьевой // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 4-9. EDN: BOTCVZ. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-16.1
5. Barglow R. The crisis of self in the age of information. – London: Routledge, 1994. - 227 p.
6. Bauman Z. Desert spectacular // The Flaneur (RLE Social Theory) / ed. by Keith Tester. - Routledge, 2014. 216 p. - Pp. 138-157.
7. Benjamin W. The work of art in the age of mechanical reproduction // In: Illuminations / ed. by Hannah Arendt, trans. by Harry Zohn, from the 1935 essay. - New York: Schocken Books, 1969. - 26 p.
8. Bollnow O.F. Human space / translated by Christine Shuttleworth, edited by Joseph Kohlmaier. - London: Hyphen Press, 2011. - 158 p.
9. Dardel E. Man and the Earth: the nature of geographical reality [L'Homme et la Terre: Nature de la Réalité Géographique] (published by Presses Universitaires de France in 1952, trans. by Edward Relph in 1973 with revisions in 2022). - 30 p.
10. Flusser V. Einleitung // Wohnung beziehen in der Heimatlosigkeit (Heimat und Heimatlosigkeit – Wohnung und Gewohnheit) // Bodenlos: eine philosophische Autobiographie / Vilem Flusser. Mit einem Nachw. von Milton Vargas und editorischen Notizen von Edith Flusser und Stefan Bollmann. - 1. Aufl., 1. 3. Tsd. Diisseldorf; Bensheim: Bollmann, 1992. (Bollmann Bibliothek; Bd. 10). - 320 p.
11. Lasn K. The cult you're in // In book: Culture jam: the uncooling of America / Kalle Lasn. – 1st ed. - New York: Quill, 2000. - 260 p. - Pp. 51-58.
12. Nancy J.-L. Être singulier pluriel. Éditions Galilée, 1996. - 224 p.
13. Relph E. Place and Placelessness. - London: Pion, 1976. - 156 p.

© Григорьева Марина Анатольевна (info@stavrolit.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ЗАПОЛЯРЬЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ

Татевосян Ашот Генрикович

Профессор архитектуры,

Мурманский Арктический Университет;

Член-корреспондент Российской Академии Художеств;

Член-корреспондент Российской Академии

Естественных Наук

tatev_art@mail.ru

HISTORY OF SOLVING THE PROBLEM OF FORMING VISUAL IMAGES OF THE POLAR REGION IN THE CONTEXT OF NATURAL LANDSCAPE AND ETHNO- CULTURAL UNIQUENESS

A. Tatevosyan

Summary: This article deals with the research of visual images of the Polar region taking into account the severe natural landscape, traditions and ethno-cultural originality.

Keywords: visual images of the Polar Region, art of the Polar Region, natural landscape of the Polar Region, ethno-cultural uniqueness of the Polar Region.

Аннотация: В данной статье рассмотрены исследования визуальных образов Заполярья с учетом сурового природного ландшафта, традиций и этнокультурного своеобразия.

Ключевые слова: визуальные образы Заполярья, искусство Заполярья, природный ландшафт Заполярья, этнокультурное своеобразие Заполярья.

Введение

Вопросы изучения природы визуальных образов активно вошли в современные исследования теории и истории искусства и культуры со второй половины XX века. Визуальность как совокупность зримых средств передачи составляет важнейшую область культуры, включающую в себе архитектуру, дизайн, изобразительное искусство, кино и т.д. Конечно, эта тема всегда была в поле исследований культуры, но ее актуальность в Заполярье особенно стала заметна на фоне освоения новых регионов, использования современных инновационных решений, новых подходов диалога человека с природой.

Цель: реализовать исследование визуальных образов Кольского Заполярья с учетом сурового природного ландшафта, традиций и этнокультурного своеобразия.

Задачи:

- рассмотреть сущность визуальных образов как способа слияния жизнедеятельности человека с природным ландшафтом;
- исследовать особенности этнокультурного своеобразия при создании образов;
- исследовать влияние визуальных образов на природный ландшафт.

Объект – природа и сущность формирования визуальности образов Кольского Заполярья.

Предмет – процессы создания визуальных образов в современном культурном пространстве Кольского Заполярья.

Сущность визуальных образов как способа слияния жизнедеятельности человека с природным ландшафтом

Территория Заполярья характеризуется своим международным характером. В нее входят различные страны, каждая из которых – со своими этнокультурными особенностями.

Ю.Ф. Лукин рассматривает особенности Заполярья на территории России, в т.ч. своеобразие ландшафта. В своей работе автор использует концепт «арктический ландшафт», включающий природную и культурную среду: сушу и моря Северного Ледовитого океана, растительный и животный мир, социум, культуру, экономику и экологию, геополитику. Ландшафтный подход позволяет автору соединить «воедино в одной работе многоликое арктическое разнообразие» [9, с.6].

В России в территорию Заполярья и Крайнего севера входят десятки городов и районов: Воркута, Мурманск, Салехард и др. На Заполярье приходится около 20% территории РФ.

Север, или, если конкретнее, Заполярье, за последние столетия изменилось, в большей степени это кос-

нулось природы и экологии. Прибрежные районы еще больше страдают от повышения уровня моря, что делает их уязвимыми для разрушительных штормовых нагонов и береговой эрозии. Слияние жизнедеятельности человека с природным ландшафтом реализуется во многих формах, в том числе и с помощью визуальных образов: в архитектуре, скульптуре, дизайне среды, изобразительном искусстве. В условиях Заполярья (полярных ночей, экстремальных условий) визуальные образы приобретают специфические особенности.

При этом визуальный образ – это «один из первых образов культуры. Сделать образ зримым, видимым, значит, сделать доступным для понимания другому» [6, с.597].

Визуальные образы Заполярья выражаются через творчество коренных народов: декоративно прикладное искусство, архитектуру, дизайн, скульптуру и т.д.

Таким образом, территория Заполярья имеет уникальный природный ландшафт, природное разнообразие, климат и другие особенности, которые влияют на созданные здесь человеком визуальные образы. По мнению автора, визуальные образы Заполярья являются важной частью этнокультурного пространства России и нуждаются в фундаментальных научных исследованиях.

Особенности этнокультурного своеобразия Заполярья при создании визуальных образов

Арктика, или Заполярье, является родиной для различных групп коренных народов. Каждый из них имеет свои собственные отличительные культуры и языки, историю и экономику, варьирующуюся от оленеводства, натуральной охоты на тюленей и овцеводства до более современных коммерческих видов деятельности, таких как промышленное рыболовство, консервирование лосося, производство древесины, нефтяной бизнес или финансовое предпринимательство. В России так называемые малочисленные народы крайнего севера включают чукчей, эвенов, эвенков, ненцев, нивхов, саамов, саха и ханты. Часто на своих языках они себя называют просто «народ».

О.С. Тупахина свое исследование посвятила хэяхинской культуре, памятники которой находятся в Западносибирском Заполярье (преимущественно в Ямало-Ненецком автономном округе). В своей статье автор описывает памятники хэяхинской культуры, а именно керамику и ее орнамент: «Основным элементом орнамента являются мелкоструйчатые отпечатки линейных штампов. Такими оттисками сделаны зигзаги, горизонтальные линии, решетчатые композиции, заполнены треугольные фестоны и мозаично расположенные квадраты. Большую роль в орнаментации играют круглые ямки. Они находятся на углах зигзагов, треугольников и

квадратов, образуют самостоятельные пояса» [15, с.197]. Также описаны особенности жилища этих народов: «Котлован жилища имеет пологие стенки и глубину около 0,4 м от древней поверхности. Дно отмечено несколькими прослойками черного погребенного дерна, свидетельствующими о неоднократном, возможно, сезонном заселении. Заполнение представляет собой рыхлый розово-серый песок, с большим содержанием углей и охры» [15, с.198].

А.В. Федотова изучала изобразительное искусство Кольского Заполярья с акцентом на периоде «перестройки». Автор описывает основные темы изобразительного искусства местных художников: промышленное освоение Севера; труд рыбаков, строителей, портовиков; индустриальные ландшафты северных городов, порты, корабли и т.д. Автор выделяет влияние искусства аборигенного населения на культуру региона, а также особенности творчества мурманских художников в советский период и в «перестройку» [16, с.167].

Н. Лобанова посвятила ряд трудов изучению карельских петроглифов [8, с.197]. Карельское наскальное искусство относится к уникальному культурному достоянию Северной Европы. Оно отражает в специфической форме духовную и повседневную жизнь древних народов, населявших восточное побережье Онежского озера и нижнее течение реки Выг в юго-западном Прибеломорье. Они расположены на расстоянии около 325 км друг от друга. Эти находки также описаны в книгах, энциклопедиях и научно-популярной литературе во всем мире. А.М. Линевский, писатель и археолог, написал книгу для детей, основанную на фактах, запечатленных на петроглифах. Книга стала всемирно известной.

Карельские петроглифы были созданы в эпоху неолита, около 5500-6000 лет назад. По мнению многих исследователей, они могут быть связаны с так называемой культурой ямочно-гребенчатой керамики раннего и позднего неолита, конец 5-го/4-го - начало 3-го тысячелетия до н.э. Вокруг скоплений петроглифов были обнаружены многочисленные стоянки этой культуры (и кладбище).

Н. Лобанова пишет о базе карельских петроглифов, которую удалось сформировать к настоящему времени. Также автор настаивает на проведении широкомасштабной информационной кампании для местного населения. По ее мнению, они должны получать информацию о памятниках, учиться уважать древнее искусство, беречь петроглифы и окружающую природу. Подлинное сохранение наскального искусства для будущих поколений требует целого комплекса серьезных мер со стороны государства, привлечения других государственных субъектов, частных лиц и достаточного финансирования.

Тимофеева В.В. в своей статье рассказывает о мифо-

семиотике в современном искусстве (на примере творчества юкагирского графика Н.Н. Курилова) [10, с.264]. В ней она описывает искусство юкагириков, которое является малоизученным в современной науке. На примерах творчества Н.Н. Курилова автор показывает сходство его техники с пиктографическим письмом: «Рисунки древних юкагириков на бересте отличаются особой манерой стилизации и методы компоновки, которые выражают с предельной лаконичностью сложные идеи и понятия. Современный автор использует подобный метод и образный язык. Внутреннюю форму культурных знаков отличает национальное своеобразие, причем значение символов довольно универсально» [10, с.264].

Также В.В. Тимофеева рассматривает творчество якутских художников. В своей статье автор анализирует художественный процесс как «один из способов воспроизводства, репрезентации, трансляции и трансформации этнических символов и их содержания, адаптации их к новым условиям поликультурного бытования» [11, с.42]. Также автор раскрывает особенности композиции, отличающейся аналитически четким построением, умением находить идеальные соотношения пятен и линии на плоскости, ёмкостью образа, достигаемой за счёт концентрации художественных средств, в том числе образно-выразительных метафор.

И.А. Травин изучал декоративно-прикладное творчество саамов (коренного народа Кольского полуострова). Оно, как и у карелов, в эпоху палеолита было основано на массовой культуре петроглифов (например, рукотворное изображение оленя выбивалось на камнях). Позднее петроглифы сменились на другие изображения, нанесенные на дерево, кожу, ткань [14, 263-266].

Образ северного оленя оставался одним из самых популярных визуальных образов декоративно-прикладного творчества саамов на протяжении длительного периода. Также олень был частью декоративных изображений на предметах быта.

В целом, декоративно-прикладное творчество саамов, по мнению А.Я. Горбачевой, включает: меховую мозаику, аппликацию, ткачество, вышивку бисером, резьбу по кости и дереву и тиснение [3, с.234-238].

Рисунки, вырезаемые ножом на кости и дереве, рисунки, тисненные на берестяных изделиях, носили орнаментальный характер.

Как считает А.Я. Горбачева, «характерная черта саамского орнамента – ярко выраженный геометрический стиль. Реалистическая его основа орнамента предельно стилизована, что не позволяет приблизиться к понятию о предметах, которые послужили основой для подражательной стилизации. В саамском орнаменте нет собственных многим народам вариаций древесных расте-

ний, животных или атрибутов» [3, с.234].

Орнаменты саамов по своим формам можно разделить в три основные группы: ромб и квадрат; треугольник, зигзаг, ломаная прямая линия; круг, розетка, звезда, крест. Квадрат означает четыре стороны света, ромб – Землю, треугольники – горы, рогатины – рога северного оленя — источник и благополучия.

По тематическим группам орнаменты саамов можно классифицировать следующим образом: человек (хорошо, треугольник как символ триединства Вселенной); природа, природные явления (солнце, вода); животный мир (птицы, лисы, бабочки, олени); быт (жилище, лодка, рыболовная сеть); религиозные предметы (свеча, крест).

Саамы орнаментировали резьбой почти все деревянные предметы домашнего обихода, рыболовецкого, лесного, оленеводческого хозяйства. Орнаментальная резьба по дереву, несмотря на разнообразие технических приемов и украшаемых изделий, состоит главным образом из простейших геометрических прямо- и криволинейных фигур.

Резьбой по кости украшались кожаные ремни для верхней одежды и различные хозяйственно-бытовые изделия, сделанные преимущественно из оленьего рога. Узоры, характерные для резьбы по кости, представлены, в основном, геометрическими фигурами, и иногда – растительными узорами [5, с.62].

Таким образом, по мнению автора, визуальные образы в искусстве этнических народов Заполярья представляют собой широкий научный интерес. Большую роль в искусстве коренных народов играл орнамент, который представлял собой набор символов, выраженный преимущественно геометрическими фигурами или реалистичными образами.

Влияние визуальных образов на природный ландшафт Заполярья

Как пишет В.Б. Бакула, «искусство северных народов – это искусство, рожденное на снегу» [1, с.4]. Экстремальные погодные условия, долгие месяцы снежного покрова и полярных ночей вызывали потребность у северных народов использовать в создании визуальных образов архитектуры, скульптуры и дизайна яркие краски и разнообразие форм. Снежный покров в полярный день давал много света, а в полярную ночь свет отсутствовал вовсе. «В орнаменте саамов отразились все основные силы природы, много символов, связанных с основными промыслами народа, такими как охота, рыболовство, собирательство» [1, с.3].

В декоративно-прикладном искусстве при подборе мехов особым предпочтением пользовался белый цвет.

Любимый цвет саамов и наиболее распространенный в художественных изделиях – красный. Возможно, что особая симпатия к красному цвету выработалась в результате длительного употребления настоя ольховой коры, имевшего не только практическое, но и религиозно-очистительное значение. Вторым, наиболее часто встречающимся цветом, является желтый, и, наконец, синий. Реже встречаются зеленые цвета, при полном почти отсутствии в украшениях других цветных суконов. В основном обычная гамма цветов на сбруе, одежде и бытовых предметах состоит из красного, желтого и синего [4]. Это позволяло добавить много ярких красок в северный заснеженный ландшафт.

Фактура изделий, бытовой утвари, носила характер природных материалов, из которых они были сделаны: шкуры животных, дерево, кости животных, олени рога.

Саамы, проживающие на Кольском полуострове, возводили три типа традиционных жилищ, различных по форме. Самым распространенным была вежа, которая представляла собой устойчивую постройку из жердей, внутри которой располагался очаг.

Более совершенной являлась тупа, или пэрт, где и пол, и потолок, и стены делали из брёвен и досок. Это жилище считалось в разы благоустроеннее веж, но в обиход лопарей вошло намного позже.

Третий тип — кувакса, к постройке которой прибегали во время кочёвок.

Особенный интерес с точки зрения искусствоведения представляют собой вежи. Исследователями выделяется ее природное начало. Летом, когда дерн, покрывающий вежу, зарастает свежей травой, она становится похожей на зеленый холм, и визуально становится частью природного ландшафта [2, с.1-7].

У других народов Заполярья (ненцев, эвенков и др.) чум стал основным видом жилища. Он представлял собой конический шалаш из жердей. Зимой он накрывался шкурами оленя, изюбра или лося, сшитыми в полотнища. Летом — вываренной берестой или корой, иногда парусиной или мешковиной. В центре чума находился очаг, по обе стороны от входа — места для сна.

Яранга — шатер в виде усеченного конуса использовалась в качестве жилища чукчей, коряков, эвенов и др. Деревянный остов покрывали шкурами оленей, сшитыми обычно в два полотнища. Края шкур накладывали один на другой и скрепляли пришитыми к ним ремнями. Очаг находился в центре яранги, под дымовым отверстием. Изнутри полог освещался и отапливался светильником-жирником.

Для украшения жилищ коренные народы использовали бересту, которой покрывали внешние части летнего жилища и мебель, что внешне позволяло жилищам сливаться с природным ландшафтом.

В целом, данные виды жилищ внешне не украшались, элементы декора можно было встретить уже внутри на предметах быта, деревянной мебели.

Позднее народы Заполярья, например, на Кольском полуострове, стали возводить 1-2 этажные деревянные постройки и церкви (в XVI в.). Эти постройки уже могли украшаться резьбой по дереву, различными ставнями и т.д.

Таким образом, визуальные образы в искусстве народов Заполярья были связаны с природным ландшафтом: яркие краски позволяли разнообразить снежные покровы, а фактура изделий происходила от природных материалов, из которых они были сделаны. Архитектура коренных народов органично вписывалась в природный ландшафт: так, вежи, жилища саамов, напоминали зеленые холмы.

Заключение

В данной работе были рассмотрены визуальные образы Заполярья в контексте природного ландшафта и этнокультурного своеобразия.

Слияние жизнедеятельности человека с природным ландшафтом реализуется во многих формах, в том числе и с помощью визуальных образов: в архитектуре, скульптуре, дизайне среды, изобразительном искусстве. В условиях Заполярья (полярных ночей, экстремальных условий) визуальные образы приобретают специфические особенности.

Экстремальные погодные условия, долгие месяцы снежного покрова и полярных ночей вызывали потребность у северных народов использовать в создании визуальных образов яркие краски и разнообразные формы, а также различные орнаменты.

Образ северного оленя оставался одним из самых популярных визуальных образов декоративно-прикладного творчества саамов на протяжении длительного периода. Фактура изделий определялась природными свойствами материалов, из которых они изготавливались.

В целом, по мнению автора, визуальные образы Заполярья несут уникальный характер и несут в себе большой потенциал для их исследования в контексте взаимосвязи с природными и этнокультурными особенностями региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакула В.Б., Васильева А.В. Картина мира саамов Кольского полуострова в лексике орнамента // Общество: философия, история, культура. – 2014. - №2. – С.1-4.
2. Бодрова О.А. Особенности репрезентации визуальных аспектов культуры кольских саамов (на материале этнографических источников начала XX вв.) // Вестник Кольского научного центра РАН. – 2013. - №3. – С.1-7.
3. Горбачева А.Я. Реализация стилистических особенностей декоративно-прикладного искусства саамов в современных объектах дизайна // Креативные индустрии Арктического региона: опыт и перспективы развития. Материалы II Международного форума. - 2019. - С. 234-238.
4. Изобразительное искусство саамов // Арктический многоязычный портал. URL: <https://arctic-megapedia.com/blog/2020/12/03/%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D1%81%D0%B0%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2/> (Дата обращения: 1.07.2023)
5. Косменко А.П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2002. — 218 с.
6. Кривошлыкова М.В., Назарычева А.И., Питько О.А. Специфика восприятия визуальных образов в культуре // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 4 (часть 3) – С. 597-600.
7. Лобанова Н. Петроглифы Карелии. – М.: Северный Паломник, 2019. – 196с.
8. Лобанова Н.В. Петроглифы Карелии в контексте их взаимосвязи с окружающим ландшафтом. Наследие и современность. – 2022. - №5(4). – С.406-425.
9. Лукин Ю.Ф. Многоликая Арктика в потоке времени и смыслов. Научно-обзорное издание. — Архангельск: Изд. дом им. В.Н. Булатова САФУ, 2019. — 241 с.
10. Тимофеева В.В. Мифосемиотика в современном искусстве (на примере творчества юкагирского графика Н.Н. Курилова) // Культура Арктики. Коллективная монография. — Якутск: Северо-Восточный федеральный университет, 2014. — С.264-270.
11. Тимофеева В.В. Три образа Арктики в изобразительном искусстве Якутии // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. - 2022. - № 3 (12). - С. 42-49.
12. Тимофеева, В. . Образ мира в живописи и графике Якутии XX века: монография. - Якутск: Нац. худож. музей Республики Саха (Якутия), 2006. - 175 с.
13. Тимофеева, В. . Современное искусство Арктики сквозь призму традиционных мировоззренческих представлений оленеводов-кочевников (на примере творчества юкагирского графика Н.Н. Курилова) // Традиционная культура кочевых народов в системе художественного образования: материалы науч.-твор. конф. - Якутск: АГИИК, 2014. - С. 109-114.
14. Травин А. Формирование образов в декоративно-прикладном искусстве саамского (древнесаамского) населения в процессе миграции // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых. – 2021. – С. 263-266.
15. Тулахина О.С. Новые материалы хэяхинской культуры западносибирского Заполярья // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Ханты-Мансийск. — Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. — 488 с.
16. Федотова А.В. Феномен «перестройки» в развитии художественной культуры Кольского Заполярья // Общество. Среда. Развитие 2011 №03 (20). – С.167-171.
17. Kaplan S., LeMoine G. Peary's Arctic Quest: Untold Stories from Robert E. Peary's North Pole Expeditions. - Down East Books, 2019. — 208 p.

© Татевосян Ашот Генрикович (tatev_art@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН МУЗЫКИ

Фетисова Евгения Николаевна

*К.ф.н, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск
evseneya@mail.ru*

ART THERAPEUTIC PHENOMENON OF MUSIC

E. Fetisova

Summary: The article analyzes the existential aspect of the art therapeutic method using music as an example. An approach is used where music is both a mechanism for sublimating suppressed feelings and emotions into positive ways of expressing feelings, and an art therapist. In this case, a person as an existence is face-to-face with music, passes it through himself and starts the process of existential healing.

Keywords: art therapy, existential value, philosophy of music, existential experience, musical harmony, spiritual culture, the unconscious.

Аннотация: В статье анализируется экзистенциальный аспект арт-терапевтического метода на примере музыки. Используется подход, когда музыка является одновременно и механизмом сублимирования подавленных чувств и эмоций в позитивные способы выражения чувств, и арт-терапевтом. В этом случае человек как экзистенция находится тет-а-тет с музыкой, пропускает ее через себя и запускает процесс экзистенциального оздоровления.

Ключевые слова: арт-терапия, экзистенциальная ценность, философия музыки, экзистенциальный опыт, музыкальная гармония, духовная культура, бессознательное.

Арт-терапия, как психологический метод, возник еще в 1938 г., когда талантливый британский художник Адриан Хилл в санатории для лечения туберкулезных больных и раненых солдат обратил внимание на важный факт: больные быстрее шли на поправку с помощью уроков рисования. Хилл сделал открытие, суть которого заключалась в терапевтическом воздействии искусства на больных. В частности, рисование помогало уменьшить телесные и душевные страдания пациентов, привнести в их жизнь некий положительный экзистенциальный опыт. Больные отвлекались от тягостных мыслей путем сублимации их в творчество.

Хилл вступил в Британское общество Красного Креста и стал пропагандировать свой метод, который стал называть арт-терапевтическим. Возможно, что сам термин принадлежит Адриану Хиллу, но доподлинно это не известно. В своей знаменитой книге «Искусство против болезней», опубликованной в 1945 г., автор уже употребляет термин «арт-терапия», сущность которого описывал практически во всех своих произведениях. Хилл добился разрешения использовать арт-терапию по всей стране. Команда единомышленников Хилла доставляла в больницы репродукции известных картин, рассказывала больным историю произведений, освещала биографии художников. Пациенты побуждались к самостоятельному рисованию. Повсеместно фиксировались положительные сдвиги в динамике их выздоровления.

К середине XX в. данная практика была перенесена в психиатрические больницы, в большей мере благодаря художнику Эдварду Адамсону. В течении 35 лет он собрал уникальную коллекцию рисунков, скульптур, картин и т.п., которая полностью создана пациентами психиатрических клиник. Данная коллекция стала отличным

научным материалом для дальнейшего развития арт-терапевтических методов по всему миру.

В 1964 г. в Британии была основана ассоциация арт-терапевтов, а Адриан Хилл стал ее президентом. Далее популярность нового метода развивалась стремительно, и уже в 1969 г. свой устав утверждает Арт-терапевтическая ассоциация Америки.

Вплоть до 80-х гг. XX в. арт-терапию, в основном, рассматривали как метод психотерапии, связанный с выражением эмоций и иных глубин человеческой психики через разные виды искусства с целью изменения состояния и структуры мироощущения в сторону положительной динамики.

Ситуация кардинально изменилась к концу XX в., когда мир окончательно, если можно так сказать, оцифровался, впал в гуманитарный кризис, увеличилось число межнациональных конфликтов, мировоззрение в целом претерпело большие метаморфозы, и процесс этот продолжается. Все некогда цементирующие основы политической и духовной жизни социума вырождаются, на их месте еще не закрепились новые основания. Как следствие, ценностно-мировоззренческая ориентация личности в современных реалиях не просто усложняется, но и несет в себе деструктивные элементы, пагубно влияющие на качество жизни людей и целых государств.

Жизнь отдельного человека, его проблемы и предпочтения, ценности и пути преодоления личных невзгод вновь становятся важными и значимыми. Вот почему экзистенциальные идеи на сегодняшний момент не утрачивают своей актуальности, но и становятся одними из самых перспективных философских концеп-

ций. Арт-терапевтический метод из психологического постепенно становится экзистенциальным, даже экзистенциально-гуманистическим, помогающим индивиду преодолеть негативные аспекты собственной сущности, раскрыть позитивные акценты эмоциональной природы. На сегодняшний день арт-терапия представляет из себя независимую дисциплину, которая применяется в разных областях жизни человека [3].

В рамках данной статьи анализируется экзистенциальный аспект арт-терапевтического метода на примере музыки. Причем музыка одновременно выступает в роли терапевта. То есть, рассматривается тот случай, когда не требуется живой проводник (в нашем случае арт-терапевт), а сама музыка является одновременно и самым волшебным механизмом сублимирования подавленных чувств и эмоций в позитивные способы выражения чувств, и таким своеобразным арт-терапевтом. Т.е. отдельный человек как экзистенция находится тет-а-тет с музыкой, пропускает ее через себя и запускает процесс экзистенциального оздоровления. В статье рассматривается не только музыка-мелодия, но мелодия с наложенным на нее текстом, или наоборот.

Буквально арт-терапия переводится как «излечение творчеством». В нашем случае человек не творит музыку, а творит некое поле, которое создает благодатную почву для экзистенциального оздоровления внутреннего мира индивида.

Основной теоретической базой арт-терапии является классический психоанализ Зигмунда Фрейда и его идеи сублимации. Фрейд один из первых проанализировал зависимость человеческого поведения от иррациональных установок и влечений, которые могут сформироваться в самом раннем детстве под воздействием, например, сильных эмоциональных потрясений. По мере взросления индивид воспринимает реальность по-другому, «через ум». Но бессознательные установки начинают конфликтовать с сознательными новыми предпочтениями, что ведет к ухудшению качества жизни, а порой к серьезным психическим проблемам. Фрейд считал, что вытесненный материал должен быть заново осознан человеком. Для этой цели и служат особые методики, лежащие в основе психоанализа. На современном этапе арт-терапию можно рассматривать в качестве психоаналитического инструмента.

Так, в арт-терапии важна часть психики, которую называют «предсознательное». Если в бессознательной части психики процессы не осознаны и находятся, зачастую, в состоянии конфликта с сознанием, то предсознательное – это потенциально осознаваемая часть, при условии направления на нее внимания. Позднее Фрейд предложил структурную модель психики, включающую Ид, Эго и Суперэго. Суперэго выполняет роль строгого

контролера, не пускающего в сознание вытесненные события и установки.

Подавленные влечения, переживания, страхи могут прорываться в реальность по мнению Фрейда через описки, оговорки, сновидения и т.п. Следуя этой концепции, мы можем утверждать, что музыка способна достигать до очень интимных ценностных установок человека, его неосознанных страхов, чувств и переживаний. Когда человек окунается в музыку, которая резонирует с его душой, здесь и происходит терапия [2]. Основатель стиля регги, Боб Марли так высказался о лечебной способности музыки: «В музыке есть прекрасная вещь — когда она попадает в тебя, ты не чувствуешь боли». Если на музыку накладывается текст на понятном клиенту языке, терапевтический эффект может быть потрясающим. И музыка, и поэзия символичны. Они не переводимы на обычные языки, которые имеют строгую логику. В поэзии логики нет, в музыке логики нет. Но есть много интуитивного, бессознательного, архетипичного, сотканного из символов. Ричард Вагнер по этому поводу высказался так: «Я убежден, что есть универсальные потоки Божественной мысли, вибрирующей эфир всюду, и что любой, кто может чувствовать эти колебания, вдохновлен». Любое искусство имеет много вариантов понимания заложенных в него символов. Музыка и поэзия несут в себе бесконечность смысла. Это одно из объяснений арт-терапевтического эффекта этого вида искусства: музыка плюс поэзия [1].

Музыка способна задеть любые струны души, заставить зазвучать человека очень красиво, меняя его экзистенциальные основы с учетом нового опыта в более комфортную сторону. Музыка способна приоткрыть створку в Суперэго, выпустить деструктивную установку, окрасить ее новыми осознанными смыслами, сублимировать в позитив [7].

П.А. Флоренский писал: «Музыка пользуется материальным, <...> податливым всякому мгновению творческой воли. Звуки беспредельно податливы и способны запечатлеть собою пространство любого строения. Но именно потому музыкальное произведение оставляет слушателю наибольшую степень свободы и, как алгебра, дает формулы, способные заполняться содержаниями почти беспредельно разнообразными» [8, с.315].

Поэтому музыка безгранична в своих смыслах, и каждый может найти в ней для себя то лечебное упоение, которого невозможно достичь через логику, через ум. Например, экзистенциальную тревогу, как правило, сложно разложить по полочкам через логику в каждом конкретном случае. На то она и носит экзистенциальный окрас, для каждого человека свои тона и нюансы. Но основывается данная тревога на небольшом наборе про-

блем, осмысленных каждым по-своему: проблемы свободы, ответственности, выбора; жизни и смерти; любви и одиночества; смысла жизни. Эти экзистенциальные данности можно разбить на более мелкие, но все равно их количество будет ограничено. А вот интерпретация смыслов этих проблем может быть бесконечно большим. Искусство способно через своеобразный исцеляющий диалог с человеком приблизить его к некой золотой середине в осознании себя и своего места в мире [5].

Музыка является для всей культуры в целом важной экзистенциальной ценностью, неким довербальным искусством, «знающим» самые основы психического бытия человека. Через нее человек изначально делился всеми переживаниями, радостями и горестями. Через музыку люди учились понимать друг друга на духовном уровне. Нет ни одного, даже самого короткого промежутка в истории, где не царил бы музыка. Она традиционно выполняла целый ряд функций: мировоззренческая, этическая, эстетическая, гносеологическая, онтологическая, аксиологическая, коммуникативная, терапевтическая и др. Несомненно, что терапевтическая функция всегда играла важную роль. Как говорилось выше, музыка способна создавать интимное пространство, когда слушатель без опасения быть подслушанным, интуитивно проживает болезненные ситуации наилучшим образом. Как сказал великий Бетховен: «Музыка — это откровение более высокое, чем мудрость и философия». Ему вторит не менее великий Бах: «Цель музыки — трогать сердца».

По Фрейду основной задачей психоанализа является

погружение вглубь переживаний человека, в его бессознательное, выявление травм, негативных поведенческих установок и т.п. Но большинство людей не ходят ни к психологам, ни, тем более, к психотерапевтам. Многие боятся таких визитов, не верят в их продуктивность. На помощь в таких ситуациях и приходит арт-терапия, которая уже давно вышла за рамки статуса психологического метода. Слушатель может ничего не знать об арт-терапии, но при прослушивании музыки, которая его вдохновляет, все равно получать терапевтический эффект.

На сегодняшний момент под арт-терапией все-таки понимается лечение изобразительным творчеством с целью воздействия на психоэмоциональное состояние клиента через посредника арт-терапевта. Целью же настоящей статьи было осветить тот факт, что музыкальное произведение само может выступать в роли такого посредника.

Через музыку человек интуитивно и бережно ощущает связь со своим Я, единение с миром, свое предназначение, смысл жизни. Музыка является универсальной и созидательной силой в бытии человека, архаичным искусством, вмещающим все экзистенциальные аспекты его внутреннего мира. Музыка способна особым образом доносить до человека гармонию всего сущего, преобразовывать духовно-психологическую сферу сознания, побуждать его к рефлексии, духовному росту. Музыка – своеобразный арт-терапевт, заслуги которого бесценны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремов Л.М. Экзистенциализм в литературе и искусстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4). С. 117-120.
2. Заховаева А.Г. Философские основы музыкальной терапии // Музыка и время. 2005. №9. С. 14-15
3. Заховаева А.Г. Искусство и медицина: грани взаимодействия (искусство, которое лечит истерзанное «Я») // Вестник психотерапии. 2005. № 13 (18). С. 123-129.
4. Ирхен И.И. Ценностно-мировоззренческая ориентация личности: опыт культурной концептуализации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. №7. С. 257-261.
5. Приходовская Е.А., Окишева А.А. Музыка в ее возможностях формирования человеческой экзистенции // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. №40. С. 184-189.
6. Сиднева Т.Б. Музыка в философии экзистенциализма // В сборнике: Концепты языка и культуры в творчестве Франца Кафки. Под ред. Б.С. Гецелова и др., Н. Новгород. 2005. С. 220-225.
7. Фетисова Е.Н. Экзистенциальная терапия рок-музыки (на примере «русского» рока) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 5. С. 105-107.
8. Флоренский П.А. Анализ пространственности в художественно-изобразительных сочинениях // У водоразделов мысли. Т. 1. Статьи по искусству. Paris. 1985. 329 с.

© Фетисова Евгения Николаевна (evseneya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XX В. (СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Фетисова Евгения Николаевна

*К.ф.н, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск
evseneya@mail.ru*

EXISTENTIAL MOTIVES IN RUSSIAN MUSICAL CULTURE OF THE TWENTIETH CENTURY. (SOVIET PERIOD)

E. Fetisova

Summary: The article analyzes existential motives in the music of the Soviet period of Russian culture. The emphasis is placed on the fact that existentialism initially powerfully declared itself in the works of Russian thinkers of the Silver Age, including the brilliant composers of pre-revolutionary Russia. The music of the Russian diaspora of the first wave is analyzed, which preserved the national musical trends laid down by Rachmaninov and Scriabin. The features of Russian music are considered within the framework of socialist realism.

Keywords: existence, philosophy of music, existential experience, borderline state, value norms, choice, freedom, loneliness.

Аннотация: В статье анализируются экзистенциальные мотивы в музыке советского периода русской культуры. Делается акцент на том, что экзистенциализм изначально мощно заявил о себе в произведениях российских мыслителей Серебряного века, включая гениальных композиторов дореволюционной России. Анализируется музыка русского зарубежья первой волны, сохранившая национальные музыкальные тенденции, заложенные Рахманиновым и Скрябиным. Рассматриваются особенности русской музыки в рамках социалистического реализма. Под русской музыкой понимается российская музыка на русском языке.

Ключевые слова: экзистенция, философия музыки, экзистенциальный опыт, пограничное состояние, ценностные нормы, выбор, свобода, одиночество.

В философии XX в. царствовал экзистенциализм. Именно это направление четко сняло слепок с тех глубоких потрясений, которые постигли общество в прошлом веке. Несколько раз человечество было не просто на краю пропасти, это были пограничные ситуации, сопровождающиеся апокалиптическим страхом, последствия которого необходимо было теоретически обосновать, вплоть до определения новой грани предметной области философии. Экзистенциальный анализ делает предметом своего изучения бытие человека, которое открыто и самому человеку, и миру, без которого это бытие невозможно. Данная область включила в себя такие основные вопросы как отчуждение человека, проблемы бытия мира и человека, его существование и сущность. В свою очередь, эти вопросы касаются таких важных тем как жизни и смерть, свобода и ответственность, абсурдность и действительность, любовь, одиночество, смысл жизни, аутентичность и истинность и многие другие.

В настоящей статье делается акцент на экзистенциальных идеях русской культуры XX в., которые помогали каждому отдельному человеку формировать свою экзистенцию через более качественные действия и выборы. Эти идеи рассматриваются на примере влияния экзистенциальных тем и мотивов на русскую музыку XX в. в советский период. Под русской музыкой понимается именно российская музыка на русском языке.

Экзистенциализм изначально очень мощно заявил себя в произведениях российских мыслителей Серебряного века Льва Шестова и Николая Бердяева. Именно эти философы создают раннюю форму экзистенциализма еще накануне первой мировой войны. Затем идеи уникальности человеческого бытия подхватили немецкие мыслители, и чуть позже французские. Но, опять же, на них мощное влияние оказали произведения великого русского мыслителя Ф.М. Достоевского, которого Сартр называл основоположником экзистенциализма, а Камю в двадцать лет определился с философскими предпочтениями именно после духовных потрясений от прочтения трудов русского гения [4].

В XX в. идеи экзистенциализма становятся одними из самых востребованных. Этому способствовали достаточно серьезные кризисные события прошлого века, повлиявшие как на мир в целом, так и на каждого отдельного человека. К основным относятся две мировые войны; реальная возможность ядерной катастрофы; постоянные локальные военные конфликты, держащие в напряжении многие страны; экологический кризис, способный перерасти в экологическую катастрофу, из которой человечество не сможет выйти; издержки процессов глобализации, а именно: потеря культурного разнообразия, исчезновение малых этносов, уникальных языков, утрата их культурного наследия, принятие общей моды (на кино, книги, людей, музыку, одежду и т.п.); падение нравов; экономический кризис; очень сильные

и мгновенные перемены в социуме за счет внедрения цифровых технологий и многое другое.

Все это не просто катастрофически меняло жизни каждого отдельного человека, но и меняло философские установки в пользу обоснования уникальности бытия внутреннего Я. И эта уникальность высвечивалась именно в катастрофические кризисные времена, когда человек вопреки всему способен через обретение внутренней свободы вновь быть счастливым. Пограничная ситуация сопровождается страшным потрясением для каждого отдельного человека: привычной жизни больше нет, все любимое и принятое как «мое» исчезло, разбилось вдребезги, вокруг экзистенциальный хаос. В пограничной ситуации человек не может находиться долгое время, он начинает отпускать старую реальность и творить новую, брать под контроль, прежде всего, свой внутренний мир, свои ситуационные переживания в новых условиях.

В культуре XX в. экзистенциальные идеи отразились предельно сильно. Философия, литература, музыка, живопись, театр и кино, фотография и т.п., все это экзистенциально преобразилось, приобрело черты того, что мы называем современной культурой. Искусство всегда было наполнено осознанием внутреннего бытия человека в мире. Но только в XX в. такое бытие было концептуально оформлено, и через экзистенциализм появилась возможность описать современное искусство.

Русская музыка уже на рубеже IX-XX вв. обращалась к теме поиска смысла своего существования, тоски, трагизма, безысходности. Композиторы через творчество сублимировали в музыку свой личный опыт, сокровенные экзистенциальные обрывки своего Я. Особое место здесь занимают лирические камерно-вокальные произведения М.П. Мусоргского, которые могут считаться исповедью композитора. Одновременно, все его личные переживания, такие как вселенская тоска, страдания из-за разбитых надежд и собственной недооцененности, отражали и внешний мир, связывая автора с другими одиночествами, испытывающими такие же чувства. Но другие не могли свои экзистенциальные переживания сублимировать, а Мусоргский мог это делать через музыку. И этот факт является главной составляющей успеха гения. Его Я звучит в музыке, которая резонирует с Я Другого. Самыми известными в экзистенциальном смысле, если можно так сказать, произведениями Мусоргского являются вокальные циклы «Без солнца» (1874) и «Песни и пляски смерти» (1875-1877) на слова поэта А.А. Голенищева-Кутузова. Не менее сильное произведение – цикл «Без солнца» (1874), где композитор настолько сильно музыкально оформил стихи А.А. Голенищева-Кутузова, что проблема одиночества высветилась как достойная философского обоснования. Герой данного произве-

дения испытывает тоску и боль от своей оторванности от мира, он чувствует себя сторонним наблюдателем, печальным созерцателем, которому остаются лишь собственные безрадостные воспоминания. Большинство произведений великого русского композитора пронизано экзистенциальными смыслами.

Также Мусоргский впервые обратился к творческому осмыслению феномена смерти, например в цикле Мусоргского «Песни и пляски смерти». Здесь смерть буквально персонифицирована. В западной философии того времени понятия смерть, одиночество, страх как экзистенциальные феномены были табуированы, вынесены на периферию познания.

Таким образом, Мусоргский предвосхитил идеи XX в. и, наряду с Шестовым, Бердяевым и Достоевским, он может по праву считаться основателем экзистенциализма, но только в музыке.

Еще одним гением русской музыки является П.И. Чайковский, который своим творчеством поднимает проблемы бесконечной тоски, печали, скорби. Его музыка – полная экзистенциальная палитра существования русского человека. Он затрагивает темы отечественного исторического рока (Шестая симфония, 1893), трансцендентальные основания российской судьбы. Чайковский тотально пропускает все это через себя и сублимирует в гениальные произведения, понятные любому человеку мира. Потому что искусство не имеет границ и у него один общий архаический язык для всех людей. Так, гений написал знаменитую симфоническую поэму «Франческа да Римини» (1876) к пятой песне «Ада» Данте, наполнив ее личными экзистенциальными ощущениями бытия русской души, которая способна довести себя до саморазрушения, низвергнуться в ад, чтобы потом восстать из хаоса к духовному свету, к целостной личности. Также в этом и других произведениях Чайковский затрагивает проблему любви как проблему реальности, любовные мучения и радости отдельного человека, которые являются залогом бессмертия. Мастер связывает любовь и смерть, рассматривая любовь как путь, побеждающий смерть.

Если взять все сочинения Чайковского, то в целом он предвосхитил главную тему русского искусства серебряного века – тему гибели романтизма как определенного типа отношения к жизни. Таким образом, Чайковский предвидел и те социально-психологические сдвиги, которые произойдут в XX веке, когда большинство философов будет считать, что осознание бытия не может не быть трагическим.

В начале XX в. в русской музыке прослеживаются онтологические мотивы, связанные с проблемой истоков

бытия. Этому способствовала потребность в переоценке духовных ценностей. В моду вошли категории всеприродного и надвременного. Музыканты вслед за философами проявляли интерес к макрокосму. Особенно это проявилось в таких произведениях как: симфоническая картина А.К. Лядова «Волшебное озеро» (1908), Десятая соната А.Н. Скрябина (1912-1913), Вступление к балету И. Стравинского «Весна священная» (1913). Люди искусства того времени были всесторонне развитыми и отлично разбирались в философских темах, что и отражалось в их произведениях. В частности, среди творческой интеллигенции популярной была концепция взаимосвязанности всего сущего, необъятной пугающей Вселенной, манящей своими бесконечными многочисленными тайнами. И только разум человека способен если не открыть, то приподнять завесу над вселенскими загадками и ощутить свободу человеческого Духа перед лицом бесконечности-вечности. Эта свобода призвана уменьшить страдания, убрать последствия экзистенциальных страхов.

Среди музыкантов особенно ярко выделяется А.Н. Скрябин, которого с ранней юности интересовала философия, особенно онтологические проблемы. Он любил отечественных мыслителей - Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева, С. Трубецкого, К. Бальмонта. Но Скрябин и сам пытался теоретически обосновывать некие новые для русской мысли концепции. К примеру, он заимствует из индийской философии понятие Ничто и анализирует его как начало мира, которое вне всяких определений (поэма «Прометей», 1908-1910). Творчество мира композитор понимает как жертву Бога, вне Бога нет ничего самостоятельного. Весь Мир есть Единство, которое в своей активности не противостоит множеству. Без множества Единое не обнаруживается и остается как чисто потенциальное, непроявленное бытие – Ничто. Здесь чувствуется влияние идей Соловьева об Абсолюте как всеединстве, о порождении Абсолютом своего другого как реальной множественности.

Отсюда тематическая цельность произведений Скрябина. К примеру, «Божественная поэма» (1902–1905), «Поэма экстаза» (1907) и «Прометей» (1908-1910) объединены общей темой: любимый скрябинский мотив переходит из мазурки в поэму, из поэмы в прелюдию, из прелюдии в симфонию. Это свидетельствует о стремлении мастера к цельности художественной программы, подчиненной идее Всеединства, к осуществлению мечты о создании «искусства из одного слитка», способного служить воссоединению с Абсолютным началом. Скрябин говорил об упразднении кажущегося мира, а взамен приобретения единства, целостности. Это должно сделать мир значимым для человека и помочь почувствовать великую ответственность перед Вселенной. Ответственность тесно связана с понятием свободы, а свобода

и есть подлинное бытие. Путь к свободе лежит через метаморфозу культуры в новое бытие. Художник здесь является движущей силой, поскольку он способен через творчество открывать истинную реальность и указывать путь к свободе.

Скрябин считал, что в каждом отдельном человеке заключена целая вселенная, поэтому важно разбирать личные переживания, искать в них космический смысл. Он даже проводил параллель между историей человеческих чувств и историей вселенной.

Философия музыки Скрябина включала в себя и такое важное понятие как Хаос. Это породило новые приемы игры, а именно: тональная неопределенность, отсутствие централизованной гармонии, ахронметрический ритм, хаотичность. Происходит как бы ускользание цели и возникновение Хаоса – мгновенного бытия, где пребывает вневременный и внепространственный Дух. Алогичный, игривый, непредсказуемый Хаос внедряется в бытие человека и в Космос, нарушая логические ряды и создавая случайную гармонию. Эта божественная игра и есть конструктивное творческое начало, дарующее свободу.

Уже во второй пол. XX в. ученые в рамках синергетики связали природу случайности с возможностью возникновения нового, с творческим началом мира. А Хаос из философской категории стал научным понятием. Скрябин не был ни профессиональным философом, ни ученым, но он был гениальным музыкантом, произведения и мировоззренческие изыскания которого доказали эвристическую роль искусства.

Среди творческой прослойки дореволюционной России XX в. очень популярна была идея реального преобразования мира, причем в первую очередь через теургическое творчество, через синтез искусства и религии. К примеру, Соловьев, говоря о чистом искусстве, считал необходимым добиваться таких творческих высот, чтобы человек мог постигать высшие божественные смыслы, а затем возвращаться к земле с любовью и состраданием. Эту идею в музыке воплотил Н.А. Римский-Корсаков в опере «Сказание о невидимом граде Китеже и святой деде Февронии» (1904), где раскрыл силу нравственного начала (через эстетику христианского культа, молитвенное созерцание), побеждающего зло. На произведения Римского-Корсакова большое влияние оказал символизм. Так, в «Сказание о невидимом граде Китеже и святой деде Февронии» действующие лица являются больше символами определенных человеческих качеств, которые впоследствии анализировали философы экзистенциалисты. Например, искусство воспеваешь любовь, вплетает ее в повседневное мировоззрение обычного человека, а религия прививает любовь, закрепляет ее в

статусе качества. В результате этого синтеза рождается любовь к вечности, что и есть теургия.

В 1915 г. появляются великие музыкальные произведения, носящие глубокий философский смысл - кантаты «По прочтении псалма» С.И. Танеева и «Всенощного бдения» С.В. Рахманинова, которые являются вершиной образцам теургического искусства. В них раскрываются такие темы как целостность мира, новое место человека в мире, когда он поставлен перед космическими силами, способными вызывать сильные экзистенциальные переживания, вплоть до признания своего бытия абсурдным и бессмысленным. Этому способствовали научные открытия в мире: изучение микромира, новые знания об атоме и энергии, эволюционные идеи, клеточная теория, новая фундаментальная физическая теория – теория электромагнитного поля, невероятные научные наработки Эйнштейна и т.п. Настало время, когда природа уже не является тем иерархическим порядком, установленным Богом, наука приносит в природу хаос. И это необходимо осмыслить на других основаниях. Переходный период всегда порождает множество пограничных состояний, так любимых искусством. И Танеев, и Рахманинов предлагают развивать духовное начало, под которым понимается соборная связь человека со Вселенной, и это поможет пережить хаос, уйти от власти иррациональных стихий. Музыка подобно иконе через гармонию звуков выводит слушателя в трансцендентное бытие, дает возможность испытать сильный трансформирующий духовный опыт обычному человеку.

В это время шла первая мировая война, породившая сильную тревогу и хаос разрушения. В музыке российских гениев звучали мотивы торжества высших законов жизни, сохранения смысла человеческого существования, победы божественных вдохновений.

После судьбоносных событий 1917 г. и, в дальнейшем, образования СССР к музыке в самой России стали применять жесткую цензуру. Но традиции дореволюционной русской музыкальной культуры продолжились в эмиграционной среде. Исход русских из России начался в 1919 г. Большинство талантливых художников, писателей, музыкантов, поэтов покинули Родину. Они оставили множество письменных свидетельств их экзистенциального кризиса, сопровождающегося гнетущим чувством одиночества, поиском новых смыслов жизни на чужбине, распадом старых установок и ценностей, жгучей тоской по России. Музыка русского зарубежья первой волны сохранила национальные музыкальные тенденции, заложенные Рахманиновым и Скрябиным, но и обогатила их музыкой окружающей среды. Александр Глазунов, Николай Метнер, Александр Гречанинов, Александр Черепнин, Николай Обухов и др. – известные музыканты из числа русского зарубежья, которые добились по-

нимания и признания русского искусства на Западе, сохранили в своей музыке русскую душу, ее искренность и человечность, стремление к высшим духовным идеям. Эта музыка повлияла на зарубежную в духовном, философском смысле. Популярны были идеи Скрябина в сфере развития музыкального языка, творческого сознания композитора, его размышлений, близких Всеединству Соловьева. Развивалось направление православной церковной музыки. У истоков русской музыкальной классики XX в. на Западе стоял Сергей Дягилев, и именно с его легкой руки русская классика в дальнейшем стала основой репертуара российских эмигрантов, приобрела популярность и массовость [3].

Большинство эмигрировавших отечественных музыкантов первой и последующих волн верило в великое духовное предназначение русского народа, их важнейшей проблемой стала проблема национальной самоидентификации. Они старались выделиться именно как музыканты из России, для которых очень важно оголять в произведениях свое Я, показывать связь души с божественным, черпать вдохновение в отечественной истории и литературе. К примеру, Н. Набоков, считавший себя русским космополитом, спустя 20 лет после балета-оратории «Ода» по Ломоносову (1928) создал элегию «Возвращение Пушкина» (1947), оперу «Смерть Распутина» (1958), Пять поэм для голоса с оркестром на стихи Ахматовой, Четыре поэмы на стихи Пастернака из «Доктора Живаго». На стихи Блока и Ахматовой писал свои романсы И. Константинов, он был автором балетов, симфонических и камерно-инструментальных сочинений. У В. Дукельского находим «Вариации на старинную русскую песню для гобоя и струнного оркестра» (1955). Таких примеров очень много. Здесь особый интерес представляют сочинения и архив Александра Черепнина.

Что касается советского периода в истории России, то музыки здесь было много, но свободы музыкальной мало, она существовала строго в рамках социалистического реализма. Сильных экзистенциальных музыкальных изысканий советские музыканты позволить себе не могли. Человек в СССР не мог быть одинок, априори он не должен испытывать чувства отчаяния и страха, тревоги и заброшенности (только на бытовом уровне и ненадолго). Он является частью большой, сплоченной общины целями, многонациональной семьи. Все объяснено и принято, четко понятно кто враг, а кто друг. Есть планы на будущее, есть мировоззрение, в рамках которого легко сделать выбор, но он навязан идеологией, он не носит экзистенциальный смысл. Марксизм-ленинизм особо не приветствовал экзистенциальные страсти, и если советский человек творил свой образ самостоятельно, свободно, сам определял судьбу, то он становился белой вороной, вплоть до преследований. Искусство полностью отображало это мировоззрение и поддерживало.

Так, в 30-х гг. прошлого столетия появилась рабочая политическая песня, отображающая идеологический настрой того времени. Но, с другой стороны, оставались популярными джаз и блюз, кантри. Во время Великой Отечественной войны появилась военная песня, которая была более близка экзистенциальной проблематике, поскольку часто проговаривала пограничные ситуации, вызванные ужасами войны. В целом Советской музыке можно дать следующую характеристику: она прививала гуманизм, гражданственность, уважение к культурам других народов, формировала идейные убеждения, нравственные качества, прививала эстетические вкусы. Советская музыка была подлинно массовой, всенародной, доступной, многожанровой [6].

Вплоть до 60-х гг. XX в. в СССР музыкальные произведения подвергались жесткой цензуре. Но начиная с 60-х гг. в стране настало время «оттепели», сложилась довольно либеральная атмосфера как во власти, так и в искусстве, это сопровождалось высокой творческой продуктивностью. В это время менялся и привычный коммунальный уклад жизни в сторону частного. Массово стали строиться отдельные квартиры для советских людей. В 1967 г. утвердили пятидневную рабочую неделю, появилось время для досуга, хобби. Плюс в продажу были выпущены музыкальные технические новинки – транзисторы и магнитофоны. Это подарило возможность миллионам людей приобщиться к музыке мировых вещательных компаний. В отличие от профессионального музыкального творчества, которое четко было подконтрольным со стороны государства, потребление музыкальной продукции, в рамках частной жизни, мало поддавалось государственному регламенту. Повсеместно стали организовываться дискотеки, которые способствовали моде на западную музыкальную индустрию. Стихийно появлялись ВИА, пытающиеся подражать стилю Битлз и др. модным группам США и Европы. С 70-х гг. ВИА уже из нелегальных музыкальных групп постепенно выростали в признанные официально коллективы и стали допускаться на филармоническую сцену. Во многих крупных городах появились подпольные рок-клубы, сразу и бесповоротно завоевавшие авторитет у молодого советского поколения. А в 1980 году в Тбилиси состоялся первый в СССР рок-фестиваль [2].

Последние десятилетия советской эпохи музыкальный кругозор отечественной аудитории расширился в стилевом и жанровом отношении, привычная официальная картина идиллического единодушия во вкусах пала. Популярность рок-музыки неизменно росла, и именно она стала акцентировать внимание на уникальности бытия отдельного человека, на глубине его эмоциональной природы. Экзистенциальный психотерапевт Р. Мэй не считал экзистенциализм чисто философским

направлением. Он называл его культурным движением, запечатлевающим глубокое эмоциональное и духовное измерение современного человека, изображающим психологическую ситуацию, в которой он находится, выражающим уникальные психологические трудности, с которыми он сталкивается [5].

Рок-музыка и стала таким культурным движением, новым для СССР способом говорить о свободе, определяющейся как выбор личностью одной из бесчисленных возможностей. Рок-музыка хоть и пришла извне, но она принесла с собой то, о чем говорили до наступления советского времени Шестов, Бердяев, Достоевский, Скрябин. Русскоязычный рок с самого начала кричал о таких данностях бытия как жизнь и смерть, выбор и ответственность, свобода и необходимость, смысл существования и его бессмысленность, творчество и забвение, любовь и одиночество. Он был экзистенциально насыщен. Русский рок не ушел в небытие, наоборот, он стал некой философией для нескольких поколений россиян [7].

Таким образом, в рамках советского искусства появилось направление, которое стали называть альтернативной музыкой. Рок не вписывался в ту жесткую бинарную оппозицию, разносящую социалистический и капиталистический миры на предельное расстояние. Он выходил за границы привычного и вскрывал самые архаичные пласты психики человека.

Мартин Хайдеггер считал, что объективировать экзистенцию нельзя, но можно сделать так, чтобы «бытие само заговорило с нами» [1]. Для этого музыка является одним из лучших проводников, способных вытягивать из глубин индивидуального бытия в сознание подавленные экзистенциальные переживания, которые были когда-то неуютными. Заново пережитые и по-новому осознанные, эти переживания становятся ценным опытом, улучшающим качество жизни.

Экзистенциализм подчеркивает, что человек обречен в процессе формирования своего Я мощно сталкиваться с такими данностями бытия, как страдание, абсурдность жизни, одиночество, неизбежность смерти, отсутствие объективных ценностей и т.п. С другой стороны, экзистенциализм оптимистично заявляет, что человек может сделать свое существование качественным и счастливым при условии активного поиска смысла жизни, правильных целевых установок, принятие ответственности за свои решения. Через все это человек становится истинно свободен, поскольку ему начинает нравиться собственная индивидуальность, помогающая осознать свое истинное предназначение и место в мире. Такой сложный и долгий путь к своему Я невозможен без искусства в разных его проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Н.А. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера и проблема субъективности // Гуманитарная студия. 2008. № 4. С. 9-12.
2. Букина Т.В. Научное мифотворчество брежневской эпохи: социология музыки конца 1960-х - начала 1980-х годов // Человек и культура. 2013. № 2. С. 1 - 41.
3. Корабельникова Л. З. Музыкальная культура российской эмиграции, неслышанная и неизученная // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. 2013. № 2 (5). С. 42-61.
4. Латынина А.Н. Достоевский и экзистенциализм // Достоевский - художник и мыслитель: сб. статей. М.: Изд. «Художественная литература». 1972. 688 с.
5. Мэй Р. Открытие Бытия / М.: Институт Общегуманитарных Исследований. 2004. С. 49.
6. Сохор А.Н. Наше оружие – наши песни // Вопросы социологии и эстетики музыки. М. 1983. Т. 3. С. 180–190.
7. Фетисова Е.Н. Экзистенциальная терапия рок-музыки (на примере «русского» рока) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 5. С. 105-107
8. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940 - 1960-е годы: История, теория и практики / СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге: Европейский дом. 2008. 544 с.

© Фетисова Евгения Николаевна (evseneya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРНУЮ ИНТЕГРАЦИЮ

Фидарова Фатима Казантемировна

Кандидат культурологии, доцент, Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова
fidarova@inbox.ru

FORMATION OF INDIVIDUALITY THROUGH CULTURAL INTEGRATION

F. Fidarova

Summary: This article examines the cultural concept of “happiness” as a mechanism for the formation of individuality through cultural integration in Goethe, Schiller, Tolstoy in the context of the perception of the concept of Schopenhauer’s diatetics.

The relevance of this topic is dictated by the modern crisis of cultural and national identity in Germany, in which the concepts of “family” and “family values” are in a state of cultural crisis. However, the meaning of human existence in any cultural system remains the individual’s desire for happiness.

Keywords: happiness, diatetics, cultural transformation, individuality, family happiness.

Аннотация: В данной статье рассматривается культурологическое понятие «счастье» как механизм для формирования индивидуальности через культурную интеграцию у Гёте, Шиллера, Толстого в контексте восприятия понятия диатетики Шопенгауэра.

Актуальность данной темы продиктована современным кризисом культурной и национальной идентичности личности в Германии, в котором понятия „семья“ и „семейные ценности“ находятся в состоянии культурного перелома. Однако смыслом человеческого существования в любой культурной системе остается стремление личности к счастью.

Ключевые слова: счастье, диатетика, культурная трансформация, индивидуальность, семейное счастье.

Стало привычным говорить о культурной интеграции мигрантов в культуру в Германии, однако из виду упускается важный культурологический вопрос, благодаря которому личность вливается в культурное пространство своей же страны. Это проблема личности, которая должна сделать выбор из существующих культурных идеалов своего социального окружения. Здесь воля личности в выборе играет большую роль, однако для конкретного культурного идеала необходимо благосостояние, т.е. личность должна трудиться.

Основной смысл человеческого существования в любой культурной системе – это вечное стремление к счастью.

Рассматривая процесс формирования индивидуальности в контексте культурной интеграции необходимо выделить два существенных момента. Во-первых, процесс формирования индивидуальности главным образом связан с опытом взаимодействия с собственной волей. Во-вторых, культура является главным фактором, которая управляет личным опытом человека. Следовательно, личность обязана подчиниться определенным идеалам и морально-практическим установкам конкретной культуры, т.е., которые конкретная культурная система считает актуальными. В этом контексте для личности для удачной интеграции в культурную среду выстраиваются следующие компоненты: счастье, диатетика, семейное счастье, любовь, слава, почести.

Попробуем рассмотреть указанные выше составляющие, необходимые для формирования индивидуальности, в основном культурном компоненте культуры – в немецкой литературе и поэзии.

Вертер Гёте осознает и четко выражает, что в культуре конкретного общества существует канон поведения и, следовательно, люди обречены следовать ему: «Много можно сказать в пользу установленных правил в (искусстве), примерно то же, что говорят в похвалу общественному порядку. Человек, воспитанный на правилах, никогда не создаст ничего безвкусного и негодного, как человек, позволяющий сформировать себя согласно законам и порядкам общежития, никогда не будет несносным соседом или интересным злодеем. Зато, чтобы мне ни говорили, всякие правила убивают подлинное чувство природы и способность правдиво изображать ее!» [Гёте, 2007: 29].

Вертер болезненно реагирует на свое же выражение «позволяющий сформировать себя», в этом для него скрыто отчетливое вторжение в его личное пространство, при этом ему навязывают определенную модель поведения из конкретной культурной системы.

Разумеется, Вертер понимает, что личности необходимо выбирать определенные идеалы из конкретной культуры, иначе общество не признает тебя. Наиболее наглядно это можно почувствовать на примере идеала благосостояния. Без состояния, увы, личность не мо-

жет прикоснуться к культурным и социальным идеалам общества. Право пользоваться этими идеалами Вертер считает утратой своей личности: «Мои деятельные силы разладились, и я пребываю в какой-то тревожной апатии, не могу сидеть сложа руки, но и делать ничего не могу. У меня больше нет ни творческого воображения, ни любви к природе, и книги противны мне. Когда мы потеряли себя, все для нас потеряно» [Гёте, 2007: 67].

Вертер осознает необходимость культурной трансформации личности согласно законам культурной системы, в которой он живет, но «предчувствуя мрачное будущее» ему трудно принять это [Гёте, 2007: 66].

Следовательно, Вертеру необходимо воспользоваться диететикой. Согласно определению Шопенгауэра, диететика является учением о том, «что подобно тому, как следует закалять свое тело, приучая его сопротивляться непогоде, лишениям и перегрузкам, следует закалять и свою душу, чтобы сделать ее нечувствительной к несчастью, опасностям, утратам, несправедливости, коварству, предательству, высокомерию и глупости человеческой» [Шопенгауэр, 2007: 105].

Однако Вертер исключает для себя механизмы диететики, поскольку они являются угрозой для его большой любви: «Представь себе юношу, который всем сердцем привязан к девушке, проводит подле нее целые дни, растрачивает все силы, все состояние, чтобы каждый миг доказывать ей, как беззаветно ей предан. И вдруг появляется некий филистер, чиновник, занимающий видную должность, и говорит влюбленному: «Милый юноша! Любить свойственно человеку, но надо любить по-человечески! Умейте распределять свое время: положенные часы посвящайте работе, а часы досуга – любимой девушке. Сосчитайте свое состояние, и на то, что останется от насущных нужд, вам не возбраняется делать ей подарки, только не часто, а так, скажем, к рождению, к именинам» и т.д. Если юноша послушается, из него выйдет дельный молодой человек, и я первый порекомендую всякому государю назначить его в коллегию, но тогда любви его придет конец, а если он художник, то конец и его искусству» [Гёте, 2007: 29-30].

Социокультурная система, окружающая личность, действует в тесной связи с определенными подсистемами – деньги, почести, слава. Однако для Вертера основная ценность его личности – это его собственное Я. Остальные социокультурные подсистемы он пытается отвергнуть: «И не все ли равно в конце концов, что перебирать: горох или чечевицу. Все на свете самообман, и глуп тот, кто в угоду другим, а не по собственному призванию и тяготению трудится ради денег, почестей или чего-нибудь еще» [Гёте, 2007: 54].

Для сохранения своей индивидуальности Вертер Гёте

настойчиво рекомендует личности рецепт благоденствия, следовательно, счастья: «Человеку нужно немного земли, чтобы благоденствовать на ней, и еще меньше, чтобы в ней покоиться» [Гёте, 2007: 88].

Вертер невольно призывает личность не слишком надеяться на свои надежды и полагает, что это не только его удел: «Всем людям изменяют надежды, всех обманывают ожидания» [Гёте, 2007: 90].

Счастье и несчастье для Вертера заключается в любимой Лотте. «Порой мне непонятно, как может и смеет другой любить ее, когда я так безраздельно, так глубоко, так полно ее люблю, ничего не знаю, не ведаю и не имею, кроме нее!» [Гёте, 2007: 91].

Хотя, как было выше сказано, Вертер отвергает для себя принцип диететики, тем не менее он готов страдать и лишать себя счастья: «Выстрадать всю положенную ему меру, испить всю чашу до дна – таков удел человека» [Гёте, 2007: 101].

Однако есть земное счастье для Вертера: «Едва я взгляну в ее черные глаза, как мне уже хорошо. И понимаешь, что мне досадно, – Альберт, по-видимому, не так счастлив, как он... надеялся, а я... был бы счастлив, если бы... Я не люблю многоточий, но тут иначе выразиться не могу и выражаюсь, по-моему, достаточно понятно» [Гёте, 2007: 96].

Таким образом, следование правилам своей социокультурной системы для Вертера тягостно, хотя и понятно. «Правила, как и культуры, не являются ни совершенно случайными, ни жестко детерминированными, то есть и правила, и культуры подразумевают идею свободы» [Иглтон, 2012: 12].

Однако «тот, кто полностью освобожден от культурных условностей, не более свободен, чем тот, кто является их рабом» [Иглтон, 2012: 12].

Да, есть надежда на лучшее, на счастье, ведь «человек по природе своей захватчик!» Гёте, 2007: 99].

Фауст указывает личности быть смелее при выборе культурных идеалов:

Но дальновидный риска не боится

И в безграничность верит без границы [Гёте, 2007: 386].

Но и вера Гёте в то, что страдания от горя – это путь к новой ступени счастья, вселяет в личность надежду и позволяет игнорировать диететику своей культурной системы:

Бояться горя – счастья не знать [Гёте, 2007: 255].

Как было сказано выше, выбор правил из своей культурной системы подразумевает и определенную свободу:

Кто ищет, вынужден блуждать [Гёте, 2007: 153].

Согласно Фаусту Гёте, личность должна неустанно работать над собой, опираясь при этом на свой собственный опыт:

Ключ мудрости не на страницах книг.
Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,
В своей душе находит их родник [Гёте, 2007: 162].

Совершенно очевидно, что Гёте указывает личности прямой, но все же достаточно трудный путь для развития своей индивидуальности.

На этом пути совершенствования своей индивидуальности для личности большого значения имеет владение словом:

Но много значит дикция и слог [Гёте, 2007: 162].

Фауст знает рецепт для развития индивидуальности в определенной культуре, что является также основой для достижения успеха:

Учитесь честно достигать успеха
И привлекать благодаря уму.
А побрякушки, гулкие, как эхо,
Подделка и не нужны никому.
Когда всерьез владеет что-то вами,
Не станете вы гнаться за словами,
А рассужденья, полные прикрас,
Чем обороты ярче и цветистей,
Наводят скуку, как в осенний час
Вой ветра, обрывающего листья [Гёте, 2007: 162].

Таким образом, развитие индивидуальности в определенной культурной системе для Гёте содержит в себе и предполагает полное развитие способностей и талантов личности, поскольку этого требует ее социокультурная среда. Поскольку через такое облагораживающее саморазвитие и самовоспитание личность получает твердую опору в обществе. При этом Гёте предлагает два подхода: во-первых, не бояться рисковать, поскольку именно риск ведет личность к успеху, следовательно, к счастью; во-вторых, личность должна себя ограничивать при стремлении к достижению счастья. Очевидно, что культурологическое понятие счастье, несмотря на „безграничность границ“, для Гёте имеет свои границы, поскольку личность даже блуждая в поисках опыта и знаний должна овладеть к определенному сроку определенным опытом знаний, необходимых для ее культурной системы.

В этом контексте необходимо выделить призыв Фауста Гёте «честно достигать успеха», поскольку современный кризис социальной и культурной идентичности

личности в Германии предполагает внутреннюю противоречивость.

Шиллер, погружая личность в мир счастья, указывает на божественное предопределение этого понятия в стихотворении «Счастье»:

Блажен, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостном лоне Киприды взлелеян младенцем,
Кто очи от Феба, от Гермеса дар убеждения принял,
А силы печать на чело от руки громовержца!
Великий, божественный жребий счастливец постигнул;
[Шиллер, 2012: 249].

Однако в стихотворении «Почести» Шиллер предостерегает личность о «временности» этого понятия:

Когда струится свет на лоно зыбких вод,
Волна как бы огнем и дышит, и сверкает,
Но быстрая река других за ней влечет,
Другая вслед за ней нам небо отражает.
Не так ли на земле, о смертный, счастья луч
Лишь временно тебя почетом облакает, –
Но стоит не дойти сиянью из-за туч
И весь случайный блеск мгновенно исчезает.
Не сами мы, – а место, где стоим,
Нас украшает отблеском своим [Шиллер, 2012: 123].

В стихотворении «Два пути добродетели» Шиллер проводит параллель между счастливым и несчастным, что, очевидно, также указывает на божественную предопределенность этих понятий:

Есть два пути, по которым идет к добродетели смертный;
Скрылся внезапно один, тотчас другой пред тобой:
Делом ее достигает счастливый, несчастный терпением,
Благо тому, кого рок к ней по обоим ведет [Шиллер, 2012: 126].

Разумеется, Шиллер расширяет границы познания счастья в культурном пространстве и раскрывает личности для формирования ее индивидуальности другие точки опоры счастья:

Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено –
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье! [Шиллер, 2012: 318].

Шиллер дополняет проблему счастья аспектом семейных ценностей, признанные обществом:

Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны:
Постоянный мир им страшен [Шиллер, 2012: 319].

Очень меткий культурологический образец семейно-

го счастья можно обнаружить и в русской литературе.

В романе «Семейное счастье» Л.Н. Толстой открывает нам грани семейного счастья через новое чувство любви, которое дарят дети. Молодая мама, любясь своим маленьким сыном, так описывает свое восторженное новое состояние: «Я взяла на руки ребенка, закрыла его оголившиеся красные ножонки, прижала его к себе и, чуть прикасаясь губами, поцеловала его. Он как во сне зашевелил ручонкою с растопыренными сморщенными пальцами и открыл мутные глазенки, как будто отыскивая или вспоминая что-то; вдруг эти глазенки остановились на мне, искра мысли блеснула в них, пухлые оттопыренные губки стали собираться и открылись в улыбку» [Толстой, 2005: 127].

Радость, охватившая маму ребенка, вселяла чувство полного семейного счастья: «Мой, мой, мой! – подумала я, с счастливым напряженьем во всех членах прижимая его к груди и с трудом удерживаясь от того, чтобы не сделать ему больно. И я стала целовать его холодные ножонки, животик и руки и чуть обросшую волосами голловку» [Толстой, 2005: 127-128].

Семейное счастье с детьми приумножило и изменило ее любовь: «С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я еще не прожила в настоящую минуту» [Толстой, 2005: 128].

Однако в немецком культурном пространстве XIX века можно столкнуться с удивительным противоречием, связанным с понятием „семья“.

Семья как основная ценность общества и государства именно немцами в XIX веке была возвращена на свое достойное место, когда индустриализация стала вытеснять это понятие из лексикона немцев, предлагая общественные увеселительные центры. Лучшие умы Германии того времени призывали к эмансипации „домашней“ женщины. В самой «литературе ничто так не игнорировалось как семья и ее интересы» [Riehl, 1855: 197].

Понятие „общительность“ все больше вытесняло понятие „домашний уют“ [Steinhausen, 1929: 61]. А некоторые прогрессивно настроенные круги немецкого общества даже избегали употреблять слово „семья“, заменяя его описательной формой «домашнее общество» [Kirschstein, 1937: 49].

Согласно Фрайбе, важнейшими понятиями становятся кофейни (Kaffeehäuser), эстетический чай (ästhetische Tees) и все то, что связано с общением [Freube, 1910: 5].

Развлекательный журнал по культуре для семейного чтения в Германии «die Gartenlaube» понял в 1852 году опасность такой тенденции, он смог вернуть слову „семья“ уважение благодаря своим романам, рассказам и статьям по культуре. Этот вид журнала стремился к тому, чтобы «осознанно содействовать гармоничной жизни семьи во всех отношениях» [Kirschstein, 1937: 129].

Ценность семьи в современном немецком политическом и культурном пространстве стала тем краеугольным камнем, который может изменить социальное и культурное противостояние между мигрантами и немцами.

Саррацин указывает на две угрозы для существования Германии: снижение ценности семьи и отсутствие патриотизма в немецком обществе [Саррацин, 2016: 10-11].

Многогранность понятия счастья в немецком культурном и политическом пространстве охватывает также отношение личности к своему отечеству и оказывает тем самым стойкое влияние на формирование индивидуальности.

Преданность отечеству также является для Шиллера важной стороной счастья:

Кто, на суд являсь кровавый,
Славно пал за отчий дом,
Тот, почтенный и врагом,
Будет жить в преданьях славы! [Шиллер, 2012: 320].

Как избежать страданий в час горя и разочарования:

Пей страданий утольенье!
Добрый Вакхов дар – вино:
И веселость, и забвеньё
Проливает в нас оно.

Пей, страдалница! Печали
Услаждаются вином:
Боги жалостные в нем
Подкрепленья сердцу дали

Если грудь вином согрета
И в устах вино кипит –
Скорби наши быстро мчит
Их смывающая Лета [Шиллер, 2012: 321].

Однако Шиллер указывает личности быть стойким и преодолевать жизненные невзгоды ради самой жизни:

Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящий в гробе – мирно спи!
Жизнью пользуйся живущий! [Шиллер, 2012: 321].

Фауст Гёте тоже ставит ценность жизни, данную Бо-

гом, превыше всего:

Не умствуй о любви. Какой в том толк?
Живи. Хоть миг живи. Жить – это долг [Гёте, 2007: 520].

Но не согласен Шиллер с Фаустом Гёте, он хочет «умствовать» о любви в гимне «Торжество любви»:

Счастливы любовью
Боги! – не любовью ль
Мы равны богам?
С нею рай светлее;
С нею мир подлунный
Небом светит нам! [Шиллер, 2012: 54].

Зацикленность на прошлом, анализ негативного опыта заставляют личность страдать и лишают ее успешного контакта с социокультурной системой. Шиллер указывает как личности преодолеть эту неспособность вступить в успешный контакт с социокультурной системой и не страдать:

И если хочешь ты пройти свой жизни путь
Без горя и тоски, и мудро, и счастливо, –
Грядущему во мгле доверься прозорливо,
Судьбы не искушай, корысть одну забудь,
Не избирай в друзья летучего мгновенья
И бойся как врага в прошедшем осужденья! [Шиллер, 2012: 121].

Согласно Шиллеру, личность должна совершенствоваться:

Пространство без границ являет нам во всем
Такие же черты для думы и сравненья:
Как в даль бежит длина, так должен человек
Стремиться к лучшему, не зная прегражденья, –

Без усталы иди обязан ты вперед
На трудовом пути к пределам совершенства,
Как в ширь идет простор, так ты иди и верь,
Что расцветет в тебе мир правды и блаженства [Шиллер, 2012: 121].

Таким образом, согласно Шиллеру, «желаемое будущее должно быть осуществимым будущим» [Иглтон, 2012: 38].

Счастье и в чем оно заключается для Шопенгауэра является существенным культурным дополнением для формирования личности.

Шопенгауэр, рассуждая о том, что такое человек, раскрывает суть его индивидуальности. Согласно Шопенгауэру, «наше истинное «я» гораздо более обуславливает наше счастье, чем то, что мы имеем, или что мы собою представляем. Всегда самое важное – это то, что такое данный человек, что он имеет в себе самом; ведь его индивидуальность сопутствует ему всюду и всегда, придавая ту или иную окраску всему переживаемому» [Шо-

пенгауэр, 2011: 28].

Наше личное отношение к социальным и культурным проблемам является определяющим, следовательно, оно и защитит нас от чувства несчастья. «Поэтому и в счастье, и в горе, исключая разве случаи тяжелых бед, то, что случается с человеком в жизни, менее важно, чем то, как он воспринимает эти события – т.е. каковы способы и степень его восприимчивости во всех отношениях. То, что мы имеем в себе, – наша личность и подлинная ценность ее – является единственным непосредственным фактором нашего счастья и довольства» [Шопенгауэр, 2011: 28].

Шопенгауэр подсказывает личности и другие ценности, необходимые для ее практической деятельности и счастья. «Итак, субъективные блага, как-то: благородный характер, большие способности, счастливый, веселый нрав и вполне здоровое тело, – являются первым и важнейшим условием нашего счастья» [Шопенгауэр, 2011: 29].

Однако в этой иерархии ценностей духовное богатство личности для Шопенгауэра имеет также первостепенное значение. «Как счастливейшая страна та, которая нуждается лишь в малом ввозе, или совсем в нем не нуждается, – так и из людей счастлив будет тот, в ком много внутренних сокровищ, и кто для развлечения требует извне лишь немного или ничего» [Шопенгауэр, 2011: 47-48].

Шопенгауэр отчетливо показывает, что индивидуальность формируется в условиях личной свободы: «Предоставленные самими себе, мы вынуждены сами ковать и искать свое счастье» [Шопенгауэр, 2011: 48].

Великий культуролог XX века Хёйзинга дает нам убедительную характеристику влияния культуры на личность: «Отдельный человек, носитель культуры, которую он впитывает и с которой срастается за время от колыбели и до могилы, чаще всего не так уж и плох. По своей сути он таков, каким был всегда: незначителен и тщеславен, но и весьма проникновенен, с некоторой склонностью к добру и чудовищным самомнением, и вовсе не редко порядочен, смел, честен и верен. Но вот как член некоей общности, коллектива он большей частью заметно хуже, ибо именно коллектив освобождает его от решений, подсказываемых собственной совестью. Ибо другие уже подумали за него, приняли решение и написали ему линию поведения. Чем более горячо почитает он свою общность, тем более неограниченно он ей служит и подчиняется, и тем легче он впадает в пороки, которые всем нам присущи: жестокость, нетерпимость, сентиментальность и наглость. Очень многое зависит от высоты и чистоты коллективного идеала, которым живет данная общность [Хёйзинга, 2010: 322].

Однако для Хёйзинга культура и личность формируют друг друга: «Если воспринимать культуру как живую действительность, то из этого почти само собой следует, что культура рождается именно в личности, и соответственно именно в личности сохраняет свое здоровье. Отсюда требование, чтобы тип общественной жизни был благоприятен для раскрытия личности и ее роста» [Хёйзинга, 2010: 323].

Хёйзинга не мыслит человека, сформировавшего свою индивидуальность в определенной культуре, без критического осмысления культурного и социального опыта. «Человек должен быть в состоянии занимать свою собственную позицию по отношению к миру» [Хёйзинга, 2010: 323].

Таким образом, личность как индивидуальность формируется в определенной культурной системе, выбирая необходимые культурные идеалы и преодолевая преграды в процессе культурного и морального самосовершенствования.

Ценностное и художественное осмысление роли формирования личности через культурную интеграцию актуально, поскольку совершенствуются ее опыт, знания и воля, без которых невозможно влиться в культурную систему своей страны. Индивидуальность, соприкасаясь с символической системой своей культуры, вынуждена активно действовать, выбирая и сохраняя вечные ценности для созидания, что так необходимо личности в современном кризисном культурно-политическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гёте И.В. Страдания юного Вертера. Фауст. Эксмо. М., 2007.
2. Иглтон Т. Идея культуры. Издательский дом Высшей школы экономики. М., 2012.
3. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М., 2010.
4. Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. СПб., 2010.
5. Шиллер Ф. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М., 2012.
6. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Астрель. М., 2011.
7. Толстой Л.Н. Семейное счастье. Издательство Мартин. М., 2005.
8. Freybe H. Das deutsche Haus und seine Sitte. Gütersloh, 1910.
9. Kirschstein E. Die Familienzeitschrift. Scharlottenburg, 1937.
10. Riehl W. H. Die Familie. Stuttgart, 1855.
11. Steinhausen W. Geschichte der deutschen Kultur. T. 2. Leipzig, 1929.

© Фидарова Фатима Казантемировна (fidarova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ НА ПРЕПОДАВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Андрущак Екатерина Николаевна

Аспирант МГПУ;
старший преподаватель РУТ (МИИТ)
andrushchak.katrin@gmail.com

THE INFLUENCE OF POSITIVE PSYCHOLOGY ON TEACHING AND LEARNING CHINESE

E. Andrushchak

Summary: This article discusses the main features of the application of positive psychology in the field of teaching and learning Chinese, reveals the ways that favor a more successful development of this Oriental language. As a result of the research, the article reveals the role and importance of positive psychology in Chinese language classes, in creating a positive atmosphere, as well as psychological techniques that cause positive impressions among students and further contribute to a more effective study of the hieroglyphic language in question.

Keywords: positive psychology, Chinese language, ways and methods of teaching.

Аннотация: В данной статье рассматриваются основные особенности применения позитивной психологии в сфере преподавания и изучения китайского языка, раскрываются способы, которые благоприятствуют более успешному освоению данного восточного языка. В результате исследования в статье выявлены роль и значение позитивной психологии на занятиях китайским языком, в создании положительной атмосферы, а также психологических приемов, которые вызывают позитивные впечатления у студентов и в дальнейшем способствуют более результативному изучению рассматриваемого иероглифического языка.

Ключевые слова: позитивная психология, китайский язык, способы и методы обучения.

В современном мире система образования претерпевает значительные изменения. На сегодняшний день недостаточно изучать только дисциплину или иностранный язык, важно также исследовать и изучать психологические особенности поведения человека, его изменения в учебном процессе и способы повышения мотивации студентов. Сегодня очень востребованы специалисты, которые могут дать знания не только о каком-либо предмете, иностранном языке, но и оказать психологическую поддержку, выявить психологические особенности поведения представителей другой страны, особенности их менталитета, мышления, познавательных процессов. В данной статье довольно важным вопросом становится изучение влияния позитивной психологии в процессе преподавания и изучения китайского языка, развитие факторов, способствующих более успешному освоению данного восточного языка.

Необходимо отметить, что о влиянии позитивной психологии на процесс обучения и изучения китайского языка посвящено довольно малое количество научных исследований, вследствие этого данная тема представляет сегодня особый интерес и является особо актуальной.

Также одним из главных вопросов данной статьи являются вопросы о наиболее результативных методах

преподавания китайскому языку, о воздействии позитивной психологии в данном процессе. Как отмечает А.А. Вербицкий, одной из важных целей в образовательной политике является «возвращение» потенциала личности студента, «воспитание его навыков к компетентности в будущих профессиональных, жизненных и социальных условиях»¹. Конечно, изучение иностранных языков, а именно китайского языка, – это еще один инструмент в настоящее время, чтобы расширить личностное развитие студента.

Следует сказать, что при изучении китайского языка психологические трудности становятся более явными, потому что овладение новым языком всегда направлено на межкультурную коммуникацию в различных ситуациях, понимание собеседника другой страны, особенностей его менталитета. В связи с этим в настоящее время являются важным и актуальным поиск и применение продуктивных методов, которые благоприятствуют формированию и раскрытию личностного потенциала студентов в процессе изучения китайского языка. Как говорил еще Ж. Пиаже, особенно важно изучать психологические особенности «нового человека, который живет в определенный этап, новых познаний людей, их новых качеств»². А отечественный исследователь Л.С. Выготский особо акцентировал внимание на потребность раскрытия психологического потенциала обучающихся

1 Вербицкий А.А. Теория и технологии контекстного образования: учеб. пособие. М.: МПГУ, 2017. – С. 27.

2 Пиаже Ж. Психология интеллекта. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3252>

в период обучения³. Для решения подобных вопросов в статье рассматривается роль и влияние позитивной психологии в процессе преподавания и изучения китайского языка.

Говоря о значении позитивной психологии, то это направление психологии насчитывает историю чуть более 20 лет, однако идеи, которые включает в себя данная наука (положительные эмоции, ощущение счастья, позитивные характерные черты человека), довольно быстро приняты научным сообществом, широко распространились и стали новым психологическим направлением в науке.

Позитивная психология – это также важная область исследований в изучении иностранных языков, и особенно китайского языка. Она сосредоточена на выявлении положительных качеств человека, на позитивных эмоциях при обучении, важны также образовательные учреждения, применяющие идеи позитивной психологии, которые помогают людям обогащать свой уровень жизни, знания китайского языка, умение общаться на нем. Позитивная психология имеет и большую практическую значимость: применение данного направления не только помогает раскрыть таланты и положительные личностные ресурсы студента, но и помогает применять проверенные методы в различных сферах как в педагогике, психологии, так и в различных жизненных ситуациях.

Становление позитивной психологии можно считать в 1998 году, когда Мартин Селигман был избран президентом Американской психологической ассоциации. В своих работах Селигман акцентировал внимание на то, что после Второй мировой войны психология стала наукой об исцелении, изучении различных патологий, игнорируя развитие позитивности человека в целом и его положительных качеств, эмоций. Поэтому одной из главных целей позитивной психологии является фокус внимания на формировании положительных качеств человека, а не только на исправлении патологических изменений. Таким образом, можно сказать, что позитивная психология представляет собой форму «возрождения» гуманистической психологии. Действительно, термин «позитивная психология» впервые был использован выдающимся психологом-гуманистом Абрахамом Маслоу. Одним из определяющих факторов в карьере Маслоу была работа с определением положительных качеств человека, которые делают людей счастливыми, успешными, понимающими и самореализованными. Но в гу-

манистической традиции в психологии, по сравнению с другими направлениями, была тенденция не принимать во внимание эмпирические исследования как способ накопления знаний о положительных качествах человека. Возможно, по этой причине гуманистическая традиция не выстроила основательную кумулятивную базу знаний, чтобы поддерживать себя. Как подчеркивали основатели позитивной психологии, необходима научная основа, база для продвижения знаний. Одно из важных определений позитивной психологии предложил Петерсон: позитивная психология – это «научное исследование того, что идет правильно в жизни»⁴. В данном определении можно проследить два основных элемента позитивной психологии: изучение того, что идет правильно, позитивно и опора на научную точку зрения. Таким образом, позитивная психология пробует приспособить лучшее из научного метода к уникальным проблемам, которые поведение человека ставит перед теми, кто хочет понять во всей его полноте.

Стоит отметить, что у людей, которые придерживаются позитивной точки зрения, имеется гораздо большее количество жизненных ресурсов. Естественно, люди, которые стремятся к саморазвитию, имеют лучшие показатели в жизни, чем те, кто придерживается точки зрения избегания неудач. Как говорят западные психологи, с помощью позитивных впечатлений можно расширить и познавательную деятельность, и повысить показатели психологической устойчивости⁵. Позитивные мысли помогают раскрыть личностный потенциал студента, выявить его таланты. Соответственно, раскрытие личностных ресурсов помогает применять позитивные впечатления для своего личностного роста, развития, изучения новых профессий, иностранных языков.

Таким образом, направление позитивной психологии становится очень актуальным в сфере образования. В научной работе Д. Гольмана «Эмоциональный интеллект» говорится о том, что позитивная атмосфера и мышление играет значимую роль в процессе образования. Исследователь доказывает в работе, что эмоции возможно преобразовать в умственную деятельность посредством ситуативных заданий, игровых методов проведения занятий, развития ситуаций с применением успешной деятельности⁶.

Говоря о взаимодействии позитивной психологии и изучения, и преподавания иностранных языков, то здесь следует сказать, что в соответствии с точкой зрения Селигмана и Чиксентмихали, позитивная психология осно-

3 Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. – С. 256.

4 Peterson C. A primer in positive psychology. New York: Oxford University Press. 2006. – P.126.

5 Fredrickson B.L., Losada M.F. Positive affect and the complex dynamics of human flourishing // American Psychologist. 2005. Vol. 60 (7). P. 678–686.

6 Goleman D. L'intelligence émotionnelle. Traduction française / ed. by R. Laffont. Paris, 2007. P. 226.

вана на трех столбах: (1) выявление позитивных эмоций, т.е. позитивный опыт, (2) определение положительных характеристик студентов и (3) образовательные учреждения, применяющие идеи позитивной психологии. Следует сказать, что именно третий пункт изучен наименее всего, при этом основные исследования в области позитивной психологии сосредоточены на таких вопросах, как выявление положительных эмоций и сильных сторон человека.

Одним из значимых вкладов в области позитивной психологии стала теория Фредриксона, различающая важность позитивных и негативных эмоций. Хотя, как известно, все эмоции служат для того, чтобы помочь людям адаптироваться к своему окружению, Фредриксон сделал ценное замечание о том, что между положительными и отрицательными эмоциями существует качественное функциональное различие. С одной стороны, значение негативных эмоций состоит в том, чтобы сфокусировать поведение и создать определенную тенденцию мысли-действия. К примеру, гнев может возникать, когда под угрозу ставится стремление к цели, и тогда сопровождается сфокусированным стремлением разрушить препятствие. Или другая негативная эмоция такая, как тревога, связана со страхом, который имеет тенденцию вызывать поведение избегать чего-либо, например, тревожные студенты могут избегать использования целевого языка. С другой стороны, функция положительных эмоций принципиально отличается от отрицательных эмоций. Согласно теории Фредриксона, роль положительных эмоций заключается в расширении и развитии. Расширение означает, что, когда студенты ощущают положительные эмоции, у них, как правило, возникает более широкое поле зрения, появляется склонность воспринимать больше информации и склонность замечать вещи, которых раньше не замечали. Таким образом, происходит созидание, то есть развитие. Функция положительных эмоций на занятиях состоит в том, чтобы собирать различные виды ресурсов на будущее, ресурсы, которые помогают студентам справиться с различными трудностями, психологическими барьерами при общении с представителями другой страны.

Следует сказать, что в области преподавания и изучения иностранных языков данное различие между положительными и отрицательными эмоциями уже активно применяется. Макинтайр и Грегерсен⁷ подчеркнули роль положительных эмоций, которые сопровождают воображение при развитии личности. Как известно, данный фактор очень важен при изучении китайского языка. Иероглифика китайского языка развивает образное, логическое мышление студента и опирается на его визуальное восприятие. Иероглиф имеет многотысяче-

летнюю историю и начинался с пиктограмм, написанных на стенах. Соответственно, развитие воображения и визуального восприятия очень важно для успешного освоения китайского языка студентами, и применение положительных эмоций студентов играет немаловажную роль в этом процессе. Как известно, преподаватель может помочь студентам в освоении данного непростого языка, применив специальные методы преподавания с использованием положительных эмоций и впечатлений на занятиях. К примеру, очень активно приветствуются и применяются аудиовизуальные и мультимедийные источники во время образовательного процесса. Здесь важно упомянуть роль и значение учебных фильмов, видеороликов, которые помогают понять специфику и особенности поведения, мышления людей другой культуры и которые заинтересовывают студентов, вызывая тем самым любознательные и положительные эмоции от просмотренного.

Решая вопрос трудностей произношения китайских слов, особенностей тональностей звуков, здесь важной рекомендацией может быть проведение игровых и ситуационных заданий на занятиях урока. Таким образом, студенты, вовлекаясь в игровой процесс общения и выполняя различные социальные роли, быстрее усваивают особенности произношения, модели поведения общения с представителями другой страны с выявлением радостных и позитивных эмоций.

Немаловажную роль на занятиях китайского языка играют проведение различных культурных мероприятий, связанных с традициями, праздниками, историческими событиями страны изучаемого языка. Декорирование мероприятий внутри учебного заведения или выездные учебные занятия, посещение выставок, музеев также оставляют благоприятные впечатления студентам, повышают их мотивацию, желание дальше изучать язык и развиваться в этом направлении.

Таким образом, положительные эмоции и впечатления от изучения китайского языка играют большую роль в освоении столь непростого языка, дают студентам ощущение устойчивости и уверенности в дальнейшем его изучении, обеспечивают некий позитивный энергетический «толчок», так как освоение тональности звуков и иероглифики довольно необычно для европейского стиля мышления, и важную роль здесь будут играть аудио источники, видеоматериалы, помогающие студентам в общении.

Следует отметить, что одна из проблем исторического подхода к изучению эмоций в преподавании и изучении иностранных языков заключалась в том, что во мно-

1 MacIntyre P, & Gregersen T. Emotions that facilitate language learning: The positive-broadening power of the imagination. *Studies in Second Language Learning & Teaching*, 2(2), 2016. P. 195.

гих исследованиях усилия в основном сосредоточены на искоренении негативных эмоций, к примеру, тревожность в общении на иностранном языке, не задумываясь о том, как можно стратегически увеличить и использовать весь спектр положительных эмоций.

Как однажды сказал Антонио Дамасио, один из исследователей в данной области: «Меня по-прежнему восхищает тот факт, что чувства — это не только тeneвая сторона разума, но они также помогают нам принимать решения»⁸. Его научная работа поддерживает идею о том, что эмоции играют критически важную роль в познании высокого уровня, и «эмоции — это не роскошь, а очень разумный способ подтолкнуть организм к определенным результатам, решениям»⁹. Выдающаяся роль эмоций в изучении иностранных языков требует от специалистов-практиков данной сферы (преподавателей, учителей) более внимательного и тщательного изучения того, как можно эффективно применять положительные эмоции в преподавании и изучении китайского языка.

С этой целью был сделан опрос преподавателей иностранного языка, которым было предложено закончить следующее предложение: «Преподавание китайского языка без учета эмоциональных и психологических аспектов студентов подобно...». Далее представлены их ответы:

- «...обучающим машинам»;
- «...выполнению тройного акселя на соревнованиях по фигурному катанию без предварительной подготовки»;
- «...пробовать куда-то добраться с завязанными глазами»;
- «...пробовать танцевать без музыки»;
- «...попытке испечь пирог без тепловой обработки».

Таким образом, мы видим, насколько важны эмоциональные впечатления при изучении китайского языка, насколько сильно они окрашивают занятия в разноцветные краски и добавляют интерес, мотивацию студентам, желание дальше изучать и постигать данный иероглифический язык.

Появление позитивной психологии активизировало усилие по стратегическому применению положительных впечатлений и эмоций на занятиях китайским языком. Необходимо отметить, что позитивные эмоции расширяют наши моментальные мысли, отбрасывая автоматические реакции и занимаясь поиском новых твор-

ческих, гибких способов мышления, принятия решений и деятельности. Данные факторы очень важны в изучении китайского языка. Способность гибко и творчески мыслить довольно продуктивно помогает студентам в запоминании иероглифических черт и в целом всего иероглифа. Также способ мышления китайцев отличается от европейского менталитета, соответственно, тот, кто более гибко подходит к изучению языка, довольно быстро адаптируется в языковой среде и быстрее усваивает особенности языка. Таким образом, позитивная психология помогает студентам более быстро адаптироваться, расширяет познавательную деятельность и в целом восприятие столь специфического языка.

Как отмечал Фредриксон в своей научной работе: «Психологическое влияние, вызванное одной положительной эмоцией, может увеличить восприимчивость человека к последующим приятным или значимым событиям, увеличивая вероятность того, что человек найдет положительный смысл в этих последующих событиях и испытает дополнительные положительные эмоции»¹⁰. Таким образом, проводя занятия по китайскому языку в благоприятной психологической атмосфере, студентам захочется еще туда вернуться и продолжить изучение более интенсивно.

Также на занятиях важно проводить такие психологические приемы, как высказывание благодарности, проведение различных мероприятий с использованием музыки, танцев, применять упражнения, которые вызывают смех, радость у студентов. Исследователями было еще замечено, что появление рядом домашних животных также вызывает у обучающихся радостные и приятные эмоции, которые затем можно преобразовать в более мотивированное изучение китайского языка. Как отметил Дин Кунц в своей книге «Ложная память»: «Поглаживание, царапание и объятия собаки могут успокаивать ум и сердце так же, как глубокая медитация, и почти так же хорошо действует для души, как молитва»¹¹. Общеизвестный факт, что, например, взаимодействие с домашними животными заметно влияет на человека, повышает количество положительных эмоций, также способствует увеличению количества нейрохимических веществ, связанных с расслаблением, привязанностью, что улучшает и функционирование иммунной системы. Исследователями было показано, что, когда студенты, учащиеся участвовали в мероприятиях с домашними животными, они демонстрировали значительный прирост эмоционального состояния, что также повышало

8 Damasio A. Feeling our Emotions // Scientific American. – 2005. – URL: <http://www.scientificamerican.com/article/feeling-our-emotions/> (Дата обращения: 29.10.2023)

9 Там же.

10 Fredrickson B. The role of positive emotions in positive psychology: The broaden and build theory of positive emotions. American Psychologist, 56(3). – 2001. – P. 223.

11 Кунц Д. Ложная память. М.: Эксмо, 2010. – С.224.

их настроение и интерес к изучению языка. Для многих иностранных студентов этот фактор является значимым и помогает им чувствовать себя как дома, тепло и более уютно.

Итак, переживание положительных впечатлений на занятиях китайским языком дает студентам ощущение устойчивости, намерения дальше изучать то, что часто воспринимается как долгий и сложный путь к более высокому уровню владения языком. С помощью коммуникативно-психологического подхода студенты получают навыки позитивного мышления на иностранном языке. Также стоит отметить, обучающиеся, заменяющие негативные мысли, которые обладают сужающим эффектом,

на позитивно-расширяющие мысли, не только получают больше удовольствия от учебного процесса, но и развивают большую выносливость в долгосрочной перспективе.

Таким образом, с помощью позитивной психологии можно не только достигать отличной академической успеваемости, но и раскрыть потенциал, способствовать психологическому развитию студента, более успешной адаптации. Взаимосвязь области преподавания и изучения китайского языка и позитивной психологии повышает продуктивность учебной деятельности и дальнейшее освоение языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербичкий А.А. Теория и технологии контекстного образования: учеб. пособие. М.: МПГУ, 2017. – 268 с.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. – 480 с.
3. Зимняя И.А. Психология обучения иностранному языку в школе / И.А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1991. – 229 с.
4. Козиев В.Н. Психологическая компетенция учителя в контексте взаимоотношений учителя и учащихся // Профессиональные потребности учителя в психолого-педагогических знаниях. – Сб. науч. тр. – М.: Изд-во АПН, 1999. С. 41-45.
5. Масловец О.А. Основы обучения китайскому языку в вузе и школе: теория и практика. Учебное пособие / О.А. Масловец. – 3-е изд. – М.: Издательский дом ВКН, 2019. – 264 с.
6. Назарова С.А. Современное состояние обучения китайскому языку: изучение и обобщение опыта преподавателей китайского языка // Языкознание и литературоведение. – 2020. - Vol.2 №2. – С. 13 – 21.
7. Пиаже Ж. Психология интеллекта. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/3252> (Дата обращения: 28.10.2023)
8. Солoduшкина М.В. Позитивная психология: успехи, проблемы и перспективы // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24. С. 3.
9. Кунц Д. Ложная память. М.: Эксмо, 2010. – 704 с.
10. Damasio A. Feeling our Emotions // Scientific American. – 2005. - URL: <http://www.scientificamerican.com/article/feeling-our-emotions/> (Дата обращения: 29.10.2023)
11. Fredrickson B. The role of positive emotions in positive psychology: The broaden and build theory of positive emotions // American Psychologist, 56(3). – 2001. – P. 221-235.
12. Fredrickson B.L., Losada M.F. Positive affect and the complex dynamics of human flourishing // American Psychologist. 2005. Vol. 60 (7). P. 678–686.
13. Goleman D. L'intelligence émotionnelle. Traduction française / ed. by R. Laffont. Paris, 2007. – 421 p.
14. MacIntyre P., & Gregersen T. Emotions that facilitate language learning: The positive-broadening power of the imagination. Studies in Second Language Learning & Teaching, 2(2), 2016. - P. 193–213.
15. Peterson C. A primer in positive psychology. New York: Oxford University Press. 2006. – 386 p.

© Андрущак Екатерина Николаевна (andrushchak.katrin@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОРРЕКЦИЯ САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ С ФУНКЦИЕЙ СЕНСОРНОЙ СТИМУЛЯЦИИ У ДЕТЕЙ С РАС

Егорова Ольга Ивановна

Кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»,
liranda@yandex.ru

CORRECTION OF SELF-INJURIOUS BEHAVIOR WITH SENSORY STIMULATION FUNCTION IN CHILDREN WITH ASD

O. Egorova

Summary: The presence of stereotypies is the main diagnostic sign of autism. Stereotypical behavior is not always self-harming in autism, and strictly speaking, self-harm is not a symptom of autism, but a significant number of people with autism have this tendency. Correcting this form of unwanted behavior reduces the risk of injury, teaches alternative ways of behavior and communication, and helps cope with anxiety. This becomes especially significant when working with children with autism spectrum disorders who have certain forms of self-harmful behavior.

The article presents three clinical cases of children with autism spectrum disorders aged 3 years, 3.5 years and 8 years. The study was conducted on the basis of the Psychological and Pedagogical Center "Children at the University", created at the Department of Pedagogy and Valueology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "North-Eastern State University" (Magadan) (hereinafter referred to as the Center). All children undergo developmental diagnostics at the Center and attend correctional and developmental classes.

Diagnosis was carried out by observation, which involves direct perception of an act of self-harmful behavior, its description, a description of traces of self-harm, as well as the sensory characteristics of children. Functional behavior analysis is a method used in applied behavior analysis to determine the function of behavior.

Keywords: self-injurious behavior in children with autism; functions of self-harmful behavior; sensory stimulation; development of sensory systems.

Аннотация: Наличие стереотипий является основным диагностическим признаком аутизма. Стереотипное поведение далеко не всегда носит при аутизме характер самоповреждения, и строго говоря, самоповреждение не является симптомом аутизма, однако значительное число людей с аутизмом имеют такую склонность. Коррекция такой формы нежелательного поведения снижает риски травм, научает альтернативным способам поведения, общения, помогает совладанию с тревогой. Особенно значимым это становится при работе с детьми с расстройствами аутистического спектра, имеющими те или иные формы самоповреждающего поведения.

В статье представлены три клинических случая детей с расстройствами аутистического спектра в возрасте 3 лет, 3,5 лет и 8 лет. Исследование было проведено на базе Психолого-педагогического центра «Дети в Университете», созданного при кафедре педагогики и валеологии ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет» (г. Магадан) (далее Центр). Все дети проходят в Центре диагностику развития и посещают коррекционно-развивающие занятия.

Диагностика осуществлялась методом наблюдения, который предполагает непосредственное восприятие акта самоповреждающего поведения, его описание, описание следов самоповреждений, а также сенсорных особенностей детей. Функциональный анализ поведения – метод, который используется в прикладном анализе поведения для определения функции поведения.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение у детей с аутизмом, функции самоповреждающего поведения, сенсорная стимуляция, развитие сенсорных систем.

Введение

Общая численность лиц с РАС в Российской Федерации согласно последнему масштабному мониторингу 2020 года, составила 32899 человек [1]. Все эти люди требуют пристального внимания общества, поскольку нарушенные процессы социализации, коммуникации и многочисленные стереотипии часто не дают им возможности нормально развиваться, быть социально значимыми, жить, сохраняя человеческое достоинство, выполнять общественные функции.

Перечисленные особенности порождают у детей с аутизмом различные формы нежелательного поведения. Одной из таких крайне опасных форм является самоповреждающее поведение.

С недопониманием причин поведения, его «странностей» зачастую связаны и трудности коррекции такого рода нарушений.

Литературный обзор

Самоповреждающее поведение – понятие, которое охватывает значительный объем смыслов. Самоповреждение, членовредительство, намеренный самовред, само-ранение, несуйцидальное самоповреждающее поведение, аутоагрессия – вот неполный перечень терминов, так или иначе описывающих данный феномен. Самоповреждающее поведение имеет значительный спектр этиологии и распространенности как среди лиц с нормальным, так и нарушенным психическим развитием, например, при аутизме, различных психических рас-

стройствах, аддикциях и др. [11].

Самые ранние научные исследования, посвященные стереотипным движениям и самоагрессии у лиц с тяжелой умственной отсталостью принадлежат Эдуарду Сегену [цит. по 14].

Стереотипное поведение определяется как ритмично повторяющиеся движения, неизменные по форме и амплитуде. Они являются естественными на определенных этапах нейромышечного созревания в раннем возрасте, однако при некоторых расстройствах развития они приобретают патологические формы, длятся значительное время и препятствуют повседневной адаптации, вплоть до физического самоповреждения.

Ю.В. Микадзе отмечает, что одним из проявлений в клинической картине аутизма наблюдаются монотонно-однообразный тип поведения, характер взаимодействия с неодушевленными предметами механически повторяющийся (вращение предметов или их частей, подкидывание и пр.) [8]. Понятия «сенсорная аутоstimуляция», «автоматическое поведение», «стереотипное поведение» используются для описания такого поведения, которое появляется вне зависимости от социальных причин, не является реакцией на то, что происходит, на ситуацию, не является социальным ответом [7].

О.Б. Богдашина приводит несколько примеров разных функций самостимуляции:

- чтобы уменьшить боль, возникающую из-за гиперчувствительности или сенсорной перегрузки;
- самостимулирующая – чтобы улучшить восприятие поступающей информации в случае пониженной чувствительности;
- компенсирующая – чтобы понять окружающую обстановку в случае «недостовой» сенсорной информации (фрагментация, искажение);
- создать приятные ощущения – что помогает «уйти в себя», отдалиться от сбивающей с толку и подавляющей окружающей обстановки [2].

Аутоstimуляция, рассматриваемая как нежелательное поведение, может иметь различные функции, но исследователи отмечают, что функция получения сенсорных ощущений встречается наиболее часто. Данный вид поведения чрезвычайно сложен в работе, поскольку само поведение является автоподкреплением для ребенка.

Аутоstimуляции дают ребенку подкрепление от различных сенсорных систем: слуховой, вестибулярной, зрительной, тактильной, обонятельной, проприоцептивной. Не всегда возможно точно определить, какая из сенсорных систем задействована, поскольку какое-либо стимулирующее поведение ребенка может сочетать воз-

действие на несколько сенсорных систем. [7]. Например, ребенок вращается вокруг себя, держа при этом на вытянутой руке длинную ленту, при этом смотрит на нее на фоне лампы дневного света. В таком случае стимулы вероятнее всего появляются в зрительной и вестибулярной системах.

Отклонения в развитии сенсорных систем у детей с РАС могут приводить к различным формам проблемного поведения, дезадаптации, социальной изоляции. Такие трудности в ряде случаев можно преодолевать путем создания особой сенсорной среды, необходимой именно этому ребенку, индивидуально подбирая те средства и оборудование, которое поможет отрегулировать сенсорную гипо- или гиперчувствительность, а также иные особенности сенсорных систем [8].

Будем рассматривать самоповреждающее поведение как один из видов поведения в рамках прикладного анализа поведения (Applied behavior analysis, ABA).

Эффективная работа с такими формами нежелательного поведения предполагает в АВА использование проактивных методов, связанных с поиском альтернативных форм, которые были бы приемлемыми (например, замена или даже усиление сенсорных ощущений). В противном случае аутоstimулятивное поведение может вернуться или преобразоваться в другое неприемлемое поведение. В еще большей степени это касается самоповреждающего поведения у ребенка с РАС. Поэтому работу по развитию сенсорных систем мы осуществляли с помощью поведенческих методов.

Материалы и методы

Поскольку у обследуемых нами детей отсутствует речь, то мы применили метод наблюдения, который предполагает непосредственное восприятие акта самоповреждающего поведения, его описание и описание следов самоповреждений.

Второй метод исследования – функциональный анализ поведения. Функциональная оценка поведения (Functional Behaviour Assessment, FBA) как метод применяется в случае необходимости трактовки, понимания сложных поведенческих проблем, таких как агрессия в отношении других детей и взрослых, самоагрессия, деструктивное поведение и преследует одну цель – определение функции поведения. Только тогда становится возможной разработка коррекционной программы, направленной на снижение частоты нежелательного и увеличения частоты адаптивного поведения [10].

Функциональная оценка включает в себя запись данных и их анализ с позиций прикладного анализа поведения, то есть фиксация того события, которое предше-

ствовало возникновению нежелательного поведения; того, что произошло непосредственно после него; того, что запускает или подкрепляет нежелательное поведение

В данном исследовании были использованы проактивные стратегии работы с нежелательным поведением, которые включают в себя манипуляции предшествующими факторами с целью предотвращения появления эпизодов нежелательного поведения. В частности, использовалось прямое насыщение тех сенсорных каналов, гипо- или гиперфункцию которых мы определили у каждого конкретного ребенка.

В своей работе мы руководствовались тем, что развитие сенсорных систем у детей с аутизмом не может идти в отрыве от анализа функции поведения и плана коррекции поведения [4]. Однако в данной статье речь пойдет именно о коррекции самоповреждающего поведения с точки зрения коррекции сенсорных систем в случае, если основной функцией является сенсорная стимуляция.

Результаты

В своей работе мы рассмотрим три клинических случая детей с расстройствами аутистического спектра. Для всех троих детей был разработан план коррекции самоповреждающего поведения с учетом выявленных особенностей [3; 5; 6; 9; 13].

Константин, 8 лет.

Диагнозы: расстройство аутистического спектра, умеренная умственная отсталость.

Ребенок занимается в Центре 1 год.

Описание поведения: кусает по-очереди обе руки в области лучевых костей рядом с запястьями. Частота поведения: каждые 10-15 минут вне зависимости от выполняемой деятельности. Укус оставляет глубокие вмятины от зубов.

Объективно: в области укусов имеются незаживающие раны, а также рубцы. Кожа вокруг воспаленная, шершавая. К моменту прихода Кости в Центр история самоповреждения с такой топологией насчитывала уже около 4 лет (со слов мамы).

Проведенный нами функциональный анализ поведения позволяет нам говорить о том, что данное поведение поддерживается двумя функциями: сенсорной стимуляцией тактильной системы и избегание требований.

Константин посещает занятия в Центре 3 раза в неделю по 60 минут. Было принято решение во время пере-

рывов (3-4 перерыва в течение занятия) осуществлять с ним упражнения и игры, направленные на развитие тактильной системы.

Сразу мы столкнулись с проблемой выбора массажеров или сенсоров, поскольку оказалось, что кожа рук мальчика чрезвычайно чувствительна к прикосновениям, за исключением покусанных участков. Поэтому долго не могли выбрать для Кости необходимый массажер. Все сенсорные мячики и массажеры казались ему слишком острыми (даже мягкие сенсорные мячики с «колючками»). Выбор остановили на массажере, имеющим на мягкой пластиковой основе металлические вращающиеся шарики. Массаж рук и плечей делали на каждой перемене. Сначала на протяжении нескольких недель массаж в зоне поражений не делали. Это продолжалось до тех пор, пока не зажили покусанные участки рук. Затем начали массировать и их.

Также Костя с удовольствием вовлекался в любые игры с крупами, фасолью, камешками, мелкими деталями и пр. Во время занятий между очередными сессиями заданий, мальчик сам начал протягивать руки педагогу для массажа, растирания, проминания.

Работа в таком режиме продолжалась около 6 месяцев. Постепенно поведение кусать свои руки начало исчезать, однако появлялось раз в несколько недель с целью избегания усложняющихся заданий. При небольшом снижении требований Костя перестает себя кусать. Раны на руках зажили. Такие редкие покусы уже не травмировали кожу сильно. Окончательно избавиться от самоповреждающего поведения у Кости пока не удалось. С одной стороны, был очень большой «стаж» такого поведения (с 4 до 8 лет). С другой, кроме функции аутистической стимуляции, есть функция избегания требований, что требует разработки нового плана коррекции.

Марк, 3 года.

Диагноз: расстройство аутистического спектра.

Ребенок занимается в Центре 3 месяца.

Описание поведения: залезает на шведскую лестницу на 4-5 ступеней, затем наверху отпускает руки и падает на пол при этом ударяется челюстью, ладонями рук, коленями о металлические перекладины лестницы, смеется. Частота поведения: в первые дни занятий в Центре каждый раз, пробегая мимо лестницы.

Объективно: на теле имеются небольшие синяки (постоянно примерно 7-10 синяков), размером по 2-3 см в диаметре на ногах, руках, боках, иногда на лице или лбу.

Была определена функция самоповреждающего по-

ведения: сенсорная стимуляция вестибулярной и проприоцептивной систем. В пользу нашего предположения говорят и другие формы поведения у Марка: когда за ним приходят родители, он начинает бегать по коридору, подпрыгивает и падает, ударяясь руками и ногами о пол; прыгает вниз с других предметов (стула, стола, скамейки); вращает предметы, вращается сам, двигаясь по спирали.

Выбор упражнений во многом был связан тем, что Марк плохо понимает обращенную речь, имеет крайне низкий уровень произвольности действий (поведение полевое), ребенок активный, ему сложно усидеть на месте. Выполнить с ним упражнения, в которых необходимо, например, выпрыгнуть/пойти определенным образом, сесть на корточки, принять определенную позу для выполнения упражнений пока невозможно. Поэтому мы использовали такие упражнения, как:

- педагог удерживает слегка ноги ребенка, когда тот ползет на четвереньках, как бы создавая ему дополнительную нагрузку, заставляя его предпринимать усилия в процессе передвижения;
- ребенок тянет (упражнение выполняется с полной физической подсказкой «рука в руке») детский эспандер, прикрепленный к шведской лестнице, руками и ногами поочередно (руками, стоя лицом к лестнице, а ногами, стоя спиной к лестнице);
- ребенок переносит/убирает оборудование кабинета (упражнение выполняется с полной физической подсказкой «рука в руке»), перенося его (например, надо убрать мешочки с песком, конусы, корзину с мячиками);
- выполнение упражнений с детскими утяжелителями на ногах и на руках. Такой способ выполнения упражнений подходит Марку, поскольку он не боится прикосновений, тактильная чувствительность в норме;
- катит большую детскую машину или садится на сиденье машины и едет сам, отталкиваясь ногами от пола;
- упражнение «таракан» (ходьба на руках).

Конечно, пришлось учесть, что Марк ударяется в падении, поэтому обязательно подключаем ему «ударную» нагрузку: при раскачивании в гамаке резко приподнимаем гамак и отпускаем его, чтобы пружинил в воздухе вверх-вниз, пружиним всем телом лежа на животе на фитболе. Используем прыжки на батуте-полусфере. Крепкие объятия. Ребенок лежит на спине, ноги согнуты под прямым углом, педагог сидит на фитболе, удерживает стопы ног ребенка за щиколотки и бьет ими по фитболу (одновременно и по-очереди).

В начале работы над этим поведением, приходилось физически удерживать Марка во время занятия, поскольку его потребность падать с высоты, ударяясь,

была постоянной, а данный вид поведения может быть опасным для ребенка.

Марк посещает занятия в Центре 3 раза в неделю по 40 минут. По прошествии 7 недель с момента начала работы над самоповреждающим поведением Марка можно отпустить на лестницу: он по-прежнему любит на нее залезать, но падать с высоты перестал, начал спускаться, спрыгивает на мягкий пол только со второй ступеньки, но прыгает на ноги, не ударяясь частями тела. Кроме этого, в коридоре и во время занятий перестал биться о пол, перестал залезать на предметы мебели. Любит бить ладонями по фитболу, по массажным малым полусферам, прыгать на батуте-полусфере. Стал более усидчивым, лучше начал понимать обращенную речь (в виде простых инструкций), может теперь выполнять задания, сидя за столом (пока кратковременно по 5-7 минут). Эпизодов самоповреждающего поведения больше не было.

Степан, 3,5 года.

Диагнозы: РАС, сенсомоторная алалия под вопросом.

Занимается в Центре 9 месяцев.

Описание поведения: ребенок находит небольшие твердые предметы, как правило с углами (деревянные кубики, пластиковые запчасти от игрушек и т.п.), которые помещаются у него в ладони. Затем внимательно смотрит на руку с предметом и с размахом ударяет себя этими предметами по щеке, лбу, челюсти, губам, по другой руке. Наносит себе по 5-7 ударов сериями в течение 5 секунд, кричит, бегает. Серии повторяются каждые 10-15 минут вне зависимости от выполняемой деятельности или отдыха.

Объективно: в области ударов наблюдается покраснение кожи, бывают единичные синяки на шее, скулах, руках.

В результате поведенческого анализа были установлены функции самоповреждающего поведения: сенсорная стимуляция тактильной системы, избегание требований, доступ к желаемому.

В пользу гипочувствительности тактильной системы говорят так же и сниженная температурная чувствительность у Степана (со слов мамы: может не замечать, что включил горячую воду и не надевает варежки на морозе), сопровождение всех действий взглядом, его желание сидеть в емкости с фасолью, погружать в нее не только руки и ноги, но и голову, царапать свои руки [12].

Степан посещает занятия в Центре 3 раза в неделю по 60 минут. Было принято решение осуществлять с ним упражнения и игры, направленные на развитие тактиль-

ной системы, особенно в области ладоней, лица. Были использованы музыкальные инструменты, которые надо зажимать в руке и трясти ими или бить для извлечения звука (маракасы, трещетки, барабаны, колокольчики, бубны, бубенцы, калимба и пр.), утяжеленный металлом детский молоток. Очень удобным для развития тактильной чувствительности особенно в случае со Степой является работа с обычным пластилином.

Мы избегаем легких прикосновений, если работаем «рука в руке», то берем руки ребенка со значительным нажимом.

Регулярно играем с крупами, фасолью, но не только руками – берем щипцами камни из фасоли (щипцы помогают ему почувствовать руки, а также дают необходимое давление).

Используем броски мешочков с песком, сенсорных мячиков. Надеваем на руки детские утяжелители.

Частота эпизодов самоповреждающего поведения в течение 2 месяцев значительно снизилась, до 0-1 за занятие. Работа со Степаном продолжается. Кроме прочего, он научился отдавать тьютору зажатые в ладони предметы. Когда ладонь пустая, себя не бьет. Но и с кубиками или другими предметами в руке теперь может ходить, крепко сжимая, но практически без актов самоповреждающего поведения.

Обсуждение

В процессе исследования были проведены наблю-

дения за тремя детьми и определены функции их самоповреждающего поведения. Действительно, спланированная нами изначально работа по коррекции самоповреждающего поведения с функцией сенсорной стимуляции, показала, что у двоих мальчиков с функцией аутоstimуляции сочетаются еще несколько функций поведения – избегание требований (у Константина и Степана), доступ к желаемому (у Степана). Однако, именно аутоstimуляция является достаточно сложной для снижения частоты и изменения топографии, поэтому были разработаны планы коррекции, из которых в данном исследовании были представлены упражнения на развитие сенсорных систем, использованные нами в трех конкретных случаях.

Мы работали в рамках индивидуального подхода, поскольку очень важно понимать, как именно необходимо адаптировать окружающую обстановку и делать ее развивающей для каждого ребенка с аутизмом, какие при этом использовать задания, упражнения, игры.

Заключение

Понимание связи между самоповреждающим поведением с функцией сенсорной стимуляции и особенностями развития сенсорных систем при аутизме жизненно важно для оказания соответствующей поддержки и вмешательства. С помощью специально организованной индивидуальной коррекционной работы мы можем улучшить качество жизни детей с аутизмом, которые и сами могут страдать от «навязчивостей» аутоагрессивных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитическая справка о численности детей с расстройствами аутистического спектра в субъектах Российской Федерации в 2020 году // Федеральный ресурсный центр по организации комплексного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра: официальный сайт. – URL: <https://autism-frc.ru/>
2. Богдашина, О.Б. Особенности сенсорного восприятия при аутизме: введение в проблему / Пер. с англ. Т. Сафронова, А. Недомовная, М. Шахтарин // Сибирский вестник специального образования. – 2012. – № 2 (6). – С. 1-24
3. Делани, Т. Развитие основных навыков у детей с аутизмом: эффективная методика игровых занятий с особыми детьми / Тара Делани. Пер. с англ. В. Дегтяревой / Под науч. ред. С. Анисимова. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2014. – 272 с.
4. Довбня, С. Дети с расстройствами аутистического спектра в детском саду и школе: практики с доказанной эффективностью / С. Довбня, Т. Морозова, А. Залогина, И. Монова. – СПб.: Сеанс, 2018. – 202 с.
5. Кислинг, У. Сенсорная интеграция в диалоге: понять ребенка, распознать проблему, помочь обрести равновесие / У. Кислинг. М.: Теревинф, 2010. – 240 с.
6. Кэрролл, Сток Крановиц Разбалансированный ребенок: как распознать и справиться с нарушениями процесса обработки сенсорной информации / Кэрролл Сток Крановиц; [пер. с англ. Н. Гагулашвили, М. Кутузова, Ч. Ангел]. – Изд. испр. и доп. – СПб.: Редактор, 2012. – 379 с.
7. Мелешкевич, О. Особые дети. Введение в прикладной анализ поведения (АВА): принципы коррекции проблемного поведения и стратегии обучения детей с расстройствами аутистического спектра и другими особенностями развития / О. Мелешкевич, Ю. Эрц. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2015. – 208 с.
8. Микадзе, Ю.В. Нейропсихология детского возраста: Учебное пособие / Ю.В. Микадзе. – СПб.: Питер, 2021. – 288 с.
9. Ньюмен С. Игры и занятия с особым ребенком. Руководство для родителей / С. Ньюмен; пер. с англ. Н.Л. Холмогоровой. М.: Теревинф, 2004. – 240 с.
10. Овсянникова, Т.М. Применение метода функционального анализа поведения для коррекции нежелательного поведения у ребенка с расстройством аутистического спектра [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2016. – Том 5. – № 1. – С. 111–126. doi: 10.17759/

psyclin.2016050108

11. Польская, Н.А. Психология самоповреждающего поведения: [причины и механизмы формирования, теоретические модели и методы исследования, социокультурные, половозрастные и психологические факторы риска] / Н.А. Польская. – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2017. – 318 с.
12. Сенсорные особенности детей с расстройствами аутистического спектра. Стратегии помощи. Методическое пособие / Н.Г. Манелис, Ю.В. Никитина, Л.М. Феррои, О.П. Комарова / Под общ. ред. А.В. Хаустова, Н.Г. Манелис. М.: ФРЦ ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. – 70 с.
13. Янушко, Е.А. Игры с аутичным ребенком. Установление контакта, способы взаимодействия, развитие речи, психотерапия / Е.А. Янушко. – М.: Теревинф, 2004. – 136 с.
14. Richman, D.M. Early intervention and prevention of self-injurious behaviour exhibited by young children with developmental / D.M. Richman // Journal of Intellectual Disability Research. – 2008. – Vol. 52, Iss. 1. – P. 3—17
15. Understanding and Treating Self-Injurious Behavior in Autism // Stephen M. Edelson, Jane Botsford Johnson, 2016. – 308 s.

© Егорова Ольга Ивановна (liranda@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Восточный государственный университет

ИСКАЖЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ СОБСТВЕННОГО ТЕЛА У ЛЮДЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ (РПП)

Зиневиц Алёна Валентиновна

Выпускник программы профессиональной
переподготовки, Московский педагогический
государственный университет
zinevich.psy@gmail.com

BODY IMAGE DISTURBANCE AMONG PEOPLE WITH EATING DISORDERS (EDS)

A. Zinevich

Summary: The article examines the correlation between the characteristics of disturbance in the perception of body image among people with various forms of eating disorders (EDs) (anorexia nervosa, bulimia nervosa and binge-eating disorder). A review of theoretical literature on the research problem is presented, which confirms the relevance of the topic in view of people's growing number with eating disorders. The article contains the results of a university-based experimental study, which presents a comparison of personal data (body image questionnaire) of people with eating disorders and people without diagnosed problems. The results obtained allow us to conclude that all persons with eating disorders have distortions in body image associated with its inadequate perception, incl. discrepancy between actual weight and body mass index (BMI), with the level of eating disorders playing an important role. It has been noted that individuals in recovery have a lower degree of negative body image perception.

Keywords: eating disorders (EDs), body image, anorexia nervosa, bulimia nervosa, binge-eating disorder.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос взаимосвязи особенностей искажения в восприятии образа тела у людей с различными формами расстройств пищевого поведения (РПП) (нервная анорексия, нервная булимия и компульсивное переедание). Представлен обзор теоретической литературы по проблеме исследования, который подтверждает актуальность темы, ввиду растущего количества людей с РПП. Статья содержит результаты проведенного опытно-экспериментального исследования на базе университета, где представлено сравнение анкетных данных (опросник образа собственного тела) людей с РПП и лиц без диагностированных расстройств. Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что все лица с РПП имеют искажения в образе тела, связанные с его неадекватным восприятием, в т.ч. несоответствием фактического веса индексу массы тела (ИМТ), при этом важную роль играет уровень РПП. Отмечено, что лица, находящиеся в процессе выздоровления, имеют более низкую степень отрицательного восприятия образа тела.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения (РПП), образ тела, нервная анорексия, нервная булимия, компульсивное переедание.

О образ тела — это многомерный феномен, который представляет собой оценку тела, включающую в себя восприятие, отношение и чувства относительно размера и формы тела, а также связанного с этим поведения [2]. Измерение восприятия, также называемое восприятием тела, отражает субъективные ожидания человека от образа своего тела, а измерение отношения, также называемое удовлетворенностью телом, отражает его чувства по поводу внешнего вида собственного тела.

Искажение в восприятии образа собственного тела является важным критерием в диагностике расстройств пищевого поведения (РПП). В настоящее время исследование данного вопроса является особенно актуальным, поскольку современные научные разработки признают, что с каждым годом отмечается стремительный рост числа людей с диагностированными РПП различной этиологии (согласно статистике, 9% населения во всём мире страдало или в настоящее время страдает расстройствами пищевого поведения [10]). Кроме того, расстройства пищевого поведения считаются одними из самых смертельных психических заболеваний после передозировки наркотическими средствами [4].

Пищевое поведение — это «общий термин, используемый для обозначения различных компонентов поведения, участвующих в нормальном процессе приема пищи» [5]. Опираясь на множество качественных и количественных показателей оценки пищевого поведения человека, можно судить о его адекватности или признаках нарушения (расстройства).

Шульц К.В. и др. дают следующее определение понятия расстройство пищевого поведения: «РПП – нарушения в приемах пищи (увеличение кратности приемов пищи, неконтролируемый аппетит и т.д.), которые включают в себя широкий спектр поведенческих реакций от ограничительного пищевого поведения до компульсивного переедания» [10]. Отсюда, в более широком смысле, расстройства пищевого поведения можно охарактеризовать как сложные, потенциально опасные для жизни состояния, характеризующиеся деструктивным пищевым поведением, которое существенно влияет на физическое и психосоциальное функционирование.

Среди факторов формирования расстройств пищевого поведения выделяют: генетическую предрасположенность; психологические особенности личности; со-

циокультурное влияние; внешнее воздействие (стрессы, депрессивные состояния и др.) и т.д. [2].

Исследования выявили особую связь между социокультурными аспектами и восприятием образа тела. В некоторых культурах, особенно среди женщин, худоба считается символом женственности, тогда как в других принимается в расчет средний индекс массы тела (ИМТ). Так, в работе Гудименко Ю. Ю. было высказано предположение, что давление со стороны окружения, направленное на то, чтобы быть худым, увеличивает неудовлетворенность своим телом, потому что посыл о том, что нужно быть худым через средства массовой информации или семью, побуждает человека чувствовать недовольство образом своего тела с точки зрения внешнего вида. Эта точка зрения подтверждается тем, что воспринимаемое давление приводит к последующему увеличению неудовлетворенности телом [3] и, в свою очередь, к риску развития расстройства пищевого поведения.

Наиболее распространенными формами РПП являются:

1. нервная анорексия («*anorexia nervosa*»);
2. нервная булимия («*bulimia nervosa*»);
3. компульсивное переедание («*binge eating disorder*») [5].

Нервная анорексия — расстройство пищевого поведения, связанное с ограничением потребления пищи и выраженной недостаточностью веса [8]. Одним из ключевых симптомов анорексии, который часто провоцирует данное расстройство пищевого поведения, является искажение в восприятии собственного тела, включая негативные чувства и оценки по отношению к телу (когнитивно-аффективный компонент) и переоценку размеров тела (перцептивный компонент).

Когнитивно-аффективный компонент образа тела обычно измеряется с помощью анкет самоотчета или интервью. Он включает в себя различные аспекты, которые пациенты обычно осознают и хорошо могут описать, например, неудовлетворенность своим телом, переоценку формы или веса, озабоченность формой или весом и страх увеличения веса. Переоценка (неоправданная важность) формы/веса тела, родственная, но отличная от общих подходов к изучению неудовлетворенности телом и проблем с формой/весом концепция, считается основной когнитивной особенностью расстройств пищевого поведения [10]. Переоценка формы/веса напрямую связана с феноменом искажения восприятия тела, но не полностью идентична ему. Среди сопутствующих признаков искажения восприятия тела также можно выделить: поведение, связанное с проверкой тела / избеганием; искаженное восприятие размеров тела и др.

Несмотря на разнообразие методов измерения и

продолжающиеся дебаты об относительной важности различных аспектов, существуют исследования о том, что когнитивно-аффективный компонент образа тела сильно страдает и отрицательно искажается при нервной анорексии; таким образом, когнитивно-аффективные аспекты образа тела являются важной целью лечения [8]. Результаты изученного экспериментального опыта [7; 8; 10] доказывают, что целенаправленное лечение приводит к явному улучшению массы тела и общей психопатологии расстройств пищевого поведения (например, проблем с питанием и веса), в т.ч. изменению восприятия собственного тела.

Наряду с нервной анорексией, схожую симптоматику в плане нарушений восприятия собственного тела, можно наблюдать и при нервной булимии. Нервная булимия характеризуется нарушением образа тела, повторяющимся перееданием и компенсаторным поведением, таким как самостоятельно вызываемая рвота, злоупотребление слабительными или голодание [8]. Диагноз нервной булимии также подтверждается нарушением восприятия веса или формы тела или неспособностью осознать серьезность текущей низкой массы тела.

Иногда ситуация расстройства пищевого поведения может сопровождаться смешанным типом нарушений, в т.ч. включать в себя психогенное (компульсивное) переедание. Компульсивное переедание характеризуется повторяющимися эпизодами бесконтрольного переедания, во время которых в течении определенного периода времени потребляется большое количество пищи с сопутствующим чувством потери контроля над количеством или типом потребляемой пищи [1]. Такие эпизоды переедания сопровождаются, например, чувством стыда во время еды, быстрым приемом пищи и отвращением к самому себе.

В отличие от нервной булимии и нервной анорексии, эпизоды переедания не сопровождаются регулярным неадекватным компенсаторным поведением для регулирования веса, например, вызыванием у себя рвоты или злоупотреблением слабительными. Согласно последним исследованиям, около 70% пациентов с компульсивным перееданием имеют как минимум избыточный вес или страдают сопутствующим ожирением [9], что может привести к серьезным медицинским осложнениям, связанным с ожирением, таким как метаболический синдром, включая дислипидемию, гипертонию и диабет 2 типа.

Помимо этого, компульсивное переедание также приводит к снижению психосоциального функционирования и качества жизни, к повышенному риску коморбидных психических расстройств, таких как депрессия, тревожные расстройства и риск самоубийства, независимо от сопутствующего ожирения [1].

Одной из причин психогенного переживания также выступает искажение в восприятии собственного тела. В проанализированных исследованиях содержится информация как о положительных, так и об отрицательных аспектах образа тела как психологической конструкции. В то время как удовлетворительный образ тела связан с долгосрочным психическим здоровьем и благополучием [2], неудовлетворенность образом тела связана с различными нарушениями, которые влияют на психосоциальное функционирование и качество жизни и приводят к нездоровому поведению по контролю веса и суицидальным мыслям [9]. Именно искажение в восприятии собственного тела является одним из ключевых трансдиагностических признаков основных форм расстройств пищевого поведения.

В рамках опытно-экспериментальной работы нами было проведено исследование, в котором приняли участие 46 человек. Участниками являются мужчины и женщины из числа студентов в возрасте от 18 до 25 лет, из которых 16 человек имеют подтвержденный диагноз РПП (нервная анорексия, нервная булимия и/или компульсивное переживание) - 35% и 30 человек (65%) приглашены для исследования в качестве случайной выборки (контрольная группа). При этом, важно отметить, что мы не можем отрицать наличие или отсутствие лиц с РПП в контрольной группе, поскольку предварительное их обследование не проводилось, однако, сами они озабоченности данной проблемой не проявляют. Среди опрошенных, участие в исследовании приняли 37 девушек (80%) и 9 мужчин (20%).

Данные собирались с помощью структурированной анкеты для самостоятельного заполнения и закрытых вопросов (опросник образа собственного тела (О.А. Скугаревский и С.В. Сивуха)) [6]. Анкета включала социально-демографическую информацию (возраст, семейное положение и т.д.), а также вопросы, связанные с оценкой самовосприятия образа тела, восприятия веса, социокультурных факторов, влияющих на образ тела, образа жизни, удовлетворенности телом. Включенные в анкету вопросы о весе и росте респондентов позволили произвести расчеты индексов массы тела по формуле $ИМТ = \text{вес (кг)} / \text{рост (м}^2\text{)}$.

Результаты проведенного исследования продемонстрировали следующие показатели. Образ тела воспринимается респондентами как положительный и отрицательный по сравнению с реальным ИМТ. Важно отметить, что процент позитивного восприятия образа тела был значительно ниже в группе с подтвержденными расстройствами пищевого поведения: среди 16 респондентов с РПП 15 человек (94%) имеют отрицательное восприятие образа тела, в то время как в контрольной группе (без диагностированных РПП) из 30 человек всего 11 опрошенных (37%) имеют отрицательное восприя-

тие образа тела.

Интересно рассмотреть полученные ответы на закрытые вопросы о социокультурном взгляде на образ тела. Согласно фактическим категориям ИМТ получены следующие показатели:

- 25 человек (54%) с нормальным ИМТ ответили, что умеренный вес является идеальным телом в их обществе (3 человек из них с РПП);
- избыточный ИМТ был идеальным образом тела, на который ответили 4 участника (9%) из нормальной весовой категории (среди представителей данной группы нет людей с РПП);
- также, из нормальной весовой категории низким свой вес назвали 5 человек (11%) (все лица с диагностированными формами РПП);
- из категории недостаточного веса 5 человек (11%) считает свой вес идеальным (все лица с диагностированными формами РПП);
- интересный факт, наблюдаемый в этом исследовании, заключался в том, что 15% (7 человек) лиц с избыточным весом оценили, что они относятся к нормальному весу по ИМТ (важно отметить, что 3 из них имеют диагностированное расстройство пищевого поведения).

Одним из компонентов исследования стала оценка восприятия внешнего вида. Выявлено, что 81% студентов считает внешний вид очень важным критерием для восприятия образа тела, при этом:

- 90% из них (33 человека) – лица женского пола, 4 респондента – представители мужского пола;
- в эту группу также вошли все лица (100%) с диагностированными формами РПП.

60% студентов ответили, что, по их мнению, средства массовой информации влияют на восприятие образа тела; среди этой категории не выявлено ни одного мужчины, при этом все лица с РПП выбрали данный критерий значимым. Идентичные показатели получены и при ответе на вопрос о сравнении своего тела с другими. Около 64% студентов подтверждают тот факт, что иногда сравнивают свою фигуру с другими людьми (83% из них – лица с РПП).

Отсюда, результаты, полученные в процессе опытно-экспериментальной деятельности, позволяют сделать следующие выводы:

- люди с диагностированными формами расстройств пищевого поведения имеют преимущественно отрицательное восприятие образа тела, в частности, при нормальном ИМТ и отсутствии очевидных дефектов внешности (90% опрошенных). При этом, отсутствие диагноза РПП не исключает вероятность искажения в восприятии образа тела (37% опрошенных контрольной группы (респон-

денты без подтвержденного диагноза)), однако, значительно снижает общий количественный показатель;

- в группе людей с расстройствами пищевого поведения 80% участников имеют искаженное восприятие собственного веса по отношению к их фактическому ИМТ.

Важно отметить, что 3 респондентов с РПП, имеющие нормальный ИМТ, ответили, что их вес соответствует идеальному, при этом все из них находятся в процессе терапии и выздоровления, а также имеют выраженные показатели улучшения состояния, по отношению к другим участникам исследования с РПП. Данное наблюдение подтверждает тот факт, что существует прямая взаимосвязь между степенью расстройств пищевого поведения и искажением в восприятии образа тела;

- 100% респондентов с РПП отмечают критическую важность собственного внешнего вида в восприятии образа тела; при этом все лица с различными формами расстройств пищевого поведения утверждают, что СМИ и социум оказывают значительное влияние на восприятие образа тела, а

83% подтверждают, что периодически сравнивают свою фигуру с другими.

Отсюда, искажения в восприятии собственного тела у людей с различными формами расстройств пищевого поведения во многих случаях связаны с: отрицательным целостным восприятием образа тела (недовольство фигурой/пропорциями тела; весом, качеством кожи и др.); несоответствием восприятия собственного веса и реального ИМТ; давлением со стороны СМИ и общества, которые приводят к навязчивым идеям о необходимости «соответствия идеалу».

Таким образом, можно сделать вывод, что проведенное исследование подтверждает представленные теоретические положения о том, что лица с РПП имеют искаженное или отрицательное восприятие образа собственного тела. Социокультурные факторы в значительной степени способствуют восприятию человеком привлекательности тела, что приводит к большему удовлетворению или неудовлетворению образом собственного тела. При этом, у лиц с негативным восприятием образа тела наблюдаются функциональные корреляции между уровнем расстройств пищевого поведения и удовлетворенностью образом тела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lewer M, Kosfelder J, Michalak J, Schroeder D, Nasrawi N, Vocks S. Effects of a cognitive-behavioral exposure-based body image therapy for overweight females with binge eating disorder: a pilot study. *J Eat Disord.* 2017 Dec 21;5:43. doi: 10.1186/s40337-017-0174-y
2. Гончарова, В.А. Проблема развития образа тела в психологической науке / В.А. Гончарова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет". – 2023. – Т. 2, № 15-2. – С. 22-25.
3. Гудименко, Ю.Ю. Сравнительный анализ восприятия образа тела у мужчин и женщин с расстройством пищевого поведения / Ю.Ю. Гудименко, Д.Р. Бондарук // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований : Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и их наставников, Тверь, 25–26 апреля 2023 года / Под редакцией И.А. Барияк., Е.С. Ребриловой, П.А. Ярилиной. – Тверь: Тверской государственный университет, 2023. – С. 258-261.
4. Демченко, А.С. Расстройства пищевого поведения: распространённость, история, классификация, причины / А.С. Демченко // Педагогика и психология: перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 10 мая 2023 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью "Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс", 2023. – С. 209-214.
5. Кабичева Н.О. Психологические особенности лиц с расстройствами пищевого поведения: обзор литературы // Инновационная наука. 2023. №1-1. – С. 87-90.
6. Опросник образа собственного тела (тест на дисморфофобию). [Электронный ресурс]. URL: <https://psychiatry-test.ru/test/oprosnik-obraza-sobstvennogo-tela> (дата обращения: 20.10.2023).
7. Особенности самосознания при нарушениях пищевого поведения: современное состояние вопроса / Н.В. Филиппова, Ю.Б. Барыльник, М.А. Деева [и др.] // Психическое здоровье. – 2018. – Т. 16, № 2(141). – С. 92-97.
8. Сотникова, А.А. Связь образа тела и расстройств пищевого поведения у лиц с нервной анорексией и булимией / А.А. Сотникова // Трибуна ученого. – 2020. – № 6. – С. 188-195.
9. Струцкая, Л.М. Компulsive переедание как основной тип расстройства пищевого поведения и современные методы терапии / Л.М. Струцкая // Психея и Пневма. Современные практики в психологической помощи: XIII Сретенская научно-практическая конференция: сборник докладов, Санкт-Петербург, 13–14 февраля 2020 года. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2020. – С. 21-27.
10. Шульц К.В. Психологические аспекты расстройств пищевого поведения / К.В. Шульц, О.В. Жукова, А.С. Нагорняк, Н.Ю. Поцелуев // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. – 2021. – № 4. – С. 132-141.

© Зиневич Алёна Валентиновна (zinevich.psy@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИОНИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА «РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ – РЕШИТЕЛЬНОСТЬ»

RESEARCH OF SOCIONIC CHARACTERISTICS "PRUDENCE - DECISION"

**R. Kovalenko
N. Zvonareva**

Summary: The purpose of the empirical study is to test the existing hypotheses of the socionic trait "prudence – decision". Correlation analysis revealed the presence of a positive connection between the pole "decisiveness" and the traits "acceptance of struggle", "independence", "aggressiveness", "assertiveness", "manipulativeness", "dogmatism", "masculinity", "reactionism", "rigidity", "conservatism", as well as "difficulties with communicative tolerance". And the "prudence" pole showed correlations with the traits "non-acceptance of struggle", "dependence", "permissiveness", "gentleness", "radicalism" and "pacifism". The results obtained make it possible to draw up a description of the poles of the trait "prudence – decision", confirmed by research results, which will allow practitioners using socionic methods to rely on proven hypotheses.

Keywords: socionics, dangerous world beliefs, prudence, decision, aggressiveness, pacifism, tolerance.

Коваленко Роман Константинович

Независимый исследователь

kovalenkork@gmail.com

Звонарёва Наталия Александровна

Независимый исследователь

zvonareva@sibsocionic.ru

Аннотация: Цель эмпирического исследования – проверка существующих гипотез соционического признака «рассудительность – решительность». Корреляционный анализ выявил наличие положительной связи полюса «решительность» с чертами «принятие борьбы», «независимость», «агрессивность», «напористость», «манипулятивность», «догматизм», «маскулинность», «реакционизм», «жесткость», «консерватизм», а также «сложности с коммуникативной толерантностью». А полюс «рассудительность» показал корреляции с чертами «непринятие борьбы», «зависимость», «дозволенность», «мягкость», «радикализм» и «пацифизм». Полученные результаты позволяют составить подтвержденное результатами исследований описание полюсов признака «рассудительность – решительность», что позволит практикующим специалистам, использующим соционические методы, опираться на проверенные гипотезы.

Ключевые слова: соционика, вера в опасный мир, рассудительность, решительность, агрессивность, пацифизм, толерантность.

Введение

Соционика – это типология личности, созданная Аушрой Аугустиновичуте [1] на основе классификации типов личности К.Г. Юнга. В отличие от зарубежного аналога – MBTI, соционика не получила большого распространения за счет малого количества научных исследований. Автор соционики и её последователи больше акцентировались на распространении своих идей, а не их доказательствах и научном обосновании. Во многом в сторону соционики идет очень много критики, и её имидж находится на грани с лженаукой, в то время как MBTI широко используется во всем мире как для проведения исследований, так и в виде практического инструмента для большого числа задач.

У соционики перед MBTI есть существенное преимущество. В работе [2] Аушра Аугустиновичуте совместно с математиком Г.Р. Рейниным математически вывели еще 11 признаков, помимо базовых четырех признаков. Таким образом, соционическая модель приобрела вид алгебраической группы, где комбинация 15 ортогональных признаков описывает 16 типов личности. Это существенно повышает точность определения типа личности, в т.ч.

при помощи тестовых методик [3]. В дальнейшем в работе [1] Аушра Аугустиновичуте дала гипотезы психологического наполнения всех математически выведенных признаков. В этой статье мы рассмотрим один из них – признак «рассудительность / решительность».

Создательница соционики Аугустиновичуте в своей работе [1] дала такое описание полюсам признака: «Рассудительные открыто обсуждают вопросы потенциальных возможностей, способностей, проблемы внутреннего содержания и структуры объектов и субъектов, самочувствия, приятных и неприятных ощущений, боли, в общем — разных сенсорных радостей и неприятностей. Решительные открыто обсуждают умение накапливать материальные и человеческие ресурсы, проявлять свою волю, внешность людей»

Прокофьева Т.Н. в своей работе [4] дает отличные от оригинала трактовки полюсов: «Рассудительность – в ценностях комфорт, удобство, возможность обсудить, решить мирным путем, а решительность – в ценностях волевые качества, решительные действия, скорость принятия решений».

Белецкая И.Е. и Белецкий С.А. [5] дают физиологическую трактовку полюсов: «Решительность – установка психики, направленная на поддержание стабильного (психофизиологического) состояния мобилизованности. Рассудительность – установка психики, направленная на поддержание стабильного расслабленного (психофизиологического) состояния».

Трактовки В.В. Гуленко в работе [6] по своему содержанию сходятся с трактовками Белецкой и Белецкого.

Все эти трактовки признака не были проверены исследованиями, а их авторы рекомендуют использовать их в практической деятельности на основе субъективной самооценки эффективности собственной работы. Поэтому вопрос проверки этих гипотез и формирование определений полюсов на основе научных исследований является актуальным для развития типологий личности.

Материалы и методы первого этапа исследований

Исследование признаков проводится в два этапа. Цель этого этапа - проверить существующие в соционике гипотезы психологического наполнения признаков. Для этой цели соционический тип определяется в процессе проведения диагностического интервью, где каждый из двух экспертов оценивает каждый признак по методике [7]. Затем на основе наблюдений двух экспертов выдвигается версия типа личности, как наиболее вероятная версия с учетом весов признаков.

Далее полюса признаков для расчета корреляционного анализа назначаются исходя из типа личности. Например, если наиболее вероятная версия – «ИЛЭ», значит, по признаку «экстраверсия / интроверсия» ему присваивается значение +1, которое говорит о том, что тип «ИЛЭ» - экстравертный тип личности. Затем на большой выборке рассчитывается точечный бисериальный коэффициент корреляции между каждым признаком и исследуемой психологической шкалой. Подобная процедура позволяет обойти неточности методик диагностики каждого признака, основанные на гипотезах, не подтвержденных исследованиями.

На первом этапе мы обнаружили корреляцию признака «рассудительность / решительность» со шкалой Дж. Дакитта «вера в опасный мир» в адаптации Гулевич О.А., Аникеенок О.А. и Безменовой И.К. [8].

Объем выборки - 124 человека. Из них 29,8% мужчин и 70,2% женщин. Средний возраст - 33,1 года (максимум – 60, минимум – 19 лет). Распределение участников исследования по типам личности представлено на рисунке 1. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Результаты и обсуждение первого этапа исследований

Таблица 1.

Результаты корреляционного анализа между признаками и верой в опасный мир.

Шкала	Показатель	Вера в опасный мир
Экстраверсия / интроверсия	ТБКК	0,05
	Знач-ть	0,615
Интуиция / сенсорика	ТБКК	-0,108
	Знач-ть	0,273
Логика / этика	ТБКК	-0,146
	Знач-ть	0,138
Иррационал. / рациональн.	ТБКК	0,056
	Знач-ть	0,57
Беспечность / предусмотрит.	ТБКК	-0,062
	Знач-ть	0,533
Уступчивость / упрямство	ТБКК	-0,123
	Знач-ть	0,21
Демократия / аристократия	ТБКК	-0,017
	Знач-ть	0,866
Тактика / стратегия	ТБКК	0,006
	Знач-ть	0,948
Конструкт. / эмотивизм	ТБКК	0,089
	Знач-ть	0,367
Статика / динамика	ТБКК	-0,029
	Знач-ть	0,768
Позитивизм / негативизм	ТБКК	0,114
	Знач-ть	0,245
Рассудит. / решительн.	ТБКК	-0,290
	Знач-ть	0,003
Субъект. / объективизм	ТБКК	-0,1
	Знач-ть	0,308
Процесс / результат	ТБКК	0,118
	Знач-ть	0,23
Квестимн. / деклатим.	ТБКК	0,003
	Знач-ть	0,978

Вера в опасный мир (dangerous world beliefs) – это убеждение в том, что общество хаотично, непредсказуемо, люди нападают на окружающих, а существующий социальный порядок находится под угрозой разрушения.

Ранее при исследовании связи признаков с моделью BIG5 мы получили корреляцию вторичного фактора «привязанность – обособленность» и его составляющих первичных факторов. С полюсом «рассудительность»

дали корреляции полюса: «привязанность», «теплота», «сотрудничество», «доверчивость» и «понимание», а с полюсом «решительность» скоррелировали полюса: «обособленность», «равнодушие», «соперничество», «подозрительность» и «непонимание». Это согласуется с полученной корреляцией «веры в опасный мир» с полюсом «решительность». Но при исследовании факторов BIG5 помимо признака «рассудительность / решительность» с этими же факторами коррелировал признак «логика / этика». При исследовании «веры в опасный мир» корреляций других признаков не наблюдается, а величина коэффициента корреляции выше, чем у факторов BIG5. Исходя из этого, можно сделать вывод о большей близости понятия «вера в опасный мир» к признаку.

На основе этого мы сформулировали определения признака и его полюсов.

Шкала «рассудительность / решительность» описывает социальную установку об открытости к окружающему миру.

«Рассудительность» – социальная установка на открытость личности к миру. В результате люди рассудительного типа открыто показывают свои личностные особенности окружающим, в т.ч. незнакомым людям. Они более доверчивы и стремятся к сотрудничеству. При этом у них присутствует социальная установка на неприемлемость демонстрации своих силовых качеств, закрытости, защищенности и её атрибутов, которые могут разрушить образ безопасного человека в глазах других людей.

«Решительность» – социальная установка на закрытость личности к миру. В результате люди решительно типа открыто демонстрируют свою защищенность, статус и другие знаки отличия, которые дистанцируют их личность от мира. Также у них присутствует социальная установка на неприемлемость демонстрации своих личностных особенностей. Им стыдно или неловко пока-

зать незнакомым людям себя настоящего. Как результат, люди решительных типов склонны к подозрительности и соперничеству с другими людьми.

Результатом первого этапа исследования признаков является формирование определения признака на основе проведенных исследований, а также создание и апробация надежной и валидной шкалы опросника для диагностики этого признака.

Материалы и методы второго этапа исследований

На втором этапе исследований мы проводим корреляционный анализ шкалы конкретного признака с различными психологическими шкалами с целью проверки валидности шкалы и уточнения психологического наполнения признака. По итогам первого этапа нами был создан опросник ОЛЧ, психометрические данные которого приведены в таблице 2. Опросник на определение соционического типа ОЛЧ состоит из 163 вопросов, сгруппированных в 7 шкал (таблица 2).

Таблица 2. Психометрические данные опросника ОЛЧ [3].

Шкалы	Количество вопросов	Альфа Кронбаха
Экстраверсия / интроверсия	30	0,874
Статика / динамика	25	0,787
Иррациональность / рациональность	22	0,767
Логика / этика	34	0,884
Интуиция / сенсорика	10	0,678
Беспечность / предусмотрительность	19	0,767
Рассудительность / решительность	23	0,808

Для более глубокого исследования признака «рассудительность / решительность» и отличий от других признаков мы выбрали для проведения исследований 4 опросника: методика У. Стефансона Q-сортировка,

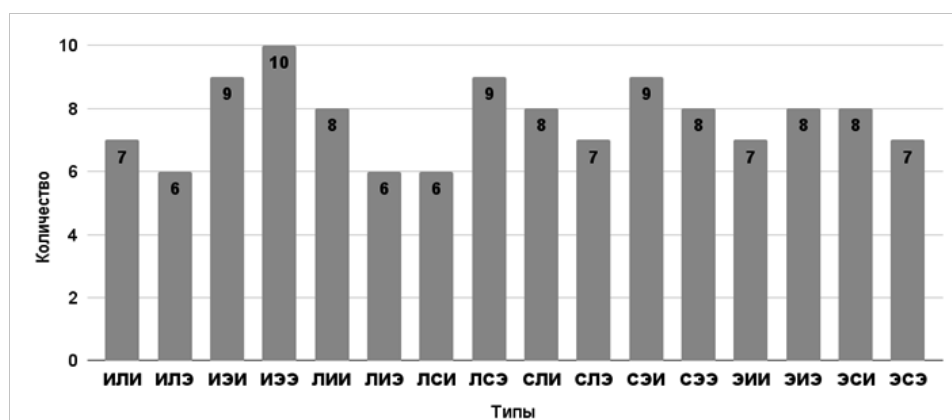

Рис. 1. Распределение участников по типам личности

адаптированная Э.Л. Горфинкелем, И.Л. Келейниковым [9]; опросник упорства – уступчивости и опросник социально-политических позиций, авторства Г. Айзенка и Г. Вильсона [10], а также опросник «Диагностика коммуникативной толерантности» В. В. Бойко [11].

Исследование проводилось на русскоязычной выборке. Всего в исследовании приняло участие 117 добровольцев. Соотношение мужчин и женщин 20,5% к 79,5%, что в целом соответствует распределению по признаку пола людей, интересующихся психологией, а также наблюдаемое в иных психологических исследованиях. Средний возраст добровольцев – 30,7 лет, с минимумом – 19 лет и максимумом – 59 лет.

Результаты и обсуждение второго этапа исследований

Шкалы «зависимость – независимость» показывают согласованные корреляции с признаками «экстраверсия – интроверсия» и «рассудительность – решительность». Полюса «решительность» и «экстраверсия» коррелируют с «независимостью», которая описывается как бойцовские качества и непокорность воле лидера. Шкалы «принятие – непринятие борьбы» также показывают согласованные корреляции с этими же признаками, где «экстраверты решительные» более склонны к достижению более высокого статуса в группе, требовательности к окружающим, и готовности бороться за свои интересы.

Полюс «экстраверсия» тут достаточно ожидаем, т.к. его составляющими являются такие черты, как «жизненная активность» и «склонность к доминированию». Корреляция «решительности» с этими шкалами также сходится со склонностью решительных к соперничеству и подозрительности, которую мы наблюдали в результатах предыдущих исследований.

Шкала «общительность» коррелирует с «экстраверсией», но фактор «общительности» наравне с «доминированием» и «активностью» является составляющей «экстраверсии» в модели BIG5. А «необщительность» не дает обратной корреляции с «экстраверсией», что говорит об иных причинах, вызывающих эту черту. Одну из гипотез причины позволяет сформировать корреляция с полюсом «логика», который описывает низкий уровень эмоционального интеллекта и большую ориентацию человека на формальное конвергентное мышление. Таким образом, причиной «необщительности» не является низкая активность нервной системы, проблемы с выстраиванием контакта вследствие сложностей в управлении и распознавании своих чувств и чувств собеседника.

Шкала «агрессивность» дает корреляции с полюсами «решительность», «экстраверсия» и «предусмотритель-

ность». Высокие значения корреляции с «решительностью» подкрепляют предыдущие результаты, в частности готовность к борьбе. «Экстраверсия» также ожидаема. «Предусмотрительность» – это повышенная личностная тревожность, которая усиливает агрессивность, особенно при наличии решительности, т.е. предубеждения, что окружающий мир и люди в нем представляют угрозу.

В шкале «напористости» мы наблюдаем также «экстраверсию» и «решительность». Также здесь появляется корреляция с полюсом «статика», т.е. стабильность и уравновешенность нервной системы, которая позволяет направлять энергию на одну цель, а не импульсивно переключаться между ними. Но вместо «предусмотрительности» мы наблюдаем тут корреляцию с «беспечностью». Для напористости повышенная тревожность будет мешать, и забирать энергию человека на внутренние переживания.

Шкала «установка на успех» коррелирует только с «экстраверсией», что тоже легко объясняется активностью экстравертов, скоростью работы нервной системы, и, как следствие, их нацеленностью на результативность действий.

Шкала «манипулятивность» описывает хладнокровие, расчетливость, хитрость, практичность и строгое следование исключительно своим интересам в отношениях с другими людьми. Эта шкала показывает наибольшую корреляцию с «решительностью», т.к. эти черты лучше всего раскрываются в сочетании с предубеждением о враждебности окружающих людей. Полюса «логика» и «статика» тоже ожидаемо коррелируют, т.к. низкий уровень эмпатии и отсутствие импульсивности вследствие стабильной нервной системы, повышают способность быть хладнокровным и расчетливым.

Шкала «поиск стимуляции» описывает жажду новых впечатлений, остроты в жизни. Эта шкала коррелирует с «экстраверсией», «статикой», «беспечностью», «интуицией» и «иррациональностью». Комбинация этих признаков попадает всего в 2 типа личности: «ИЛЭ» и «ИЭЭ». Одним из составляющих признака «экстраверсия» является поиск новых впечатлений. Корреляция с «беспечностью» и «статикой» также объяснима, т.к. у людей с повышенной личностной тревожностью и неуравновешенной нервной системой острые впечатления будут только усиливать тревожность и доставлять дискомфорт. «Иррациональность» – это естественность жизненного ритма и уход от ритуализации поведения, как следствие – «иррационалам» проще принять что-то новое и необычное, чем «рационалам». А «интуиция» – это более развитое воображение и образное восприятие, которые также дают вклад в стремление к новым впечатлениям.

Таблица 3.

Результаты исследования взаимосвязи шкал опросника Q-сортировка и соционических признаков.
Составлено авторами.

Соционический признак		Экстраверсия	Статика	Иррациональность	Беспечность	Интуиция	Логика	Рассудительность
Зависимость	Корр.	-0,277	-0,067	-0,082	-0,135	0,015	-0,078	0,220
	Знач.	0,003	0,485	0,39	0,157	0,875	0,411	0,023
Независимость	Корр.	0,398	0,148	-0,006	0,173	-0,042	0,183	-0,199
	Знач.	0	0,119	0,952	0,069	0,663	0,053	0,041
Общительность	Корр.	0,266	-0,116	0,004	-0,083	-0,108	-0,149	0,06
	Знач.	0,005	0,221	0,969	0,383	0,255	0,117	0,541
Необщительность	Корр.	-0,08	0,179	-0,018	0,126	0,123	0,219	-0,019
	Знач.	0,399	0,059	0,847	0,184	0,198	0,021	0,844
Принятие борьбы	Корр.	0,396	0,109	-0,046	-0,037	-0,074	0,108	-0,272
	Знач.	0	0,252	0,631	0,702	0,439	0,257	0,005
Непринятие борьбы	Корр.	-0,202	-0,122	-0,042	-0,007	0,047	-0,048	0,238
		0,033	0,201	0,66	0,942	0,624	0,614	0,014

Таблица 4.

Результаты исследования взаимосвязи шкал опросника упорство – уступчивость и соционических признаков.
Составлено авторами.

Соционический признак		Экстраверсия	Статика	Иррациональность	Беспечность	Интуиция	Логика	Рассудительность
Агрессивность	Корр.	0,296	0,033	0,175	-0,202	-0,051	0,057	-0,376
	Знач.	0,002	0,735	0,071	0,036	0,6	0,56	0
Напористость	Корр.	0,499	0,351	0,08	0,193	-0,054	0,069	-0,298
	Знач.	0	0	0,409	0,046	0,576	0,481	0,002
Установка на успех	Корр.	0,385	0,189	-0,139	-0,11	0,043	0,177	-0,144
	Знач.	0	0,05	0,151	0,258	0,656	0,066	0,136
Манипулятивность	Корр.	0,075	0,233	-0,017	0,009	-0,074	0,269	-0,448
	Знач.	0,443	0,015	0,864	0,926	0,446	0,005	0
Поиск стимуляции	Корр.	0,282	0,275	0,219	0,249	0,271	-0,017	-0,135
	Знач.	0,003	0,004	0,023	0,009	0,005	0,862	0,165
Догматизм	Корр.	-0,207	0,121	-0,058	-0,16	-0,211	0,129	-0,340
	Знач.	0,031	0,211	0,548	0,099	0,028	0,185	0
Маскулинность	Корр.	0,024	0,443	0,071	0,200	0,027	0,418	-0,218
		0,802	0	0,467	0,038	0,782	0	0,023

Шкала «догматизм» описывает категоричность, склонность видеть мир в черно-белом цвете, делить людей на врагов и друзей, а также твердость и непоколебимость взглядов. Здесь наблюдаются корреляции с «решительностью», «экстраверсией» и «сенсорикой». «Сенсорика» – это менее развитое воображение, и, как

следствие, «сенсорики» более приземленные и практичные люди, что влияет на «догматизм». Корреляция «решительности» тоже объяснима, т.к. если ты воспринимаешь общество и мир как опасное, то для защиты необходимо фильтровать людей на «своих» и «чужих», и придерживаться четкой системы взглядов, которую

Таблица 5.

Результаты исследования взаимосвязи шкал опросника социально-политических позиций и соционических признаков. Составлено авторами.

Соционический признак		Экстраверсия	Статика	Иррациональность	Беспечность	Интуиция	Логика	Рассудительность
Шкалы СПП								
Дозволенность	Корр.	-0,031	-0,064	0,202	0,106	0,046	0,026	0,414
	Знач.	0,742	0,498	0,032	0,265	0,628	0,786	0
Расизм	Корр.	0,125	0,155	-0,062	-0,025	-0,203	0,081	-0,504
	Знач.	0,187	0,101	0,518	0,79	0,031	0,391	0
Религиозность	Корр.	0,065	-0,175	-0,122	-0,151	0,042	-0,406	0,112
	Знач.	0,495	0,064	0,198	0,112	0,657	0	0,25
Социализм	Корр.	-0,144	-0,008	-0,047	0,073	0,185	-0,117	0,306
	Знач.	0,127	0,93	0,621	0,443	0,05	0,219	0,001
Либерализм	Корр.	-0,06	0,061	0,152	0,054	-0,016	0,239	-0,076
	Знач.	0,529	0,519	0,108	0,574	0,868	0,011	0,438
Реакционность	Корр.	0,008	0,043	-0,073	-0,181	-0,048	-0,04	-0,312
	Знач.	0,933	0,654	0,443	0,057	0,611	0,671	0,001
Пацифизм	Корр.	-0,078	-0,217	-0,016	-0,019	0,154	0,101	0,466
	Знач.	0,409	0,021	0,869	0,842	0,103	0,289	0
Консерватизм - радикализм	Корр.	0,128	0,055	-0,12	-0,164	-0,153	-0,129	-0,485
	Знач.	0,178	0,566	0,205	0,084	0,105	0,172	0
Жесткость / мягкость	Корр.	0,032	0,304	0,195	0,175	-0,181	0,242	-0,367
	Знач.	0,74	0,001	0,038	0,065	0,056	0,01	0

Таблица 6.

Результаты исследования взаимосвязи шкал опросника диагностики коммуникативной толерантности и соционических признаков. Составлено авторами.

Соционический признак		Экстраверсия	Статика	Иррациональность	Беспечность	Интуиция	Логика	Рассудительность
Шкалы ДКТ								
Неприятие индивидуальности	Корр.	-0,036	0,103	0,005	-0,277	-0,067	0,122	-0,196
	Знач.	0,701	0,27	0,958	0,003	0,471	0,191	0,042
Использование себя как эталона	Корр.	-0,074	0,059	0,032	-0,200	0,001	0,176	-0,119
	Знач.	0,43	0,527	0,734	0,033	0,99	0,057	0,219
Категоричность, консервативность	Корр.	0,076	0,11	0,052	-0,109	-0,075	0,141	-0,417
	Знач.	0,413	0,239	0,574	0,249	0,421	0,13	0
Неумение скрывать чувства	Корр.	0,017	0,065	0,081	-0,270	-0,193	0,208	-0,321
	Знач.	0,859	0,488	0,387	0,004	0,037	0,025	0,001
Стремление переделать партнера	Корр.	0,223	0,017	-0,129	-0,187	-0,091	-0,07	-0,085
	Знач.	0,016	0,855	0,164	0,046	0,328	0,453	0,381
Желание сделать партнера удобным	Корр.	0,115	-0,012	0,023	-0,299	-0,074	0,023	-0,113
	Знач.	0,216	0,894	0,806	0,001	0,426	0,804	0,245
Неумение прощать ошибки	Корр.	0,091	-0,037	0,148	-0,211	0,034	-0,071	-0,225
	Знач.	0,33	0,694	0,111	0,024	0,715	0,445	0,019
Нетерпимость к дискомфорту	Корр.	0,053	0,159	0,032	-0,021	0,05	0,221	-0,272
	Знач.	0,57	0,088	0,729	0,828	0,596	0,017	0,004
Плохое приспособление	Корр.	-0,087	0,02	-0,034	-0,367	-0,210	0,270	-0,216
	Знач.	0,352	0,831	0,718	0	0,023	0,003	0,025

необходимо защищать от чужих людей и врагов. Корреляция «догматизма» с «интроверсией» также достаточно ожидаема, т.к. это согласуется со склонностью интровертов к упрямству и упертости.

Шкала «маскулинность» отражает силу, низкую эмоциональность, терпимость к насилию и грубости, сложности в проявлении чувств и стремлении полагаться на разум, т.е. образ стереотипного представителя мужского пола. Наблюдается высокая корреляция со «статикой», «логикой» и «беспечностью», т.е. «маскулинность» более свойственна людям со стабильной нервной системой, низким эмоциональным интеллектом и сниженной личностной тревожностью. Также присутствует корреляция с «решительностью», т.е. представлением об опасности мира и общества, которая порождает терпимость к насилию и грубость по отношению к людям.

Шкала «дозволенность» описывает сексуальную свободу, толерантность к странным людям, терпимость к другим, и легкое отношение к жизни. Это согласуется с «рассудительностью», высокую корреляцию с которой мы наблюдаем, т.к. «рассудительные» больше открыты и доверчивы к людям, не видят в них угрозу, и направлены на их узнавание и принятие. Также наблюдается корреляция с «иррациональностью», т.е. естественностью и отсутствием ритуализированности, что повышает легкое отношение к жизни и большую свободу мыслей.

Шкала «расизм» показывает очень высокую корреляцию с «решительностью», что закономерно, т.к. шкала «расизм» в своей основе построена на разделении людей на «своих» и «чужих», а «решительным» свойственен такой ход мыслей. Также «расизм» показывает небольшую корреляцию с полюсом «сенсорика». Это объясняется тем, что «сенсорика» с более конкретным и материальным восприятием больше склонны оценивать людей по внешне-наблюдаемым свойствам (цвет кожи, национальность, внешность), чем по их способностям или потенциалу.

Шкала «религиозность» коррелирует с «этикой», т.е. ведущим дивергентным мышлением. В религии неприменимы формальные логические выводы, она требует от людей веры, чувственного понимания и интерпретации собственных чувств, к чему больше склонны люди с полюсом «этика».

Шкала «социализм» описывает неприязнь к богатым людям и высшему обществу. Эта шкала коррелирует только с полюсом «рассудительность». С одной стороны, «рассудительным» свойственна дозволенность и открытость к людям, а с другой стороны, они негативно относятся к демонстрации силы высоким статусом и богатством. А «решительным», наоборот, свойственно

стремиться в острой борьбе к высокому статусу и богатству, что мы отмечали ранее.

Шкала «реакционность» коррелирует с полюсом «решительность». Мы ранее при обсуждении «догматизма» отмечали склонность «решительных» к консерватизму и стремлению держаться за традиционные институты общества.

Шкала «пацифизм» показывает высокую корреляцию с «рассудительностью», т.к. у «рассудительных» минимальная терпимость к проявлениям насилия и демонстрации силовых качеств. Также шкала «пацифизма» коррелирует с полюсом «динамика», т.е. неуравновешенностью нервной системы, которая помогает улавливать изменения эмоций других людей, и быть более чувствительным к боли других людей.

Интегральная шкала «консерватизм – радикализм» показывает очень высокое значение коэффициента корреляции, где полюс «консерватизм» коррелирует с «решительностью», а «радикализм» – с «рассудительностью».

Полюс «жесткость» интегральной шкалы «жесткость – мягкость» также коррелирует с «решительностью». Но помимо «решительности» большой вклад в неё дают «тактика» и «логика», т.е. стабильность нервной системы, приводящая к низкой чувствительности, и низкий уровень эмпатии и эмоционального интеллекта.

В целом, результаты почти по всем шкалам очень похожи. Можно выделить два основных признака, влияющих на коммуникативную интолерантность: «предусмотрительность» и «решительность».

Полюс «решительность» коррелирует с «консерватизмом» и «категоричностью», неумением скрывать чувства, нетерпимостью к дискомфорту, неумением прощать ошибки, плохим приспособлением к характеру и привычкам других людей и непринятием индивидуальности. Это все является следствиями тех черт «решительных», что мы описывали ранее: «догматизм», «реакционность», «агрессивность», «манипулятивность», «подозрительность», склонность видеть в окружающих людях опасность.

Полюс «предусмотрительность» описывает повышенную личностную тревожность, и в межличностных отношениях приводит к плохому приспособлению к привычкам и характеру другого человека, желанию сделать партнера удобным, непринятию индивидуальности, неумению скрывать чувства, неумению прощать ошибки, использованию себя, как эталона, а также стремлению переделать партнера. Основной мотив «предусмотрительности»

тельных» – это сделать партнера предсказуемым, контролировать его, чтобы держать под контролем свою тревогу.

Также наблюдаются корреляции полюса «логика» с неумением скрывать свои чувства, нетерпимостью к дискомфорту и плохому приспособлению к характеру и привычкам другого человека, что логично объясняется проблемами с эмпатией и низким уровнем эмоционального интеллекта логиков.

Небольшие корреляции полюса «сенсорика» наблюдаются с неумением скрывать свои чувства и плохим приспособлением к характеру другого человека. Это объяснимо более конкретным восприятием сенсорики и сложностями с воображением, и, как следствие, формированием недостаточно точного образа другого человека.

Также полюс «экстраверсия» коррелирует со стремлением переделать партнера. Это можно объяснить объектностью мышления экстравертов, т.е. экстраверты направляют свое внимание на объекты и их свойства, не всегда подмечая связи и соотношения. Как результат, экстраверты больше фиксируются на качествах партнера, а интроверты – на отношениях.

Выводы

В качестве выводов можно отметить:

1. Проведенное исследование позволяет сформулировать описание полюсов признака «рассудительность – решительность» и представить широкий спектр его возможных проявлений в жизни на основе результатов исследований.
2. Существующие в соционике гипотезы описания признака «рассудительность – решительность» не точны. Гипотеза Аугустиновича отражает лишь стремление поднимать или не поднимать те или иные темы разговора, но не затрагивает причин такого явления. Гипотеза Прокофьевой близка к результатам исследований, но оперирует слишком общим термином «ценность» и также не дает причин мотивации этого явления. Гипотезы Гуленко и Белецких описывают нейрофизиологический характер признака, а по результатам исследований можно сделать вывод о его социальном характере. Гипотезы Гуленко и Белецких больше близки к описанию признака «беспечность – предусмотрительность», подробно не рассматриваемого в этой работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аугустинович, А. (1998) Теория признаков Рейнина. Соционика, ментология и психология личности. №5. С. 3-12. [На Русском]
2. Рейнин Г.Р. (1996) Группа биполярных признаков в типологии К. Юнга // Соционика, ментология и психология личности. №6.
3. Коваленко, Р.К., Звонарёва, Н.А. (2023) Особенности применения тестовых опросников в соционике и других типологиях личности. Психология обучения. № 1. С.104-117. [На Русском]
4. Прокофьева, Т.Н., Прокофьев, В.Г. (2018) Экспериментальные исследования НИИ Соционики. Соционика, ментология и психология личности. № 5-11. [На Русском]
5. Белецкая, И.Е., Белецкий, С.А. (2014) Секреты соционики. Как типировать по признакам Рейнина. – М.: Чёрная белка. – 296 с. [На Русском]
6. Гуленко В.В., Тыщенко В.П. Юнг в школе. Соционика – межвозрастной педагогике. – Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 1997.
7. Коваленко, Р.К., Звонарёва, Н.А. (2020) Соционика: полный курс лекций: учебник. Новосибирск. Изд-во: СибАК. Научно-исследовательский центр Соционического Анализа. 230 с. [На Русском]
8. Гулевич, О.А., Анисеев, О.А., Безменова, И.К. (2014) Социальные верования: адаптация методик Дж. Дакитта. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. №2. С. 68-89. [На Русском]
9. Методика «Q-сортировка» (В. Стефансон) // Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина: В 2т. – М., 2001. – Т.2. С. 65-69.
10. Айзенк Г., Вильсон Г. Как измерить личность. М.: Когито-Центр, 2000
11. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинь, 1996

© Коваленко Роман Константинович (kovalenkork@gmail.com), Звонарёва Наталия Александровна (zvonaireva@sibsocionic.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКИ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ

Кулинич Александр Дмитриевич

Аспирант, Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
114220066@rudn.ru

FUNCTIONAL MUSIC USAGE IN OPTIMIZATION OF STUDENTS' PSYCHOLOGICAL STATE

A. Kulinich

Summary: This article is describing the results of a study about person's psychological state under the influence of functional music. The author considers that implementation of this method improves the psychological state of students. The results of an empirical study conducted by the author on a group of university students are presented in order to identify changes in the psychological state after listening to functional music. The study uses a composition of tropotrophic functional music written by the author, the effects of this music piece are described as reducing stress levels, relaxing and decreasing tension. As a result, was found a statistically proven decrease in the level of negative functional states among the tested students. The author considers the possibility of using functional music sessions in the process of education to develop student's ability in self-regulation, to prevent and eliminate the negative states, such as stress, monotony and satiety. Discussed in this article results, have practical significance in the possibility of implementing the obtained data in the psychological support of university students to improve the quality of their educational and extracurricular activities by optimizing their psychological condition and preventing negative functional states.

Keywords: functional music, functional states, educational psychology, psychological support, university students.

Аннотация: Данная статья посвящена описанию результатов исследования влияния функциональной музыки на психологическое состояние человека. Автором рассматривается возможность использования данного метода в рамках улучшения психологического состояния студентов. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведённого автором на группе студентов высших учебных заведений, с целью выявить изменения в психологическом состоянии студентов после прослушивания функциональной музыки. В работе использована написанная автором композиция тропотрофной функциональной музыки, воздействие которой направлено на снижение уровня стресса, релаксацию и снижение напряжения. В результате обнаружено статистически доказанное снижение уровня негативных функциональных состояний у задействованных в эксперименте студентов. Автором рассматривается возможность использования сеансов функциональной музыки в процессе обучения студентов для развития у них навыков саморегуляции состояний, профилактики и коррекции негативных состояний, таких как стресс, монотония и пресыщение. Авторские разработки и полученные результаты их использования, рассмотренные в данной статье, обладают практической значимостью, которая состоит в возможности имплементации полученных данных при психологическом сопровождении студентов вузов для улучшения качества их учебной и внеучебной деятельности за счёт оптимизации их состояния, профилактики негативных функциональных состояний.

Ключевые слова: функциональная музыка, функциональные состояния, психология образования, психологическое сопровождение, студенты.

В современном мире учебная деятельность претерпела ряд комплексных, всесторонних изменений, направленных на цифровизацию и модернизацию образовательного процесса. Однако вместе с новыми возможностями возникают новые факторы риска, которые отражаются на состоянии студентов. В данной ситуации одинаково опасными являются как нарушения условий организации учебной деятельности, так и когнитивные процессы, дестабилизирующие внутреннее состояние субъектов образовательного процесса. Возникающий в этом процессе стресс и другие функциональные состояния негативным образом сказываются на физическом и психическом здоровье студентов, что приводит к снижению работоспособности, академической успеваемости, развитию иных неблагоприятных психических проявлений.

Одной из приоритетных задач психологов, работающих с учениками высших учебных заведений, является повышение стрессоустойчивости своих подопечных

и нейтрализация негативных последствий влияния стресс-факторов образовательного процесса [1]. Использование функциональной музыки, как один из видов оптимизации функциональных состояний, становится актуальным методом разрешения данных запросов практики [9]. Это связано с доступностью и легкостью применения данного инструментария для оптимизации состояния студентов. Использованию функциональной музыки в аспекте трудовой деятельности посвящены многие исследовательские работы [4], [5]. Однако малая часть имеющейся научной литературы содержит в себе информацию о том, как применять данный метод оптимизации состояния в сложном интеллектуальном труде, в частности, в процессе обучения. В связи с вышеперечисленными факторами, возникает необходимость в современных научных исследованиях в области изучения функциональной музыки, рассматривающих теоретический и практический аспекты применения данного метода оптимизации психологического состояния человека, что определяет актуальность темы исследования. Объ-

ект – психологическое состояние студентов, предмет – оптимизация психологического состояния студентов при помощи функциональной музыки. Целью работы является исследование особенностей влияния функциональной музыки на психологическое состояние студентов и оценка её потенциала в рамках оптимизации состояния студентов и учебного процесса в целом.

Гипотезы исследования – применение функциональной музыки в рамках психологического сопровождения студентов: а) улучшит их психологическое состояние; б) повысит стрессоустойчивость и окажет профилактический эффект; в) улучшит академическую успеваемость, общее самочувствие, достижения в других сферах.

В исследовании использованы следующие методы: теоретические методы (анализ, систематизация, обобщение теоретических и эмпирических данных); статистические методы (Т-критерий Стьюдента, критерий U-Манна-Уитни); эксперимент, психодиагностические тесты: шкала психологического стресса PSM-25 (оригинальная версия - Lemyr, Tessier&Fillion, 1990; русскоязычная адаптация - Водопьянова Н.Е.); методика «Актуальное состояние» Л.В. Куликов (2003 г.); Шкала нервно-психического напряжения (Т.А. Немчин, 1981 г.); авторская разработка – сеанс функциональной музыки.

Исследование проведено на выборке студентов различных вузов. В эксперименте приняло участие 60 человек, 20 из которых составили экспериментальную группу №1 и 20 – экспериментальную группу №2 и 20 – контрольную группу. Все группы уравнены по соотношению возрастов, полов и направлений подготовки, на которых учатся студенты. В качестве стимульного материала, который предоставлялся участникам исследования, использовалась функциональная музыка, написанная автором. Композиция, согласно классификации А.Б. Леоновой относится к категории успокаивающей музыки, оказывающей трофотропный эффект на психику и соматику человека [4]. Ожидаемым эффектом от её применения является релаксация, снижение уровня психоэмоционального напряжения, возникшего в процессе труда или учёбы; минимизация или полная нейтрализация негативных функциональных состояний человека. Для написания данного произведения, а также для аранжировки, сведения и мастеринга (нормализации и гармонизации звучания) использовалась компьютерная программа «FL Studio», версии 11.0. Эксперимент был построен по следующей схеме. Участникам первой экспериментальной группы (далее – группа №1) исследования были отправлены электронные бланки, содержащие инструкции к тестированию и осуществлению сеанса музыкальной терапии, а также необходимый для прослушивания отрывок успокаивающей функциональной музыки. Контрольный срез характеристик испытуемых, осуществлялся при помощи вышеописанной батареи тестовых методик. После

заполнения электронных бланков испытуемые прослушивали фрагмент функциональной музыки. Сразу после этого испытуемые проходили итоговое тестирование. Предварительно студентам было поручено создать для себя максимально комфортные условия, которые не препятствовали бы «эффекту погружения» при прослушивании. Они могли выбрать удобные для себя индивидуальные средства воспроизведения музыки, настроить громкость и сбалансировать частоты встроенным эквалайзером. Разрешалось занять удобную позу и выбрать максимально комфортное место для тестирования, доступное у испытуемого. При этом было заранее оговорено, что их не должно ничего отвлекать от аудиального воздействия, поэтому в рекомендациях к эксперименту было оговорено об отключении уведомлений технических устройств, нейтрализации возможных бытовых шумов. После того как музыка плавно затухала и прекращала проигрываться, испытуемые заполняли бланки итогового тестирования. Оно позволило зафиксировать изменения, произошедшие с их психическим и физическим состоянием после воздействия функциональной музыки. После этого испытуемые отправляли заполненные бланки, данные из которых использовались впоследствии для подсчёта и обработки результатов. Участники второй экспериментальной группы (далее – группа №2) имели право самостоятельного выбора методики оптимизации стрессового состояния. Процедура с предварительным и последующим снятием данных, набор методик и бланки были идентичными экспериментальной группе, однако, студенты были в праве определить для себя 1) вид воздействия, 2) продолжительность воздействия. Среди доступных вариантов снижения уровня стресса были предложены следующие варианты воздействия: а) дыхательная гимнастика, б) физические упражнения, в) прогулка, г) медитация, д) рукоделие, медитативные занятия, е) игры, ж) аутогенная тренировка. Студенты были вправе выбрать вид деятельности, который не входил в предложенный список. После этого результаты фиксировались в электронных бланках и были подсчитаны и обработаны автором для выявления уровня эффективности методов студентов по повышению стрессоустойчивости. В контрольной группе не использовалась функциональная музыка и не применялись никакие методы воздействия.

В результате анализа статистической значимости различий между экспериментальной и контрольной группой по показателям состояний (активизация, эмоциональное возбуждение, дискомфорт, утомление, тревожность, стресс) получено, что U-критерий Манна-Уитни $> 0,05$, что свидетельствует об отсутствии значимых различий между экспериментальной группой №1, экспериментальной группой №2 и контрольной группой до воздействия функциональной музыки или других методов (выбранных студентами). Выборки являются хорошо рандомизированными, что позволяет провести дальнейшее вычисление значимых отклоне-

ний между двумя срезами по Т-Критерию Стьюдента. Медианы полученных значений находятся на примерно одинаковых уровнях во всех группах, что позволяет составить усредненный профиль исследуемых студентов по показателям состояний: средний уровень стресса, умеренный уровень мотивации к деятельности, средняя степень выраженности эмоционального возбуждения и комфортного самочувствия, сниженный уровень тонуса, средний уровень тревоги, незначительно выраженный уровень нервно-психического напряжения. В экспериментальной группе, подвергшейся воздействию функциональной музыкой, зафиксированы выраженные изменения на статистически значимом уровне в параметрах четырёх шкал из семи. Статистически доказана эффективность предложенной автором функциональной музыки, по сравнению с выбранными студентами самостоятельно методами и показателями контрольной группы. Эффективность использования авторской функциональной музыки у студентов выражалась в улучшении показателей актуального состояния, снижении уровня эмоционального возбуждения, снижении уровня дискомфорта, нормализации самочувствия и оптимизации тревожного состояния (придания спокойствия) [2]. В экспериментальной группе №2 наблюдалась некоторая положительная динамика в изменении показателей тестирования, однако она была в целом выражена слабее, чем в экспериментальной группе №1. Методы снижения уровня стресса, использованные студентами, могли быть слабо эффективными. Также проблемной точкой могла выступить организация процесса снижения уровня стресса самими испытуемыми. Группе №2 была предоставлена достаточно широкая свобода выбора и действия, обратной стороной которой была более разрозненная структура и организация процесса. Результаты тестирования показали преимущество предложенного автором занятия с использованием функциональной музыки, эффективного воздействия тропотрофной музыкальной композиции на психику человека. После воздействия функциональной музыкой на студентов группы №1 выявлены следующие закономерности изменения состояния: незначительное снижение уровня интенсивности актуализации мотивов, тенденция к деактивации, некоторые индивиды испытывали видимое снижение уровня активации, некоторые же наоборот – испытали активизирующий и мобилизующий эффект. Функциональная музыка относится к категории успокаивающей, поэтому мобилизация ресурсов и повышение заинтересованности в деятельности у индивида не являлись ожидаемыми эффектами воздействия. Однако некоторые из испытуемых ощутили прилив сил и вдохновения, и их показатели смещались в сторону активизации. Выявлено выраженное снижение уровня эмоционального возбуждения в экспериментальной группе №1. Среднее значение этого показателя в экспериментальной выборке было снижено почти в 2 раза. Данный эффект был ожидаем, так как изначально трек был написан по

корневым характеристикам успокаивающей функциональной музыки, его воздействие должно расслаблять, приносить спокойствие и комфорт. У студентов экспериментальной группы №1 выявлено снижение уровня физического дискомфорта. Одним из проявлений стресса являются различные физиологические изменения в теле человека, которые были отражены в вопросах данной шкалы. Уменьшение выраженности данных дискомфортных ощущений говорит о снижении стресса и утомления у испытуемых и является закономерным воздействием данного образца функциональной музыки. Погружение в подобную музыку вызывает эффект релаксации и расслабления, позволяет медленно восстановить потраченные на учебу и работу ресурсы. Одним из факторов стрессоустойчивости является способность человека к отдыху и снижению напряжения, поэтому данная динамика в изменении показателей индивидов носит значимый для целей исследования характер. Выявлено снижение уровня тревожности. Данная динамика значима в рамках исследования стрессоустойчивости, так как тревога является одним из этапов начального проявления стресса по Г. Селье [1]. Эффект обретения спокойствия является закономерным фактором влияния успокаивающей функциональной музыки на психику человека [8]. Данный образец функциональной музыки оказывает влияние на динамику снижения стресса у человека, способствует снижению уровня стресса, тревожности, нормализации эмоционального фона. Сеанс с использованием авторской музыки позволит снизить уровень умственного утомления, монотонии, дать разгрузку и отдых организму на психическом и соматическом уровне. Функциональная музыка является доступным для самостоятельного использования студентов, в качестве средства оптимизации их состояния во время образовательного процесса [3]. В таком случае ключевым фактором организации сеанса функциональной музыки является создание необходимого уровня комфорта, для наиболее эффективного воздействия трека на состояние индивида [7]. Как составляющая часть инструментария психолога, данный трек может быть применён в тех случаях, в которых необходимо оказание тропотрофного воздействия на психику и организм человека. Успокаивающая функциональная музыка позволит справиться с последствиями дистресса, тревоги, негативного эмоционального фона [6]. Организация воздействия в таком случае должна основываться на принципах построения сеанса функциональной музыки, описанной в работах А. Б. Леоновой и других исследователей этой области [3], [5], [6]. Написанная автором функциональная музыка оказалась эффективной в рамках своей специфики воздействия на психику человека. Ее дальнейшее применение позволит оптимизировать состояние студентов в рамках образовательного процесса. Сочетая в себе комплексное влияние на психику и соматику человека, сеансы воздействия функциональной музыкой открывают перед психологами возможности для теоретических и эмпирических ис-

следований, для непосредственной оптимизации состояния человека. Внедрение в образовательную практику доступных и эффективных методов оптимизации состояний позволит не только улучшить психическое здоровье обучающейся молодежи, но и положительно скажется на процессе получения образования в целом.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о том, что функциональная музыка способна оптимизировать негативные психические состояния у студентов, подтвердилась.

Регулярные и систематические сеансы функциональной музыки позволят оптимизировать состояние студентов, минимизировать последствия воздействия негативных факторов, возникающих в процессе обучения, а также повысить стрессоустойчивость. Функциональная музыка может стать одним из инструментов в арсенале психолога в образовательной среде, при помощи которого возможна оптимизация психологического состояния студента в процессе выполнения учебной деятельности и улучшения процесса обучения в вузе в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. – 336 с
2. Готсдинер А.Л. Музыкальная психология. М.: МИП «НВ Магистр», 1993. – 250 с.
3. Казаренков, В.И. Формирование у студентов университета опыта профилактики стрессовых состояний / В.И. Казаренков // Проблемы современного образования: межвузовский сборник научных трудов. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 25-33.
4. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М.: Издательство Московского университета, 1984. - 200 с.
5. Леонова А.Б., Кузнецов А.С. Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2007. – 311 с.
6. Торопова, А.В., Львова, Т.В. Теория и практика музыкально-деятельностной терапии - Lambert: AcademicPublishing, 2018. – 180 с.
7. Correia Castilho, Luísa & Dias, Rui & Pinho, José. (2021). Perspectives on Music, Sound and Musicology Research, Education and Practice: Research, Education and Practice – 660 p.
8. Liikkanen, L.A., Jakubowski, K. Involuntary musical imagery as a component of ordinary music cognition: A review of empirical evidence. *Psychon Bull Rev* 27, p. 1195–1217 (2020).
9. Schiavio, A., van der Schyff, D., Cespedes-Guevara, J. et al. Enacting musical emotions. sense-making, dynamic systems, and the embodied mind. *PhenomCognSci* 16, p. 785–809 (2017).

© Кулинич Александр Дмитриевич (1142220066@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ И СВЯЗИ С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ

A STUDY OF YOUNG PEOPLE'S LONELINESS AND THE RELATIONSHIP WITH PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

I. Levchuk

Summary: The article discusses the main aspects of conducting the experimental part of the study of living alone by young people. The interpretation of loneliness is based on the definition given by Perlman, which notes both the qualitative and quantitative components of loneliness. Thus, it is emphasized that the experience of loneliness can occur in young people for whom outwardly everything looks good with a lot of contacts, but their quality, depth, and trust in relationships are not sufficient, which leads to an almost identical experience of loneliness as in the case of a lack of social contacts. It is noted that the problem of loneliness in young people has serious consequences in the future for mental and physical health.

Keywords: loneliness, psychological well-being, social needs, socialization, adaptation, psycho-emotional state of modern young people.

Левчук Илья Александрович

Аспирант-соискатель, Российский университет дружбы народов (РУДН)
piyavs@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты проведения экспериментальной части исследования проживания одиночества молодыми людьми. За основу трактовки одиночества принято определение, данное Перлманом, в котором отмечается, как качественная и количественная составляющие одиночества. Таким образом, подчеркивается, что проживание одиночества может иметь место у молодых людей, у которых внешне все выглядит благополучно с наполнением контактов, однако их качество, глубина, доверительность отношений не достаточны, что обуславливает аналогичное проживание одиночества, как в случае отсутствия количества социальных контактов. Отмечается, что проблема одиночества у молодых людей имеет серьезные последствия в будущем для психического и соматического здоровья.

Ключевые слова: одиночество, психологическое благополучие, социальные потребности, социализация, адаптация, психоэмоциональное состояние современных молодых людей.

Большинство людей, независимо от того, сколько им лет, и где они живут, вероятно, в какой-то момент своей жизни испытывали одиночество [1]. Большинству из людей приходилось справляться с одиночеством и связанными с ним негативными последствиями, которые при увеличении продолжительности могут наносить урон соматическому состоянию, снижать самооценку, повышать зависимость от мнения окружающих, способствовать возникновению обусловленности действий и реакций от воздействия ближайшего окружения [2]. В 1981 году Перлман и Пеплау определили одиночество как «неприятный опыт, который возникает, когда сеть социальных отношений человека недостаточна в каком-то важном отношении – количественном или качественном» [3].

В то же время, для многих молодых людей одиночество – это временный опыт, в связи с тем, что у них в данный период жизни высока социализация, происходит обучение, которое запрограммировано социумом для данного возраста, возможность встреч с новыми людьми, переезд в другой город в поиске карьерного роста, а также смена партнера в связи с изменениями жизненных приоритетов и трансформациями потребностей физиологического, духовно-нравственного, социального аспектов.

Однако у других молодых людей могут возникнуть трудности при попытке удовлетворить свои социальные

потребности, и сохраняется чувство одиночества [4]. Устойчивое чувство одиночества вызывает серьезную озабоченность, поскольку оно связано как с текущим благополучием, так и с будущими проблемами психического и физического здоровья [5-8]. Например, было обнаружено, что у людей, испытывающих одиночество, отмечается больше тревожных и депрессивных симптомов, имеется больше проблем со сном и сердечно-сосудистых заболеваний, они быстрее заболевают и умирают в более раннем возрасте [9-11].

Одиночество также является фактором нисходящей мобильности [12]: более одинокие молодые люди к 18 годам получают более низкие академические оценки по сравнению со своими сверстниками и с большей вероятностью останутся без работы и образования. Особому риску подвергаются те, кто испытывает длительное одиночество с детства до позднего подросткового возраста [13]. Поскольку считается, что одиночество имеет такое важное и разрушительное воздействие, был разработан ряд мер для оценки одиночества.

В качестве выборки проведенного эксперимента выступили молодые люди. Возрастные границы испытуемых варьировались от 18 до 28 лет (средний возраст 23 года). Рассматриваемый период постепенно претерпевает расширение за счет социальных трансформаций, цифровизации, определенной инфантилизации значи-

тельной части молодых людей, которые, по-прежнему, проживают с родителями, уже вступив в пору ранней взрослости, как указывал Э.Эриксон.

Это, отчасти, обуславливается, по нашему мнению, определенными экономическими составляющими в виде затруднения съема отдельного жилья, налаженного быта, неготовностью части молодых людей что-либо менять до тех пор, пока не появится стабильная работа и высокий уровень дохода. На расширение границ молодежного возраста повлияла также и пандемия, в результате которой произошла утрата части социальных контактов, стремление сохранить устойчивые семейные связи, которые стали более ценными перед лицом непредвиденных угроз в виде неизученных вирусов, непредсказуемой экономической ситуации, локдауна.

Следует отметить, что психологическими особенностями молодых людей указанного возраста являются психоэмоциональная лабильность, неустойчивость, готовность воспринимать чужое мнение, даже недостаточно доказанное и подтвержденное фактами. Умственное напряжение студентов значительно выше, чем у молодых людей других социальных групп. У молодых людей происходит важная адаптация к стремительно меняющимся условиям внешней среды, необходимость зарабатывания средств, а также потребность в романтических отношениях, наличие которых (особенно, их качество и соответствие собственным внутренним потребностям) позволяет повысить самооценку, а также авторитет в глазах сверстников.

Также речь идет о возникающих сложностях в адаптации к новым формам образовательной деятельности, социальной среде, поведенческим паттернам, организации познавательной активности, умственным перегрузкам в связи с большими информационными потоками, меняющимися жизненными обстоятельствами. В это время закладываются основы взрослой эмоциональной жизни.

Студенческая молодежь является наиболее перспективным ресурсом человеческого общества. Формирование и стабилизация психологической устойчивости к негативному влиянию стрессовых факторов окружающей действительности, сохранение душевного баланса и духовной целостности рассматривается нами в качестве составляющей развития личности.

Актуальность исследования обуславливается тем, что психоэмоциональное состояние современных молодых людей представляет собой мощный ресурс для формирования общественного сознания российских граждан. Данная социальная группа характеризуется наиболее высокой социальной активностью и способностью влиять на будущее страны. В рамках психологической науки актуальным становится вопрос изучения

факторов их психологического благополучия как интегрального показателя позитивного функционирования и самоактуализации. Вышеотмеченные особенности оказали влияние на границы выборки исследования.

Исследование взаимосвязи уровневых показателей эмоционального интеллекта, психологического благополучия и корреляции с одиночеством выполнялось в рамках социопроекта «Оазис», предлагающего консультативные психологические тренинги для молодежи, направленные на решение психологических проблем, связанных с одиночеством. Также к опросу привлекались те персоны, относительно которых проводятся частные консультации. На все данные было получено разрешение респондентов. Опрос носил анонимный характер. В то же время, респонденты выразили согласие на использование их данных в экспериментальной части, а также последующих научных публикациях. Объем выборки – 217 человек (130 девушек и 87 молодых людей мужского пола). Распределение участников опроса по возрасту приведено на диаграмме рисунка 1.

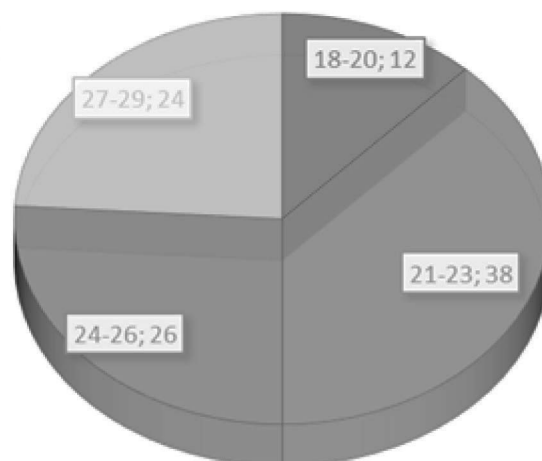

Рис. 1. Распределение участников опроса по возрасту

Из диаграммы рисунка 1 следует, что самая большая группа оказалась среди молодежи возраста – 22-25 лет. Этот период характеризуется, в целом, окончанием вуза, готовностью у многих создать семью при наличии работы. Второй по объему респондентов является группа молодых людей возраста 24-26 лет. Первая группа – достаточно малочисленная, у них также крайне высока потребность в выработке устойчивой самооценки, превалирует любопытство, любознательность, готовность изучать новое, исследовать научные подходы, позволяющие создать конструктивные отношения, испытать чувство любви, потребность быть любимыми.

Две последующие группы допустимо объединить. Они характеризуются стремлением создать долговременные отношения, возможно, они уже находились в отношениях и сейчас, осознав какие-либо ошибки, готовы

работать над изменениями в собственном характере, менять личностные установки, чтобы обеспечить себе более качественными отношениями, найти партнера, более привлекательного и обладающего ресурсом для построения длительных отношений и, даже, семьи.

Далее, было выполнено определение уровня образования среди респондентов. Были получены следующие результаты. (Рис. 2.)

Рис. 2. Распределение респондентов по уровню образования, %

Из диаграммы следует, что преимущественное число опрошенных имеет образование, находится в стадии его получения. Также достаточно значительной является группа лиц со средним образованием. Это крайне важный показатель. Он также отражает тенденции в обществе, когда лица со средним образованием пытаются найти подход к решению личностных проблем с позиции научных достижений, готовы нести материальные расходы на получение знаний, которые не будут являться квалификационными, но смогут принести жизненно важные дивиденды в виде личной осознанности, семейного счастья, достижения благоприятных отношений с партнером.

Также с целью формирования общих представлений о выборке было установлено посредством опроса, какое количество участников уже состояло в отношениях. (Рис.3.)

Измерения являются основой исследовательской работы и, следовательно, составляют основу выводов и рекомендаций. Измерения использовались для получения результатов; поэтому крайне важно понимать их качество. Для оценки одиночества использовались как одно-, так и многопунктовые меры. Большинство однопунктовых мер являются прямыми мерами, то есть включают в себя конкретное слово «одиночество». Мы сосредоточимся на восьми наиболее часто используемых многокомпонентных показателях одиночества и

обсудим их сильные и слабые стороны, а также их наиболее важные концептуальные и психометрические характеристики. Используемая в исследовании общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (Basic Psychological Needs Satisfaction Scale, BPNSS) позволяет определить степень удовлетворения и фрустрации базовых психологических потребностей, обеспечивающих молодому человеку его целостность и гармоничное существование в рамках социальной реальности. Фрустрация этих потребностей приводит к ощущению себя исключенным из социальных отношений и незащищенным.

Рис. 3. Распределение респондентов по наличию опыта отношений.

Определение базовых психологических потребностей было разработано в рамках одной из шести мини-теорий теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана в адаптации И.Ю. Суворова, А.А. Бабий, Н.В. Корзун (2022) [14].

При проведении сравнительного анализа личностных свойств и психологического благополучия в зависимости от степени переживания одиночества были выявлены статистически значимые различия по следующим показателям:

- Сильные стороны личности: Выявлены различия по показателям любопытства, честности, энергичности, любви, доброты, социального интеллекта, просоциальной активности, лидерства, прощения, самоконтроля, благодарности, оптимизма ($p < 0,01$), широты видения, настойчивости, беспристрастности, духовности ($p < 0,05$), которые более выражены в группе лиц с умеренным переживанием одиночества.
- Психологическое благополучие: Выявлены различия по показателям позитивных отношений, автономии, управления средой, личностного роста, целей в жизни, самопринятия ($p < 0,01$), более выраженных в группе лиц с умеренным переживанием одиночества.

- Удовлетворение базовых потребностей: Выявлены различия по показателям автономии ($p < 0,01$), принадлежности ($p < 0,05$), более выраженных в группе лиц с умеренным переживанием одиночества.
- Социальный интеллект: Выявлены различия по показателям самосознания, саморегуляции, саморегуляции, коммуникабельности ($p < 0,01$), более выраженных в группе лиц с умеренным переживанием одиночества.
- Безднадежность: Выявлены различия по показателю безднадежности ($p < 0,01$), более выраженному в группе лиц с выраженным переживанием одиночества.

Таким образом, лица с выраженным переживанием одиночества имеют более негативное отношение к собственному будущему. Они отличаются менее развитой способностью осознавать свои эмоции, мотивы и потребности, управлять собственными эмоциями, а также имеют менее развитые навыки взаимодействия с другими. Для них характерна меньшая удовлетворенность потребности в автономии, отражающая большую слабость внутренних ориентиров и податливость внешнему влиянию, а также меньшая удовлетворенность потребности в принадлежности, указывающая на ощущение изолированности, состояние незащищенности и уязвимости.

Лица с выраженным переживанием одиночества отличаются менее выраженным психологическим благополучием, в виде меньшего субъективного самоощущения целостности и осмысленности собственной жизни, по сравнению с лицами с умеренным переживанием одиночества. Лица с выраженным переживанием одиночества имеют менее выраженные личностные черты мудрости и знаний в виде менее выраженного любопытства, меньшей широты видения; менее выраженные черты смелости в виде менее выраженной настойчивости, честности и энергичности. Они отличаются менее выраженным «человечными» чертами в виде меньшей способности к любви, доброте, социальному интеллекту, просоциальной активности, беспристрастности и лидерству. Также, для них характерны менее выраженные черты группы сдержанности в виде менее выраженной способности к прощению и самоконтролю. Далее, у лиц с выраженным переживанием одиночества отмечены менее выраженные трансцендентные черты в виде меньшей благодарности, оптимизма и духовности.

При проведении сравнительного анализа личностных свойств и психологического благополучия в группах с умеренным и выраженным переживанием одиночества у лиц, не состоящих в отношениях, были выявлены статистически значимые различия по следующим показателям:

- Сильные стороны личности: Выявлены различия по показателям любви ($p < 0,01$), любопытства, честности, энергичности, самоконтроля ($p < 0,05$), которые более выражены в группе лиц с умеренным переживанием одиночества, среди лиц не состоящих в отношениях.
- Психологическое благополучие: Выявлены различия по показателям позитивных отношений, управления средой, целей в жизни, самопринятия ($p < 0,01$), автономии, личностного роста ($p < 0,05$) и психологического благополучия в целом ($p < 0,01$), более выраженных в группе лиц с умеренным переживанием одиночества, среди лиц не состоящих в отношениях.
- Удовлетворение базовых потребностей: Выявлены различия по показателю автономии ($p < 0,01$), более выраженного в группе лиц с умеренным переживанием одиночества, среди лиц, не состоящих в отношениях.
- Социальный интеллект: Выявлены различия по показателям саморегуляции ($p < 0,01$), коммуникабельности ($p < 0,05$), более выраженных в группе лиц с умеренным переживанием одиночества, среди лиц, не состоящих в отношениях.
- Безднадежность: Выявлены различия по показателю безднадежности ($p < 0,01$), более выраженному в группе лиц с выраженным переживанием одиночества, среди лиц, не состоящих в отношениях.

Таким образом, среди лиц, не состоящих в отношениях, лица с выраженным переживанием одиночества имеют более негативное отношение к собственному будущему. Они отличаются менее развитой способностью управлять собственными эмоциями, а также имеют менее развитые навыки взаимодействия с другими. Для них характерна меньшая удовлетворенность потребности в автономии, отражающая большую слабость внутренних ориентиров и податливость внешнему влиянию.

Лица с выраженным переживанием одиночества, не состоящие в отношениях, отличаются менее выраженным психологическим благополучием, в виде меньшего субъективного самоощущения целостности и осмысленности собственной жизни, по сравнению с лицами с умеренным переживанием одиночества. Лица с выраженным переживанием одиночества имеют менее выраженные личностные черты мудрости и знаний в виде менее выраженного любопытства; менее выраженные черты смелости в виде менее выраженной честности и энергичности. Они отличаются менее выраженным гуманизированными чертами в виде меньшей способности к любви. Также, для них характерны менее выраженные черты группы сдержанности в виде менее выраженной способности к самоконтролю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Qualter, P.; Vanhalst, J.; Harris, R.A.; Van Roekel, E.; Lodder, G.; Bangee, M.; Maes, M.; Verhagen, M. Loneliness across the life span. *Perspect. Psychol. Sci.* 2015, 10, 250–264.
2. Maes M, Qualter P, Lodder GMA, Mund M. How (Not) to Measure Loneliness: A Review of the Eight Most Commonly Used Scales. *International Journal of Environmental Research and Public Health.* 2022; 19(17):10816. <https://doi.org/10.3390/ijerph191710816>
3. Perlman, D.; Peplau, L.A. Toward a social psychology of loneliness. In *Personal Relationships in Disorder*; Duck, S., Gilmour, R., Eds.; Academic Press: London, UK, 1981; pp. 31–56.
4. Van Dulmen, M.H.M.; Goossens, L. Loneliness trajectories. *J. Adolesc.* 2013, 36, 1247–1249.
5. Hutten, E.; Jongen, E.M.M.; Vos, A.E.C.C.; Van den Hout, A.J.H.C.; Van Lankveld, J.J.D.M. Loneliness and mental health: The mediating effect of perceived social support. *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2021, 18, 11963.
6. Sha, S.; Chan, S.H.W.; Chen, L.; Xu, Y.; Pan, Y. The association between trajectories of loneliness and physical frailty in Chinese older adults: Does age matter? *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2022, 19, 5105.
7. Matthews, T.; Bryan, B.T.; Danese, A.; Meehan, A.J.; Poulton, R.; Arseneault, L. Using a loneliness measure to screen for risk of mental health problems: A replication in two nationally representative cohorts. *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2022, 19, 1641.
8. Lyyra, N.; Thorsteinsson, E.B.; Eriksson, C.; Madsen, K.R.; Tolvanen, A.; Löfstedt, P.; Välimaa, R. The association between loneliness, mental well-being, and self-esteem among adolescents in four Nordic countries. *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2021, 18, 7405.
9. Heinrich, L.A.; Gullone, E. The clinical significance of loneliness: A literature review. *Clin. Psychol. Rev.* 2006, 26, 695–718.
10. Holt-Lunstad, J.; Smith, T.B.; Baker, M.; Harris, T.; Stephenson, D. Loneliness and social isolation as risk factors for mortality: A meta-analytic review. *Perspect. Psychol. Sci.* 2015, 10, 227–237.
11. Lim, M.H.; Holt-Lunstad, J.; Badcock, J.C. Loneliness: Contemporary insights into causes, correlates, and consequences. *Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol.* 2020, 55, 789–791
12. Matthews, T.; Danese, A.; Caspi, A.; Fisher, H.L.; Goldman-Mellor, S.; Kępa, A.; Moffitt, T.E.; Odgers, C.L.; Arseneault, L. Lonely young adults in modern Britain: Findings from an epidemiological cohort study. *Psychol. Med.* 2019, 49, 268–277.
13. Matthews, T.; Qualter, P.; Bryan, B.T.; Caspi, A.; Danese, A.; Moffitt, T.E.; Odgers, C.L.; Strange, L.; Arseneault, L. The developmental course of loneliness in adolescence: Implications for mental health, educational attainment, and psychosocial functioning. *Dev. Psychopathol.* 2022, 3, 1–10.
14. И.Ю. Суворова, А.А. Бабий, Н.В. Корзун. Адаптация общей шкалы удовлетворения базовых психологических потребностей Э. Деси и Р. Райна // Актуальные проблемы психологического знания, 2021. №1-2.

© Левчук Илья Александрович (piyavs@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОГРАММА ТРЕНИНГА РАЗВИТИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СПОРТСМЕНОВ

Носкова Марина Владимировна

Кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Уральский государственный медицинский университет»
Минздрава России, г. Екатеринбург, (Россия)
mn66@mail.ru

THE TRAINING PROGRAM FOR THE DEVELOPMENT OF MENTAL STABILITY OF ATHLETES

M. Noskova

Summary: The article raises the problem of mental stability of an athlete. The mental stability of an athlete is one of the key aspects of his success in sports activities. The concept of «mental stability» of Russian and foreign scientific researchers is analyzed. It was revealed that mental stability is the ability of an athlete to effectively manage his emotions, be in a state of concentration and make the right decisions in stressful and extreme situations. The rationale for the development of a training program for the development of mental stability of an athlete is presented. The program includes three blocks. Block 1. Mastering the skills of self-regulation of mental states. Block 2. Formation of self-organization skills. Block 3. Development of volitional qualities and cognitive processes. Each block contains examples of exercises.

Keywords: sport, athlete, mental stability, psychological and pedagogical support, development.

Аннотация: В статье поднимается проблема психической устойчивости спортсмена. Психическая устойчивость спортсмена является одним из ключевых аспектов его успеха в спортивной деятельности. Проанализировано понятие «психическая устойчивость» российских и зарубежных научных исследователей. Было выявлено, что психическая устойчивость – способность спортсмена эффективно управлять своими эмоциями, находиться в состоянии сосредоточенности и принимать правильные решения в стрессовых и экстремальных ситуациях. Представлено обоснование разработки программы тренинга развития психической устойчивости спортсмена. Программа включает три блока. Блок 1. Освоение навыков саморегуляции психических состояний. Блок 2. Формирование навыков самоорганизации. Блок 3. Развитие волевых качеств и когнитивных процессов. В каждом блоке приведены примеры упражнений.

Ключевые слова: спорт, спортсмен, психическая устойчивость, психолого-педагогическое сопровождение, развитие.

Современный спорт характеризуется повышенными требованиями в физической, технической области, но при этом немаловажное значение приобретает психологическая подготовка спортсменов [1]. В спорте физическая подготовка является важным аспектом успеха. Однако порой столкновение со стрессом, волнением и напряжением во время тренировочного, предсоревновательного и соревновательного этапах отрицательно сказывается на психической деятельности спортсмена, препятствуя достижению высоких результатов. С учетом интенсивности изменяющихся социально-экономических условий в спортивной жизни, нервно-психическое напряжение среди спортсменов возрастает, добавляя сложности в их пути к успеху.

Психическая устойчивость спортсмена является одним из ключевых аспектов его успеха в спортивной деятельности. Психическая устойчивость – способность спортсмена эффективно управлять своими эмоциями, находиться в состоянии сосредоточенности и принимать правильные решения в стрессовых и экстремальных ситуациях. Еще одним важным аспектом психической устойчивости спортсмена является его способность принимать решения под давлением времени. В стремительном темпе соревнования спор-

тсменам часто приходится принимать важные решения в считанные секунды. Они должны быть способны сознательно быстро анализировать ситуацию, оценивать все возможные варианты и принимать оптимальное решение, даже если перед ними стоит преграда или они находятся в неблагоприятных условиях. Согласно М.Ф. Секач, «сознательные психические явления формируются в течение жизни в результате воспитания, обучения, активного овладения языком, культурой» [2, с. 178]. В исследовании И.В. Гайдамашко, Ю.И. Жемерикиной и Е.В. Пугачевой делается акцент на то, что психическая устойчивость представляет собой совокупность процессов психики человека, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки, без особых вредных последствий для своего психосоматического здоровья [3] и управлять своей деятельностью без снижения эффективности деятельности [4]. Психическая устойчивость во многом зависит от личностных ресурсов спортсмена [5] и его индивидуализации психологической подготовки [6].

В исследовании P.Clough, K. Earle, D. Sewell [7] представлена модель психической устойчивости, в которую входят взаимосвязанные, но независимые составляющие (см. рисунок 1).

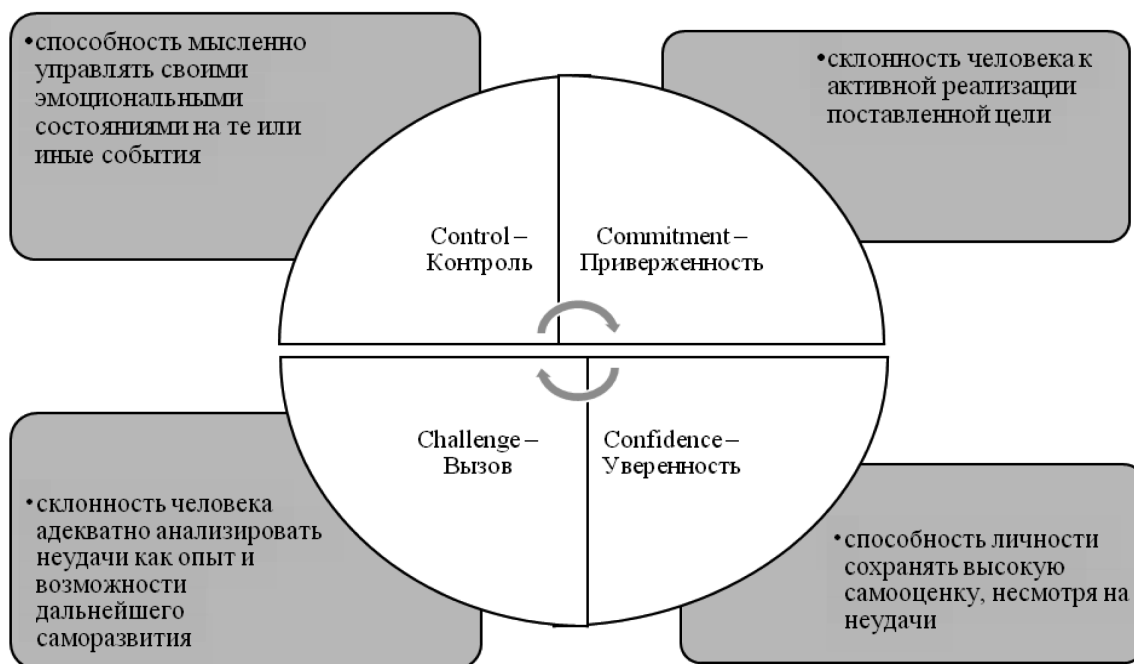

Рис. 1. Модель психической устойчивости (по P.Clough, K. Earle, D. Sewell).

В представленной модели каждая составляющая имеет факторы независимые друг от друга, но в совокупности они отражают реакцию, размышление человека к ситуации и его умение совладать своим поведением.

По мнению L. Crust, P.J. Clough развитие психической устойчивости – это процесс, требующий от человека не только осознавать свои потребности, но также придерживаться разумно устойчивой программы личных изменений. Человек должен участвовать в принятии решений о своем развитии и брать на себя ответственность за свое развитие [8]. Отсюда следует, что психическая устойчивость связана с самоорганизацией личности человека. Lane A.M., Beedie C.J., Jones M.V., Devonport T.J. считают, что спортсмены с помощью стратегий саморегуляции, увеличивали интенсивность таких эмоциональных состояний, как гнев и тревога, если они интуитивно ощущали, что эти эмоции будут способствовать достижению результата [9].

Так, Е.А. Уваров рассматривает «устойчивость развития субъекта как последовательное изменение состояния системы с целью эффективного выполнения определенных функций, как способность противодействовать неблагоприятным внешним влияниям» [10, с. 46].

Представление о том, что психическая устойчивость может развиваться с течением времени, имеет полезные последствия для разработки программ обучения, направленных на увеличение психической устойчивости, которое также может повысить производительность и улучшить общее состояние [11].

В целом, психическая устойчивость – это неотъемлемое качество спортсмена, влияющее на его спортивную успешность. Она позволяет ему эффективно управлять своей деятельностью, сохраняя высокую продуктивность и не нарушая свое здоровье. Развивая эту способность у спортсмена, он становится уверенным, спокойным и успешным в своих начинаниях.

Таким образом, на основании вышеизложенного материала, нами представляется развитие психической устойчивости следующим образом (см. рисунок 2):

На основании представленной схемы из рисунка 2, была разработана программа тренинга с целью развития психической устойчивости спортсмена. Программа состоит из 10 встреч, продолжительность каждого занятия 3 академических часа 2 раза в неделю.

Программа включает в себя три этапа.

Вводная часть. В начале каждого занятия проходит обсуждение со спортсменами, что они ждут от занятия, какой опыт хотели бы получить; создание благоприятной обстановки, эмоционального вовлечения и установления доверительных отношений. На первом занятии участники знакомятся, разрабатывают правила тренинга и их принимают. Далее в начале каждого занятия вспоминают эти правила.

Основная часть тренинга развивает навыки саморегуляции, самоорганизации, когнитивные процессы, волевые качества. Здесь применяются различные психотехнические упражнения, игры, майнд-фитнес,

Рис. 2. Развитие психической устойчивости спортсмена

арт-терапия, аутогенный тренинг, образовательную психокинезиологию. Все эти технологии положительно влияют на нервно-психическую устойчивость [12].

Завершающая часть состоит из дебрифинга, рефлексии, ответов на вопросы. Здесь спортсмены делятся своими мыслями, впечатлениями о занятиях, обсуждают то, что они узнали и какие навыки они у себя развили.

Все эти этапы они составляют целостный и структурированный подход к развитию психической устойчивости спортсменов.

Тренинг состоит из несколько блоков

Блок 1. Освоение навыков саморегуляции психических состояний.

Блок 2. Формирование навыков самоорганизации.

Блок 3. Развитие волевых качеств и когнитивных процессов.

Особое внимание уделяется домашнему заданию. Каждому участнику тренинга выдается рефлексивный дневник, где на протяжении всех занятий фиксирует свои ощущения, чувства, настроение, достижение результатов, какие были трудности, что помешало выполнить задание на высоком уровне, что необходимо сделать, чтобы достичь высоких показателей.

Приведем несколько примеров из каждого блока тренинга.

Блок 1. Саморегуляция психических состояний у спортсменов

«Психическая саморегуляция – это целенаправленное психическое самовоздействие, регулирующее психическую деятельность, а через нее – всестороннюю деятельность организма: его процессов, реакций и состояний. Психическая саморегуляция представляет собой управление человека своим психоэмоциональным состоянием, которое достигается при помощи воздействия человека на самого себя посредством силы слов (аффирмаций), мысленных образов (визуализации) и управления дыханием и тонусом мышц (релаксации)» [13]. Психическая саморегуляция повышает психофизиологическую активность, снижает уровень утомления, снимает эмоциональную напряженность.

В этом блоке мы предлагаем следующие техники, упражнения.

Прогрессивная релаксация по Э. Джекобсону

Обучение техникам релаксации по Джекобсону является эффективным способом научить участников методам расслабления. Основная цель этого упражнения заключается в том, чтобы спортсмены смогли овладеть техниками расслабления. Одним из принципов работы этого упражнения является то, что чрезмерное напряжение определенной группы мышц противопоставляется полному их расслаблению, что в свою очередь способствует уменьшению уровня психического напряжения. Важным этапом

данного процесса является определение тех частей тела, где происходит именно мышечное напряжение во время стрессовых ситуаций. Затем следует придерживаться работы над этими группами мышц. По мере продвижения можно также обращаться и к другим группам мышц.

В качестве примера можно привести инструкцию по напряжению мышц туловища. В этом случае, стоя, медленно необходимо напрягать мышцы нижней части живота, постепенно двигаясь вверх к солнечному сплетению. Достигнув максимального напряжения, ощутить силу этого напряжения. Затем задержаться и, посчитав до пяти, полностью расслабиться. Прочувствовать расслабление во всем теле и наступает ощущение релаксации в течение 1,5-2 минут.

Мышечное напряжение с последующим произвольным и непроизвольным расслаблением способствует не только физическому, но и психоэмоциональному расслаблению.

Арт-терапевтические техники

В работе И.Н. Карицкого и И.В. Лопатковой отмечается, что «использование техник искусства, художественных техник, художественно-творческого метода, в частности, арт-терапии в спорте открывает важные перспективы повышения спортивных показателей, снижения травматичности спорта, улучшения психологического самочувствия спортсменов и улучшения их адаптации к социуму» [14, с.713].

Предлагаем следующие упражнения

Упражнение «Сундук радостных событий»

Оборудование: лист бумаги А4 или А3, краски, гуашь, вода, кисточки разных размеров.

Инструкция. Представьте, что перед вами сундук. У каждого он свой по размеру, форме, цвету. Необходимо в него положить события, вызывающие у вас радость. Изобразите свой сундук и наполните его. Время проведения упражнения - 50 минут. После окончания упражнения проходит обсуждение. Примерные вопросы. Какие чувства вы испытывали, когда выполняли упражнение? Что вы чувствуете сейчас? Хотели бы вы внести изменения в свой рисунок?

Упражнение «Моя спортивная карьера»

Оборудование: лист А4 или А3, краски, гуашь, вода, кисточки разных размеров, цветные карандаши, восковые мелки, пастель.

Инструкция. На листе бумаги изобразите себя в спор-

тивной деятельности. Время выполнения задания - 50 минут. Далее обсуждение итогов работы. Каждый участник рассказывает, что нарисовал, что это значит для него.

Образовательная кинезиология

Кинезиология – это наука, которая изучает движение человека. Техники кинезиологии в спорте являются эффективным инструментом для достижения позитивной психоэмоциональной перенастройки спортсмена.

Целью упражнений кинезиологии при работе со спортсменами является обучение управлению своими эмоциями, стрессовыми ситуациями, эмоциональными состояниями, тем самым формируя психическую устойчивость.

Упражнение «Точки позитива». Это простой и эффективный способ снять эмоциональное напряжение в теле. Для этого нужно положить двумя пальцами на выступающие бугры между линией роста волос и бровями. Эти точки позитива можно выполнять как закрытыми глазами, так и оставить их открытыми. Перед тем, как убрать руки с точек позитива, необходимо сделать глубокий вдох. Длительность упражнения рекомендуется составлять от 1 до 3 минут. Таким образом, использование точек позитива позволяет снять накопившееся эмоциональное напряжение и поможет поддерживать эмоциональное благополучие.

Брюшное дыхание. Постоянное выполнение этого упражнения способствует расслаблению центральной нервной системы, а также обеспечивает более точное и гибкое выполнение движений.

Инструкция по выполнению данного упражнения достаточно проста. В начале необходимо положить руки на живот таким образом, чтобы они ощущали вдыхаемый воздух. Затем медленно и глубоко вдохнуть. Затем задерживать дыхание, медленно и равномерно считая до трех. После этого медленно начать выпускать воздух из легких, делая выдох, и в конце выдоха опять задержать дыхание. Повторить надо эту последовательность дыхательных циклов до трех раз. Брюшное дыхание является простым, но эффективным упражнением, которое может быть полезным для расслабления, контроля эмоционального состояния и поддержания физического и эмоционального благополучия.

Блок 2. Формирование навыков самоорганизации

По мнению В.И. Андреева, способность к самоорганизации проявляется в четком планировании своей жизни, своих дел как на день, неделю, месяц, год, так и на перспективу. Это способность рационально использовать свои силы и свое время» [15, с. 96].

Участникам тренинга предлагается разработать свой макет ежедневника спортсмена, далее выполнить упражнение «Планирование».

Упражнение «Планирование»

В течение недели каждый день необходимо составлять список задач на следующий день. В конце дня в ежедневнике отметить достижения поставленных задач. Ниже прописать: какие задачи мне удалось завершить, а какие нет. Если в списке остаются невыполненные задачи, то отвечаем на два вопроса:

1. По каким, зависящим от меня, причинам эти задачи не были выполнены?
2. Что я могу сделать, чтобы устранить эти препятствия?

Данный подход поможет структурировать свою деятельность, тем самым улучшить продуктивность и помогает достигать поставленных целей более эффективнее. Составление списка задач на следующий день позволит видеть полную картину своих обязанностей и правильно планировать время. Это упражнение позволяет стать более организованным, дисциплинированным.

Упражнение «Ситуации, вызывающие у меня стресс и как я вижу ее решение»

Одним из интересных способов работы с накопленным стрессом является проведение группового занятия, которое позволяет каждому участнику поделиться ситуациями, вызвавшими у него стресс. Задача каждого участника состоит в том, чтобы записать на отдельном листке бумаги ситуацию, которая вызвала стресс, дискомфорт. Затем листочки с описаниями ситуаций собираются и перемешиваются. Каждому участнику раздается один листок случайным образом. По очереди каждый участник читает вслух описание ситуации, которая выпала ему, и предлагает свои варианты решения.

Такое групповое обсуждение помогает каждому участнику увидеть свою ситуацию с разных точек зрения и поделиться своими эмоциями и мыслями с другими людьми. Это создает атмосферу взаимного понимания, поддержки и сопереживания, помочь участникам найти новые подходы к решению своих проблем.

Блок 3. Развитие волевых качеств и когнитивных процессов

В этот блок входят упражнения Майнд-фитнеса. Это система нейротренировок, позволяющая развивать волевые качества, психическую устойчивость, повышает концентрацию внимания, интеллектуальные способности развивает память, мышление, укрепляет мозговую активность.

Упражнение «Таблицы Шульте»

Участникам предлагается четыре таблицы с числами, расположенными в хаотичном порядке. Задача состоит в том, чтобы как можно быстрее найти все числа от 1 до 25 в каждой таблице. Перед выполнением задания засекается время, а по окончании записывается результат. Затем происходит переход ко второй таблице, где процедура повторяется – фиксируется время перед выполнением и после. Таким образом, каждая таблица представляет собой отдельное упражнение, определяющее уровень внимания, скорость работы и концентрации участников задания. Данная методика позволяет обнаружить возможные проблемы с устойчивостью внимания, медленное включение в работу или утомляемость.

Упражнение «Двойные рисунки»

Развивает межполушарное взаимодействие и творческую направленность, способствует улучшению внимания, концентрации и мелкой моторики рук.

Инструкция. Необходимо взять по одному фломастеру или карандашу в каждую руку. Затем одновременно на листе бумаги начать рисовать два рисунка, буквы или цифры. Для достижения максимального эффекта рекомендуется одновременно рисовать, например, две разные геометрические фигуры.

Длительность этого упражнения составляет от 3 до 7 минут.

Упражнение «Мой удачный опыт»

Цель этого упражнения заключается в том, чтобы спортсмены вспомнили и воспроизвели удачный опыт из спортивной карьеры своего решительного поведения. Это упражнение имеет не только спортивное значение, но и психологическое, так как позволяет спортсменам активизировать свою память и стимулирует их мотивацию к достижению высоких результатов.

В заключение стоит отметить, что психическая устойчивость является одним из наиболее важных факторов, влияющих на успех спортсменов в их деятельности. Процесс развития психической устойчивости спортсменов начинается с осознания значимости психологической составляющей спортивной деятельности. Применение психологических навыков, таких как контроль над стрессовыми ситуациями, концентрация внимания, управление эмоциями и установление целей, помогает спортсменам достичь оптимальной составляющей психической устойчивости.

Развитие психической устойчивости спортсменов также включает развитие навыков стратегического

мышления и принятия решений в сложных ситуациях. Спортсмены должны научиться быстро оценивать обстановку, принимать правильное решение и действовать в соответствии с ним. Гибкое мышление и адаптивность к изменениям – это неотъемлемые черты, которые способствуют успеху в соревнова-

тельном спорте.

В целом, развитие психической устойчивости спортсменов является длительным и систематическим процессом, требующим не только силы воли, но и усердной работы над собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набойченко Е.С., Носкова М.В., Шершнева В.Н. Психическая устойчивость спортсменов высших достижений в индивидуальных и командных видах спорта как ключ успешной спортивной деятельности // Перспективы науки и образования. 2022. № 6 (60). С. 445-458
2. Секач М.Ф. Психическая устойчивость человека // Психология и педагогика XX века: теория, практика и перспективы. Традиции и инновации / под общ. Ред. Н.Б. Карабущенко, Н.Л. Сунгуровой. М., 2016. С. 178-197.
3. Гайдамашко И.В., Жемерихина Ю.И., Пугачева Е.В. Психическая устойчивость как феномен безопасности личности / Актуальные направления научных исследований: от теории к практике, 2015. С.124-127.
4. Иванова С.П. Психологическая устойчивость личности как фактор противодействия негативным влиянием социальной среды в ранней юности и молодости // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2009. № 9. С. 99-107.
5. Горская Г.Б., Дыдарь В.Г. Динамика регуляции психической устойчивости команды на протяжении соревновательного сезона // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-regulyatsii-psichicheskoy-ustoychivosti-komandy-na-protyazhenii-sorevnovatel'nogo-sezona> (дата обращения: 10.12.2023).
6. Мельник Е.А. Нервно-психическая устойчивость как компонент индивидуализации психологической подготовки спортсменов. 2019. № 3(88). С. 138-142.
7. Clough P., Earle K., Sewell D. Mental toughness: The concept and its measure // Solutions in Sport Psychology, 2002, pp. 32-46.
8. Crust L., Clough P.J. Developing mental toughness: From research to practice // Journal of Sport psychology in Action. Vol.2(1). P.21-32.
9. Lane A.M., Beedie C.J., Jones M.V., Devonport T.J. The BASES expert statement on emotion regulation in sport // J Sports Sci. 2012. Vol.30. № 11. pp.1189-95.
10. Уваров Е.А. Психическая устойчивость как критерий самоорганизации субъекта / Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2005. С. 39-47.
11. Жожикашвили Н.А., Малых А.С., Десятникова А.А. Психическая устойчивость / Теоретическая и экспериментальная психология, 2021. Т.14. № 4.С. 49-65.
12. Зюкин А.В., Набойченко Е.С., Носкова М.В. Психолого-педагогические технологии формирования высокой психической устойчивости у действующих спортсменов // Уральский медицинский журнал. 2019. № 1 (169). С. 98-105.
13. Соловьева С.Л. Психическая саморегуляция. Пособие по самопомощи (начало) // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. Науч. Журн. 2019. Т. 7, № 4(26) URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения 12.12.2023)
14. Карицкий И.Н., Лопаткова И.В. Арт-терапия в спорте: теоретическое введение обзор исследований / Перспективы психологической науки и практики, 2017. С. 709-715.
15. Андреев В.И. Саморазвитие творческой, конкурентоспособной личности менеджера. Казань: СКМ, 1992. 207 с.

© Носкова Марина Владимировна (mn66@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЗИОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В КОРРЕКЦИИ ПТСР И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ АВТОРСКОГО МЕТОДА ВИБРОАКУСТИЧЕСКОГО МАССАЖА ПОЮЩИМИ ЧАШАМИ (ОБЗОР)

PHYSIOTHERAPEUTIC METHODS IN THE CORRECTION OF PTSD AND PROSPECTS FOR USING THE AUTHOR'S METHOD OF VIBROACOUSTIC SINGING BOWLS MASSAGE (A LITERATURE REVIEW)

*V. Oguu
E. Bykov*

Summary: Post-traumatic stress disorder (PTSD) is one of the most common psychiatric disorders that occurs after exposure to a traumatic event. Since its official introduction into the Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (Third Edition) in 1980, knowledge of its causes, pathogenesis, and treatments has grown significantly. However, despite this increased understanding, an adequate clinical response has not been achieved in many patients. Therefore, the search for effective methods of treatment and rehabilitation of patients with post-traumatic stress disorder remains relevant. Among these methods, in recent years, physiotherapeutic methods have been highlighted due to their safety and effectiveness.

Aim: analysis of physiotherapeutic methods in the correction of PTSD and assessment of the prospects for the use of the author's method of vibroacoustic singing bowls massage according to modern scientific literature.

Materials and methods: a search was conducted among scientific papers in the Science Direct, CochraneLibrary, eLIBRARY, PubMed databases by keywords.

Results: For patients with PTSD, a combination of pharmacotherapy and psychotherapy is recommended as the main therapeutic strategy. However, within the framework of medical rehabilitation, physiotherapeutic methods can be used, among which transcranial magnetic stimulation, transcranial direct current stimulation, phototherapy, hydrotherapy and massage should be distinguished. These methods have few side effects and have been shown to be effective in clinical trials. In addition, a promising method for correcting PTSD is vibroacoustic massage, which has a wide range of therapeutic effects.

Conclusion: Despite advances in the treatment of PTSD, a significant proportion of patients do not achieve an adequate clinical response. Therefore, the search for safe and effective methods of treatment and rehabilitation of patients with PTSD becomes relevant. One of such methods can be vibroacoustic singing bowls massage.

Keywords: singing bowls, physiotherapy methods, PTSD, post-traumatic stress disorder, vibroacoustic massage, singing bowls massage, review.

Огуи Виктор Олегович

*Аспирант, Уральский государственный университет
физической культуры, (г. Челябинск)
DoktorNN@yandex.ru*

Быков Евгений Витальевич

*Доктор медицинских наук, профессор, Уральский
государственный университет физической культуры,
(г. Челябинск)
bev58@yandex.ru*

Аннотация: Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) является одним из наиболее распространенных психических расстройств, возникающих после воздействия травматического события. С момента его официального введения в руководство по психическим расстройствам DSM-III в 1980 году значительно расширились знания о его причинах, патогенезе и методах лечения. Однако, несмотря на это возросшее понимание, адекватный клинический ответ у многих пациентов достигнут не был. Поэтому актуальным остается поиск эффективных методов лечения и реабилитации пациентов с посттравматическим стрессовым расстройством. Среди этих методов в последние годы особо выделяются физиотерапевтические, ввиду их безопасности и эффективности.

Цель: анализ физиотерапевтических методов в коррекции ПТСР и оценка перспектив применения авторского метода виброакустического массажа поющими чашами (государственный патент на изобретение RU 2687006 С1) по данным современной научной литературы.

Материалы и методы: был проведен поиск среди научных работ в базах данных Science Direct, CochraneLibrary, eLIBRARY, PubMed по ключевым словам. **Результаты и их анализ:** пациентам с ПТСР в качестве основной терапевтической стратегии рекомендована комбинация фармакотерапии и психотерапии. Однако в рамках медицинской реабилитации можно использовать физиотерапевтические методы, среди которых следует выделить транскраниальную магнитную стимуляцию, транскраниальную стимуляцию постоянным током, фототерапию, гидротерапию и массаж. Данные методы обладают незначительными побочными эффектами и показали свою эффективность в клинических исследованиях. Кроме того, перспективным методом коррекции ПТСР может стать виброакустический массаж поющими чашами, который имеет широкий спектр терапевтического действия.

Заключение: несмотря на успехи в лечении ПТСР, значительная часть пациентов не достигают адекватного клинического ответа. Поэтому актуальным становится поиск безопасных и эффективных методов лечения и реабилитации пациентов с ПТСР. Одним из таких физиотерапевтических методов может стать авторский способ виброакустического массажа поющими чашами, который снижает тревожность, улучшает качество сна и повышает качество жизни.

Ключевые слова: поющие чаши, физиотерапия, ПТСР, посттравматическое стрессовое расстройство, виброакустический массаж, массаж поющими чашами, обзор.

Введение

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – возникает как отсроченный или затянувшийся ответ на стрессовое событие (краткое или продолжительное) исключительно угрожающего или катастрофического характера, которое может вызвать глубокий стресс почти у каждого. [МКБ 10 - Международная классификация болезней 10-го пересмотра].

Типичные признаки включают эпизоды повторяющихся переживаний травмирующего события в навязчивых воспоминаниях («кадрах»), мыслях или кошмарах, появляющихся на устойчивом фоне чувства оцепенения, эмоциональной заторможенности, отчужденности от других людей, безответности на окружающее и избегания действий и ситуаций, напоминающих о травме. Обычно имеют место перевозбуждение и выраженная сверхнастороженность, повышенная реакция на испуг и бессонница. С вышеупомянутыми симптомами часто связаны тревожность и депрессия, и не редкостью являются идеи самоубийства [МКБ-10, F43.1]. Согласно современным исследованиям, клинические проявления включают повторяющиеся и навязчивые воспоминания, сны о травме, избегание того, что может напомнить о травматическом событии, различные расстройства настроения, а также когнитивные симптомы [1-3]. Отмечается, что у ветеранов боевых действий при ПТСР в подавляющем большинстве случаев имеются нарушения функции сна [4, 5]. В долгосрочной перспективе ПТСР может проявляться употреблением алкоголя и психоактивных веществ, расстройствами настроения, суицидальными наклонностями, гипертонией, деменцией [6, 7], ишемической болезнью сердца и ожирением [8].

Воздействие войны, физического или сексуального насилия, стихийных бедствий и дорожно-транспортных происшествий являются одними из наиболее распространенных причин ПТСР [9-11]. Так, по данным Шамрей В.К. и соавт. [12] показатели распространенности ПТСР среди населения колеблются в пределах 1-3%, достигают 10% у свидетелей психотравмирующего события, до 95% у тяжело пострадавших; среди участников боевых действий ПТСР встречается в пределах 15-54 %.

Итак, в связи со Специальной военной операцией проблемы терапии ПТСР в нашей стране приобретают особую актуальность [12, 13]. Также заметим, что эпидемиологическую ситуацию по ПТСР значительно ухудшила пандемия COVID-19. Как отмечают Tarsitani L. et al., у каждого пятого пациента, госпитализированного по поводу COVID-19, диагностируется ПТСР или субпороговое ПТСР в течение 3 месяцев наблюдения [14].

Заметим, что несмотря на изученность данного состояния, возможности лечения ПТСР в клинических ус-

ловиях остаются ограниченными. На сегодняшний день наилучшее доступное лечение ПТСР – это когнитивно-поведенческая терапия [15, 16]. Данный вид психотерапии является эффективным методом лечения, однако он не лишен определенных недостатков и противопоказаний, таких как преобладание у пациента отрицания в комплексе механизмов психологической защиты, недостаточная мотивация, низкая интерперсональная чувствительность и так далее [17]. Поэтому лишь две трети пациентов с ПТСР адекватно реагируют на это вмешательство [1]. В связи с этим психотерапию необходимо проводить в комбинации с фармакотерапией [17]. Однако существующие фармакологические средства часто не в состоянии воздействовать на весь спектр симптомов ПТСР [18], что делает актуальным поиск безопасных и эффективных методов лечения и реабилитации пациентов с ПТСР.

В последние годы все чаще появляются сообщения [19, 20] об успешном применении физиотерапевтических методов коррекции ПТСР. Поэтому целью данной статьи стал анализ физиотерапевтических методов в коррекции ПТСР по данным современной научной литературы и перспектив применения авторского метода виброакустического массажа поющими чашами.

Материалы и методы

Был проведен поиск среди научных работ в базах данных Science Direct, CochraneLibrary, eLIBRARY, PubMed по ключевым словам.

Результаты и их обсуждение

Отметим, что в нашей стране при организации помощи пациентам с ПТСР необходимо учитывать клинические рекомендации и стандарты, утвержденные приказами Минздрава РФ:

1. Стандарт первичной медико-санитарной помощи при невротических, связанных со стрессом и соматоформных расстройствах, посттравматическом стрессовом расстройстве в амбулаторных условиях психоневрологического диспансера (приказ № 1223н от 20.12.2012).
2. Стандарт специализированной медицинской помощи при невротических, связанных со стрессом и соматоформных расстройствах, посттравматическом стрессовом расстройстве (приказ № 1234н от 20.12.2012).
3. Клинические рекомендации «Посттравматическое стрессовое расстройство», подготовленные рабочей группой «Российского общества психиатров» (2023 год).

Согласно вышеуказанным рекомендациям и стандартам пациентам с ПТСР в качестве основной тера-

певтической стратегии рекомендована комбинация фармакотерапии и психотерапии. Кроме того, в рамках медицинской реабилитации рекомендованы некоторые физиотерапевтические методы. Подробнее рассмотрим каждый из них.

Так, пациентам с ПТСР рекомендуется проводить транскраниальную магнитную стимуляцию (ТМС). В настоящее время высокочастотная ТМС, воздействующая на левую дорсолатеральную префронтальную кору, одобрена FDA (Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, США) для использования при лечении большого депрессивного расстройства у пациентов, которые не добились успеха при фармакотерапии. Помимо этого, было широко продемонстрировано [19, 21-23], что ТМС безопасна и переносима со значимым снижением основных симптомов ПТСР. Так, метаанализ Harris A. и Reese J. [24], который включал 19 исследований (376 участников), выявил большое положительное влияние ТМС на симптомы ПТСР. Однако в данных исследованиях наблюдался широкий диапазон размеров эффекта, что можно объяснить высокой степенью вариабельности между исследованиями (частота, дозы, цели и тип стимуляции; монотерапия по сравнению с комбинированной; продолжительность наблюдения; сопутствующие заболевания и т.д.) [25].

Cheng P. et al. [26] отмечают, что правосторонняя стимуляция может быть более эффективной, чем левосторонняя. При этом оптимальная частота ТМС до сих пор неясна, поскольку нет данных, доказывающих, что лучше.

Тем не менее, Edinoff A.N. et al. [27] полагают, что высокочастотная стимуляция в целом более эффективна при ПТСР, чем низкочастотная. Также ученые отмечают, что наиболее частым побочным эффектом ТМС является головная боль и боль в коже головы, которые легко купируются анальгетиками. Судороги являются редким побочным эффектом и обычно связаны с предрасполагающими факторами.

Кроме того, на сегодняшний день интерес представляет стимуляция тета-всплеска (СТВ) – новый протокол ТМС, который быстро индуцирует синаптическую пластичность. Во время СТВ короткие импульсы высокочастотной (50 Гц) стимуляции повторяются с частотой 5 Гц (интервал 200 мс). В работе Philip N. S. et al. [28] была показана высокая эффективность СТВ. В их исследование пятьдесят ветеранов с ПТСР получали в течение 10 дней прерывистую СТВ. Через две недели активное применение СТВ значительно улучшило социальную и профессиональную функцию ($p = 0,04$), симптомы депрессии ($p = 0,07$) и привело к умеренному эффекту в купировании ПТСР. Как отмечают авторы работы [28], несколько факторов позволяют предположить, что СТВ может быть полезна при ПТСР. Во-первых, ее краткость позволяет легко

использовать данный метод в клинике и потенциально сочетать с психотерапией. Во-вторых, паттернированная природа СТВ напоминает тета-колебания систем памяти гиппокампа. По своей сути ПТСР представлено воздействием навязчивых травматических воспоминаний, а в трансляционных моделях СТВ может индуцировать синаптические связи и улучшить активность гиппокампа.

Также при ПТСР рекомендуется транскраниальная стимуляция постоянным током (ТСПТ) для коррекции когнитивных и эмоциональных нарушений. Положительные результаты данного метода были получены в двойном слепом контролируемом рандомизированном исследовании Ahmadizadeh M.J., Rezaei M. и Fitzgerald P.V. [29], в котором приняли участие 40 пациентов с ПТСР. Пациенты были случайным образом распределены для получения либо 10 сеансов ТСПТ, доставляемых при 2 мА в правую (катод) и левую (анод) дорсолатеральную префронтальную кору, либо 10 фиктивных сеансов ТСПТ. В результате пациенты с ПТСР продемонстрировали значительное уменьшение симптомов ПТСР, повышенного возбуждения и негативных изменений в когнитивных и аффективных симптомах, а также симптомов депрессии и тревоги при активной стимуляции по сравнению с фиктивной стимуляцией. Однако, что касается таких симптомов, как избегание разговоров и мыслей о случившемся, то не было никаких существенных различий между активной и фиктивной стимуляцией.

van't Wout-Frank M. et al. [30] рассмотрели возможность одновременного применения ТСПТ и средств виртуальной реальности для уменьшения психофизиологического возбуждения и симптомов ПТСР у ветеранов боевых действий. В исследование вошли 12 ветеранов с ПТСР, которые получили шесть сеансов воздействия виртуальной реальности и ТСПТ, нацеленной на вентромедиальную префронтальную кору. Каждый сеанс виртуальной реальности включал три 8-минутных сценария вождения в зоне боевых действий. van't Wout-Frank M. et al. [30] наблюдали значительное снижение возбуждения и симптомов ПТСР в группе ТСПТ ($p = 0,03$), по сравнению с контрольной группой. Также стоит отметить, что виртуальная реальность в отдельности приводила к снижению психофизиологического возбуждения как в группе ТСПТ, так и в контрольной группе ($p < 0,001$).

При ПТСР можно применять и фототерапию, эффективность которой была отмечена в рандомизированном контролируемом исследовании Youngstedt S.D. et al. [31]. Авторы изучили влияние лечения ярким светом на ПТСР. В исследование приняло участие 69 ветеранов с ПТСР, связанным с боевыми действиями в Афганистане и Ираке. Исследуемые были рандомизированы на группы ежедневного лечения ярким светом (10000 люкс в течение 30 минут в день) или контрольного лечения (использовался генератор отрицательных ионов). По сравнению с

контрольной группой, яркий свет после 4 недель применения вызвал значительно более выраженные улучшения показателей по «Шкале для клинической диагностики посттравматического стрессового расстройства» и «Шкале общего клинического впечатления». Яркий свет также вызывал значительно более высокий уровень ответа на лечение по «Контрольному списку посттравматического стрессового расстройства» (33% против 6%), однако ни у одного из участников эксперимента не было ремиссии ПТСР. Изменения выраженности депрессии, беспокойства и нарушений сна также не различались между группами.

Zalta A.K. et al. [32] провели плацебо-контролируемое исследование эффективности носимого светового устройства Re-timer у лиц с ПТСР. Индивидуумам случайным образом назначали активный Re-timer ($n = 9$) или плацебо Re-timer, затемненные фильтрами нейтральной плотности ($n = 6$). Участники самостоятельно проводили лечение дома по 1 часу каждое утро в течение 4 недель. Авторы отметили, что пациенты из активной группы с большей вероятностью достигли минимальных клинически значимых изменений в симптомах ПТСР и депрессии и имели более выраженное уменьшение симптомов, чем в группе плацебо.

Потенциально эффективным методом лечения ПТСР может стать гидротерапия. Это связано с тем, что она способствует коррекции астено-невротического и иммуносупрессивного синдромов. Antonelli M., Donelli D. [33] отмечают, что бальнеотерапия может влиять на уровень кортизола таким образом, чтобы повысить устойчивость к стрессу. Более того, при бальнеотерапии задействованы нейроэндокринные и иммунологические реакции, которые приводят к противовоспалительному, обезболивающему, антиоксидантному, хондропротекторному и анаболическому эффектам [34].

Массаж также показал себя многообещающим в уменьшении симптомов, связанных со стрессом [35]. В частности, массаж может уменьшить такие симптомы ПТСР, как раздражительность, тревога, депрессия и напряжение [36]. При этом хотя массаж улучшает сон у определенных групп пациентов [37-39] в работе Sumpton V. [40] показано непоследовательное улучшение и ухудшение симптомов нарушений сна среди пациентов с ПТСР. Вероятно, это связано с тем, что основная причина инсомнии так и не была ликвидирована у пациентов.

Учитывая, что в развитие ПТСР значительный вклад вносит снижение парасимпатического тонуса и повышение симпатической активности [41], перспективным методом лечения и реабилитации данного заболевания является вибротерапия, способная гармонизировать симпатико-парасимпатические взаимоотношения. Так, Sigurdardóttir G. A. et al. [42] провели исследование, в

котором приняли участие 38 пациентов с депрессивным расстройством (18 пациентов было в экспериментальной группе, 20 в контрольной группе). Авторы применяли расслабляющую музыку со специально созданной низкочастотной звуковой дорожкой, которая активировала вибротактильный преобразователь на уровне живота в спинке стула, на котором сидели пациенты. Вибрационная стимуляция применялась в течение 20 минут. Всего было проведено 8 сеансов. Вероятный терапевтический механизм заключался в активации телец Фатера-Пачини, посылающих афферентный импульс по блуждающему нерву. Sigurdardóttir G.A. et al. [42] утверждают, что тельца Фатера-Пачини, стимулированные на частоте 240 Гц, имеют максимальный афферентный выход. Хотя это не было строго контролируемым исследованием и не измерялись изменения тонуса блуждающего нерва, данное исследование обнаружило снижение показателей депрессии в экспериментальной группе. Braun Janzen T. et al. [43] применяли схожее лечение и также обнаружили снижение депрессии и ангедонии.

В 2018 году был разработан авторский способ виброакустического массажа поющими чашами (государственный патент на изобретение RU 2687006 C1, автор и патентообладатель – В.О. Огуй) [44]. Поющие чаши имеют форму полой полусферы с внешним диаметром 278 мм, диаметром дна 140 мм, высотой стенок 125 мм, толщиной стенок 4,5 мм. Для извлечения вибрации используется колотушка с деревянной ручкой диаметром 20 мм, общей длиной 265 мм с утолщением на ударном конце с общим диаметром 50 мм, образуемым резиновой лентой шириной 30 мм обшитой сверху войлоком. Из поющей чаши выполняется извлечение вибрации посредством удара колотушкой с резиновым наконечником о верхний край чаши. После окончания вибрации поющая чаша перемещается в следующее положение согласно направлению массажных движений, при этом происходит воздействие звуковыми волнами или на все тело массируемого, или локально. Изобретение относится к восстановительной медицине и может быть использовано для коррекции тревожных и инсомнических расстройств.

Авторский способ виброакустического массажа поющими чашами может быть перспективным методом коррекции симптомов ПТСР за счет снижения уровня тревожности [45, 46], улучшения качества сна [47] и повышения качества жизни [48]. При этом виброакустический массаж имеет минимальные противопоказания и побочные эффекты. Все это делает виброакустический массаж поющими чашами многообещающим физиотерапевтическим средством в комплексной коррекции ПТСР.

Выводы

Учитывая события последних лет в нашей стране,

проблема ПТСР будет становиться все острее. И несмотря на успехи в лечении данного состояния, значительная часть пациентов с ПТСР, получающих психотерапию и фармакологическое лечение, не достигают адекватного клинического ответа. Поэтому актуальным становится поиск безопасных и эффективных методов лечения (в том числе физиотерапевтических) в реабилитации па-

циентов с ПТСР. Одним из таких методов может стать авторский способ виброакустического массажа поющими чашами, который снижает тревожность, улучшает качество сна и повышает качество жизни. В связи с этим необходимы дальнейшие исследования для определения эффективности, безопасности и рентабельности данного метода лечения у пациентов с ПТСР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bryant R.A. Post-traumatic stress disorder: a state-of-the-art review of evidence and challenges // *World Psychiatry*. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 259-269.
2. Lewis C., Roberts N.P., Gibson S., Bisson J.I. Dropout from psychological therapies for post-traumatic stress disorder (PTSD) in adults: systematic review and meta-analysis // *European Journal of Psychotraumatology*. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 1709709.
3. Mavranzeouli I., Megnin-Viggars O., Grey N., Bhutani G., Leach J., Daly C., Dias S., Welton N.J., Katona C., El-Leithy S., Greenberg N., Stockton S., Pilling S. Cost-effectiveness of psychological treatments for post-traumatic stress disorder in adults // *PLOS ONE*. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. e0232245.
4. Пудиков, И.В. Нарушение сна у ветеранов боевых действий при посттравматическом стрессовом расстройстве: диагностика и лечение: Информационно-методическое пособие / И.В. Пудиков; Утверждено к печати решением учёного совета медицинского института «РеаВИз» от 23. 05. 2013 г., протокол №5. – Самара: БмВ и К, 2013. – 88 с.
5. Абдрафикова Г.Х., Самус Н.Л., Лихтшангоф А.З. Медико-психологическая характеристика ветеранов боевых действий // *Медицина и организация здравоохранения*. – 2016. – Т. 1, № 1. – С. 28-31.
6. Günak M.M., Billings J., Carratu E., Marchant N.L., Favarato G., Orgeta V. Post-traumatic stress disorder as a risk factor for dementia: systematic review and meta-analysis // *The British Journal of Psychiatry*. – 2020. – Т. 217, № 5. – С. 600-608.
7. Fox V., Dalman C., Dal H., Hollander A.-C., Kirkbride J.B., Pitman A. Suicide risk in people with post-traumatic stress disorder: A cohort study of 3.1 million people in Sweden // *Journal of Affective Disorders*. – 2021. – Т. 279. – С. 609-616.
8. Aaseth J., Roer G.E., Lien L., Bjørklund G. Is there a relationship between PTSD and complicated obesity? A review of the literature // *Biomedicine & Pharmacotherapy*. – 2019. – Т. 117. – С. 108834.
9. Vasileva A.V., Karavaeva T.A., Lukoshkina E.P., Radionov D.S. Basic approaches to the diagnosis and therapy of post-traumatic stress disorder // *V.M. BEKHTEREV REVIEW OF PSYCHIATRY AND MEDICAL PSYCHOLOGY*. – 2022. – Т. 56, № 4. – С. 107-111.
10. Cloitre M. ICD-11 complex post-traumatic stress disorder: simplifying diagnosis in trauma populations // *The British Journal of Psychiatry*. – 2020. – Т. 216, № 3. – С. 129-131.
11. Van Der Kolk B., Ford J.D., Spinazzola J. Comorbidity of developmental trauma disorder (DTD) and post-traumatic stress disorder: findings from the DTD field trial // *European Journal of Psychotraumatology*. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 1562841.
12. Shamrey V.K., Lytkin V.M., Barazenko K.V., Zun S.A. PTSD development and dynamics // *Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. – 2023. № 1. – С. 68-77.
13. Дроздова И., Зинченко Е., Капитанова Е. Оказание психологической помощи жителям Донбасса (из опыта работы в пунктах временного размещения) // *Ինճժրանական հիմնախնդիրներ* Психологические проблемы Psychological problems. – 2022. – С. 124.
14. Tarsitani L., Vassalini P., Koukopoulos A., Borrazzo C., Alessi F., Di Nicolantonio C., Serra R., Alessandri F., Ceccarelli G., Mastroianni C.M., D'Ettoire G. Post-traumatic Stress Disorder Among COVID-19 Survivors at 3-Month Follow-up After Hospital Discharge // *Journal of General Internal Medicine*. – 2021. – Т. 36, № 6. – С. 1702-1707.
15. Lewis C., Roberts N.P., Simon N., Bethell A., Bisson J.I. Internet-delivered cognitive behavioural therapy for post-traumatic stress disorder: systematic review and meta-analysis // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. – 2019. – Т. 140, № 6. – С. 508-521.
16. Bryant R. A., Kenny L., Rawson N., Cahill C., Joscelyne A., Garber B., Tockar J., Dawson K., Nickerson A. Efficacy of exposure-based cognitive behaviour therapy for post-traumatic stress disorder in emergency service personnel: a randomised clinical trial // *Psychological Medicine*. – 2019. – Т. 49, № 9. – С. 1565-1573.
17. Клинические. Клинические рекомендации «Посттравматическое стрессовое расстройство», утвержденные Министерством здравоохранения Российской Федерации, 2023 год // . – 2023.
18. Hoskins M. D., Bridges J., Sinnerton R., Nakamura A., Underwood J.F.G., Slater A., Lee M.R.D., Clarke L., Lewis C., Roberts N. P., Bisson J.I. Pharmacological therapy for post-traumatic stress disorder: a systematic review and meta-analysis of monotherapy, augmentation and head-to-head approaches // *European Journal of Psychotraumatology*. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 1802920.
19. Petrosino N.J., Cosmo C., Berlow Y.A., Zandvakili A., Van 'T Wout-Frank M., Philip N.S. Transcranial magnetic stimulation for post-traumatic stress disorder // *Therapeutic Advances in Psychopharmacology*. – 2021. – Т. 11. – С. 204512532110499.
20. Martin P.I., Chao L., Krengel M.H., Ho M.D., Yee M., Lew R., Knight J., Hamblin M.R., Naeser M.A. Transcranial Photobiomodulation to Improve Cognition in Gulf War Illness // *Frontiers in Neurology*. – 2021. – Т. 11.
21. Cirillo P., Gold A.K., Nardi A.E., Ornelas A.C., Nierenberg A.A., Camprodon J., Kinrys G. Transcranial magnetic stimulation in anxiety and trauma-related disorders: A systematic review and meta-analysis // *Brain and Behavior*. – 2019. – Т. 9, № 6. – С. e01284.

22. Zandvakili A., Swearingen H.R., Philip N.S. Changes in functional connectivity after theta-burst transcranial magnetic stimulation for post-traumatic stress disorder: a machine-learning study // *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*. — 2021. — Т. 271, № 1. — С. 29-37.
23. Philip N.S., Doherty R.A., Faucher C., Aiken E., Van 'T Wout-Frank M. Transcranial Magnetic Stimulation for Posttraumatic Stress Disorder and Major Depression: Comparing Commonly Used Clinical Protocols // *Journal of Traumatic Stress*. — 2022. — Т. 35, № 1. — С. 101-108.
24. Harris A., Reece J. Transcranial magnetic stimulation as a treatment for posttraumatic stress disorder: A meta-analysis // *Journal of Affective Disorders*. — 2021. — Т. 289. — С. 55-65.
25. Concerto C., Lanza G., Fiscaro F., Pennisi M., Rodolico A., Torrisi G., Bella R., Aguglia E. Repetitive transcranial magnetic stimulation for post-traumatic stress disorder: Lights and shadows // *World Journal of Clinical Cases*. — 2022. — Т. 10, № 17. — С. 5929.
26. Cheng P., Zhou Y., Xu L.-Z., Chen Y.-F., Hu R.-L., Zou Y.-L., Li Z.-X., Zhang L., Shun Q., Yu X. Clinical application of repetitive transcranial magnetic stimulation for post-traumatic stress disorder: A literature review // *World Journal of Clinical Cases*. — 2021. — Т. 9, № 29. — С. 8658.
27. Edinoff A.N., Hegefled T.L., Petersen M., Patterson J. C., Yossi C., Slizewski J., Osumi A., Cornett E.M., Kaye A., Kaye J.S., Javalkar V., Viswanath O., Urits I., Kaye A. D. Transcranial Magnetic Stimulation for Post-traumatic Stress Disorder // *Frontiers in Psychiatry*. — 2022. — Т. 13.
28. Philip N.S., Barredo J., Aiken E., Larson V., Jones R.N., Shea M.T., Greenberg B.D., Van 'T Wout-Frank M. Theta-Burst Transcranial Magnetic Stimulation for Posttraumatic Stress Disorder // *American Journal of Psychiatry*. — 2019. — Т. 176, № 11. — С. 939-948.
29. Ahmadizadeh M.J., Rezaei M., Fitzgerald P.B. Transcranial direct current stimulation (tDCS) for post-traumatic stress disorder (PTSD): A randomized, double-blinded, controlled trial // *Brain Research Bulletin*. — 2019. — Т. 153. — С. 273-278.
30. van't Wout-Frank M., Shea M.T., Larson V.C., Greenberg B.D., Philip N.S. Combined transcranial direct current stimulation with virtual reality exposure for posttraumatic stress disorder: feasibility and pilot results // *Brain stimulation*. — 2019. — Т. 12, № 1. — С. 41-43.
31. Youngstedt S.D., Kline C.E., Reynolds A.M., Crowley S.K., Burch J.B., Khan N., Han S. Bright Light Treatment of Combat-related PTSD: A Randomized Controlled Trial // *Military Medicine*. — 2021. — Т. 187, № 3-4. — С. e435-e444.
32. Zalta A.K., Bravo K., Valdespino-Hayden Z., Pollack M.H., Burgess H.J. A placebo-controlled pilot study of a wearable morning bright light treatment for probable PTSD // *Depression and Anxiety*. — 2019. — Т. 36, № 7. — С. 617-624.
33. Antonelli M., Donelli D. Effects of balneotherapy and spa therapy on levels of cortisol as a stress biomarker: a systematic review // *International Journal of Biometeorology*. — 2018. — Т. 62, № 6. — С. 913-924.
34. Gálvez I., Torres-Piles S., Ortega-Rincón E. Balneotherapy, Immune System, and Stress Response: A Hormetic Strategy? // *International Journal of Molecular Sciences*. — 2018. — Т. 19, № 6. — С. 1687.
35. Rosenow M., Munk N. Massage for combat injuries in veteran with undisclosed PTSD: a retrospective case report // *International journal of therapeutic massage & bodywork*. — 2021. — Т. 14, № 1. — С. 4.
36. Collinge W., Kahn J., Soltysik R. Promoting Reintegration of National Guard Veterans and Their Partners Using a Self-Directed Program of Integrative Therapies: A Pilot Study // *Military Medicine*. — 2012. — Т. 177, № 12. — С. 1477-1485.
37. Ghavami H., Shamsi S.A., Abdollahpoor B., Radfar M., Khalkhali H.R. Impact of hot stone massage therapy on sleep quality in patients on maintenance hemodialysis: A randomized controlled trial // *Journal of Research in Medical Sciences*. — 2019. — Т. 24, № 1. — С. 71.
38. Korompis M.D., Tomboka S.G., Tendean S.C. Baby Massage Impact on Quality of Sleep for Baby Age 0-6 Months in Winet Poskesdes I // *Proceeding 2nd Manado Health Polytechnic International Conference*. — 2019. — С. 97-101.
39. Chompooran W., Eungpinichpong W., Chompooran W., Sujimongkol C. The Effect of Traditional Thai Massage on Quality of Sleep in Adults with Sleep Problem // *Trends in Sciences*. — 2022. — Т. 19, № 7. — С. 3063.
40. Sumpton B., Baskwill A. A series of case reports regarding the use of massage therapy to improve sleep quality in individuals with post-traumatic stress disorder (PTSD) // *International Journal of Therapeutic Massage & Bodywork*. — 2019. — Т. 12, № 4. — С. 3.
41. Воловик М., Белова А., Кузнецов А., Полевая А., Воробьева О., Халак М. Технологии виртуальной реальности в реабилитации участников боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством (обзор) // *Современные технологии в медицине*. — 2023. — Т. 15, № 1. — С. 74-86.
42. Sigurdardóttir G.A., Nielsen P.M., Rønager J., Wang A.G. A pilot study on high amplitude low frequency-music impulse stimulation as an add-on treatment for depression // *Brain and Behavior*. — 2019. — Т. 9, № 10.
43. Braun Janzen T., Al Shirawi M.I., Rotzinger S., Kennedy S.H., Bartel L. A Pilot Study Investigating the Effect of Music-Based Intervention on Depression and Anhedonia // *Frontiers in Psychology*. — 2019. — Т. 10.
44. Огуй, В.О. Способ вибрационно-акустического массажа: Пат. 2687006 Рос. Федерация. МПК А61Н23/00 В.О. Огуй; № 2018121741; заявл. 14.06.18; опубл. 06.05.19 Бюл. № 13 - 29 с.
45. Огуй В.О., Тарасенко А.А., Свирщ Е.Н. Исследование эффективности виброакустического тибетского массажа для снижения уровня тревожности // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. — 2019. № 6. — С. 82-90.
46. Oguu V.O., Bykov E., Litvichenko E. Single Vibroacoustic Impact Effect of Singing Bowls over the Psycho-Emotional State and Cardiovascular System Work // *Journal of Intellectual Disability-Diagnosis and Treatment*. — 2021. — Т. 9, № 5. — С. 483-494.
47. Огуй В.О. Огуй В.О. Влияние курсового применения авторского метода виброакустического массажа поющими чашами на расстройство и качество сна. *Современные вопросы биомедицины*. 2022; 6(1). http://dx.doi.org/10.51871/2588-0500_2022_06_01_18.
48. Огуй В. Влияние авторского метода виброакустического массажа поющими чашами на качество жизни // *Проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров: опыт и перспективы: сб. науч. тр. молодых ученых УралГУФК.—Вып. 18/Под ред. к. п. н., доцента ЕБ Малетиной.—Челябинск: УралГУФК, 2021—224 с. — 2021. — С. 148-152.*

© Огуй Виктор Олегович (DoktorNN@yandex.ru), Быков Евгений Витальевич (bev58@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

FEATURES OF EMOTIONAL BURNOUT SYNDROME AMONG REPRESENTATIVES OF VARIOUS LEGAL PROFESSIONS

A. Osipova
A. Miroshnichenko
V. Kovtun

Summary: The article examines the features of the manifestation of the symptom of emotional burnout in various representatives of the legal profession: prosecutors, lawyers, legal consultants, and employees of the judicial system. The professional activities of representatives of the legal profession are characterized by increased responsibility for the lives and freedom of other people, a high level of psychological overload, maintaining a significant amount of official documentation, and the need to make decisions on which the lives of other people depend. Prolonged exposure to such conditions of professional activity can lead to various personal deformations, in particular to emotional burnout syndrome. Despite the general similarity of the main phases and symptoms, there are features of the manifestation of this symptom both within one profession and in all professions of the socioeconomic type.

Keywords: burnout syndrome, legal profession, lawyer, prosecutor, legal consultant, judicial system employee, stages of burnout.

Осипова Алла Анатольевна

Доктор психологических наук, профессор, Южный
Федеральный Университет
aaosipova@sfedu.ru

Мирошниченко Александр Владимирович,

Кандидат психологических наук, Южный Федеральный
Университет

Ковтун Валерия Евгеньевна

Аспирант, Южный Федеральный Университет

Аннотация: В статье рассматриваются особенности проявления симптома эмоционального выгорания у различных представителей юридических профессий: работников прокуратуры, адвокатов, юрисконсультов, работников судебной системы. Профессиональная деятельность представителей юридических профессий отличается повышенной ответственностью за жизнь и свободу других людей, высоким уровнем психологических перегрузок, ведением значительного количества служебной документации, необходимостью принятия решений, от которых зависит жизнь других людей. Длительное нахождение в таких условиях профессиональной деятельности может приводить к различным личностным деформациям, в частности – к синдрому эмоционального выгорания. При общей схожести основных фаз и симптомов, существуют особенности проявления данного симптома как в рамках одной профессии, так и во всех профессиях социэкономического типа.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, юридическая профессия, адвокат, работник прокуратуры, юрисконсульт, работник судебной системы, стадии выгорания.

Введение

В современном турбулентном обществе профессия юриста является одной из наиболее востребованных и престижных, поскольку направлена на правотворчество, правоприменение и ликвидацию ряда проблем в обществе. Специфика профессиональной деятельности юриста заключается в том, что к личности профессионала предъявляются повышенные морально-этические, нравственные требования, требуется высокий уровень социальной ответственности. При этом выполнение профессиональных обязанностей различными представителями юридических профессий сопровождается высоким уровнем напряжения в силу ряда обстоятельств: необходимость строго соблюдения законодательных норм в условиях постоянно изменяющегося законодательства, обилием документации, угрозами жизни и здоровья. Профессиональная деятельность в таких условиях приводит к накоплению профессиональной и личностной усталости, которая в исследованиях, посвященным изучению влияния профессии на личность человека получила обозначение «синдрома эмоционального выгорания».

Материалы и методы

В исследовании приняло участие 80 человек: 49 человек (61,25%) – женщин, 31 человек (38,75%) – мужчин в возрасте от 22 до 49 лет. Средний возраст респондентов – 31,4 года. В качестве методов исследования применялись опросные методы: опросник «Профессионального (эмоционального) выгорания» МВІ К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой; [19] методика «Диагностики эмоционального выгорания личности» В.В. Бойко; [4] Опросник «SACS» (С. Хобфолл) [24]. Методы математической обработки включали первичную описательную статистику, сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ Бравэ-Пирсона. Для статистической обработки полученных эмпирических данных применялись стандартные лицензионные компьютерные программы: «Microsoft Office» и «Statistica 22.0»

Литературный обзор

С введения в 1974 г. Х.Дж. Фрейденбергом в научный обиход термина «эмоциональное выгорание» (англ. burnout) начался этап активного изучения данного фе-

номена у представителей различных социэкономических профессий- врачей, педагогов, священников, пожарных, юристов как в зарубежных исследованиях. (К. Маслач, С. Джексон, Э. Пайнс, В. Шауфели, М. Ляйтер, Х. Фишер, К. Чернисс, Дж. Еделвич, Р. Бродский, Д. Этзион и др.), так и в России (Т.В. Форманюк, Т.И. Ронгинская, Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, В.Е. Орёл, А.А. Рукавишников, Т.В. Большакова, К.С. Милевич, М.В. Борисова, Т.В. Темиров, Н.С. Пряжников, Е.Г. Ожогова, В.И. Майстренко, М.А. Буянкина, М.А. Надежина, Е.А. Трухан и др.). [8] К настоящему времени в науке не сложилось однозначной трактовки понятия «синдром эмоционального выгорания».

Так, К. Маслач под выгоранием понимает синдром истощения, цинизма и профессиональной неэффективности, который возникает в ответ на длительное воздействие стрессовых факторов в условиях профессиональной деятельности. [25]. Она полагает, что в структуре синдрома эмоционального выгорания представлены 3 компонента: деперсонализация, которая проявляется в высоком уровне цинизма и негативного отношения как объекту, так и субъектам профессиональной деятельности; эмоциональная истощенность, которая проявляется в виде чрезмерной усталости, апатии и редукция профессиональных достижений, которая проявляется в остром чувстве некомпетентности в профессиональной деятельности.

М. Бариш понимает под «выгоранием» набор определенных последствий длительно воздействующего профессионального стресса и определенных видов профессионального кризиса, которые развиваются при наличии большого эмоционально-насыщенного взаимодействия с трудными субъектами делового общения и при соблюдении строго нормированного напряженного режима дня [23].

Н.Е. Водопьянова считает, что выгорание - это совокупность стойких симптомов, которые проявляются в негативных эмоциональных переживаниях и установках относительно своей профессии, личных достижений и субъектов делового общения [5].

В трактовке В.В. Бойко эмоциональное выгорание выступает в качестве механизма психологической защиты, который вырабатывается личностью с целью полного или частичного исключения эмоций в ответ на определенные психотравмирующие воздействия [4].

Вместе с тем, большинство исследователей сходятся во мнении, что синдром эмоционального выгорания складывается в течении определенного времени нахождения в профессии и его формирование происходит через ряд стадий. [1,9,11]

На первой стадии у профессионала накапливается физическая и психологическая усталость, нарастает чувство тревоги, неудовлетворенности результатами деятельности, возникают трудности в процессе принятия решений. На второй стадии развития симптома эмоционального выгорания появляется эмоциональная тупость, профессиональный цинизм, резко повышается чувствительность к критическим замечаниям. На третьем этапе резко возрастает конфликтность в межличностных отношениях (как профессиональных, так и личных), снижается интерес к жизни, появляется апатия, наступает тотальная дисфункциональность.

В настоящее время в психологической науке существует определенное количество различных классификаций симптомов и структурных компонентов синдрома эмоционального выгорания. [1] Наиболее объемная классификация представлена в работе W. Schaufelli и D. Enzmann, которые выделили 132 симптома выгорания и были объединены в 5 основных групп (аффективные; когнитивные; физические; поведенческие; мотивационные) на основании характеристики той или иной сферы индивида. [26]

Изучению проявления синдрома выгорания у представителей юридических профессий был посвящен целый ряд исследований. [2,3,7,10,12,16,17,18,20,21]

Так, в работах Минина Д.С. было установлено различие в структурных компонентах эмоционального выгорания у адвокатов гражданского и уголовного судопроизводства. [13,14]. В исследовании Назаровой Е.А. было установлено, что на формирование синдрома эмоционального выгорания у юристов государственной гражданской службы и юристов полиции оказывает существенное влияние стаж нахождения в должности. [15] По данным Голыня П.О. у юристов-практиков синдром эмоционального выгорания наиболее ярко проявляется при стаже работы специалиста до 1 года и свыше 10-15 лет, по мнению автора, так проявляется сложность в адаптации к профессиональной деятельности у бывших выпускников юридических вузов, а выгорание у профессионалов с большим стажем профессиональной деятельности он связывает с «кризисом середины жизни». [6]

Результаты

Степень выраженности, фазы, симптомы эмоционального выгорания у юристов разной профессиональной специализации измерялись с помощью психодиагностических методик: опросника «Профессионального (эмоционального) выгорания» MBI К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой; методики «Диагностики эмоционального выгорания личности» В.В. Бойко; опросника «SACS» (С. Хобфолл).

Исследование особенностей проявления синдрома эмоционального выгорания (по методике МВІ К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой) показало, что наиболее высокий уровень эмоционального истощения отмечается у работников судебной системы (Рис.1).

Наименьший показатель (см. Рис. 2) эмоционального истощения отмечается у представителей выборки «юрисконсульты» (статистически значимые различия в уровнях эмоционального истощения обнаружены по критерию U-Манна-Уитни, $U=42$, при $p \leq 0,01$). При этом на усредненном уровне близким по значимости проявляется эмоциональное истощение у работников органов прокуратуры и адвокатов ($U=176$). (Рис.2).

Различий по степени выраженности шкал «деперсонализация» и «редукция профессиональных достижений» у работников органов прокуратуры и адвокатов

не обнаружено. Результаты изучения степени сформированности различных фаз эмоционального выгорания (методика «Диагностики эмоционального выгорания личности» В.В. Бойко) представлены на рис. 3.

Как видно из рис.3 и табл.1 наибольшая выраженность всех трех фаз эмоционального выгорания отмечается у работников суда, а в наименьшей степени признаки выгорания проявляются у юрисконсультов. Статистически значимые различия по фазе «напряжение» отмечаются между группами «работник суда» и «юрисконсульт» (t-критерий Стьюдента $t=7,7$ при $p \leq 0,01$), а также между выборкой «работники суда» и «работники прокуратуры» ($t=2,9$ при $p \leq 0,01$). (Таб. 1.)

Сравнительный анализ доминирующих симптомов

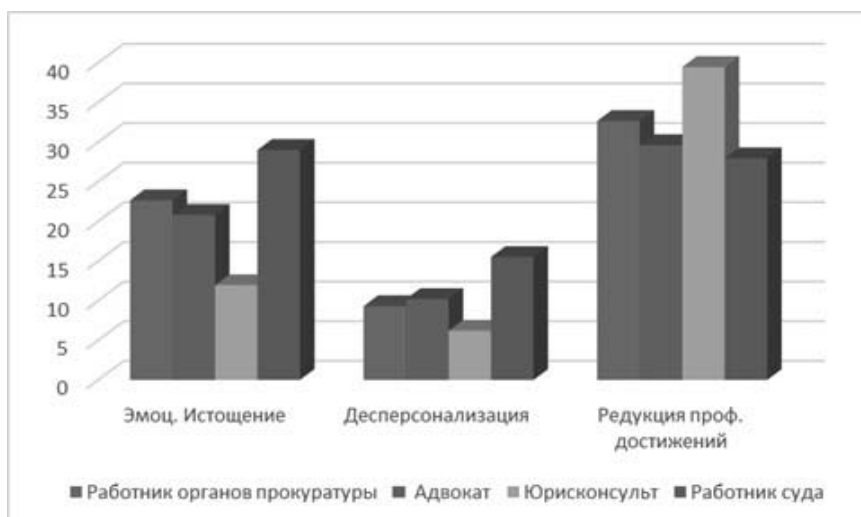

Рис. 1. Степень выраженности показателей эмоционального выгорания (методика МВІ К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой) у представителей юридических профессий

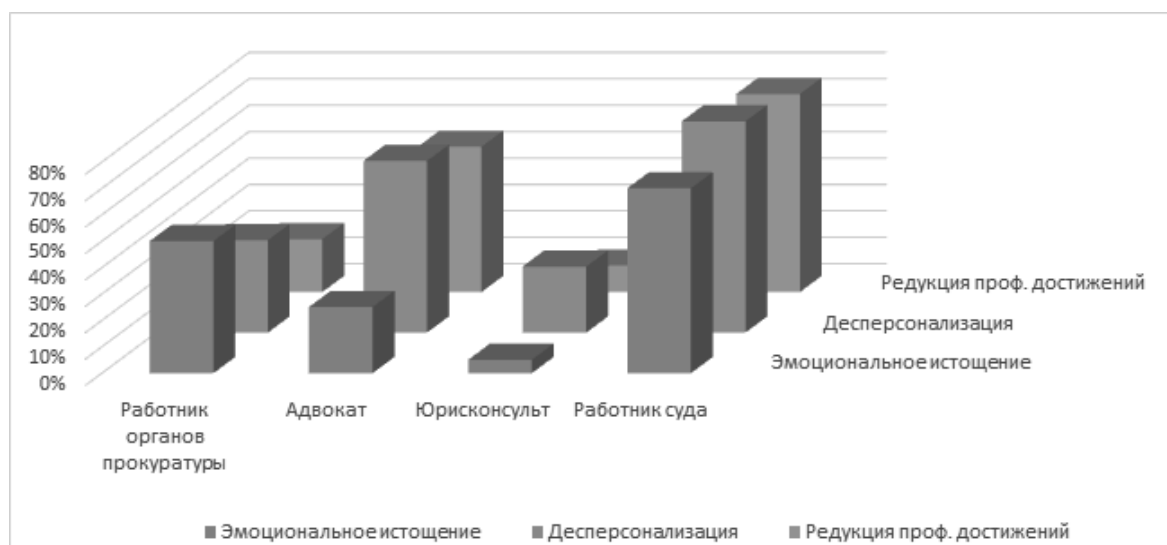

Рис. 2. Представленность показателей эмоционального выгорания (методика МВІ К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой) у представителей юридических профессий

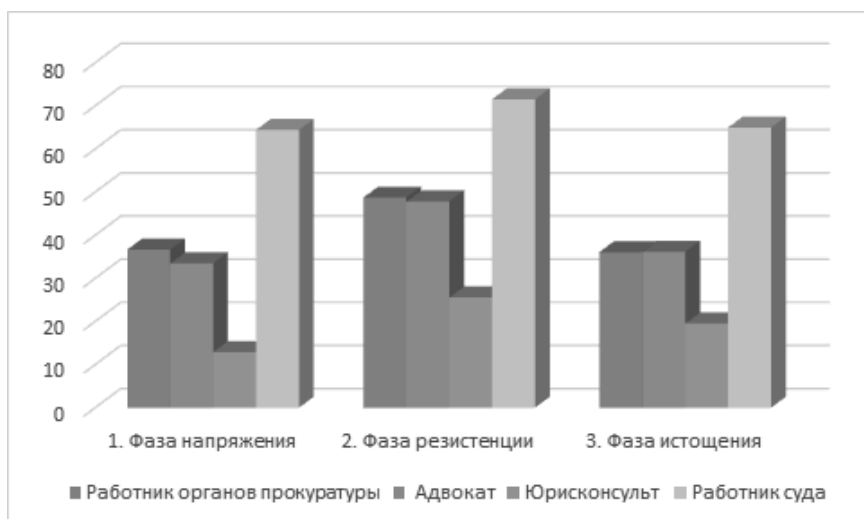

Рис. 3. Сформированность различных фаз эмоционального выгорания (методика «Диагностика эмоционального выгорания личности» В.В. Бойко) у представителей юридических профессий

Таблица 1.

Показатели выраженности фаз эмоционального выгорания по методике «Диагностика эмоционального выгорания личности» В.В. Бойко у представителей юридических профессий.

	1. Фаза напряжения	2. Фаза резистенции	3. Фаза истощения
Работник органов прокуратуры	36,65	48,7	36,05
Адвокат	33,5	47,85	36,15
Юрисконсульт	12,9	25,55	19,5
Работник суда	64,4	71,5	64,95

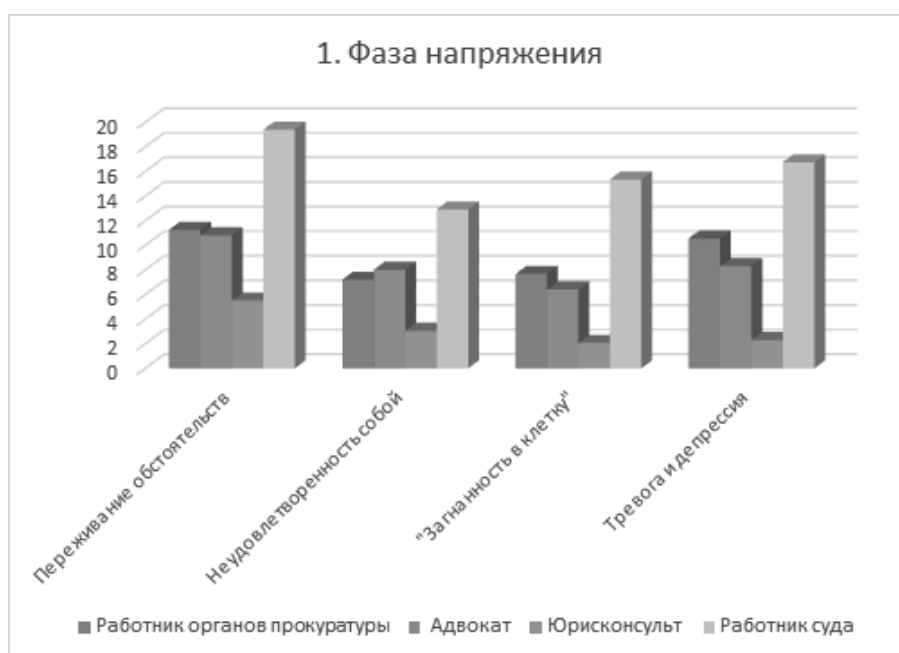

Рис. 4. Сравнительный анализ групп респондентов по симптомам фазы «Напряжение»

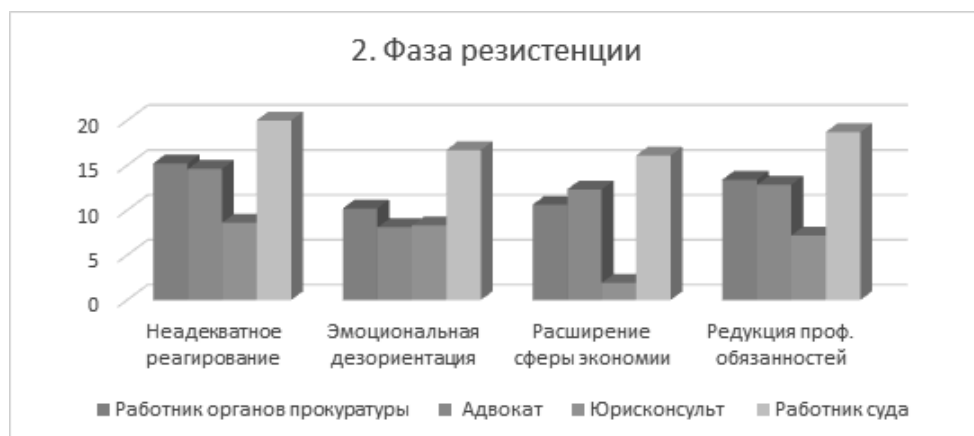

Рис. 5. Сравнительный анализ групп респондентов по симптомам фазы «Резистенция»

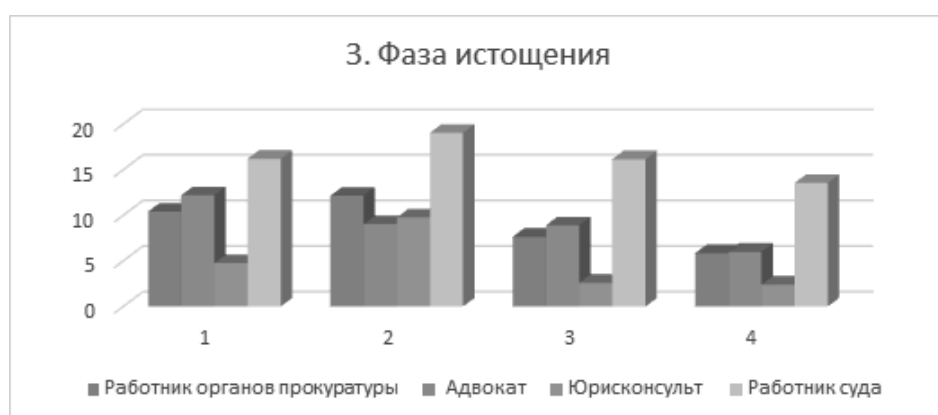

Рис. 6. Сравнительный анализ групп респондентов по симптомам фазы «Истощение»

в каждой фазе у исследуемых групп показал, что в фазе «напряжение» у работников органов прокуратуры доминирующими симптомами являются «переживание обстоятельств» и «тревога и депрессия», а у адвокатов, юрисконсультов и работников суда – «переживание обстоятельств» (см. Рис. 4.).

В фазе «резистенция» доминирующим синдромом у работников органов прокуратуры, адвокатов и работников суда является «неадекватное реагирование», у юрисконсультов – «эмоциональная дезориентация» (см. Рис. 5.).

В фазе «истощение» доминирующим синдромом у адвокатов является «эмоциональный дефицит», в то время как у остальных исследуемых выборок доминирует «эмоциональная отстраненность» (см. Рис. 6.).

Опросник «SACS» (Strategic Approach To Coping Scale) С. Хобфолла (в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой) позволяет выявить стратегии преодоления стрессогенных ситуаций. Стиван Хобфолл определяет преодолевающее поведение как комплекс когнитивно-поведенческих действий, зависящих от ситуационного контекста, и описывает девять моделей такого поведения -уверенное, осторожное, импульсивное, манипулятивное, асоциальное и агрессивное, вступление в соци-

альный контакт, поиск социальной поддержки. Знание о типичной модели активного преодоления со знанием о индивидуальных особенностях сложившегося синдрома эмоционального выгорания позволяет выбрать наиболее эффективную индивидуальную стратегию преодоления стрессовых нагрузок и повысить уровень стрессоустойчивости профессионала.

Общий индекс конструктивности стратегий преодолевающего поведения, рассчитанный на основании методики «SACS» (Strategic Approach To Coping Scale) С. Хобфолл представлен на рис. 7.

Наиболее высокий уровень индекса конструктивности (статистически отличающемся от иных групп) отмечается в группе «юрисконсульты», а наиболее низкий – в группе «работники судебной системы (статистически значимые различия по U- критерию Манна-Уитни ($U=50$, при $p \leq 0,01$ между выборкой «юрисконсульты» и «работники суда»)). Статистически значимые различия в уровнях данного показателя между группами «работники органов прокуратуры» и «адвокаты» не выявлены.

Проведенное исследование показало, что для всех исследуемых групп представителей юридических про-

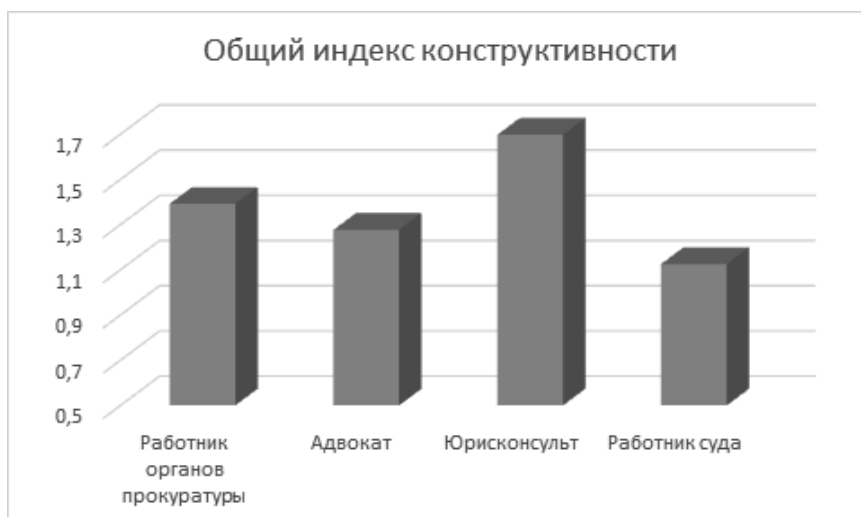

Рис. 7. Общий индекс конструктивности стратегий преодолевающего поведения (Опросник «SACS» С. Хобфолл)

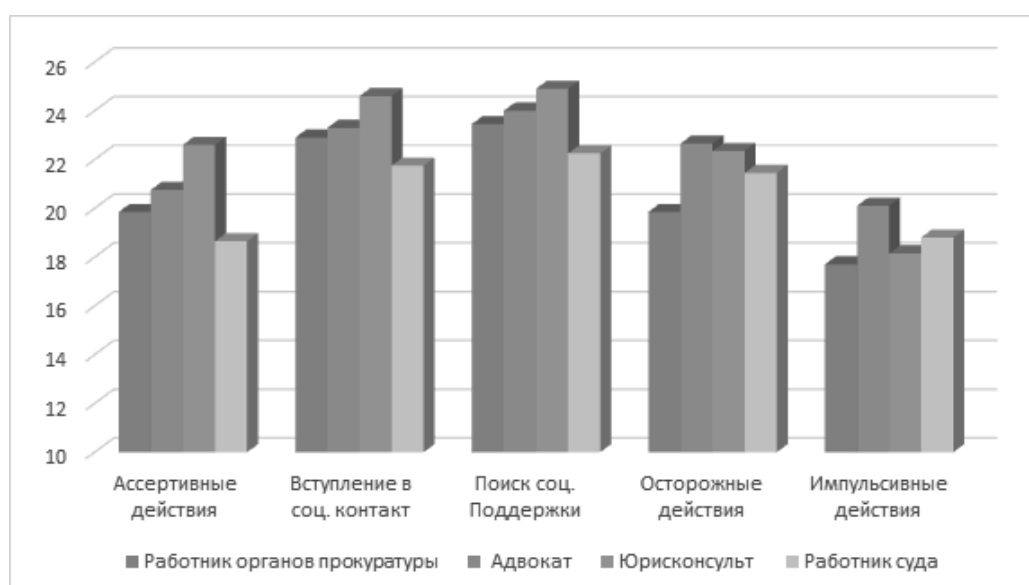

Рис. 8. Модели поведения (ассертивные действия, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, осторожные и импульсивные действия) респондентом по методике «SACS» С. Хобфолла

фессий преобладающими являются такие модели совладающего поведения как «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки», «осторожные действия», что полностью соответствует тем требованиям, которое общество предъявляет к представителям данной профессиональной группы.

Анализ доминирующих стратегий в каждой профессиональной группе представителей юридических специализаций показал, что для группы «юрисконсульты» наиболее характерны такие модели поведения как «ассертивные действия», «вступление в социальный контакт», «поиск социальной поддержки». Для исследуемой группы «адвокаты» наиболее предпочитаемыми моделями совладающего поведения оказались «осторожные действия» и «импульсивные действия». (см. Рис. 8).

Для группы «работники судебной системы» наиболее предпочитаемыми явились такие модели совладающего поведения как «избегание», «манипулятивные действия» и «асоциальные действия». Модель совладающего поведения «агрессивные действия» одинаково представлена в группах «адвокаты» и «работники судебной системы». (см. Рис. 9).

Проведенный корреляционный анализ (по параметрическому методу Брауэ-Пирсона) показателей конструктивной стратегии преодоления и уровня эмоционального выгорания в каждой исследуемой группе показал, наличие обратной значимой корреляционной связи ($r = -0,455$, при $p \leq 0,05$) у исследуемой групп «работники судебной системы» и группы «адвокаты», ($r = -0,459$, при $p \leq 0,05$). Статистически значимых корреляционных связей указанных параметров у групп «работ-

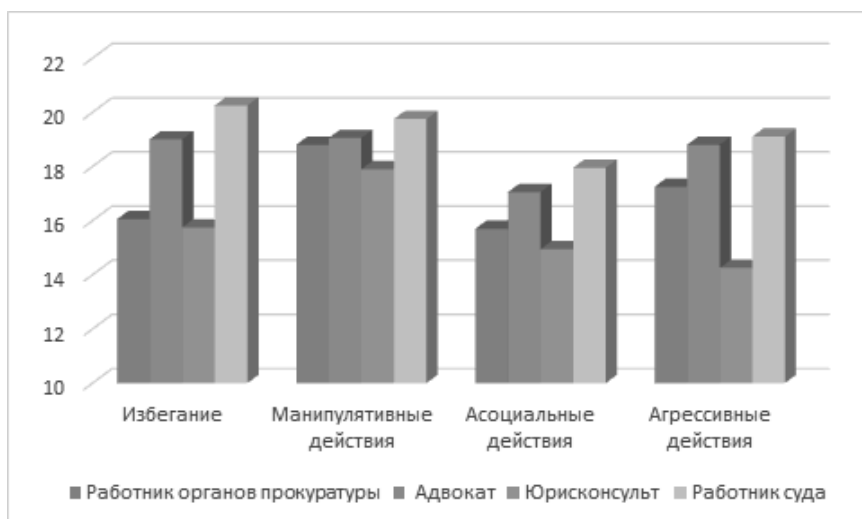

Рис. 9. Модели поведения (избегание, манипулятивные, асоциальные и агрессивные действия) у выбранных групп респондентов по методике: Опросник «SACS» С. Хобфолл

ники прокуратуры» и «юрисконсульты» не обнаружено.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии специфических особенностей в проявлении фаз и симптомов эмоционального выгорания у юристов с разной спецификой профессиональной деятельности. Возникновению синдрома «эмоционального выгорания» наиболее подвержены юристы, работающие

в судебной системе. Исследование показало, что при нарастании симптоматики эмоционального выгорания у представителей профессиональных групп «работники судебной системы» и «адвокаты» происходит переходом от более конструктивных стратегий совладания со стрессом к наименее эффективным, в то время как в исследуемых группах «юрисконсульты» и «работники прокуратуры» такая тенденция отсутствует, что может быть объяснено спецификой профессиональной деятельности каждой исследуемой группы представителей юридических профессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрумова, А.Г. Эмоциональное выгорание: симптомы и показания / А.Г. Абрумова // Психологический журнал, – 2017. – Т. 6. - № 6. – С. 107-115.
2. Агейкина А.А. Особенности эмоционального выгорания юристов. // Научный Лидер. 2021. № 13 (15). С. 101-103.
3. Божко Е.В. Психологические особенности содержательной составляющей модели профессионального выгорания юристов // Актуальные проблемы психологического знания, 2013. – № 3 (28). – С. 79-89.
4. Бойко, В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / Бойко В.В. – СПб: Питер, 2013. – С.97-115.
5. Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. - 160 с.
6. Галыня П.О. Профилактика и преодоление профессиональной деформации и синдрома эмоционального выгорания юриста / П.О. Галыня // XIII Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 18 октября 2019 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – С. 357-359.
7. Демидов Д.Г. Профессиональная юридическая среда как фактор эмоционального (профессионального) выгорания в юридической профессии // Юрист спешит на помощь. 2021. № 5. С. 17-21.
8. Ермакова Е.В. Изучение синдрома эмоционального выгорания как нарушения ценностно-смысловой сферы личности (теоретический аспект) // Культурно-историческая психология. 2010 № 1 С. 27-39.
9. Исханов Р.Ф., Гусамова Н.И. Сравнительный анализ эмоционального выгорания и его проявлений в профессиях сферы «человек - человек» // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). – С. 422-426.
10. Камнева Е.В. Факторы риска профессионального «выгорания» сотрудников органов внутренних дел. /Е.В. Камнева, А.В. Зеленкова//Научный портал МВД России. -2009. -№ 4. - С. 125-131.
11. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Профессиональная деформация прокурорских работников. Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2014 году. Сборник научных докладов. Под общей редакцией О.С. Капинус. Москва, 2015. С. 149-176.
12. Куракова М.И. Профессиональное выгорание как фактор снижения эффективности юридической деятельности. // В сборнике: Социологический альманах. материалы XIII Орловских социологических чтений. Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС; Орловское отделение Российского

- общества социологов. Орел, 2021. - С. 221-224.
13. Минин Д.С. Гендерные особенности психического выгорания адвокатов: эмоциональные предпосылки // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. - С. 148-150.
 14. Минин Д.С. Дифференциально-психологическое исследование особенностей выгорания у адвокатов в различных видах судопроизводства: личный аспект // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. - С. 164-168.
 15. Назарова Е.А. Синдром эмоционального выгорания юристов государственной гражданской службы и полиции. В сборнике: Массовые коммуникации на современном этапе развития мировой цивилизации. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Гуманитарно-социальный институт. 2015. С. 388-393.
 16. Петракова Е.Н. Профессиональная деформация личности юриста // Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. 2020. № 4. - С. 179-185.
 17. Светова Л.Н. Психологические особенности профессионального выгорания адвокатов. // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 4 (83). - С. 376-382.
 18. Федоров Д.М. Особенности профилактики профессионального выгорания юристов. // Universum: психология и образование. 2022. № 2 (92). - С. 28-32.
 19. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: Учеб. пособие для студентов вузов / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г. М. Мануйлов. - М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. - 488 с.
 20. Чеботарева Е.В. Специфические факторы риска профессионального выгорания и снижения профессионального здоровья юристов. // В сборнике: Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки. Электронный сборник статей по материалам LXVI студенческой международной научно-практической конференции. 2018. - С. 175-179.
 21. Шевченко Т.В. Профессиональное выгорание личности юриста как одна из причин профессиональной деформации // В сборнике: Наука и инновации XXI века. Сборник статей по материалам VI Всероссийской конференции молодых ученых, в 3 т. Сургут, 2020. - С. 194-197.
 22. Шиман О.И. Синдром эмоционального выгорания в профессиональной деятельности юриста // В сборнике: Экономика, право, образование: региональный аспект. Сборник научных трудов IX межвузовской научно-практической конференции. 2015. - С. 224-228.
 23. Burish M. In search of theory: some ruminations on the nature and etiology of burnout // Professional burnout: recent developments in the theory and research / B. Shaufeli, C. Maslach, T. Marek. Washington, 2017. P. 75-93.
 24. Hobfoll S.E., Lerman M. Personal relationships, personal attitudes, and stress resistance: mother's reactions to the child's illness // American Journal of Community Psychology. 1988. Vol. 16, № 4. P. 565-589
 25. Maslach C. Burnout. The cost of caring. Englewood Cliffs, 2015. 47 p.
 26. Schaufeli W.B., Leiter M.P., Maslach C. Burnout: 35 years of research and practice. Career Development International. 2009. Vol. 14, No 3. - Pp. 204-220.

© Осипова Алла Анатольевна (aaoosipova@sfedu.ru), Мирошниченко Александр Владимирович,
Ковтун Валерия Евгеньевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ С РАЗЛИЧНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ПЛАНОМ

EMOTIONAL INTELLIGENCE AND STRESS TOLERANCE OF LAW STUDENTS WITH DIFFERENT PROFESSIONAL PLANS

*E. Sokolova
S. Shingaev*

Summary: The article presents the results of a study of emotional intelligence and stress tolerance of law students conducted on the basis of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice». A comparative analysis of the studied characteristics of law students divided into groups according to their professional plan is presented: those who want to work in the court apparatus, those who do not want to work in the court apparatus, but who have chosen their professional direction, and students who have not decided on their professional direction. The revealed significant differences in indicators of emotional intelligence and stress resistance are given.

Keywords: law students, professional development, stress tolerance, emotional intelligence, empathy, emotion management.

Соколова Алена Ивановна

*Преподаватель, постдипломного педагогического образования;
Аспирант, ФГБОУВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»,
Психолог, Преподаватель психологии
alena_sokolova@mail.ru*

Шингаев Сергей Михайлович

*Доктор психологических наук, профессор,
профессор, Государственное бюджетное учреждение
дополнительного профессионального образования
Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
sshingaev@mail.ru*

Аннотация: В статье приводятся результаты исследования эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости студентов-юристов, проводимом на базе ФГБОУ ВО «Российский Государственный Университете Правосудия». Представлен сравнительный анализ исследуемых характеристик у студентов-юристов, подразделенных на группы в соответствии с их профессиональным планом: желающие работать в аппарате суда, не желающие работать в аппарате суда, но выбравшие свое профессиональное направление, и студенты, не определившиеся в своем профессиональном направлении. Приводятся выявленные значимые различия в показателях эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости.

Ключевые слова: студенты-юристы, профессиональное становление, стрессоустойчивость, эмоциональный интеллект, эмпатия, управление эмоциями, самомотивация, эмоциональная осведомленность, распознавание эмоций.

Настоящее исследование посвящено изучению эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости студентов-юристов, выбравших различные профессиональные направления: работу в аппарате суда, работу юриста, не связанную с аппаратом суда, и студентов, обучающихся в юридическом ВУЗе, но не определившихся в дальнейшем профессиональном пути.

Теоретическую базу исследования составили работы: С.М. Ширко, где выявляются взаимосвязи эмоционального интеллекта и психологического здоровья у студентов [6, с. 268]; Н.С. Жидковой, в котором приводятся данные о подверженности к стрессу у студентов с различным уровнем эмоционального интеллекта [2, с. 300]; Е.С. Легостаевой и Ю.И. Клепаловой, описывающие динамику показателей мягких навыков на примере эмоционального интеллекта студентов юридических специальностей [4, с. 14]; И.А. Мартыненко и Н.Н. Карандышевой,

в котором рассматривается влияние уровня эмоционального интеллекта на образовательную и профессиональную деятельность юриста в современных условиях; Л.А. Григорьевой о социально-психологических условиях развития стрессоустойчивости у студентов юристов [2, с. 301]; О.В. Лозгачевой, рассматривающей особенности формирования стрессоустойчивости на этапе профессионализации на примере студентов юридического вуза [5, с. 20]; А.В. Латышева и Е.В. Дворцовой, в которых описывается взаимосвязь стрессоустойчивости и эмоционального интеллекта с профессиональным выгоранием у сотрудников МВД [3, с. 645]; и др.

Специфика деятельности специалиста юридической профессии подразумевает экстремальный характер, что прямым образом отражается на необходимости наличия у сотрудников развития целого ряда профессионально значимых качеств. Ежедневное межличностное взаимо-

действие в экстремальных условиях труда у работников юридической профессии выдвигает на первый план высокий уровень развития стрессоустойчивости – как способности преодоления рискованных ситуаций и эмоционального интеллекта, способствующего регуляции аффективной сферы.

Цель исследования: изучить особенности эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости у студентов-юристов в зависимости от выбранного ими плана профессионального развития.

Гипотезы исследования: 1) существуют различия в уровне стрессоустойчивости и уровне развития эмоционального интеллекта у студентов-юристов, выбравших разные пути профессионального развития; 2) студенты-юристы с высокой стрессоустойчивостью обладают высоким эмоциональным интеллектом.

Эмпирическая база исследования: опытно-экспериментальная работа выполнялась на базе Верховного Суда Российской Федерации Северо-Западного Филиала ФГБОУ ВО «Российский Государственный Университете Правосудия».

Выборку составили:

- студенты Факультета Непрерывного Образования СЗФ РГУП 1-4 курсов.
- студенты Юридического Факультета СЗФ РГУП 1-4 курсов бакалавриата и специалитета

Выборка сформирована из 329 респондентов, из них:

- 68 студентов, желающих в дальнейшем работать в аппарате суда;
- 120 студентов, не желающих работать в аппарате суда, но выбравших другой профессиональный путь в организациях: прокуратуры, следственного комитета, адвокатуры;
- 141 студент, не определившийся в своем дальнейшем профессиональном направлении.

Выделение трех групп студентов, относительно их профессионального пути было произведено при помощи интервью и документов, подтверждающих выбор студентов, среди которых: запросы о работе, целевые направления, подтверждение практики.

Уровень стрессоустойчивости студентов измерялся с помощью теста самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона. Исследование эмоционального интеллекта основывалось на тесте эмоционального интеллекта Н. Холла.

Результаты исследования:

Общие показатели стрессоустойчивости в группе желающих работать в аппарате суда, ниже, чем в двух других исследуемых группах, что говорит об их более высокой стрессоустойчивости. При сравнении трех групп, значимые различия в показателях стрессоустойчивости были зафиксированы только между группами студентов, желающих работать в аппарате суда и студентами, не определившимися в дальнейшем профессиональном направлении (4,86 при $p < 0,001$). При сравнении показателей стрессоустойчивости в группе студентов, не желающих работать в аппарате суда с показателями стрессоустойчивости двух других групп значимых различий обнаружено не было. Таким образом, уровень стрессоустойчивости распределяется следующим образом: наиболее высокий уровень среди всех обследуемых групп, в среднем, отмечается у студентов, желающих работать в аппарате суда, наиболее низкий – у студентов, не определившихся в дальнейшем профессиональном направлении. Средние показатели уровня стрессоустойчивости в группе студентов, не желающих работать в аппарате суда, но уже выбравших профессиональный путь, находятся в промежутке между первой и второй группой, при этом не имея с ними значимых различий. (Рис. 1.)

Результаты теста самооценки стрессоустойчивости

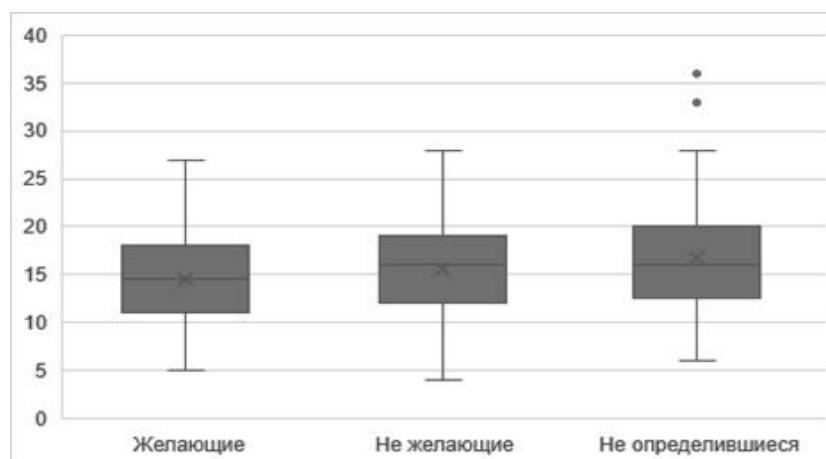

Рис. 1. Показатели самооценки стрессоустойчивости в исследуемых группах.

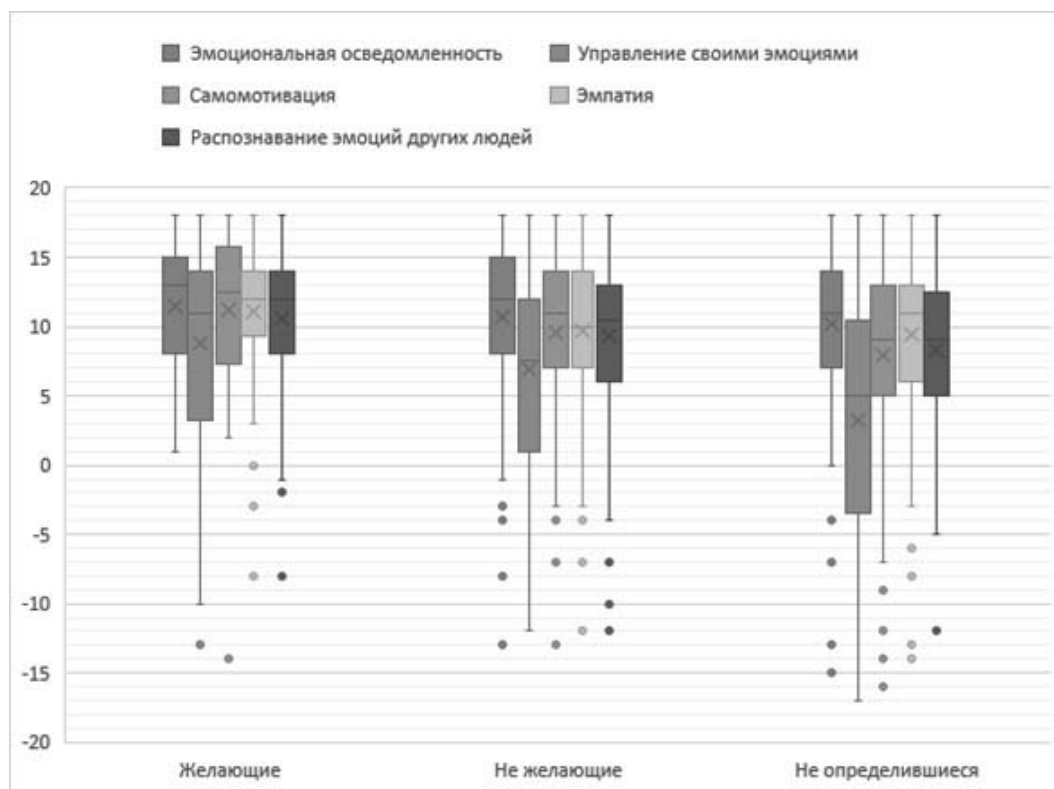

Рис. 2. Показатели компонентов эмоционального интеллекта в исследуемых группах.

позволяют сделать вывод о высокой стрессоустойчивости будущих сотрудников аппарата суда, о наличии у них способностей к преодолению конфликтов без ущерба для собственного психологического состояния. (Рис. 2.)

При исследовании эмоционального интеллекта в группах студентов было отмечено, что во всех исследуемых группах, чаще других присутствует низкий уровень эмоционального интеллекта по шкале «Управление собственными эмоциями». Напротив, во всех группах присутствуют большая часть испытуемых, обладающих высоким уровнем эмоционального интеллекта по шкале «Эмоциональная осведомленность». При этом, значимых различий при попарном сравнении трех групп в показателях данной шкалы выявлено не было. Наглядно результаты представлены на рисунке 2.

Значимые различия между исследуемыми группами были обнаружены по показателям общего эмоционального интеллекта, а также в трех его компонентах – «управление собственными эмоциями», «самомотивация» и «эмпатия».

Средние показатели по шкале «управление собственными эмоциями» в группе студентов, не определившихся в профессиональном пути значительно ниже, чем аналогичные показатели в группах желающих и не желающих работать в аппарате суда (4,61 при $p < 0,001$ и 3,95 при $p < 0,001$ соответственно). При этом, значимых различий в средних показателях между группами «желающих»

и «не желающих» выявлено не было.

Средние показатели по шкале «самомотивация» в группе неопределившихся студентов ниже, чем средние показатели по данной шкале в группах будущих юристов, не желающих работать в суде и желающих работать в аппарате суда (3,33 при $p < 0,005$ и 3,85 при $p < 0,001$ соответственно). Что характерно, как и предыдущем случае, между группами «желающих» и «не желающих» при сравнении средних показателей, не было обнаружено значимых различий.

При исследовании шкалы «эмпатия» значимые различия были обнаружены между всеми тремя исследуемыми группами. Так, в группе «не определившихся» студентов самые высокие показатели эмпатии по сравнению с «не желающими» (5,82 при $p < 0,001$) и «желающими» (3,22 при $p < 0,005$). В группе «желающих» показатели шкалы «эмпатия» в среднем выше, чем в группе «не желающих» (2,64 при $p < 0,005$).

Средние показатели общего эмоционального интеллекта в группе желающих работать в аппарате суда значительно выше, чем те же средние показатели во всех других группах. В группе студентов, не определившихся в профессиональном направлении средние показатели общего эмоционального интеллекта будут намного ниже, чем у «желающих» (7,70 при $p < 0,001$), как и средние показатели в группе «не желающих» студентов (3,41 при $p < 0,005$). Будущие юристы, не желающие работать в ап-

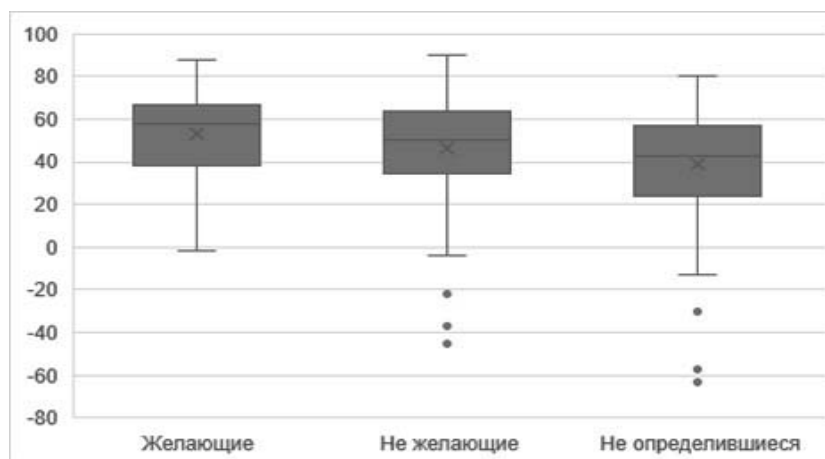

Рис. 3. Показатели общего эмоционального интеллекта в исследуемых группах.

парате суда отличаются более высокими показателями общего эмоционального интеллекта относительно показателей группы неопределившихся студентов (4,37 при $p < 0,001$). (Рис. 3.)

На рисунке показано распределение общего уровня эмоционального интеллекта в исследуемых группах. В группе желающих работать в аппарате суда, общий уровень эмоционального интеллекта находится в пределах средних показателей исследуемого феномена. В этой группе у испытуемых практически не регистрируется низкий или высокий уровень общего эмоционального интеллекта. В двух других группах распределение средних значений исследуемого показателя в значительной мере смещено ниже области среднего уровня, при этом, в данных группах также как и в первом случае практически не регистрируются случаи высокого уровня общего.

В результате исследования было выявлено, что для

студентов-юристов, желающих работать в аппарате суда характерна, более высокая стрессоустойчивость и более высокий уровень эмоционального интеллекта, как общего, так и частных его компонентов, таких как: управление собственными эмоциями и самомотивация. При этом, для той же группы студентов (с более высоким, в среднем, уровнем стрессоустойчивости) характерна более низкий уровень эмпатии. При этом, для студентов-юристов с более низким уровнем стрессоустойчивости (неопределившихся в своем дальнейшем профессиональном пути) более характерен низкий уровень общего эмоционального интеллекта, самомотивации и управления собственными эмоциями. Кроме того, уровень эмоциональной осведомленности и распознавания эмоций других людей равномерно распределены во всех группах студентов-юристов, как с высоким, так и с низким уровнем стрессоустойчивости.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась частично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вегетативные корреляты различной эффективности деятельности студентов во время компьютерного тестирования уровня знаний / П.Г. Сулейманова, У.А. Магомедова, М.О. Муслимов, Д.К. Нурмагомедова // Физическое воспитание и спортивная тренировка. – 2022. – № 2(40). – С. 68-77. – EDN CFRWRS.
2. Григорьева Л.А. Социально-психологические условия развития стрессоустойчивости студентов-юристов / Л.А. Григорьева // Научные тенденции: Педагогика и психология: сборник научных трудов по материалам XXIX международной научной конференции, Санкт-Петербург, 04 мая 2020 года / Международная Объединенная Академия Наук. – Санкт-Петербург: Международная Объединенная Академия Наук, 2020. – С. 76-79.
3. Жидкова Н.С. Подверженность к стрессу студентов с разными показателями эмоционального интеллекта / Н.С. Жидкова // Достижения современной науки: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции [Электронный ресурс], София, Болгария, 07 октября 2016 года / Под общей редакцией А.И. Вострцова. – София, Болгария: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострцов Александр Ильич), 2016. – С. 298-303.
4. Латышев А.В. Взаимосвязь стрессоустойчивости и эмоционального интеллекта с профессиональным выгоранием у сотрудников МВД / А.В. Латышев, Е.В. Дворцова // Молодой ученый. – 2020. – № 20(310). – С. 644-646.
5. Легостаева Е.С. Динамика показателей мягких навыков (на примере эмоционального интеллекта) студентов юридических специальностей в процессе обучения / Е.С. Легостаева, Ю.И. Клепалова // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 6. – С. 14.
6. Лозгачева О.В. Формирование стрессоустойчивости на этапе профессионализации (на примере юридического Вуза): специальность 19.00.03 «Психология труда, инженерная психология, эргономика»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Лозгачева Оксана Викторовна. – Казань, 2004. – 20 с.

7. Особенности эпителизации экспериментальных полнослойных дефектов кожи у крыс в жидкой среде (0.9 %-ном водном растворе хлорида натрия) / А.В. Ковалев, П.П. Иванищук // Вестник Ивановской медицинской академии. – 1997. – Т. 2, № 1-2. – С. 28-31. – EDN SKSHUI.
8. Ширко С.М. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и психологического здоровья у студентов / С.М. Ширко // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2017. – Т. 17, № 52. – С. 268-269.

© Соколова Алена Ивановна (alena_sokolova@mail.ru), Шингаев Сергей Михайлович (sshingae@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Столбов Максим Михайлович

Аспирант, Государственный университет просвещения;
Генеральный директор, ООО «Лидер»
m.stolbov@yandex.ru

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PROFESSIONAL IDENTITY DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF PROFESSIONALIZATION

M. Stolbov

Summary: The article examines the psychological features of the development of professional identity in the context of professionalization. It was revealed that the process of professionalization is influenced by personal development within the digital society, socio-economic conditions, individual personal characteristics and needs, motivation and professional identity. It has been determined that professional identity is an integrative concept that expresses the complex relationship of professionally significant personal characteristics that allow one to fully make professional choices, develop within a professional group and accept its values. It is concluded that the most optimal psychological features of the development of professional identity in the context of professionalization are: a practice-oriented approach to training, integration of theoretical and practical tools of psychological support, creation of a comfortable psychological environment, minimization / elimination of internal contradictions among future and beginning specialists, organization psychological practice on issues of professionalization.

Keywords: professionalization, professional identity, career, content of work, profession, values.

Аннотация: В статье рассматриваются психологические особенности развития профессиональной идентичности в контексте профессионализации. Выявлено, что на процесс профессионализации оказывают влияние развитие личности в рамках цифрового общества, социально-экономические условия, индивидуальные личностные особенности и потребности, мотивация и профессиональная идентичность. Определено, что профессиональная идентичность представляет собой интегративное понятие, в котором выражается сложная взаимосвязь профессионально значимых личностных характеристик, позволяющих полноценно осуществлять профессиональный выбор, развиваться в рамках профессиональной группы и принимать ее ценности. Сделан вывод о том, что наиболее оптимальными психологическими особенностями развития профессиональной идентичности в контексте профессионализации являются: практико-ориентированный подход в обучении, интеграция теоретических и практических инструментов психологической поддержки, создание комфортной психологической среды, минимизация / устранение у будущих и начинающих специалистов внутренних противоречий, организация психологической практики по вопросам профессионализации.

Ключевые слова: профессионализация, профессиональная идентичность, карьера, содержание труда, профессия, ценности.

Отождествление себя с профессионалом является неотъемлемой частью профессиональной идентичности, формирование и развитие которой осуществляется в процессе жизненного пути, социализации индивида.

Одним из факторов выбора профессии в современном цифровом обществе служит доступ к информации по всем интересующим вопросам профессионального самоопределения. Однако негативное влияние социальной среды и широкая доступность к разным информационным ресурсам приводят к тому, что на этапе выбора профессии перед поступлением в ВУЗ многие школьники не имеют четкого выбора желаемой профессии.

По данным опроса школьников 11 класса, проведенного образовательной компанией Maximum Education, 42% обучающихся не смогли выбрать профессию. При

этом для 45% главной ценностью оказалась возможность самореализоваться. Такие показатели позволяют говорить о том, что наблюдается неустойчивость профессиональной идентификации либо ее несформированность. Среди последствий такой ситуации следует назвать частую смену профессии и мест работы у молодежи, продолжительный «поиск себя» в разных профессиональных сферах (курьер, официант, менеджер и др.), что может быть связано как с внешними факторами (социальная среда, коллектив, отношение руководства, содержание рабочих задач, наличие большой ответственности и др.), так и с внутренними (личностные черты характера, например, отсутствие организованности, что негативно влияет на работу, или нежелание брать ответственность за результаты своего труда).

Профессиональное образование является одним из источников формирования и развития профессио-

нальной идентичности индивида, в рамках которого осуществляется моделирование профессиональной деятельности, познавательная активность личности, психологическая подготовка к работе по выбранной профессии. Профессиональная деятельность включает психологическую структуру труда, обязательную для всех видов работы, и предполагает особые требования к личности, характерные для профессионала, погруженного в активные социальные взаимодействия.

Согласно Н.Е. Водопьяновой, О.О. Гофман, профессиональная идентичность отражает ценностные установки, взаимоотношения в профессиональном пространстве, личностные характеристики, саморефлексию [1].

По мнению Е.В. Куприянчук, данное понятие выражает представление человека о своем месте в профессиональной группе и включает мотивацию, ценности, а также субъективное отношение к своей профессиональной принадлежности [4].

Л.Б. Шрейдер определяет профессиональную идентичность как результат процессов профессионального самоопределения, самоорганизации, осознания себя как представителя определенной профессии и профессиональной группы на основе отождествления себя с выбранной профессией и данной группой, что проявляется на когнитивном, эмоциональном, личностном и поведенческом уровнях [2].

Семантика понятия «профессиональная идентичность» в работах исследователей охватывает разные аспекты, в основе которой лежит:

- профессиональная Я-концепция и самооценка, включающие карьерные ожидания и достижения

- процесс профессионализации (Сьюпер) [6];
- профессиональная пригодность, определяющая эффективность деятельности индивида как специалиста (В.А. Бодров);
- личностное и профессиональное развитие как согласованность ожидаемых и реальных профессиональных образов «Я», выражаемых в качественных и количественных показателях (Е.П. Ермолаева, Ю.П. Поваренков) [2].

Исследователи выделяют несколько периодизаций развития профессиональной идентичности на основе:

- профессиональной социализации: подготовка к профессионализации, поиск и выбор профессии, самоопределение, обучение и самостоятельная профессиональная деятельность (Т.С. Березина, Ю.П. Поваренков, Л.Б. Шнейдер);
- стадий жизненного пути, начиная с развития Я-концепции и опыта собственных достижений, которые оказывают влияние на интересы, мотивацию, ценности, принятие социальных ролей и последующую карьеру (Ш. Бюлер, Д. Сьюпер) [4];
- отождествления себя как целостной личности, имеющей смысложизненные ориентации и ценности (Ю.П. Кошелева) [3];
- приобретения установок и трудовых навыков в процессе отождествления себя с родителями и их профессией, формированием трудолюбия, интересов, выбора профессии и начала профессионализации, получения трудового опыта и становления себя как профессионала [8];
- социальной идентификации (А. Тэшфел) [7].

Так, можно заключить, что профессиональная идентичность имеет несколько линий развития (Рис. 1).

Рис. 1. Линии развития профессиональной идентичности

Исходя из линий развития, можно выделить два типа профессионализации по А.В. Шакуровой:

- индивидуальная, при которой личностные характеристики, мотивация позволяют осваивать роли, компетенции, модели трудового поведения как представителя того или иного профессионального сообщества;
- коллективная, когда субъект труда принимает членство профессиональной группы, начинает разделять их ценности, нормы, поведенческие модели и роли [5].

В этой связи структура профессиональной идентичности будет иметь следующие компоненты (Рис. 2):

Учитывая данные компоненты, можно заключить, что структура данного феномена имеет внешний и внутренний аспекты, при этом первый в своем основе связан с восприятием индивида как специалиста, а второй – с самовосприятием, самооценкой себя как специалиста. Основными критериями эффективной профессиональной идентичности выступают тождественность (баланс между личностным и социальным аспектами идентичности), определенность (роли, статус, положение в профессиональной группе) и целостность (когнитивный, эмоциональный, мотивационный, поведенческий уровни), проявляющаяся в ситуациях, профессиональных отношения и образе «Я».

В своем исследовании В.А. Цвык, И.В. Цвык говорят о том, что основными условиями развития профессиональной идентичности следует считать:

- обеспечение личностного включения индивида в профессиональную деятельность, развития саморефлексии, мотивации к получению профессио-

нального опыта;

- взаимодействие со специалистами данной профессии, формирование устойчивой установки на принятие себя как представителя данной профессии;
- формирование адаптивности к учебно-профессиональной деятельности индивида, развитие гибкости, целеустремленности и установки на самореализацию своего потенциала, что проявляется на личностном и поведенческом уровнях [6].

Исходя из вышеизложенного, на развитие профессиональной идентичности оказывают влияние следующие факторы:

- социально детерминированные и карьерные перспективы;
- признание индивида окружающими как профессионала;
- степень вовлеченности индивида в профессиональную деятельность.

В этой связи наиболее оптимальными психологическими особенностями развития профессиональной идентичности в контексте профессионализации будут являться:

1. Практико-ориентированный подход в обучении через осознание личностных смыслов, потребностей, получение эмпирического опыта и усвоение профессиональных знаний, реализацию личностного потенциала, анализ психологических переживаний, самопринятие себя как будущего специалиста данной области.
2. Интеграция теоретических и практических инструментов психологической поддержки будущих и начинающих специалистов при выборе профессии, в процессе учебно-профессиональной деятельности.

Рис. 2. Структура профессиональной идентичности

3. Создание комфортной психологической среды для организации индивидуальной и групповой коммуникации с будущими специалистами по вопросам возможностей личностного и профессионального развития, требований к конкретным представителям профессии (профессионально значимые личностные качества, компетенции и способности).
4. Минимизация / устранение у будущих и начинающих специалистов внутренних противоречий между социальными требованиями общества и рынка труда и особенностей представлений об их личностно-профессиональном развитии.
5. Организация психологической практики по вопросам адаптации к социальным условиям профессиональной среды, коллектива, системе труда.

На основе вышеизложенного, целесообразно сделать следующие выводы:

1. На процесс профессионализации оказывают влияние развитие личности в рамках цифрового обще-

ства, социально-экономические условия, индивидуальные личностные особенности и потребности, мотивация и профессиональная идентичность.

2. Профессиональная идентичность представляет собой интегративное понятие, в котором выражается сложная взаимосвязь профессионально значимых личностных характеристик, позволяющих полноценно осуществлять профессиональный выбор, развиваться в рамках профессиональной группы и принимать ее ценности.
3. Наиболее оптимальными психологическими особенностями развития профессиональной идентичности в контексте профессионализации являются: практико-ориентированный подход в обучении, интеграция теоретических и практических инструментов психологической поддержки, создание комфортной психологической среды, минимизация / устранение у будущих и начинающих специалистов внутренних противоречий, организация психологической практики по вопросам профессионализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водопьянова Н.Е., Гофман О.О. Профессиональная идентичность с позиций субъектно-ресурсного подхода // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2016. № 2. С.6-17.
2. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю. Профессиональная идентичность и удовлетворенность профессиональной деятельностью как факторы благополучия на рабочем месте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 115–135.
3. Кошелева Ю.П. Целевая направленность профессиональной идентичности обучающихся в вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. № 1 (770). М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 36–46.
4. Куприянчук Е.В. Теоретико-методологические основы исследования профессиональной идентичности // Образование в современном мире: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. № 9. С. 60–66.
5. Осин Е.Н., Горбунова А.А., Гордеева Т.О., Иванова Т.Ю., Кошелева Н.В., Овчинникова (Мандрикова) Е.Ю. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности // Организационная психология. 2017. Т. 7, № 4. С. 21–49.
6. Цвык В.А., Цвык И.В. Профессионализация личности в условиях информационного общества: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. №3. С. 418-430.
7. Fitzgerald A. (2020). Professional Identity: A Concept Analysis. *Nursing Forum*, 55(3), 447–472.
8. Jarvis-Selinger, S., MacNeil, K.A., Costello, G.R.L., Lee, K., Holmes, C.L. (2019). Understanding Professional Identity Formation in Early Clerkship: A Novel Framework. *Academic Medicine*, 94(10), 1574–1580. (
9. Stetson G.V., Kryzhanovskaya I.V., Lomen-Hoerth, C., Hauer, K.E. (2020). Professional Identity Formation in Disorienting Times. *Medical Education*, 54(8), 765–766.

© Столбов Максим Михайлович (m.stolbov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕДИТАЦИЯ КАК МЕТОД РАЗРЕШЕНИЯ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА У ПАЦИЕНТА ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

MEDITATION AS A METHOD OF RESOLVING INTRAPERSONAL CONFLICT IN A PATIENT WITH A PSYCHOSOMATIC PROFILE

E. Tur

Summary: Current research proves the effectiveness of the meditation method in developing the skill of autoregulation in a modern person, which allows reducing stress levels and developing emotional intelligence. The skill of autoregulation is also applicable in working with psychosomatic patients to achieve positive results in the course of therapy. For the first time, the potential of using the meditation method to resolve intrapersonal conflict in psychosomatic diseases is considered and analyzed.

Keywords: meditation, autoregulation, emotional intelligence, psychosomatics, stress.

Тур Екатерина Юрьевна

Врач, психосоматолог, Санкт-Петербург, (Россия)

tur.e.y@yandex.ru

Аннотация: Актуальные исследования доказывают эффективность метода медитации в развитии навыка ауторегуляции у современного человека, позволяющего снижать уровень стресса и развивать эмоциональный интеллект. Навык ауторегуляции применим и в работе с пациентом психосоматического профиля для достижения позитивных результатов в процессе терапии. Впервые рассмотрен и проанализирован потенциал применения метода медитации для разрешения внутриличностного конфликта при психосоматических заболеваниях.

Ключевые слова: медитация, ауторегуляция, эмоциональный интеллект, психосоматика, стресс.

Введение

Стрессовые ситуации современной жизни, сопровождающиеся плохим образом жизни и пищевыми привычками, отсутствием личной дисциплины, эмоциональными конфликтами, стали основными проблемами роста психосоматических заболеваний и плохого психического здоровья. Психосоматические расстройства – это расстройства, при которых психические состояния, такие как беспокойство или тревога, непосредственно вызывают или усугубляют физические симптомы. Эти проблемы со здоровьем также создают огромное бремя для систем здравоохранения.

Медитация сегодня является предметом многочисленных исследований и обзоров не только из-за ее эффективности в личностном развитии человека, но и также из-за позитивных физических изменений в организме человека при регулярном применении метода [1]. Метод успешно применяется в качестве дополнительного способа восстановления общего самочувствия у пациента с депрессией, тревожностью и разнообразными функциональными состояниями психосоматического спектра, приводя к качественным органическим изменениям в состоянии здоровья человека [2].

Последнее десятилетие медитация успешно применяется в психологической, психотерапевтической и психосоматической практике и является частью комплексного подхода [3]. В результате регулярного про-

слушивания медитации достигается повышение уровня комплаентности пациентов и устанавливается позитивный настрой на выздоровление, это наблюдение позволило начать применять метод у пациентов с онкологией, сахарным диабетом второго типа и других хронических заболеваниях [4-6].

Длительное воздействие стресса на организм оказывает негативное влияние на различные органы и системы, провоцируя угнетение работы парасимпатической нервной системы. Кроме того, стрессовые переживания, вызванные хроническими заболеваниями, снижают вовлеченность пациента в процесс терапии, а также само по себе провоцируют формирование негативного эмоционального фона. Однако, улучшение самочувствия пациентов при регулярном прослушивании медитаций было достигнуто не только за счет снижения уровня стресса, восстановления сна и стабилизации работы парасимпатической нервной системы, но также за счет того, что при помощи развития навыка ауторегуляции и повышения уровня осознанности пациент обретал способность к саморазрешению внутриличностного конфликтов, лежащих в основе развития психосоматического заболевания.

Разрешение внутриличностного конфликта происходит в несколько последовательных стадий, которые самостоятельно разворачиваются при регулярном применении метода медитации и следуют одна за одной. Прежде, чем рассмотреть данную последовательность,

необходимо определить понятие внутриличностного конфликта в психосоматике.

Исторический аспект

На сегодняшний день смежный раздел медицины и психологии – психосоматика является предметом дискуссий многих ученых [7]. Ещё в древнейшие времена такие мыслители как Платон, Гиппократ, Гален искали подлинные причины прогрессирования заболеваний, которые возникали на почве душевных терзаний. «Действительно ли душа так влияет на тело?», – уже тогда психологи и философы понимали важность психоэмоциональных процессов, протекающих в сознательном и бессознательном человека, а также выделяли внутриличностный конфликт как одну из причин возникновения болезней, основой которых являлась психосоматика. Однако, такие мнения разделяли не все. Более того, данные идеи очень долго отрицались и не принимались российским научным сообществом двадцатого столетия [8].

В течение длительного периода времени медицина развивалась обособленно от психологии, игнорируя психические процессы человека. Сегодня психосоматика, а именно внутриличностный конфликт как её источник, всерьез рассматривается и изучается учеными, ведь взаимосвязь психики и тела уже практически не оспаривается, а даже наоборот, вызывает у специалистов в области медицины неподдельный интерес [9].

Внутриличностный конфликт в психоанализе

Тему внутриличностного конфликта в своих работах часто поднимали психологи и психоаналитики Э. Берн, З. Фрейд, П. Федерн и др. Согласно психологическому знанию внутриличностным конфликтом является деструктивное состояние сознания человека, при котором его цели, желания, убеждения находятся в противопоставлении друг с другом, а порой и вовсе могут взаимно исключать друг друга [10].

В психоанализе человек рассматривается как биосоциальное существо, это значит, что специалисты не исключают и наличие биофизиологического происхождения природы в том числе и внутриличностного конфликта [11]. Физиологические, химические и психологические реакции человека – это набор базовых инстинктов, с которыми рождается человек (например, либидо и мортидо), или навыки, которые он приобретает в течение жизни. Иногда в качестве антипримера в юридической литературе можно встретить следующее: у человека, преступившего закон, был выражен инстинкт «мортидо» [12], направленный на разрушительное поведение, презрение норм, принятых в обществе.

Такое поведение непозволительно в обществе, соот-

ветственно, человек находится в состоянии конфликта с общественным мнением и законом страны, так вместе с этим, он находится в конфликте с самим собой, ведь им его поведение не воспринимается как девиантное, а значит, он имеет потребность в том, чтобы и дальше совершать правонарушения. Именно поэтому помимо имеющих инстинктов в человеке есть некий индикатор (Эго), которые регулирует его поведение. Именно Эго позволяет человеку выстраивать определенные границы по отношению к себе и окружающему миру и держать баланс между «хочу, могу и надо».

Сущность человека предполагает наличие внутриличностных конфликтов, так как человек, в отличие от животных, обладает способностями к познанию, анализу и самоанализу. Если рассматривать нормальную работу созидательных и разрушающих инстинктов, а также уравнивающий их механизм, то реакция от «мортидо» (например, гнев, нереализованные амбиции и т.д.) будет перенаправлена балансирующим фактором в реакцию «либидо» (на то, чтобы экологично прожить злость, найти иные способы реализации) [13]. Именно такой вариант работы психики и тела позволяет человеку сбрасывать, а не накапливать нервное напряжение от чувств нереализованных и подавленных желаний. Рассмотрим иные распространенные способы «балансирувания» подробнее:

- Избегание. Условно негативный вариант эмоциональных переживаний в виде систематического их подавления при наличии внутриличностного конфликта, в случае с избеганием, эмоции могут «взять верх» над телом (возможно обострение хронических заболеваний, возникновение новых). Именно избегание как механизм защиты психики будучи в состоянии внутриличностного конфликта является распространенной причиной психосоматических расстройств.
- Отрицание. Полное неприятие и игнорирование признаков внутриличностного конфликта.
- Обесценивание и вытеснение. Человек признает наличие внутриличностного конфликта, но не придает ему должного внимания, а то и вообще старается подавить, вытеснить.
- Гиперэмпатия. Состояние, при котором человек ставит эмоции, проблемы других людей выше своих собственных, в том числе неосознанно уходит от своих проблем в чужие.
- Рационализация. Человек пытается что-то себе объяснить и доказать с рациональной, иногда даже научной точки зрения.

Способы защиты психики и тактика поведения, будучи в состоянии внутриличностного конфликта, обычно определяется поведением родителей и формируются у человека еще в детстве. Парадоксально, но человеком такие ложные помощники воспринимаются как механизмы по

снижению уровня напряжения и тревоги, на практике же они приносят ему временное облегчение, но усугубляют и без того сложное положение человека, например, провоцируют возникновение болезней или настоятельно отвлекают человека от наличия реальных проблем [14].

Внутриличностный конфликт в психосоматике

Уже было упомянуто выше, что человек – это биосоциальный феномен природы. Можно сделать вывод, что помимо внутреннего развития человек каждый день сталкивается с воздействием на него внешних факторов, которые так или иначе оказывают на него определенное влияние. Так, рождается самоконтроль, вклинивающийся в работу инстинктов и механизмов их сдерживания. Самоконтроль может оказать как позитивное влияние на психоэмоциональное и физическое здоровье человека, так и негативное.

В позитивном смысле самоконтроль – это самодисциплина, ответственность и т.д., однако встречаются и перевесы в негативную сторону, когда человек легко внушаем и ведом, не научен работой над своим подсознанием и практически лишен критического мышления. Именно самоконтроль со знаком «минус» порождает обсессивно-компульсивное расстройство, созависимость, аутоагрессию, гиперответственность, неврозы, отсутствие своего мнения, патологическую потребность в любви и тотальном одобрении со стороны общества.

Учеными и исследователями [15] также описано и иное проявление внутриличностного конфликта – конфликта, возникшего вследствие невозможности объективно оценить себя и свои возможности. Находясь в таком виде внутриличностного конфликта, человек убежден, что у него еще недостаточно опыта, нет способностей и выдающегося таланта, а поэтому, он предпочитает ничего не предпринимать, но при этом каждый раз при удобном случае прибегать к самобичеванию (в последующем это может привести к депрессивным или тревожным расстройствам, повышенной агрессивности, в том числе неконтролируемой и иным последствиям). Обычно такие нарушения формируются в результате психологической травмы в детстве. Решаются данные проблемы, как правило, со специалистами в длительной терапии, ведь существует не просто проблема, а совокупность проблем и их следствий.

Заболевания, происхождением которых являются психосоматические расстройства, – это разновидность патологии, которые диагностируются не на наличии физиологических показателей, а наоборот на их отсутствии (например, все анализы и диагностические исследования в пределах нормы, но человек по-прежнему чувствует боль в теле или иные физиологические симптомы). В психосоматике такие заболевания традиционно подраз-

деляют на следующие группы:

- Расстройства пищевого поведения, зависимости от химических и иных веществ и иное – заболевания, возникшие вследствие психологических травм [16];
- Головные боли (мигрени), синдромы раздраженного кишечника и мочевого пузыря, нарушения в области желудочно-кишечного тракта, проблемы в сексуальной сфере – заболевания, приобретенные в результате функциональных расстройств [17];
- Повышенное артериальное давление, хронические бронхиты, аутоиммунные заболевания, заболевания кожи – заболевания, которые развились из-за морфологических изменений в организме [18].

Психосоматические расстройства могут проявляться по-разному:

- Как заболевание (подразумевается наличие реального заболевания, диагностированного у врача, но также врач и пациент предполагают или уверены, что фактором развития болезни стали психоэмоциональные переживания);
- Как состояние (наличие или отсутствие диагноза необязательно, тело человека вследствие сильного стресса генерирует физиологические симптомы болезненного состояния, которые длятся определенный промежуток времени, например, человек боится находиться на сцене, а ему как раз поручили выступить с докладом на конференции. Человек, испытав стресс и страх, чувствует боль в горле и общие недомогания, с радостью уходит на больничный и «переживает» стрессовый момент», как только дата X, а именно конференции проходит, человек удивительным образом вскоре выздоравливает);
- Как реакция (моментальная психоэмоциональная реакция на раздражитель – человека или ситуацию, может проявляться в качестве заикания, красных пятен по телу, бледности кожи и т.д.).

Врачи и психологи выделяют у пациента психосоматического профиля такие отличительные черты как депрессивность, плаксивость, эмоциональная нестабильность, зашкаливающий уровень тревожного состояния, нарушения самооценки (как завышенная, так и заниженная оценка), наличие хронической усталости, стресс вне зависимости от длительности и степени выраженности, дополнительно к симптомам основного заболевания человек жалуется на тахикардию, головокружения, мышечные спазмы в области живота, иначе говоря, имеются нарушения в работе вегетативной нервной системы (ВНС) [19].

Роль вегетативной нервной системы в развитии психосоматозов

Как работает вегетативная нервная система? ВНС

состоит из двух отделов: один из которых отвечает за воздействие на работу внутренних органов: сокращает мышцы, замедляет выработку ферментов, вызывает учащенное сердцебиение, вырабатывает определенные гормоны и т.д. (симпатический отдел), а второй – стабилизирует работу первого, его задача – уравновесить и сократить наличие «стресса», дать организму отдохнуть (парасимпатический отдел) [20].

Те или иные нарушения в работе вегетативной нервной системы могут объяснить реакции организма на стресс. Например, в случае, когда есть реальная опасность человек может реагировать замедленно, чувствовать, как похолодели его руки и ноги (в работу включился парасимпатический отдел ВНС), хотя биологически «мотором» в негативных ситуациях был задуман именно симпатический отдел ВНС, который вырабатывая гормоны стресса, запускает программу «бей и беги, тормози». Как известно, каждый человек – это индивидуальность, это правило, как нельзя лучше походит и по отношению к физиологии: выраженность работы того или иного отдела ВНС создает бесконечное множество различных реакций на стресс (от заторможенности до панических атак).

Исходя из этого, можно спрогнозировать и объяснить наличие или отсутствие определённых особенностей личности, а также психогенных расстройств. Дисбаланс в работе вегетативной нервной системы усугубляет поведенческая реакция человека, заложенная, как правило, в детстве – это реакция подавления эмоций. На фоне постоянных стрессовых перегрузок современный человек не справляется с внутренними психоэмоциональными реакциями, подавляя их и тем самым, провоцируя развитие телесных мышечных спазмов в ответ на непрерывное раздражение и эмоциональное истощение и формирование психодинамического конфликта [21].

Функционирование личности и психодинамические конфликты являются центральными конструкциями психоаналитических теорий психопатологии, а также многих моделей психодинамического лечения. Психодинамический конфликт [22] в психосоматике относится к понятию, которое объясняет взаимосвязь между психическими и физическими состояниями человека. Оно вытекает из психоаналитической теории, разработанной Зигмундом Фрейдом. Психосоматика предполагает, что эмоциональные или психические факторы могут оказывать влияние на физическое здоровье человека. Психодинамический конфликт в психосоматике возникает, когда несовместимые эмоции, желания или потребности оказывают перманентное давление на психическую или физическую жизнь человека.

В рамках психоанализа, разрешение психодинамического конфликта заключается в осознании и осмыслении скрытых желаний или конфликтующих чувств, которые

могут быть удерживаемыми в бессознательном уровне психики. Обычно, через анализ своих сновидений, ассоциаций и деталей из прошлых событий, пациент может получить более глубокое понимание своего конфликта.

Например, психодинамический конфликт может проявиться в форме соматических симптомов или заболеваний, которые не имеют органического объяснения. Человек может испытывать физические симптомы, такие как боли в животе, головные боли или проблемы с желудком, которые возникают из-за подавленной эмоциональной боли или конфликта.

Разрешение психодинамического конфликта может способствовать улучшению физического состояния пациента, поскольку осознание и принятие этих скрытых конфликтов могут помочь снять их психическое напряжение и воздействие на организм.

Медитация в психодинамическом подходе

Метод медитации в психосоматике является профилактической мерой, как предупреждающей влияние стресса на организм человека, так и используемое для устранения последствий его воздействия [23]. Медитация как психологическая и психосоматическая практика более 60 лет является предметом исследований и стала популярным методом работы с пациентом в западных странах.

Концепция современного метода медитации осознанности, представляющего собой интересный гибрид медитативной дисциплины Востока и интеллектуальной дисциплины Запада, в последние два десятилетия привлекает внимание благодаря своим преимуществам в целостном развитии человека. Когда люди с заболеваниями проходят обучение методу медитации под руководством психолога, психотерапевта или психосоматолога, а также под наблюдением врачей, можно увидеть позитивную динамику в облегчении таких симптомов, как боль, стресс, беспокойство, и улучшение качества жизни в целом [24].

В данной статье будет рассмотрен метод медитации ММСС (Mindfulness Meditation of Conscious Concentration) как часть интегративного подхода в развитии эмоционального интеллекта и практический способ разрешения внутриличностного конфликта у пациента психосоматического профиля. В процессе прослушивания медитаций происходит поэтапное развитие навыков аутонаблюдения, ауторегуляции и аутопрограммирования, которые способствуют распознаванию, анализу и интереспекции ментального и эмоционального состояний человека.

Психодинамический подход в психосоматике подчеркивает влияние бессознательных процессов и не-

разрешенных прошлых конфликтов на поведение. При помощи регулярной работы в практике медитации происходит постепенное развитие навыка осознанности у человека, при помощи которого он начинает осознавать собственные эмоции, чувства и ощущения и переход от неосознаваемого к осознанному. Также в процессе развития эмоционального интеллекта происходит развитие навыка телесности [26], способствующего распознаванию собственных телесных ощущений, симптомов и особенностей реагирования на те или иные стрессовые ситуации. На первом этапе аутонаблюдения человек за счет интероспекции обучается наблюдать за своими внутренними реакциями в ответ на внешние события, становясь при этом ключевым субъектом наблюдения.

Обучение на первом этапе включает наблюдение за протекающими процессами внутри сознания человека (мыслей), а также за психоэмоциональными реакциями. Это важнейшая стадия, позволяющая увидеть и зафиксировать определенные паттерны психических реакций на внешние раздражители или в ответ на воспоминания о прошлом негативном опыте. Психодинамическая концепция раскрывается в данном случае со стороны развития навыка ауторегуляции (2 стадия), когда человек приобретает возможность осознать последовательность формирования внутреннего конфликта в результате событий его прошлого. Первичное осознание подобных связей является первым шагом к разрешению внутриличностного конфликта через осознание бессознательных паттернов поведения, сформированных в момент психического повреждения прошлого (например, стрессового) [27].

На третьей стадии аутопрограммирования начинаются первые позитивные изменения со стороны организма человека за счет осознанной перестройки психоэмоциональных паттернов реагирования на стрессовые раздражители и нормализации работы вегетативной нервной системы. Как правило, третья стадия начинается после 20-го дня регулярного прослушивания медитаций, в результате которого человек обучается управлению телесными реакциями и осознанно учится управлять тревожным возбуждением через дыхание, расслабление мышц и т.д. Разрешение внутриличностного конфликта в этот момент достигает пика осознания, и на данном этапе при яркой выраженности психосоматического симптома, необходима поддержка специалиста (психотерапевта) для обеспечения квалифицированной психотерапевтической помощи, а также врача-терапевта за наблюдением за состоянием здоровья пациента в динамике.

Медитация в психосоматике: наблюдения из практики

Кроме снижения уровня тревоги и постепенного повышения качества жизни на фоне роста стрессоустойчи-

вости и восстановления психоэмоционального баланса, при регулярном прослушивании медитации постепенно нарастают позитивные изменения в психическом и физическом здоровье человека. Развитие эмоционального интеллекта и повышение уровня осознанности во время работы в медитациях помогают решить различные психические проблемы, такие как социальное тревожное расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), тревога и депрессия [28]. При регулярной практике медитации могут наблюдаться следующие психосоматические эффекты:

- Снижение уровня стресса: медитация помогает снизить уровень стресса и тревожности, что может положительно повлиять на различные физические симптомы, связанные со стрессом. Кроме того, метод медитации позволяет человеку снизить напряжение жевательных мышц, улучшить сон и устранить головные боли [29, 30].
- Улучшение сна: регулярная медитация может помочь в борьбе с бессонницей и улучшить качество сна [30]. Глубокий отдых, достигаемый во время медитации, способствует восстановлению организма и позволяет нашему мозгу и телу отдохнуть и восстановиться.
- Улучшение иммунной системы: совокупность позитивных психоэмоциональных изменений приводит к позитивным изменениям работы самого организма. Так, в результате стабилизации работы парасимпатической нервной системы, достижения уровня общего ментального и физического расслабления, снижения уровня психоэмоционального перенапряжения, а также естественного подавления активности стрессовой оси в организме (гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковая ось или НРА-ось) происходит восстановление иммунитета. В научном обзоре «Mindfulness meditation and the immune system: a systematic review of randomized controlled trials» клиническим путем доказано, что при регулярном прослушивании медитации происходит стойкая модуляция выборочных параметров иммунного профиля, что приводит к формированию благоприятного иммунного профиля. В частности, происходит уменьшение провоспалительных процессов, увеличение параметров клеточной защиты и увеличение активности ферментов, которые защищают клетки от старения. Это может помочь предотвратить развитие различных заболеваний и ускорить процесс выздоровления [31].
- Снижение болевых ощущений: медитация может помочь справиться с хронической болью [32], так как она способна изменять восприятие боли и повышать порог ее чувствительности. Это может быть особенно полезно для людей, страдающих от болезней, связанных с психосоматикой, например, мигрени, синдрома раздраженного кишечника

ника и других функциональных расстройств.

- Улучшение эмоционального благополучия: медитация способствует развитию эмоциональной устойчивости и улучшению настроения. Это может помочь уменьшить негативные воздействия эмоций, формирующихся в результате проигрывания внутриличностного конфликта, на физическое здоровье.

Важно отметить, что медитация в психосоматике не является единственным подходом к лечению и не заменяет традиционную медицинскую помощь. Однако она может быть полезным дополнением к общему подходу к лечению психосоматических заболеваний.

Заключение

Внутриличностный конфликт как причина психосоматических заболеваний – это сложная, многогранная тема в теории и на практике, рассмотрение которой необходимо как в психоаналитическом, так и в психо-

динамическом подходах. Одной из задач современной психотерапии является вовлечение пациента в процесс терапии, повышение уровня его комплаентности для достижения наилучшего результата.

Метод медитации за счет развития навыков осознанности и телесности (эмоциональный и телесный интеллекты), повышает вовлеченность человека в процесс терапии, делает его активным участником процесса, а также способствует развитию рефлексии и интроспекции. Разрешение внутриличностного конфликта при психосоматических расстройствах происходит постепенно, в процессе приводя в баланс состояние парасимпатической нервной системы, повышая стрессоустойчивость пациента, а также способствуя росту потенциала к самовосстановлению. Метод медитации является дополнительным методом комплексного подхода в современной психотерапии и психосоматике, обеспечивая получение позитивного результата в виде снижения уровня тревоги, разрешения психосоматических симптомов и повышения качества жизни в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sharma H. Meditation: Process and effects. *Ayu*. 2015 Jul-Sep;36(3):233-7. doi: 10.4103/0974-8520.182756. PMID: 27313408; PMCID: PMC4895748.
2. Parmentier FBR, García-Toro M, García-Campayo J, Yañez AM, Andrés P, Gili M. Mindfulness and Symptoms of Depression and Anxiety in the General Population: The Mediating Roles of Worry, Rumination, Reappraisal and Suppression. *Front Psychol*. 2019 Mar 8;10:506. doi: 10.3389/fpsyg.2019.00506. PMID: 30906276; PMCID: PMC6418017.
3. Тур Е.Ю. Медитация в психологической и психосоматической практике. Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 28 апреля 2022 г.). Часть 2. – Москва: Издательство Инфинити, 2022. – 7-14 с.
4. Prevost V, Tran T, Clarisse B, Leconte A, Duchange N, Moutel G, Gouriot M. Shared Meditation Involving Cancer Patients, Health Professionals and Third Persons: Perceptions of Participants Through a Focus Group Study. *Integr Cancer Ther*. 2023 Jan-Dec;22:15347354231186995. doi: 10.1177/15347354231186995. PMID: 37452577; PMCID: PMC10350746.
5. Dalpatadu KPC, Galappaththy P, Katulanda P, Jayasinghe S. Effects of meditation on physiological and metabolic parameters in patients with type 2 diabetes mellitus «MindDM»: study protocol for a randomized controlled trial. *Trials*. 2022 Sep 30;23(1):821. doi: 10.1186/s13063-022-06771-2. PMID: 36176007; PMCID: PMC9523920.
6. Bonadonna R. Meditation's impact on chronic illness. *Holist Nurs Pract*. 2003 Nov-Dec;17(6):309-19. doi: 10.1097/00004650-200311000-00006. PMID: 14650573.
7. Jeune B. Descartes og medicinen [Descartes and medicine] // *Dansk medicinhistorisk årbog*. 2004. P. 75–117. Danish.
8. Karl S.R., Holland J.C. Looking at the roots of psychosomatic medicine: Adolf Meyer // *Psychosomatics*. 2013. Vol. 54. No. 2. P. 111–114. <https://doi.org/10.1016/j.psym.2012.10.007>.
9. Дусказиева Ж.Г. Внутриличностный конфликт как фактор возникновения психосоматических расстройств // *Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн.* – 2015. – N 3 (9)
10. Dörre S. Epistemologische Neupositionierungen. Alexander Mitscherlich zwischen «naturwissenschaftlicher Methodik», Psychoanalyse und Psychosomatischer Medizin [Shifts in Epistemological Position. Alexander Mitscherlich's Plea for Psychosomatic Medicine] // *NTM International journal of history & ethics of natural sciences, technology & medicine*. 2021. Vol. 29. No. 4. P. 417–446. German. <https://doi.org/10.1007/s00048-021-00318-3>.
11. Kubo C. The contribution of Professor Yujiro Ikemi to the development of psychosomatic medicine in Japan // *Psychotherapy and Psychosomatics*. 2000. Vol. 69. No. 2. P. 57–58. <https://doi.org/10.1159/000012367>.
12. Feldman M. Some views on the manifestation of the death instinct in clinical work. *Int J Psychoanal*. 2000 Feb;81 (Pt 1):53-65. doi: 10.1516/0020757001599528. PMID: 10816844.
13. Vierl L, Von Bremen C, Hagmayer Y, Benecke C and Sell C (2023) How are psychodynamic conflicts associated with personality functioning? A network analysis. *Front. Psychol*. 14:1152150. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1152150
14. Dolynnyi, S. (2021). Psychosomatic factors in the aspect of the conflict-generated behaviour development. *Psychological journal*, 7(5), 50–59. <https://doi.org/10.31108/1.2021.7.5.5>
15. Кулаков С.А. Основы психосоматики. – СПб: Речь, 2003. – 288 с.
16. Mazokopakis EE. Eating disorders are described as «psychosomatic passions» in the Christian Patristic Tradition. *Braz J Psychiatry*. 2020 Apr;42(2):225-226. doi:

- 10.1590/1516-4446-2019-0819. Epub 2020 Mar 9. PMID: 32159718; PMCID: PMC7115445.
17. Fava, Giovanni & Sonino, Nicoletta. (2009). Psychosomatic Medicine: A Name to Keep. *Psychotherapy and psychosomatics*. 79. 1-3. 10.1159/000254899.
18. Jeppesen R, Benros ME. Autoimmune Diseases and Psychotic Disorders. *Front Psychiatry*. 2019 Mar 20;10:131. doi: 10.3389/fpsy.2019.00131. PMID: 30949074; PMCID: PMC6435494.
19. Jainish Patel, Pritesh Patel, Heer Vaghela (2022) Psychosomatics: Exploring the Role of the Mind-Body Connection in Causing Physical Illnesses. *Journal of Psychophysiology Practice and Research - 1(1):1-6*.
20. Tindle J, Tadi P. *Neuroanatomy, Parasympathetic Nervous System*. [Updated 2022 Oct 31]. In: StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing; 2023 Jan-. Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK553141/>
21. Weissman DG, Mendes WB. Correlation of sympathetic and parasympathetic nervous system activity during rest and acute stress tasks. *Int J Psychophysiol*. 2021 Apr;162:60-68. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2021.01.015. Epub 2021 Feb 6. PMID: 33561515; PMCID: PMC7987796.
22. Vierl L, Von Bremen C, Hagmayer Y, Benecke C, Sell C. How are psychodynamic conflicts associated with personality functioning? A network analysis. *Front Psychol*. 2023 Apr 19;14:1152150. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1152150. PMID: 37151325; PMCID: PMC10155610.
23. Тур Е.Ю. Практика медитации как метод работы с пациентом психосоматического профиля. «Интернаука»: научный журнал – № 26(249). Часть 2. – М., Изд. «Интернаука», 2022. – 9-11 с.
24. Ganesan A, Gauthaman J, Kumar G. The Impact of Mindfulness Meditation on the Psychosomatic Spectrum of Oral Diseases: Mapping the Evidence. *J Lifestyle Med*. 2022 Jan 31;12(1):1-8. doi: 10.15280/jlm.2022.12.1.1. PMID: 35300038; PMCID: PMC8918375.
25. Tur Ekaterina Yurievna. MMCC (Mindfulness Meditation of Conscious Concentration) meditation as a method for developing emotional intelligence. *Sciences of Europe (Praha, Czech Republic)*. ISSN 3162-2364. N 125 (2023) – 27-30 с.
26. Spurrier GF, Shulman K, Dibich S, Benoit L, Duckworth K, Martin A. Physical symptoms as psychiatric manifestations in medical spaces: A qualitative study. *Front Psychiatry*. 2023 Jan 4;13:1074424. doi: 10.3389/fpsy.2022.1074424. PMID: 36683974; PMCID: PMC9845882.
27. Galchenko, Alexey. (2022). Intrapersonal conflict: the essence of the phenomenon, causes, possible consequences and principles of correction. 8. 101-115. 10.18411/VKonflikte.
28. Jamil A, Gutlapalli SD, Ali M, Oble MJP, Sonia SN, George S, Shahi SR, Ali Z, Abaza A, Mohammed L. Meditation and Its Mental and Physical Health Benefits in 2023. *Cureus*. 2023 Jun 19;15(6):e40650. doi: 10.7759/cureus.40650. PMID: 37476142; PMCID: PMC10355843.
29. Goyal M, Singh S, Sibinga EM, Gould NF, Rowland-Seymour A, Sharma R, Berger Z, Sleicher D, Maron DD, Shihab HM, Ranasinghe PD, Linn S, Saha S, Bass EB, Haythornthwaite JA. Meditation programs for psychological stress and well-being: a systematic review and meta-analysis. *JAMA Intern Med*. 2014 Mar;174(3):357-68. doi: 10.1001/jamainternmed.2013.13018. PMID: 24395196; PMCID: PMC4142584.
30. Тур Е. Медитация как метод восстановления сна за счет восстановления модулирующей функции вегетативной нервной системы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 1А. С. 198-205. DOI: 10.34670/AR.2023.12.60.022
31. Black DS, Slavich GM. Mindfulness meditation and the immune system: a systematic review of randomized controlled trials. *Ann NY Acad Sci*. 2016 Jun;1373(1):13-24. doi: 10.1111/nyas.12998. Epub 2016 Jan 21. PMID: 26799456; PMCID: PMC4940234.
32. Hilton L, Hempel S, Ewing BA, Apaydin E, Xenakis L, Newberry S, Colaiaco B, Maher AR, Shanman RM, Sorbero ME, Maglione MA. Mindfulness Meditation for Chronic Pain: Systematic Review and Meta-analysis. *Ann Behav Med*. 2017 Apr;51(2):199-213. doi: 10.1007/s12160-016-9844-2. PMID: 27658913; PMCID: PMC5368208.

© Тур Екатерина Юрьевна (tur.e.y@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ЗНАЧИМОЕ КАЧЕСТВО ОТЦОВ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Чижова Карина Игоревна

Кандидат педагогических наук, доцент, Институт
психологии им. Л.С. Выготского Российский
государственный гуманитарный университет
Carina-7@maul.ru

RESPONSIBILITY AS A SIGNIFICANT QUALITY OF MIDDLE-AGED FATHERS

K. Chizhova

Summary: The article considers fatherhood as a multicomponent phenomenon: psychological, social, personal. The stages of the development of fatherhood in society are analyzed, the functions and importance of the father in the family system are revealed. The modern view of society on changes in the father's role in the family is revealed. An empirical analysis of the responsibility of middle-aged fathers and its correlation with the self-esteem of married and unmarried men is presented. Negative and positive connections in the personal characteristics of fathers according to the parameters of responsibility are revealed.

Keywords: involved fatherhood, responsibility, self-esteem, family.

Аннотация: В статье рассматривается отцовство как многокомпонентное явление: психологическое, социальное, личностное. Анализируются этапы развития отцовства в обществе, раскрываются функции и значение отца в семейной системе. Раскрывается современный взгляд общества на изменения отцовской роли. Представлен эмпирический анализ ответственности отцов среднего возраста и его соотношение с самооценкой женатых и неженатых мужчин. Выявлены отрицательные и положительные связи в личностных характеристиках отцов по параметрам ответственности.

Ключевые слова: вовлеченное отцовство, ответственность, самооценка, семья.

На протяжении истории развития человечества изменялась роль отца в семье и отношение к отцовству. Считается, что институт отцовства формируется и конституируется гораздо позднее, чем институт материнства. В патриархальном обществе отцу приписывалось центральное место в семье, а также утверждалась его ответственность за благополучие и здоровье всех ее членов. Главная функция отца – материальное обеспечение семьи. Отец выступал как представитель власти в семье, почитание и послушание, которому являлось безусловной обязанностью жены и детей. Так функции отца заключались во взаимодействии с внешним миром, решении общественных задач, ответственности перед социумом за нравственные поступки всех членов семьи. Таким образом, в традиционной семье отец выступал как кормилец, прародитель, носитель дисциплины, пример для подражания. Уход за детьми являлся обязательной функцией матери.

Значимые изменения в сфере семьи начинают происходить с 60-х годов прошлого столетия, когда резко возросла профессиональная занятость женщин. Эмансипация женщин и их активная общественная позиция привели к изменению их жизненных стратегий и положения в семье, ответственность за материальное обеспечение семьи все чаще начинают брать на себя женщины, перед супругами возникает вопрос распределения не только домашних обязанностей, но и воспитательных функций. В эти же годы наметились два подхода к изучению отцовства: отцовство как социальный институт и отцовство как практики мужчин по уходу и воспитанию детей.

В 70-х г. в результате глобальных трансформаций общества, таких как эмансипация женщин, вовлечение их в сферу оплачиваемого труда, и, как следствие, переосмысление мужской и женской роли, роли отца и матери, изменений социального значения детства и усиления критики традиционных культурных идеалов семьи и родительства, возникла модель «вовлеченное отцовство». «Вовлеченное отцовство» – модель отцовства, которая предписывает мужчине постоянное активное участие в процессе ежедневного бытового ухода за ребенком и заботы о нем. Отец берет на себя часть ответственности за заботу о детях, много проводит с ними свободного времени, активно взаимодействует с детьми на постоянной основе независимо от пола ребенка. Он помогает жене готовиться к родам, присутствует при рождении детей, осуществляет повседневный уход за маленькими детьми. Кроме того, вовлеченный отец разделяет с супругой бремя домашних обязанностей, так как признает и уважает ее потребности в личном пространстве и времени [1].

Российские исследователи, изучив роль отца в семье в историческом контексте, отмечают, что под влиянием социокультурной ситуации статус мужчины в семье менялся от полного подчинения его воле до игнорирования и пренебрежения им [2].

Новые тенденции в развитии института отцовства потребовали пересмотра теоретических подходов к изучению роли мужчин в семье. Постепенно сформировался социальный подход, который рассматривает роль мужчины, реализующуюся в экономическом обеспечении,

защите, а также передаче социокультурных норм и образцов мужского поведения последующим поколениям.

В последние десятилетия появилась положительная тенденция, связанная с тем, что отцы вообще начали активно включаться в процесс воспитания детей, причем уже в первые месяцы жизни. Связано это, по-видимому, с изменением отношения к родительству, как к таковому. Из-за грамотности молодежи в планировании семьи и контрацепции хорошего качества всё больше родителей рождение ребенка воспринимают не как обязательное, а как возможность самореализации, развития отношения в новом русле. Современные молодые отцы по-настоящему озабочены тем, что они смогут дать своему ребенку не только с точки зрения обеспечения достойных бытовых условий, но и с точки зрения развития и формирования его личности. В современном обществе отец становится, приближен к семье. С одной стороны, отец отвечает за обеспечение семьи и формально зовется главой семьи, с другой, у отца, зачастую, нет реальной власти. Отец, может быть, уважаем детьми, но распоряжается семейными делами мать. Таким образом, авторитет отца, как носителя закона и порядка оказывается под сомнением.

Исходя из теоретико-методологического анализа проблемы отцовства, становится ясно, что оно представляет собой сложное многокомпонентное явление, испытывающее влияние многих факторов: личностных, культурных, социальных. Отсюда вытекает структурное многообразие закономерностей отцовства: особенности взаимоотношения отца с ребенком и определенные специфические, личностные особенности и качества отца.

Нормальное развитие отцовства – это высокосложный процесс, происходящий с чередующимися фазовыми изменениями и представляющий следующие необходимые параметры: психологическая подготовка (потребность мужчины в продолжении рода и способность испытывать родительские чувства), адаптация (психологическое, экономическое и социальное принятие мужчиной своего отцовского статуса) и устойчивость (стойкость отношения отца к своей роли).

Подводя итог можно сказать, что институт отцовства претерпел существенные изменения в течение истории развития отцовства. Отцовство не является обязательным компонентом семьи, оно скорее выражает принадлежность к определенному типу культуры, а не биологическую функцию. Отцовство может рассматриваться как биологический, психологический, а также социокультурный феномен [3].

В 2022 году было проведено эмпирическое исследование феномена ответственности и самооценки у отцов,

которые имеют одного и более детей. В исследовании принимали участие 90 мужчин, в возрасте от 30-40 лет, состоящие и не состоящие в браке ($n=45$). Критерий, на который обращаем внимание – это то, что отцы, которые не состоят в браке, также не проживают совместно со своими детьми. Женатые отцы, участвующие в исследовании, воспитывают своих биологических детей. В выборке приняли участие 52 мужчин женатых и 38 неженатых. Средний возраст испытуемых 36 лет. Исследование проводилось по следующим диагностическим методикам: - методика В.П. Пряжеина «Ответственность как системное качество личности»; - самооценка психических состояний (Г. Айзенк); - опросник ДУМЭОЛП - диагностика уровня морально-этической ответственности личности; - исследование самооценки по методике Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан. Методы исследования включали в себя: анкетирование, методы статистической обработки данных: расчет описательных статистик, критерий Спирмена.

Важно отметить, что самооценка отца складывается из оценки своих качеств, своих способностей, своего отношения к «делу», и, конечно, своей ответственности. В свою очередь чувство ответственности формирует самооценку человека в мотивационно-смысловом блоке, который отвечает за мотивацию, ценностные ориентации личности. Проявление внутренних и внешних отношений и действий отцов как раз и есть взаимосвязь их ответственности и самооценки. Социальный портрет современного отца – это ответственный наставник, который разделяет обязанности и уход за ребенком в части обеспечения и удовлетворения потребностей ребенка, при этом функция обеспечения семьи не является приоритетной. Взаимоотношения отцов и детей предполагают сильную эмоциональную связь, которая влияет на формирование личности ребенка, а также на проявление и развитие новых качеств личности у отцов и закрепление уже имеющихся.

Для выявления взаимосвязи между ответственностью и самооценкой отцов среднего возраста был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. В данном исследовании этот критерий позволяет определить силу и направление корреляционной связи между полученными переменными.

Проведенный нами корреляционный анализ результатов исследования с использованием коэффициента корреляции Спирмена выявил значимые связи, которые представлены в таблице. (Таб. 1.)

Выявлена положительная взаимосвязь между шкалами «Самооценка» и «Динамическая эргичность» ($r_s=0,343$, $p \leq 0,05$). Исходя из положительной корреляции можно утверждать, что чем выше «Динамическая эр-

Корреляционный анализ результатов исследования.

	Шкала Лжи	ДЭ	РП	Мотивация социоцентрическая	Морально-этические ценности	Фрустрация	РИ	КО	Искренность
Самооценка	$rs=-0,317$, $p\leq 0,05$	$rs=0,343$, $p\leq 0,05$							
Притязание			$rs=0,335$, $p\leq 0,05$						
Рефлексия на морально-этические ситуации				$rs=0,299$, $p\leq 0,05$					
Агрессивность		$rs=0,391$, $p\leq 0,01$			$rs=-0,314$, $p\leq 0,05$		$rs=0,449$, $p\leq 0,01$	$rs=0,309$, $p\leq 0,05$	$rs=0,415$, $p\leq 0,01$
РЭ					$rs=0,309$, $p\leq 0,05$	$rs=0,407$, $p\leq 0,01$			
РИ					$rs=-0,321$, $p\leq 0,05$				
Трудности						$rs=0,464$, $p\leq 0,01$			
Эмоциональная астеничность						$rs=0,326$, $p\leq 0,05$			

гичность», тем выше самооценка отцов среднего возраста. Самостоятельное принятие решений, без контроля со стороны, и выполнение поставленных задач способствует улучшению положительной самооценки отцов – респондентов. Выявленная отрицательная корреляция между шкалами «Самооценка» и «Шкала лжи» ($rs=0,317$, $p\leq 0,05$) говорит о том, что при неискренности и противоречивых внутренних поступках, при уккрытии мыслей и чувств у респондентов падает самооценка.

Выявлена отрицательная взаимосвязь между шкалами «Притязание» и «Результативность предметная» ($rs=0,335$, $p\leq 0,05$ можно предположить, что самоотверженность и добросовестность, ответственный подход в решении коллективных задач не способствует росту притязаний, а наоборот уровень притязаний становится ниже. Активная поведенческая позиция в социуме отрицательно сказывается на стремлении к достижению поставленных собственных целей.

Продемонстрирована положительная корреляция между шкалами «Рефлексия на морально-этические ситуации» и «Мотивация социоцентрическая» $rs=0,299$, $p\leq 0,05$. Высокая мотивация социоцентрическая повышает уровень рефлексии у отцов среднего возраста, повышается вероятность возникновения конфликтов в коллективе и социуме, семье, в ситуациях, где преобладают общественные интересы над личными, где затрагивается чувство долга.

Показана положительная взаимосвязь между шка-

лами «Морально-этические ценности» и «Регуляторная экстернальность» ($rs=0,309$, $p\leq 0,05$). Реализация ответственных дел и задач при помощи задействования других членов социума способствует достижению целей и повышению значимости роли отцов.

Выявленная отрицательная корреляция между шкалами «Агрессивность» и «Морально-этические ценности» ($rs=0,314$, $p\leq 0,05$). При высоком уровне самопонимания и самоанализа, при следовании своим ценностям и принципам происходит снижение враждебности и агрессивности у отцов среднего возраста по отношению к миру и другим людям. Руководствуясь ценностными ориентирами легче понять поступки другого и принять их.

Выявленная отрицательная корреляция между шкалами «Регуляторная интернальность» и «Морально-этические ценности» ($rs=0,321$, $p\leq 0,05$). Высокий уровень ответственности за свои поступки, авторитарность и проявление доминирования понижают морально-этические ценности. А также, при высоком уровне ценностей отцы-респонденты более благосклонно настроены на конструктивное сотрудничество и самокритичны к себе.

В результате исследования были выявлены положительные корреляции между шкалами «Фрустрация» и «Регуляторная экстернальность» ($rs=0,407$, $p\leq 0,01$). Можно сделать вывод, что при высокой фрустрации, отстранении и снижении ответственности повышается желание переложить свои задачи на других людей, не

доводить до конца начатые дела и полагаться на обстоятельства, те происходит снижение поведенческой активности у отцов – респондентов.

Положительная корреляция между шкалами «Фрустрация» и «Эмоциональная астеничность» ($r_s=0,326$, $p \leq 0,05$) говорит о том, что в случае неуспеха в реализации какого-то дела, отцы испытывают фрустрацию и нежелание действовать дальше.

Положительная взаимосвязь между шкалами «Фрустрация» и «Трудности» ($r_s=0,464$, $p \leq 0,01$) проявляется в жизни отцов, участвующих в исследовании в виде уходе в себя и абстрагирования в случае неудачи, неуспеха. Положительная корреляция между шкалами «Агрессивность» и «Динамическая эргичность» ($r_s=0,391$, $p \leq 0,01$) говорит о некой напористом и доминирующем стиле поведения в случае необходимости при проявлении ответственности мужчин – отцов. Положительная корреляция между шкалами «Агрессивность» и «Искренность» ($r_s=0,495$, $p \leq 0,01$) говорит, что при выражении своих чувств и эмоций может возникать агрессивность, враждебность по отношению к другим людям, что приводит к ухудшению взаимоотношений.

Между шкалами «Агрессивность» и «Когнитивная осведомленность» ($r_s=0,309$, $p \leq 0,05$) есть положительная корреляция. Стержневая основа ответственности строится на доминировании и демонстрации превосходства, в связи с больше осведомленностью отцов – респондентов, участвующих в исследовании. У отцов – респондентов высокое чувство ответственности, которое проявляется

в осведомленности, решительности, готовности взять на себя обязательства. Следует обратить внимание на низкий показатель по шкале искренность, который говорит о намерении скрывать свои истинные чувства и мысли, неконгруэнтность внешнего внутреннему содержанию.

Можно предположить, что в семьях, участвующих в исследовании отцов, патриархальный строй и именно мужчины несут функцию главы семейства, за которым остается последнее слово, что говорит о решительности мужчин. При этом обратной стороной агрессивности и агрессивного поведения кроется тенденция нападать, проявлять свое превосходство, а также некая враждебность к окружающим людям (семье). В целом у отцов, участвующих в исследовании низкий уровень сформированности морально-этической ответственности по шкалам «Рефлексия на морально-этические ситуации», «Интуиция в морально-этической сфере», «Экзистенциальная ответственность», «Морально-этические ценности», «Шкала лжи». При этом по шкале «Альтруистические эмоции» выявили средний уровень сформированной ответственности.

Отцы-респонденты в целом продемонстрировали желание в оказании помощи ближнему, заботу о детях, членах семьи, сопереживание. При этом низкий уровень социальной значимости (шкала лжи) говорит о нежелании воздействовать на окружающую действительность. Можно сделать вывод, что респонденты не готовы менять действительность, их устраивает положение дел, и испытываемые альтруистические чувства не способствуют и не наталкивают на деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коркина Н.А. Отцовство в современной семье // Материнство. Психолого-социальные аспекты (норма и девиация): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Иваново: Иван. Гос. Ун-т, 2019. – С.117-124.
2. Марковская И.М. Мужские семейные роли в картине разных поколений // Материнство. Психолого-социальные аспекты (норма и девиация): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Иваново: Иван. Гос. Ун-т, 2002. – С.135-139.
3. Пастухова М.В. Некоторые аспекты психологии отцовства // Российский медико-биологический вестник им. акад. И.П. Павлова. – 2019. – № 1. – С. 96–102.
4. Bleidorn, W., Arslan, R.C., Denissen, J.J. A. et al. (2016) Age and gender differences in self-esteem — a crosscultural window. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 111, no. 3, pp. 396–410. <http://dx.doi.org/10.1037/pspp0000078>
5. Zuckerman, M., Li, C., Hall, J.A. (2016) When men and women differ in self-esteem and when they don't: A metaanalysis. *Journal of Research in Personality*, vol. 64, pp. 34–51. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2016.07.007>

© Чижова Карина Игоревна (Carina-7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ СТЕРЕОТИПОВ И ПРЕДРАССУДКОВ НА КАЧЕСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

THE INFLUENCE OF STEREOTYPES AND PREJUDICES ON THE QUALITY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

*Yu. Shevtsova
S. Plotnova
E. Kozlovskaya*

Summary: The article investigates the influence of stereotypes and prejudices on the quality of intercultural communication. Definitions of the concepts «stereotype» and «prejudice» are given, the reasons for their formation, their functions and their connection with the processes of socialization and intergroup interaction are analyzed. It is shown that stereotypes and especially prejudices seriously distort the perception of representatives of other cultures, interfere with an objective understanding of their motives and actions, discourage trust between the communicating parties. Specific examples of widespread ethnic stereotypes and prejudices are given, their influence on intercultural communication is analyzed. The authors conclude that it is necessary to overcome stereotypes and prejudices in order to increase the effectiveness of intercultural communication.

Keywords: intercultural communication, prejudice, stereotype, ethnic group, socialization process, establishment of trust, culture.

Шевцова Юлия Викторовна

*Кандидат педагогических наук, доцент, Приволжский
исследовательский медицинский университет
julia_52@rambler.ru*

Плотнова Светлана Владимировна

*Старший преподаватель, Приволжский
исследовательский медицинский университет
plot2008n@yandex.ru*

Козловская Евгения Юрьевна

*Старший преподаватель, Приволжский
исследовательский медицинский университет
jane-vi2@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается влияние стереотипов и предрассудков на качество межкультурной коммуникации. Приводятся определения понятий «стереотип» и «предрассудок», анализируются причины их формирования и функции, их связь с процессами социализации и межгруппового взаимодействия. Показано, что стереотипы и особенно предрассудки, серьезно искажают восприятие представителей других культур, мешают объективному пониманию их мотивов и поступков, препятствуют установлению доверия между коммуницирующими сторонами. Приведены конкретные примеры распространенных этнических стереотипов и предрассудков, проанализировано их влияние на межкультурную коммуникацию. Делается вывод о необходимости преодоления стереотипов и предрассудков для повышения эффективности межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, предрассудок, стереотип, этническая группа, процесс социализации, установление доверия, культура.

Межкультурная коммуникация предполагает взаимодействие людей, принадлежащих к разным культурам и имеющих разные системы ценностей, верований и моделей поведения. Эффективность такого взаимодействия во многом зависит от того, насколько партнеры по коммуникации способны понять и принять культурные особенности друг друга. На практике это часто оказывается затруднительным из-за влияния устойчивых стереотипов и предрассудков.

Стереотипы и предрассудки оказывают существенное влияние на качество межкультурной коммуникации. Несмотря на то, что термин «стереотип» неоднозначен и по-разному трактуется в литературе, в целом его можно обобщить до понимания, представленного американским социологом У. Липпманом: «упорядоченные, схематичные, детермированные культурой «картинки мира» в сознании человека» [2; 6]. Как отмечает отечественный исследователь В.Д. Попков, стереотипы представляют собой упрощенные и обобщенные представления о качествах и поведении людей на основе их принадлежности к определенной социальной группе [1]. Они помо-

гают структурировать сложный социально-культурный мир, но в то же время часто являются искаженными и не соответствуют реальности.

Стереотипы формируются в процессе социализации через взаимодействие с родителями, коллегами, СМИ и другими агентами культуры и возникают из социальной категоризации. Стереотипизация – это неизбежный и даже необходимый процесс, поскольку стереотипы выполняют ряд функций, важных для межкультурной коммуникации: передают косвенную информацию о культуре, дают первоначальные ориентиры в незнакомых культуре и социуме, помогают поддерживать позитивную идентичность собственной группы [1; 8].

Однако стереотипы, характеризуя людей как членов определенных национальных и культурных групп, могут создавать серьезные препятствия для эффективного межкультурного взаимодействия [17]. Во-первых, они мешают увидеть индивидуальные различия между людьми и рассматривают представителей одной группы как одинаковых. Во-вторых, стереотипы часто содержат

искажения и полуправду о группе. В-третьих, они носят устойчивый характер и с трудом поддаются изменению даже при встрече с опровергающей информацией [1].

В контексте межкультурной коммуникации, как правило, распространены определенные стереотипы, примеры которых продемонстрированы в таблице ниже, и которые оказывают влияние на установление социальных связей между различными национальными группами (табл. 1).

Необходимо отметить, что стереотипы могут включать как позитивные, так и негативные черты. *Предрассудки* же можно описать как убеждения, которым приписываются именно *негативные* характеристики, и они

обычно несут в себе более эмоциональный компонент. В научной литературе под понятием «предрассудки» понимаются *«устойчивые отрицательные убеждения о качествах и поведении представителей других социальных групп»* [7]. В социальной психологии предрассудки также трактуются как внутригрупповой фаворитизм, социальный антагонизм и этноцентризм [8]. Как отмечает Б. Шефер, предрассудки формируются в рамках собственной культуры, имеют тенденцию к негативному развитию и часто не соответствуют самовосприятию стереотипизируемой группы [19].

Предрассудки, как и стереотипы, усваиваются в процессе социализации, передаются их носителями из поколения в поколение, сохраняются при помощи обычая

Таблица 1.

Культурные стереотипы и их воздействие на межкультурную динамику.

Нация/этническая группа	Стереотип	Влияние на межкультурную коммуникацию
Немцы.	Пунктуальные и точные, придерживают порядок и соблюдают правила.	Положительный стереотип о пунктуальности немцев способствует установлению доверия и повышает эффективность совместного планирования и реализации проектов [16]. Однако чрезмерный акцент на пунктуальности может восприниматься представителями других культур как проявление излишней прямолинейности и формализма [5].
Итальянцы.	Эмоциональные.	Стереотип об эмоциональности итальянцев отражает реальные культурные различия в проявлении эмоций по сравнению, например, с североевропейскими народами [4; 13]. Но чрезмерный акцент на этом стереотипе мешает восприятию итальянцев как надежных и рациональных партнеров по бизнесу и другим видам деятельности [3].
Англичане.	Сдержанные.	С одной стороны, стереотип о сдержанности англичан объясняет их строгое следование нормам вежливости и этикета. С другой стороны, он затрудняет установление неформальных эмоциональных контактов с ними [10].

Таблица 2.

Анализ предрассудков и их влияния на межкультурную коммуникацию.

Нация/этническая группа	Предрассудок	Влияние на межкультурную коммуникацию
Афроамериканцы.	Не обладающие большими умственными способностями, не желающие работать, но получающие социальные пособия.	Данный расовый предрассудок о «ленивых» афроамериканцах, живущих на пособия, широко распространен и приводит к дискриминации при приеме на работу [14]. Он подрывает доверие к способностям и мотивации афроамериканцев, что серьезно затрудняет межрасовое сотрудничество.
Евреи.	Хитрые, коварные, стремящиеся к власти и богатству.	Этот исторически устойчивый стереотип порождает подозрительность и обвинения в нечестности. Он мешает открытому диалогу с еврейской общиной и способствует росту антисемитизма [11].
Цыгане.	«Вороватые», не заслуживающие доверия, не любят работать, предпочитают «легкие» деньги, полученные зачастую незаконным/преступным путем.	Предрассудки о преступных склонностях и нетрудолюбии цыган широко распространены и усиливают их дискриминацию в обществе [12]. Это приводит к отказу в найме на работу, обслуживании в магазинах и другим проявлениям нетерпимости.
Арабы.	Агрессивные экстремисты и террористы.	Этот предрассудок, активно навязываемый некоторыми СМИ, порождает необоснованный страх и неприятие арабов [18]. Это серьезно затрудняет интеграцию арабских иммигрантов и способствует росту ксенофобии.
Русские.	Грубы, неприветливы, не умеющие идти на компромисс, ленивы, инертны, употребляют много алкоголя. В последнее время русским приписывают такое качество, как агрессия.	Такие характеристики русских людей способствуют росту недоверия к ним, нежеланию сотрудничать с ними в качестве деловых партнеров, а также – к развитию русофобии.

ев или нормативных актов и подкрепляются традициями собственной культуры [15]. Их формирование часто связано с потребностью подчеркнуть превосходство своей группы и дистанцироваться от другой. Согласно Р. Брислину, у каждого человека есть определенный уровень предрассудков, который может варьироваться от чисто символического до открыто дискриминирующего [9].

В межкультурной коммуникации, как правило, распространены предрассудки национального характера. Наиболее типичные из социальных предрассудков, соотносимых с определенной нацией/этносом, отображены в таблице ниже, где также продемонстрирована связь данных предрассудков с установлением межкультурного контакта [табл. 2].

Предрассудки существенно искажают восприятие представителей одних социальных групп другими, за-

трудняя объективное понимание их культуры, мотивов и поступков. Они мешают установлению доверия и созданию атмосферы психологической безопасности, необходимой для продуктивного диалога культур. Избавиться от глубоко укоренившихся этнических предрассудков крайне сложно. Однако осознание их существования и влияния на восприятие является важным шагом к более толерантному отношению к культурным различиям.

Итак, можно сделать вывод, что стереотипы и особенно предрассудки различного характера, значительно снижают качество коммуникации между представителями разных культур. Они мешают объективному восприятию и пониманию партнеров по общению, создавая барьеры недоверия и враждебности. Преодоление негативного влияния стереотипов и предрассудков является важным фактором для повышения эффективности межкультурного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попков В.Д. Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс межкультурной коммуникации // Социально-антропологические исследования. 2002. Т. 5. No 3.
2. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова; под. ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004.
3. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М, 2004.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, 1999.
5. Филатова И.Ю. Русское и немецкое коммуникативное поведение в сравнении // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №1–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-i-nemetskoe-kommunikativnoe-povedenie-v-sravnenii> (дата обращения: 10.11.2023).
6. Щекотихина И. Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. №5 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotip-aspekty-i-perspektivy-issledovaniya> (дата обращения: 10.11.2023).
7. Adler N. International Dimensions of Organizational Behavior. Boston, 1991.
8. Allport G. The nature of prejudice. N.Y., 1958.
9. Brislin R. Increasing the Range of Concepts in Intercultural Research: The Example of Prejudice // Intercultural Theory and Practice. 1979.
10. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder, 2004.
11. Foxman A. Jews and money: The story of a stereotype. Macmillan, 2010.
12. Guy W. No soft touch: Combating Romani crime. In Racial criminalization of migrants in the 21st century. Ashgate Publishing, Ltd., 2011.
13. Hall E.T. The Silent Language. N.Y.: Anchor Books, 1973.
14. Kirschenman J., Neckerman K.M. We'd love to hire them, but...: The meaning of race for employers. In The urban underclass. Brookings Institution Press, 1991.
15. Levin J. The Functions of Prejudice. N.Y., 1975.
16. Müller S., Gelbrich K. Intercultural communication skills of business expats assigned to Germany. Research in Economics and Business: Central and Eastern Europe. 2019. Vol. 11(2).
17. Rosch O. Mit Stereotypen leben? Wie Deutsche und Russen sich heute sehen // Interkulturelle Kommunikation in Geschäftsbeziehungen zwischen Russen und Deutschen / Hrsg. von O. Rosch. Wildau, 1998.
18. Salaita S. Anti-Arab racism in the USA: Where it comes from and what it means for politics today. Pluto Press, 2006.
19. Schafer B. Entwicklungseinheiten der Stereotypen- und Vorurteilstorschung // Vorurteile und Einstellungen: Sozialpsychologische Beiträge zum Problem sozialer Orientierung. 1988.

© Шевцова Юлия Викторовна (julia_52@rambler.ru), Плотнова Светлана Владимировна (plot2008n@yandex.ru), Козловская Евгения Юрьевна (jane-vi2@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИЧНОСТНЫЙ ПРОФИЛЬ КУРСАНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ С УЧЕТОМ ВЫРАЖЕННОСТИ ИХ НРАВСТВЕННЫХ И ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ

PERSONAL PROFILE OF JUNIOR CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA, TAKING INTO ACCOUNT THE SEVERITY OF THEIR MORAL AND VOLITIONAL QUALITIES

S. Yakovleva
I. Ganishina

Summary: The article presents empirically substantiated results of a study of the personal profile of junior year cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, taking into account the level of development of their moral and volitional qualities. The empirical basis of the study was the educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan), Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda), Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Voronezh). The total number of respondents was 100 first- and second-year male and female cadets aged from 17 to 20 years.

It has been established that the average personality profile of cadets is characterized by the absence of sharply sharpened features and is quite balanced and harmonious. Pronounced personal characteristics include sociability, emotional stability, normative behavior, and self-control. It was diagnosed that cadets assess the development of their moral and volitional qualities at an average level. The most pronounced are a sense of duty, honesty, justice, discipline, dedication, endurance, etc.

Keywords: moral and volitional qualities, personal profile, junior cadets, educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Яковлева Светлана Леонидовна

Старший инспектор отдела кадров и работы с личным составом ФКУ СИЗО-6 УФСИН России по г. Москве
miss.tuz2014@yandex.ru

Ганишина Ирина Сергеевна

Доктор психологических наук, доцент, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань)
irinaganishina@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены эмпирически обоснованные результаты исследования личностного профиля курсантов младших курсов образовательных организаций ФСИН России с учетом уровня развития их нравственных и волевых качеств. Эмпирической базой исследования выступили образовательные организации Федеральной службы исполнения наказаний России: Академия ФСИН России (г. Рязань), Вологодский институт права и экономики ФСИН России (г. Вологда), Воронежский институт ФСИН России (г. Воронеж). Общее количество респондентов составило 100 курсантов первого-второго курсов мужского и женского пола в возрасте от 17 до 20 лет.

Установлено, что усредненный личностный профиль курсантов характеризуется отсутствием резко заостренных черт и является довольно сбалансированным и гармоничным. К выраженным личностным характеристикам можно отнести общительность, эмоциональную стабильность, нормативность поведения, самоконтроль эмоциональных реакций. Диагностировано, что курсанты оценивают развитие своих нравственных и волевых качеств на среднем уровне. Самыми выраженными являются чувство долга, честность, справедливость, дисциплинированность, целеустремленность, выдержка и др.

Ключевые слова: нравственные и волевые качества, личностный профиль, курсанты младших курсов, образовательные организации ФСИН России.

Введение

Федеральным законом № 197 от 19.07.2018 «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» [9], Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года [8], а так же Кодексом этики служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы [7] закреплены требования, предъявляемые к служебному поведению сотрудников уголовно - исполнительной системы, основанные на фундаментальных, общечеловеческих и профессионально-нравственных

ценностях, требованиях гражданского и служебного долга. «Одной из основных задач, которые стоят перед современным высшим образованием, является воспитание и обучение разносторонне развитой личности» [11].

Особый смысл и актуальность приобретает профессиональная подготовка курсантов образовательных организаций ФСИН России. По утверждению В.В. Безрядина [1], А.И. Ушатикова, И.С. Ганишиной [12], Ю.С. Исмагиловой [3], И.И. Купцова [5], А.Г. Малышева [6], С.С. Пилюковой [10], Е.М. Федоровой [13], учебно-профессиональная деятельность способствует развитию потребности курсантов в непрерывном совершенствовании и пополнении

знаний, творческом поиске, стремлении к осознанию высоких жизненных смыслов, выработке необходимых профессионально важных личностных качеств.

Цель исследования

Изучение личностного профиля курсантов младших курсов образовательных организаций ФСИН России с учетом уровня развития их нравственных и волевых качеств.

Методы исследования

Основываясь на методологических и теоретических положениях изучения развития личности курсантов, а также, исходя из поставленной цели проводимого исследования, для диагностики личностных особенностей курсантов 1-2 курсов нами использовалась методика 16-PFC (многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла) [4], методика «Самооценка личности» в авторской модификации Будасси С.А. [2]. Для данного исследования была выбрана форма С методики 16-PFC потому что она обладает двумя важными преимуществами. Во-первых, она проводится за более короткое время (30-40 мин), что делает ее удобной для группового эмпирического исследования. Во-вторых, вопросы в этой форме сформулированы таким образом, чтобы придать опроснику промежуточный вид между самооценочным и проектив-

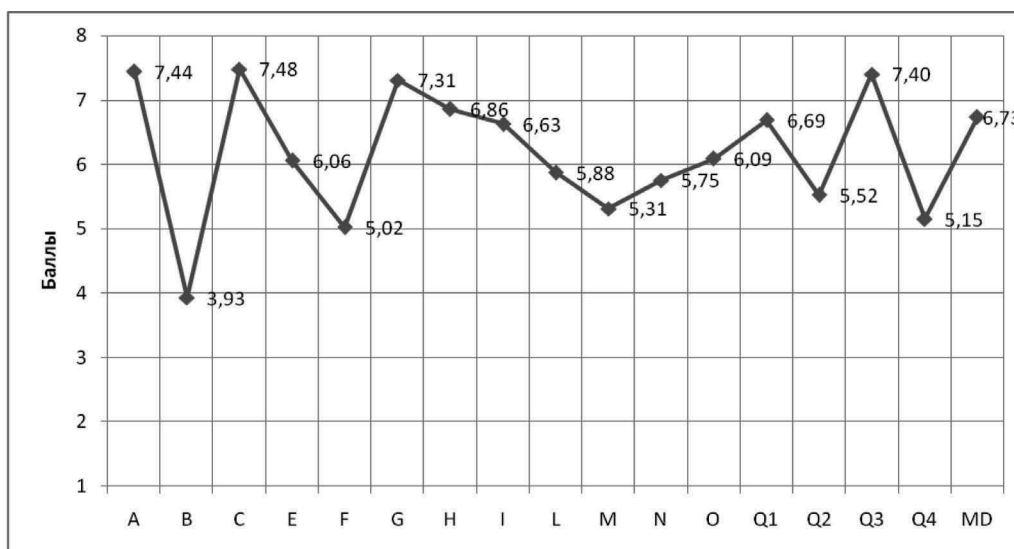
ным, обеспечивая тем самым более адекватные ответы испытуемых. Для обработки результатов исследования были использованы методы математической статистики (факторный анализ), компьютерная программа Psychometric Expert (версия 9.2.6), Microsoft Excel 2007, STATISTIKA (версия 10.0).

Основные результаты исследования

Эмпирической базой исследования выступили образовательные организации Федеральной службы исполнения наказаний России: Академия ФСИН России (г. Рязань), Вологодский институт права и экономики ФСИН России (г. Вологда), Воронежский институт ФСИН России (г. Воронеж). Общее количество респондентов составило 310 курсантов первого-второго курсов мужского и женского пола в возрасте от 17 до 20 лет.

Усредненный личностный профиль курсантов младших курсов образовательных организаций ФСИН России характеризуется отсутствием резко заостренных черт и является довольно сбалансированным и гармоничным (рисунок 1).

К выраженным личностным характеристикам можно отнести общительность (фактор А; Mx = 7,44), эмоциональная стабильность (фактор С; Mx = 7,48), нормативность поведения (фактор G; Mx = 7,31), самоконтроль

Примечание: А (- Замкнутость - общительность +); В (Интеллект); С (- Эмоциональная нестабильность - эмоциональная стабильность +); Е (- Подчиненность - доминантность +); F (- Сдержанность - экспрессивность +); G (- Низкая нормативность - высокая нормативность поведения +); H (- Робость - смелость +); I (- Жесткость - чувствительность +); L (- Доверчивость - подозрительность +); M (- Практичность - мечтательность +); N (- Прямолинейность - дипломатичность +); O (- Спокойствие - тревожность +); Q1 (- Консерватизм - радикализм +); Q2 (- Конформизм - неконформизм +); Q3 (- Низкий самоконтроль - высокий самоконтроль +); Q4 (- Расслабленность - напряженность +); MD (- Адекватная самооценка - неадекватная самооценка +).

Рис. 1. Средние значения факторов личностного опросника Р. Кеттелла у курсантов образовательных организаций ФСИН России

(фактор Q3; $Mx = 7,40$). Курсанты младших курсов довольно общительны, дружелюбны, легко устанавливают межличностные контакты. В общении ведут себя естественно, готовы к сотрудничеству и компромиссам. По своим эмоциональным особенностям курсанты характеризуются эмоциональной стабильностью, работоспособностью, хорошим самоконтролем. Они устойчивы в интересах, отличаются выдержанностью, спокойствием, хорошо контролируют свои эмоциональные проявления и поведение, способны к волевым усилиям.

В повседневном поведении курсанты младших курсов довольно общительны, дружелюбны, легко устанавливают межличностные контакты. В общении ведут себя естественно, готовы к сотрудничеству и компромиссам. По своим эмоциональным особенностям курсанты характеризуются эмоциональной стабильностью, работоспособностью, хорошим самоконтролем. Они устойчивы в интересах, отличаются выдержанностью, спокойствием, хорошо контролируют свои эмоциональные проявления и поведение, способны к волевым усилиям. Склонны придерживаться общепринятых норм и правил, проявляют нужную степень ответственности, добросовестности. При достижении поставленных целей они довольно настойчивы и организованны. Выраженный самоконтроль и эмоциональная стабильность позволяют им преодолевать возникающие трудности, владеть собой в стрессовых ситуациях.

Можно отметить и такие характерные личностные черты курсантов как смелость (фактор H) ($Mx = 6,86$), чувствительность (фактор I) ($Mx = 6,63$), радикализм (фактор Q1) ($Mx = 6,69$). Характеристики указанных качеств указывают на наличие необходимого уровня смелости и активности в социальных контактах, предприимчивость, способность принимать на себя роль лидера, выдерживать эмоциональные нагрузки. При выраженном уважении к традициям, устоявшимся нормам и правилам, курсантам не чужда склонность к экспериментам, некоторый скептицизм, восприимчивость к переменам и изменениям, направленность на аналитическую деятельность. Также можно отметить и довольно выраженную эмпатию, эстетическую восприимчивость курсантов, наличие склонности к рефлексии, размышлениям над своими ошибками и путями их избегания.

По своим интеллектуальным способностям (фактор В) ($Mx = 3,93$) курсанты младших курсов довольно общительны, дружелюбны, легко устанавливают межличностные контакты. В общении ведут себя естественно, готовы к сотрудничеству и компромиссам. Характеризуются эмоциональной стабильностью, работоспособностью, хорошим самоконтролем. Они устойчивы в интересах, отличаются выдержанностью, спокойствием, хорошо контролируют свои эмоциональные проявления и поведение, способны к волевым усилиям. Характеризу-

ются достаточно развитым интеллектом, сообразительностью, оперативностью мышления, обучаемостью. Можно предположить о довольно высоком уровне общей культуры.

Такие черты как доминантность (фактор E), экспрессивность (фактор F), подозрительность (фактор L), практичность (фактор M), дипломатичность (фактор N), тревожность (фактор O), неконформизм (фактор Q2) и напряженность (фактор Q4) имеют средний уровень выраженности.

Самооценку курсантов можно обозначить как среднюю (фактор MD) ($Mx = 6,73$). Они достаточно адекватно оценивают свои достоинства и недостатки, умеренно критичны к своим ошибкам и промахам.

Используя методику «Самооценка личности», разработанную С.А. Будасси, в авторской модификации, выявлены 3 группы испытуемых с высоким, средним, низким уровнем развития по самооценке нравственных и волевых качеств у испытуемых.

Для каждого нравственного и волевого качества была выведена общая оценка как среднеарифметическое, образованное в результате деления суммы оценок этого качества на количество оценивающих. После этого полученные сырые баллы перевели в стены Кеттелла, градация которых была следующей: стены 0 - 1,5 – качество (по самооценке испытуемых) выражено слабо, 1,5 - 3,5 – ниже среднего, 3,5 - 7,5 – норма, 7,5 - 9,5 – выше среднего, 9,5 - 10 – высокое. Таким образом, установлена сила каждого исследуемого волевого качества.

Обобщены результаты самооценки нравственных и волевых качеств курсантов и заключили, что курсанты оценивают развитие своих нравственных и волевых качеств на среднем уровне – 46,84 %. Самыми выраженными, стали чувство долга - 23,65 %, честность - 17,57 %, справедливость - 16,9 %, дисциплинированность – 21%, целеустремленность – 17%, выдержка – 12%.

Представленные данные указывают на средний уровень развития личностных качеств курсантов младших курсов. Они общительны, дружелюбны, легко устанавливают межличностные контакты. В общении ведут себя естественно, готовы к сотрудничеству и компромиссам. Характеризуются эмоциональной стабильностью, работоспособностью, хорошим самоконтролем. Они устойчивы в интересах, отличаются выдержанностью, спокойствием, хорошо контролируют свои эмоциональные проявления и поведение, способны к волевым усилиям.

Заключение

Проведенный анализ эмпирического исследования позволил нам определить личностный профиль кур-

сантов младших курсов образовательных организаций ФСИН России с учетом выраженности их нравственных и волевых качеств. Усредненный личностный профиль характеризуется отсутствием резко заостренных черт и является довольно сбалансированным и гармоничным. К наиболее ярко выраженным личностным характеристикам можно отнести общительность, эмоциональную

стабильность, нормативность поведения, самоконтроль эмоциональных реакций. Курсанты младших курсов оценивают развитие своих нравственных и волевых качеств как соответствующее среднему уровню развития. Самыми выраженными являются чувство долга, честность, справедливость, дисциплинированность, целеустремленность, выдержка и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безрядин С.Н. Значение нравственно-волевых качеств сотрудников ФСИН России для профессиональной деятельности / С.Н. Безрядин, М.Б. Трубочников // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС», в 2 т. – Воронеж : ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. – 2020. – С. 254-255.
2. Будасси С.А. Способ исследования количественных характеристик личности в группе // *Вопр. психол.* – 1997. – № 2. – С. 133-143.
3. Исмагилова Ю.С. Психологическая модель формирования духовно-нравственных качеств курсантов вузов ФСИН России: монография / Ю.С. Исмагилова, Г.И. Аксенова. – Рязань: Академия ФСИН России, 2011. – 170 с.
4. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кетелла. / А.Н. Капустина. – СПб.: Речь, 2001. – 112 с.
5. Купцов И.И. Роль психологии в духовно-нравственном и профессиональном становлении будущих сотрудников ФСИН России / И.И. Купцов // *Прикладная юридическая психология.* – 2009. – № 1. – С. 31-38.
6. Малышев А.Г. Формирование морально-психологических качеств курсантов в процессе их профессиональной подготовки в вузах Федеральной службы исполнения наказаний: монография / А.Г. Малышев, А.М. Киселев, Д.А. Донсков; Федеральная служба исполнения наказаний, Академия ФСИН России. – Москва: Проспект, 2017. – 109 с.
7. Об утверждении Кодекса этики служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы: приказ ФСИН России: [от 11 января 2012 г. № 5] // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* – 2012. – № 4.
8. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации: [от 29 апр. 2021 г. № 1138-р] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/#review> (дата обращения: 29.04.2021).
9. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федер. закон: [от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ] // *Рос. газ.* – 2018. – 25 июля.
10. Пиюкова С.С. Формирование духовно-нравственных качеств личности сотрудника УИС в процессе волонтерской деятельности / С.С. Пиюкова // *Вестник Самар. юрид. ин-та.* – 2014. – № 1. – С. 97-100.
11. Развитие современного высшего образования в России и зарубежных странах: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра. – 2020. – 455 с.
12. Ушатилов А.И., Ганишина И.С. Аудиовизуальная психология, как средство подготовки курсантов психологов к диагностике индивидуально-личностных особенностей осужденных // *Человек: преступление и наказание.* – 2014. – № 3 (86). – С. 176 – 180.
13. Федорова Е.М. Духовно-нравственное воспитание сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе профессиональной подготовки: учеб. пособие / Е.М. Федорова. – М.: НИИ ФСИН России, 2007. – 118 с.

© Яковлева Светлана Леонидовна (miss.tuz2014@yandex.ru), Ганишина Ирина Сергеевна (irinaganishina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ И МЕДИЦИНЕ

PROBLEMS OF CONSCIOUSNESS
IN PHILOSOPHY AND MEDICINE

E. Ibragimova
R. Yarakhmedov
E. Kurkueva
S. Abdullayeva
A. Kurbanov

Summary: This article is an interdisciplinary analysis of the problem of consciousness from the point of view of philosophy and medicine, a deep analysis of the problem of consciousness is carried out in the context of two perspectives: philosophical and medical. The paper examines the main philosophical approaches to consciousness, including dualism, monism and functionalism, and their relationship with medical concepts such as neurobiology and psychiatry. All aspects are considered, arguments «for and against» each concept, their foundations and stumbling blocks. Particular attention is paid to the interaction of the brain and consciousness, as well as pathologies of consciousness, including states of disorder of consciousness and their impact on understanding the nature of consciousness. Synaptic connections from the structural component and influence on the functioning of consciousness are considered. Leaps of progress are observed in the fields of studying neurophysiology, neurochemistry, new diagnostic methods are emerging, the question of the nature of consciousness remains open. Research in this area requires further efforts and an interdisciplinary approach. Summing up, I would like to say that understanding consciousness is of great importance both for theoretical philosophical thought and for practical applications in medicine and neuroscience.

Keywords: consciousness, philosophy, medicine, dualism, monism, functionalism, neurobiology, psychiatry, disorders of consciousness.

Проблема сознания, его природа и механизмы функционирования, представляют собой одни из наиболее интригующих и важных вопросов, стоящих перед современной философией и медициной. Сознание, как ключевая характеристика человеческого бытия, продолжает вызывать ученых разных дисциплин к глубокому анализу и дебатам.

Философия и медицина, две основополагающие дисциплины, подходят к исследованию сознания с разных точек зрения. Философия стремится к пониманию его фундаментальной природы и связи с материальным миром, в то время как медицина ориентирована на анализ биологических и химических аспектов сознания и свя-

Ибрагимова Эмина Султанахмедовна
*к.п.н., доцент, Дагестанский Государственный
 Медицинский университет, (г. Махачкала)*
Ярахмедов Рауиз Маратович,
*Дагестанский Государственный Медицинский
 университет, (г. Махачкала)*
Куркуева Этери Чайхусовна,
*Дагестанский Государственный Медицинский
 университет, (г. Махачкала)*
Абдуллаева Самира Абдуллабековна,
*Дагестанский Государственный Медицинский
 университет, (г. Махачкала)*
Курбанов Аким Магомедалиевич,
*Дагестанский Государственный Медицинский
 университет, (г. Махачкала)*
akim05@mail.ru

Аннотация: Данная статья представляет собой междисциплинарный анализ проблемы сознания с точки зрения философии и медицины, проводится глубокий анализ проблемы сознания в контексте двух перспектив: философской и медицинской. В работе рассматриваются основные философские подходы к сознанию, включая дуализм, монизм и функционализм, и их соотношение с медицинскими концепциями, такими как нейробиология и психиатрия. Рассматриваются все аспекты, аргументы «за и против» каждой концепции их основы и камни преткновения. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия мозга и сознания, а также патологиям сознания, включая состояния расстройства сознания и их влияние на понимание природы сознания. Рассматриваются синаптические связи из структурную составляющую и влияние на функционирование сознания. Скачки прогресса наблюдаются в областях, занимающейся изучением нейрофизиологии, нейрохимии, появляются новые методы диагностики, вопрос о природе сознания остается открытым. Исследования в этой области требуют дальнейших усилий и междисциплинарного подхода. Подводя итог, хочется сказать, что понимание сознания имеет огромное значение как для теоретической философской мысли, так и для практических приложений в медицине и нейронауке.

Ключевые слова: сознание, философия, медицина, дуализм, монизм, функционализм, нейробиология, психиатрия, расстройства сознания.

занных с ним патологий.

Цель настоящей статьи - провести глубокий анализ проблемы сознания в контексте двух перспектив: философской и медицинской. Мы начнем с обзора основных философских подходов к сознанию, затем перейдем к анализу медицинских концепций, связанных с природой сознания.

Важным аспектом этого анализа будет рассмотрение взаимодействия мозга и сознания, а также патологий сознания, таких как расстройства сознания, и их влияния на наше понимание природы сознания.

Рассмотрение проблемы сознания через призму фи-

лософии и медицины позволяет нам не только углубить наше понимание этого феномена, но и открывает новые перспективы для его исследования и практического применения в области медицины.

В следующих разделах будет представлен подробный анализ основных философских подходов к сознанию, а также нейробиологический взгляд на этот феномен, позволяющий в конечном итоге сформировать синтезированное представление о природе сознания в современном мире.

Дуализм представляет собой одну из основных философских позиций в обсуждении природы сознания. Этот подход предполагает, что существует две отдельные и независимые реальности: физическая и ментальная. Физическая реальность связана с материальными объектами, и она поддается научному анализу и измерению. Ментальная реальность, с другой стороны, обозначает сферу сознания, мышления, чувств и переживаний, которая не поддается физическому измерению в привычном смысле.

1.1. Аргументы в пользу дуализма

Один из основных аргументов в пользу дуализма заключается в наблюдении за рассогласованностью качеств между физическим и ментальным мирами. Физические объекты могут быть описаны в терминах пространства, времени, массы и энергии, в то время как ментальные состояния, такие как любовь, страх или радость, кажутся не имеющими ничего общего с этими характеристиками. Дуалисты указывают, что пытаться свести ментальные явления к физическим неправомерно и упрощено.[1]

Другим важным аргументом в поддержку дуализма является существование разума. Сознание, интеллектуальные способности и способность к рефлексии представляют собой ключевые аспекты человеческого существования, которые трудно объяснить исключительно на физиологическом уровне. Дуалисты утверждают, что существует некая нематериальная субстанция, которая позволяет нам обладать разумом и мышлением.

Дуалисты также обращают внимание на проблему свободы воли. Они утверждают, что если бы мы были полностью подчинены физическим законам, то не имели бы свободу выбора.

Наблюдения за природой сознания также приводят к аргументу в пользу дуализма. Сознание имеет свойства непрерывности и целостности, что нелегко объяснить через физические процессы. [1]

В целом, аргументы в пользу дуализма предоставляют

фундаментальные основания для понимания сознания как чего-то более чем просто продукта физических процессов. Эти аргументы продолжают служить объектом активных дебатов среди философов и ученых, поиски ответов на которые продолжаются до сегодняшнего дня.

1.2. Критика дуализма

Одним из основных аргументов против дуализма является проблема взаимодействия между физическим и ментальным. Если считать, что физический и ментальный миры существуют независимо друг от друга, то возникает вопрос: каким образом они взаимодействуют? Как ментальные события могут влиять на физический мир и наоборот? Дуалисты пока не предложили удовлетворительного ответа на этот вопрос.

Критической точкой в аргументации против дуализма является проблема ментальной каузальной эффективности. Если ментальное и физическое действительно разные субстанции, как ментальные явления могут оказывать влияние на физический мир и наоборот? [2]

Еще одним важным аспектом критики дуализма является проблема сохранения личности. Если ментальная реальность независима от физической, то каким образом сохраняется индивидуальная личность при изменении физического состояния организма, например, при повреждении мозга или при возрастных изменениях? Дуалисты сталкиваются с трудностью объяснения этого процесса в свете своей концепции. И последний аспект — отсутствие четких эмпирических доказательств существования нематериальной субстанции.

Современные достижения в нейробиологии и физиологии предоставляют все более убедительные физические объяснения многим аспектам сознания. Это подрывает основы дуалистической концепции, побуждая ученых искать единую физическую основу для сознания. [3]

1.3. Дуализм в контексте медицины

Дуализм, предполагающий различие между физическим и ментальным мирами, имеет важное воздействие на область медицины. В этом разделе мы рассмотрим, как дуалистическая концепция влияет на медицинскую практику и понимание психосоматических явлений. [4]

В контексте медицины дуализм напоминает о важности понимания взаимосвязи между психическим и физическим здоровьем. Он подчеркивает, что существуют аспекты здоровья, которые нельзя охарактеризовать исключительно с точки зрения биологических процессов. Психосоматические заболевания, например, частично вызваны эмоциональными и психологически-

ми факторами. Дуалистическая перспектива оказывает значительное влияние на методы лечения и понимание различных психических состояний. Психотерапия, например, основана на идее влияния психологических процессов на состояние пациента. Психиатрия, в свою очередь, учитывает влияние психических аспектов на формирование и развитие психических расстройств. [5]

Дуализм предостерегает от однозначного биологического подхода к пониманию заболеваний. Он подчеркивает важность учета психосоматических факторов в формировании и лечении многих болезней. Например, стресс может оказывать существенное воздействие на состояние иммунной системы, что приводит к развитию ряда физических заболеваний. Дуалистический взгляд также затрагивает этические аспекты медицинской практики. Вопросы, связанные с правами пациентов, самоопределением и принятием решений на основе психологических и эмоциональных аспектов, играют важную роль в современной медицине. [4]

В современных исследованиях нейробиологии и психиатрии наблюдается стремление к объединению психических и физиологических аспектов для более глубокого понимания природы различных психических состояний и разработки эффективных методов лечения.

Монизм - это философская концепция, которая предполагает, что все сущее сводится к одной основной субстанции или принципу. В контексте сознания, монизм предполагает, что ментальные явления и физические процессы имеют единую природу. [6]

Функционализм противопоставляет себя структурализму, который анализирует сознание на уровне его составных частей. Вместо этого функционализм интересуется тем, как сознание выполняет определенные функции, адаптируя организм к окружающей среде. Основным принцип функционализма заключается в том, что сознание эволюционировало как адаптивная система, позволяющая организму эффективно взаимодействовать с внешней средой. Исследователи функционализма интересуются тем, какие функции выполняет сознание, а не его внутренняя структура. В психологии функционализм привнес значительный вклад, особенно в конце 19 и начале 20 века. Он выдвинул идею, что сознание и ментальные процессы следует исследовать с точки зрения их практической ценности и вклада в выживание и адаптацию. Функционализм оказал значительное влияние на медицинскую практику, особенно в области психиатрии и психотерапии. Подход, сосредотачивающий внимание на функциях сознания и его роли в адаптации, позволяет разрабатывать эффективные методы лечения психических расстройств. Однако функционализм также подвергается критике. Некоторые ученые утвержда-

ют, что сосредоточение внимания на функциях сознания может упростить или игнорировать более сложные аспекты его природы. [7]

Современные исследования в рамках функционализма включают использование методов нейровизуализации для изучения мозговой активности в контексте выполнения различных функций сознания. Это открывает новые перспективы для понимания роли сознания в повседневной жизни человека.

Идеализм, также относящийся к монистическим концепциям, предполагает, что сознание является основной реальностью, а материальный мир существует только как объект восприятия сознания. Идеализм отражает идею о том, что мир существует благодаря нашему опыту и восприятию.

Неомонизм – это более современная разновидность монизма, которая пытается объединить физические и ментальные аспекты в единую систему. Он предполагает, что сознание и физический мир – это два аспекта одной и той же реальности. Аргументы в пользу монизма, в том числе в медицине монизм оказывает влияние на понимание природы заболеваний и разработку методов лечения. Физикализм, например, служит основой для понимания многих физиологических аспектов заболеваний. Идеализм может влиять на подходы к психотерапии и пониманию психосоматических заболеваний. [6]

Монизм представляет собой важную философскую концепцию, которая оказывает влияние на множество аспектов сознания и его взаимодействия с физическим миром. Он служит основой для многих философских и научных дебатов и продолжает формировать наше понимание природы человеческого сознания.

Функционализм в психологии и философии сознания базируется на нескольких ключевых принципах, которые определяют его особенности и методологию исследования.

1. Фокус на функциях.
2. Адаптивная эволюция сознания.
3. Значимость практической полезности.
4. Ответ на стимулы.
5. Универсальность функций.
6. Интердисциплинарный подход

Эти принципы образуют основу функционализма и позволяют исследователям подходить к изучению сознания с акцентом на его роли в адаптации организма к окружающей среде. [7]

Сознание также играет ключевую роль в социальной адаптации. Оно позволяет людям понимать и

взаимодействовать друг с другом, формируя социальные структуры и сотрудничая для достижения общих целей. Функционализм также может быть применен к пониманию психического здоровья. Здоровое сознание позволяет человеку адекватно реагировать на стрессы и вызовы, что способствует общей адаптации и благополучию. В психологии, функционализм представляет собой важное направление, которое сфокусировано на изучение функций сознания и поведения в их адаптивном контексте. [8]

В этом разделе рассмотрим аспекты функционализма в психологии.

1. *Отвержение структурализма.*
2. *Эмпирический подход.*
3. *Значение прикладной психологии.*
4. *Адаптация к среде.*
5. *Психическое здоровье.*
6. *Интердисциплинарный характер.*
7. *Современные применения.*

Связь между мозгом и сознанием является одним из наиболее фундаментальных вопросов в нейробиологии и философии сознания. В этом разделе мы рассмотрим основные аспекты этой связи, а также современные теории и исследования, касающиеся этого вопроса. Нейрофизиология сознания занимается изучением того, как нейронные процессы и механизмы в мозге обуславливают появление и функционирование сознания. Это область науки предполагает анализ работы нейронов, химических реакций и электрофизиологических процессов.

1. Нейронные сети и синапсы

Сознание строится на активности сети миллиардов нейронов в мозгу. Синапсы, химические и электрические связи между нейронами, играют ключевую роль в передаче сигналов и обработке информации.

2. Электрохимическая передача сигналов

Сознание формируется благодаря сложному взаимодействию электрических и химических сигналов внутри и между нейронами. Электрические импульсы передаются вдоль аксонов, а в синапсах переходят в химические сигналы.

3. Работа нейротрансмиттеров

Нейротрансмиттеры - это химические вещества, выпускаемые нейронами для передачи сигнала через синапс к следующему нейрону. Они играют решающую роль в регуляции настроения, внимания, памяти и других когнитивных функций.

4. Электроэнцефалография (ЭЭГ) и функциональная магнитно-резонансная томография (fMRI)

ЭЭГ позволяет измерять электрическую активность мозга, а fMRI - отображать изменения кровотока в разных областях мозга. Эти методы играют ключевую роль в исследованиях нейрофизиологии сознания.

5. Региональная активация

Различные аспекты сознания, такие как восприятие, память, решение проблем, связаны с активностью конкретных регионов мозга. Например, зрительные восприятия ассоциируются с зрительной корой, а эмоциональные реакции - с лимбической системой.

6. Нейронная пластичность и обучение

Мозг обладает удивительной способностью к адаптации и изменению своей структуры и функций в ответ на новые опыты и обучение. Это называется нейронной пластичностью, и она играет важную роль в формировании и изменении сознания.

7. Биохимические основы сознания

Многие аспекты сознания, включая настроение и восприятие, связаны с биохимическими процессами, такими как уровни нейротрансмиттеров и других веществ в мозге.

Исследования в этой области позволяют нам понимать, как биологические процессы в мозге переводятся в наше сознание и поведение, и являются ключом к пониманию природы сознания в целом. Распределенная природа сознания представляет собой концепцию, согласно которой сознание не ограничивается одной определенной областью мозга, а является результатом взаимодействия различных мозговых регионов и сетей. Эта концепция основывается на современных исследованиях, показывающих, что разные аспекты сознания (восприятие, мышление, эмоции) связаны с активностью различных областей мозга.

1. Многомерность сознания

Сознание представляет собой многомерное явление, включающее в себя различные аспекты, такие как визуальное восприятие, звуковое восприятие, мышление и эмоции. Каждый из этих аспектов может быть связан с определенными мозговыми регионами и нейронными сетями.

2. Сети нейронов и сознание

Исследования с использованием методов, таких как

функциональная магнитно-резонансная томография (fMRI), показывают, что разные когнитивные функции активизируют разные сети нейронов. Например, работа сетей визуального восприятия может быть отделена от сетей, отвечающих за мышление.

3. Взаимодействие больших полушарий

Сознание не локализуется только в одном полушарии мозга. Большие полушария работают совместно через богатую систему соединительных путей. Это позволяет разным областям мозга взаимодействовать и обмениваться информацией.

4. Интеграция сенсорных данных

Распределенная природа сознания также касается интеграции сенсорных данных. Например, восприятие объекта включает не только визуальную информацию, но и сопряжено с дополнительной обработкой в других сенсорных областях.

5. Когнитивные задачи и сети

Выполнение различных когнитивных задач, таких как решение проблем, память и внимание, активизирует разные сети мозга. Это демонстрирует, как различные аспекты сознания взаимодействуют при выполнении сложных задач.

6. Индивидуальные различия

Индивидуальные различия в сознании могут быть обусловлены разными паттернами активации мозговых сетей. Это подчеркивает уникальность каждого человеческого опыта.

Распределенная природа сознания подчеркивает сложность этого феномена и указывает на необходимость комплексного подхода к его исследованию. Она также имеет значимые практические следствия для понимания и лечения расстройств сознания, а также для разработки новых методов улучшения когнитивных функций.

Синаптические связи представляют собой ключевой элемент, обеспечивающий передачу информации в мозге. Они играют критическую роль в формировании и функционировании сознания. В этом разделе рассмотрим, как синаптические связи влияют на появление и функционирование сознания.

1. Основы синапса

Синапс - это структура, обеспечивающая коммуникацию между двумя нейронами. Он состоит из пресинаптического конца, синаптического расщепления и пост-

синаптической мембраны. Процесс передачи сигнала осуществляется с помощью нейромедиаторов.

2. Электрохимическая передача сигнала

Синаптическая передача сигнала является комбинацией электрических и химических процессов. Когда электрический импульс достигает пресинаптического конца, это стимулирует высвобождение нейромедиаторов в синаптическое расщепление. [9]

3. Нейромедиаторы и сознание

Нейромедиаторы - это химические вещества, которые переносят сигнал от одного нейрона к другому через синапс. Они влияют на возбудимость и активность постсинаптического нейрона. Нейромедиаторы также играют важную роль в регуляции настроения, аппетита и других аспектов психического состояния.

4. Синаптическая пластичность

Синаптическая пластичность представляет собой способность синапсов к изменению своей силы и эффективности. Это явление играет ключевую роль в формировании памяти, обучении и адаптации к новым условиям.

5. Долгосрочная потенция (ДСП) и депрессия (ДСД)

ДСП и ДСД - это процессы, связанные с усилением или ослаблением синаптических связей соответственно. Они считаются основными молекулярными механизмами запоминания и обучения.

6. Синапсы и пластичность мозга

Благодаря синаптической пластичности, мозг может адаптироваться к новой информации и изменяющимся условиям окружающей среды. Это позволяет сознанию эволюционировать и адаптироваться к различным ситуациям.

7. Роль синапсов в патологиях

Изменения в синаптической функции могут быть связаны с различными неврологическими и психическими расстройствами, такими как биполярное расстройство, шизофрения и болезнь Альцгеймера.

Синаптические связи представляют собой критический элемент для понимания как нормального, так и патологического функционирования мозга и сознания. Исследования в этой области имеют важное значение для разработки новых методов лечения и терапии неврологических и психических расстройств.

Заключение

Исследование сознания остается одной из наиболее сложных и увлекательных проблем в философии и науке о человеке. В этой статье мы рассмотрели различные подходы к пониманию природы сознания в контексте философии и медицины.

Дуализм, монизм и функционализм представляют собой ключевые философские концепции, предлагающие различные взгляды на соотношение между физическим и ментальным. Они вносят ценный вклад в понимание того, как сознание возникает и взаимодействует с физическим миром. [11]

Роль нейрофизиологии и нейрохимии в изучении сознания невозможно переоценить. Электрофизиологические методы, такие как ЭЭГ и МЭГ, позволяют нам

непосредственно изучать активность мозга, раскрывая паттерны, связанные с восприятием, памятью и решением задач. Нейрохимия раскрывает химические основы наших эмоций, памяти и психических состояний.

Однако, несмотря на значительные успехи, вопрос о природе сознания остается открытым. Исследования в этой области требуют дальнейших усилий и междисциплинарного подхода.

В завершение, понимание сознания имеет огромное значение как для теоретической философской мысли, так и для практических приложений в медицине и нейронауке. Развитие этих областей знаний будет способствовать не только раскрытию фундаментальных аспектов человеческой природы, но и созданию более эффективных методов лечения неврологических и психических расстройств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Damasio, A.R. (1994). *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. Putnam.
2. Churchland, P.S. (1986). *Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain*. MIT Press.
3. Crick, F., & Koch, C. (1998). Consciousness and Neuroscience. *Cerebral Cortex*, 8(2), 97-107.
4. Введенский, А.И. (2008). Проблема сознания в философии и науке. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация».
5. Зинченко, В.П. (1981). Проблемы физиологии функциональных систем: Критический анализ современных представлений о принципах организации функциональных систем. Москва: Наука.
6. Block, N., Flanagan, O., & Güzelde, G. (Eds.). (1997). *The Nature of Consciousness: Philosophical Debates*. MIT Press.
7. Gazzaniga, M.S. (Ed.). (2009). *The Cognitive Neurosciences*. MIT Press.
8. Searle, J.R. (2000). Consciousness. *Annual Review of Neuroscience*, 23, 557-578.
9. Усов, В.М. (2012). Когнитивная нейронаука сознания: введение в философию сознания. Москва: Издательство МГУ.
10. Выготский, Л.С. (1934). *Мышление и речь*. Москва: Соцэкгиз.
11. Лурия, А.Р. (1962). *Высшие корковые функции человека*. Москва: Издательство МГУ.

© Ибрагимова Эмина Султанахмедовна, Ярахмедов Раиз Маратович,
Куркиева Этери Чайхусовна, Абдуллаева Самира Абдуллабековна,
Курбанов Аким Магомедалиевич (akim05@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАРАДИГМА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Кемеров Вячеслав Евгеньевич

Доктор филос. наук, профессор, Уральский Федеральный
Университет
kemerov1444@yandex.ru

PARADIGM AS A PROBLEM MODERN SOCIAL-HUMANITARIAN KNOWLEDGE

V. Kemerov

Summary: The article is devoted to the analysis of the concept of paradigm in modern social science. The author shows that the term "paradigm" is clarified in the specific context of its use. The modern context is set by the works of T. Kuhn. But his interpretations relate mainly to natural science. The question of its application in social knowledge remains open. The use of the concept of a multi-paradigm also remains open. The problem is shifting from the field of samples and standards to the field of methodology for the description and study of complex objects that stimulate the development of specific techniques, tools and methods of research.

Keywords: methodology of cognition, social context, paradigm as a social norm, division of labor, integration and conflict in the social environment, paradigm in theory and methodology.

Аннотация: Статья посвящена анализу понятия парадигма в современном обществознании. Автор показывает, что термин «парадигма» проясняется в конкретном контексте его использования. Современный контекст задается работами Т. Куна. Но его трактовки касаются преимущественно естествознания. Вопрос применения термина в социальном знании остается открытым. Также остается открытым использование понятия мультипарадигмы. Проблема смещается из области образцов и стандартов в область методологии описания и исследования сложных объектов, стимулирующих выработку специфических приемов, средств и методов исследования.

Ключевые слова: методология познания, социальный контекст, парадигма как социальная норма, разделение труда, интеграция и конфликт в социальной среде, парадигма в теории и методологии.

Слово «парадигма» обладает особой притягательностью. Его используют журналисты, культурологи, политики, философы, священники. Появляются гипотезы о создании синтетической парадигмы [1]. Магия этого слова такова, что люди часто не думают о его происхождении, практических и научных контекстах его применения.

В современный оборот оно вошло благодаря методологу науки Томасу Куну. Кун рассматривал историю науки как смену парадигм. Предполагалось, что каждая новая ступень формирует новые экспериментальные и теоретические образцы, вокруг которых образуются сообщества, школы. Возникает новая среда полемики и конкурентной борьбы [2].

Куновская идея парадигмы получила развитие и произвела неожиданные вариации. Парадигма как образец стимулирует не только сплочение исследователей (группы, школы, кафедры, факультета) вокруг теоретико-методологического «ядра», но имеет еще и обратное действие. Она неявным образом выполняет функцию социальной нормы. Она связывает индивидов определенным духом сотрудничества. Проще говоря, люди объединяются не потому, что они привержены определенной парадигме, а потому, что их связь воспроизводит сохранение этой парадигмы. То есть, так они сохраняют социальную форму (группу, школу, кафедру, факультет), фактически используют теоретико-методологическую

модель для институционализации отношений исследователей, учителей, педагогов, учеников друг с другом.

В этом контексте парадигма раскрывается как отношение к другой парадигме (парадигмам). Она оказывается в поле архаического дуализма «свой – другой». Происходит странное на первый взгляд оборачивание: термин, объясняющий формы интеграции, оказывается термином, обозначающим и определяющим конфликтность человеческих взаимодействий.

Заметим, что Кун имел в виду естествознание и прежде всего физику. Это делало проблематичным использование его концепции для социально-гуманитарного познания [3]. В естествознании роль «ядра» долгое время выполняла классическая механика; в поле её притяжения попали многие естественные и некоторые общественные науки. Но к середине 20-го столетия оказалось, что классика является не только центром притяжения, но и отталкивания для тех, кто не удовлетворялся механицизмом и натурализмом методологии.

В общественных науках на роль лидера долго претендовал структурно-функциональный анализ (Т. Парсонс), но и он не смог стать ядром методологического центра социальных наук. В 70-е годы двадцатого столетия он подвергся жесткой критике гуманитарно-ориентированных дисциплин обществознания и отступил на второй план.

Понятно, в условиях конкуренции, борьбы, конфликтов административных, финансовых, научных интересов тема синтетической парадигмы оставалась неактуальной. В ответ на сложность ситуации стали появляться концепции мультипарадигмальности [4]. Но и они дела не решали, поскольку реанимировали ситуацию методологического дуализма или плюрализма начала двадцатого столетия.

Концепция парадигмы не выполняет методологическую роль. Зато приобретает символическую, а порой и мифологическую функцию.

Так же обстоит дело и с идеей единой картины социального мира. На деле никакой единой картины нет: её нельзя повесить на стену и рассматривать с увеличительным стеклом и указкой. Иначе говоря: нет карты человеческой местности. Но есть совокупность много-различных теорий, концепций и картин, которые надо согласовать, совместить по характеру и масштабу для достижения определенной цели. Это постоянная работа для многих людей науки и практики.

Еще сложнее ситуация выглядит в сфере общественно-знания. К сказанному выше добавляется вопрос об анализе разделения труда между дисциплинами.

Дело в том, что общественно-знание повторяет логику разделения труда, сложившуюся в условиях простой кооперации и простого воспроизводства. Каждая отрасль возделывает свой предметный фрагмент общего поля исследований. При этом, естественно, нежелательно, а порой и прямо противопоказано действие на чужой территории.

Такое, стихийно сложившееся положение я называю принципом **взаимоисключающей дополнительнойности**. Из него следует, что одна дисциплина занимается тем, чем не занимается другая. Философы не заходят на поле социологии, социологи – на поле психологии, экономисты не внедряются в сферу культуры, а культурологи не решают экономических вопросов. Конечно, изредка это негласное правило нарушается, что порождает конфликты и взаимные претензии сторон [5].

А по видимости существует некая совокупность знаний, дающая представление о социальном целом, и эта видимость подкрепляется призывами об интеграции социально-гуманитарного знания. Эта же иллюзия воспроизводится в преподавании, что продуцирует фрагментацию знаний и приводит к изобретению разных дополнительных средств, скрывающих зазоры и сглаживающих разногласия между дисциплинами.

Практика еще более усложняет вопрос о синтетической парадигме. Регионализация социального хроно-

па вынуждает вырабатывать различные модели взаимодействия со сложными природными, экономическими, научными, культурными и образовательными системами. Традиционные приемы использования шаблонов и стандартов зачастую не работают. Предлагаются концепции мультипарадигмального мышления и действия, формирования соответствующей методологии. Но эти концепции сталкиваются с дисциплинарными барьерами, закрепленными логикой и историей разделения труда. Вырисовывается дилемма: либо сохраняется мозаичность общественно-знания, либо возвращается методология абстрактно-метафизических определений. В повседневной практике образуется эклектическая смесь различных подходов, которая плодит множество затруднений и в исследованиях, и в преподавании.

Вопрос о процессуальности социального бытия порождается самой его дискретностью, то есть, прерывностью человеческой реальности, поиском практических и теоретических «указателей» на силы или формы, «стягивающие» отдельные фрагменты жизни общества в некое целое.

Именно в свете этого вопроса становится понятным, что фрагменты социального бытия существуют не сами по себе, а как обособления и отдельные моменты социальных процессов. В этих процессах они, собственно, и обнаруживают своё нефизическое, то есть социальное качество.

Возникают проблемы поиска путей интеграции дисциплин общественно-знания.

Тезис об антропологическом повороте на пути к синтетической парадигме является декларацией о намерениях, поскольку не подкреплен ни историко-методологически, ни социально-философски.

В настоящее время сосуществуют три не связанных друг с другом антропологии: а) естественно-научная, изучающая человека как биологический вид, б) философская, предлагающая абстрактно-метафизические определения человека, и в) социальная, исследующая конкретные сообщества с их особым укладом совместности, деятельности и мышления. Ни одна из них не может быть базой для формирования и функционирования синтетической парадигмы.

В плане *методологическом* социальная антропология всё более отдаляется от абстрактно-антропологических концепций философской классики, от системы взаимоисключающей взаимодополнительности социально-гуманитарных дисциплин, сложившейся в процессе становления научного общественно-знания.

Если принять, что социальная антропология, соци-

ология, социальная психология, культурология исследуют один и тот же объект, т. е. общество, то надо подчеркнуть: *предмет* социальной антропологии - это не часть или подсистема, «сфера» объекта (общества), как это следовало бы из логики разделения труда в обществознании XIX – XX в.в., но *особый образ общества*, фиксирующий то, как воспроизводятся его структуры в масштабах межличностного взаимодействия и индивидуального бытия людей. В этом плане принципиальное различие между *объектом* и *предметом* исследования преодолевается, поскольку предмет фиксирует логику бытия объекта, логику его самобытности; понятие о специфической форме объекта *возникает* в исследовании, а не предшествует ему. Такая установка социальной антропологии ставит серьезные проблемы перед методологией обществознания: понятия особенного, локального, индивидуального оказываются определяющими для применения понятий общего, универсального, социального.

Попытки преодолеть эти затруднения породили эклектичные программы развития обществознания. Этим и объясняется определения существующей парадигмы как «лоскутной», ослабленные её толкования, а также тезисы о множественности парадигм и т.д. Общий взгляд на современное социально- гуманитарное знание остается в отношении внешней дополнительности к предметам отдельных дисциплин, его выражение ограничивается обыденным или абстрактно философским языком. В этих обстоятельствах зарождается более глубокая потребность в синтезе разных дисциплин за счет содержательной характеристики ими в своих предметах условий и форм развития людей в обществе.

Уже выдвигались претензии на совершение социологического, исторического, культурологического, экономического поворотов в обществознании [6 - 9]. Ни одна из этих попыток не дала результата: не хватило ни методологических, ни мировоззренческих средств.

Таким образом выясняется: отсутствует главное средство и материал для построения, закрепления и развития такой парадигмы.

Возможно, речь пойдет о других её основаниях. Но любой разговор об этом сталкивается с рядом серьезных препятствий. Для того, чтобы расчистить пространство для такого обсуждения необходимо выполнить следующие условия.

Во-первых, нужно прояснить систему стихийного разделения деятельности, подспудно работающую в практике, науке, образовании и культуре. Во-вторых, определить средства её преодоления и замещения. В-третьих, охарактеризовать философско-методологическую базу и её связь с конкретно-социальной

ситуацией. Работа эта объёмная, сложная и кропотливая, но небезнадёжная. Достаточно сослаться на целое семейство теорий самоизменяющихся, самоорганизующихся и саморазвивающихся систем, конструкционизм в социально-гуманитарном познании, цивилизационный подход в моделировании особых социально-культурных образований, создание невидимых колледжей в научных исследованиях. Движение это прогрессирует. Но результат его – не синтетическая парадигма, а нечто иное.

Это – установка (по сути, совокупность установок, то есть – методология) научной и практической деятельности, предусматривающая отказ от абстрактно-общих определений как исходного пункта освоения (исследования) самобытного, сложного особого объекта. Эта установка предполагает пересмотр роли традиционных логико- методологических средств, например, в привычных сценариях соотношения общего, особенного и единичного, социального и индивидуального, структурного и динамического. Она предполагает выстраивание логико-методологических средств, позволяющих определить специфическую форму бытия объекта, компоненты, обеспечивающие его динамику, и её направленность. Такое движение по объекту делает возможным взаимодействие с ним и продуктивное развитие средств мыслительной и практической деятельности. Можно ли это назвать парадигмой?.. Отчасти. Разные направления прорывают сходную в методологическом плане работу. Но по содержанию и результату в ней нет парадигмальности. Ибо эта работа не следует образцу, а имеет целью выявление логики особого объекта, постижение различных форм и их освоение.

Говоря традиционным языком, парадигмальность смещается со стороны объекта на сторону субъектов, со стороны теории и онтологии на сторону методологии и организации исследований. Специфический объект (сложная система) диктует субъектам форму создаваемых моделей, соответственно и формы исследовательских связей. Разделение дисциплин становится второстепенным; первостепенной оказывается их подстройка под специфическое бытие сложного объекта [10].

Поскольку такая ситуация возникает в освоении и создании сложных природных, социальных и технических систем, постольку проблема парадигмы перестает быть только мировоззренческой и теоретической. Проще говоря, она перестает быть только философской и гносеологической, а переходит в сферы организации исследовательской и прочей деятельности субъектов. Парадоксальным образом понятия различия и сходства меняют свои позиции. Различные сложные системы, входящие в область забот науки и практики, диктуют деятельности людей сходство методологий в работе с разными моделями реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пивоваровские чтения III «синтетическая парадигма философии: антропологический поворот на пути цивилизационного развития современного человечества [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://forms.gle/DNN1v6mQngrnJMVaA> (дата обращения 25.11.2023)
2. Кун Т. Структура научных революций. – М – Прогресс. – 1975. – 151с.
3. Martins H. The Kuhnian “Revolution” and its implications for Sociology//Imagination and Precision in the Social Sciences. L., 1972
4. Ritzer G. Toward an Integrated Sociological Paradigm, Boston, 1981; Cole St. The Hierarchy of the Sciences?// American Journal of Sociology, 1983, Vol.88, #44; Multi-Paradigmatic Sociology: Debates Present and Perennia, 2019, Volume 22, № 1.
5. Кемеров В.Е. Кризис, который всегда с тобой // Вопросы философии. - 2018. - № 6
6. Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках// НЛО, - 2012 - №1
7. Савельева И.М. «Исторический поворот» за пределами истории// Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. - М. – 2012 – 255 с.
8. Керов В.В. «Антропологический поворот» экономической истории России и исследования Ю.А. Петрова//Российская история. - 2015.- № 3 – С. 58-77
9. Черныш М.Ф. Культурный поворот и кризис проблематизации в современной социологии // Социологические исследования. - 2022.- № 12 – С. 3-14
10. Кемеров В.Е. Социальная философия: смена парадигм. - М., - 2022 – 127 с.

© Кемеров Вячеслав Евгеньевич (kemerov1444@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский федеральный университет

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА НА УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Куртов Сергей Юрьевич

Аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)»
KurtovSY@yandex.ru

THE ROLE OF THE DEMOGRAPHIC FACTOR IN ENSURING THE SUSTAINABILITY OF THE SOCIAL SYSTEM

S. Kurtov

Summary: The role of demographic factor in ensuring socio-natural sustainability is revealed. The content of the phenomenon of demographic transition is explained. The problems of technological immortality and modernization of aging from the position of social sustainability are considered. The problem of transformation of the family institution at the present stage of society development is analyzed. The necessity of preserving the nuclear family and its expansion on the basis of traditional values to ensure sustainable social reproduction is substantiated.

Keywords: social sustainability, demographic transition, social reproduction, modernization of aging, family.

Аннотация: Выявлена роль демографического фактора в обеспечении социоприродной устойчивости. Объясняется содержание феномена демографического перехода. Рассмотрены проблемы технологического бессмертия и модернизации старения с позиции социальной устойчивости. Проанализирована проблема трансформации института семьи на современном этапе развития общества. Обоснована необходимость сохранения нуклеарной семьи и её расширения на основе традиционных ценностей для обеспечения устойчивого социального воспроизводства.

Ключевые слова: социальная устойчивость, демографический переход, социальное воспроизводство, модернизация старения, семья.

Социум представляет собой аутопоэтическую систему, внутренний механизм и логика долгосрочного развития которой заключается в непрерывном самовоспроизводстве и метаэволюции человека и общественных отношений из поколения в поколение. Социальная устойчивость является наиболее актуальным и наименее разработанным аспектом проблемы устойчивого развития, требующим философского осмысления.

Социальная форма движения материи является наиболее сложной и несводимой к более простым формам движения материи. Несмотря на то, что аутопоэтическое социокультурное развитие общества в большей степени подчинено внутрисистемным закономерностям [1, с. 207], автотрофное существование человечества, порожденного биосферой, невозможно [2, с. 70]. То есть современный социум представляет собой открытую систему, устойчивость которой всё ещё зависит от эффективности обмена веществом, энергией и информацией с природной средой.

Согласно теории пределов роста Дж. Форрестера и Д. Медоуза, мерой социоприродной устойчивости является уровень экологической нагрузки, снижение которой является необходимым условием устойчивости мирового сообщества. Важнейшим количественным аспектом, определяющим уровень экологической нагрузки, является демографический фактор. Демографический аспект социальной устойчивости определяется динамикой численности человечества, которая зависит от текущей чис-

ленности и плотности народонаселения, соотношения рождаемости и смертности, а также состояния здоровья и средней продолжительности жизни человека.

Согласно принципу демографического императива, предложенному С.П. Капицей, именно рост общей численности человечества детерминирует устойчивость социальных макроструктур и процессов [1, с. 278]. На протяжении истории человечество демонстрирует гиперболический рост численности, который доказывает устойчивость биологического вида *homo sapiens* [3, с. 162; 4, с. 105]. Однако биосоциальная природа и социальная сущность человека не совпадают, поэтому социальная устойчивость не может быть сведена к биологической.

Количественный рост населения не гарантирует приближения общества к желаемому устойчивому состоянию, которое может быть представлено как гуманистический идеал социальной справедливости. В эпоху промышленной революции социум сохранил устойчивость, поскольку количественный демографический взрыв сопровождался качественным повышением уровня экзистенциальной безопасности человечества. Затем, в результате индустриализации произошло глубокое изменение социальной структуры, получившее название демографического перехода [4, с. 91; 5, с. 144].

Феномен демографического перехода заключается в одновременном снижении рождаемости и уменьшении

детской смертности [6, с. 181; 7, с. 182-183]. Период демографического перехода не превышает средней продолжительности жизни человека, вследствие чего произошло кардинальное изменение системы ценностей и идеалов [1, с. 234-235]. Систематическое снижение рождаемости объясняется не только прогрессом в области репродуктивных технологий и здравоохранения, но и общим повышением уровня жизни, совершенствованием системы образования, а также эмансипацией женщин [5, с. 146; 8, с. 415-416]. Контролируемое ограничение рождаемости в процессе планирования семьи, по мнению Р.Э. Лукаса, становится рациональным выбором родителей, направленным на повышение благосостояния и максимизацию возможностей каждого ребёнка в социуме [6, с. 36, 186].

Общее повышение качества жизни в результате демографического перехода способствует устойчивому росту средней продолжительности жизни и, как следствие, старению населения. Современные футурологи, такие как Р. Курцвейл и Ю.Н. Харари, в своих прогнозах допускают возможность превращения смерти из фундаментальной проблемы в техническую задачу ближайшего будущего. Достижение технологического бессмертия заключается в последовательном циклическом продлении человеческой жизни с помощью инновационных технологий на период, необходимый для совершения очередной революции в области геронтологии [9, с. 370; 10, с. 31]. А.В. Турчин и М.А. Батин рассматривают бессмертие человека как абсолютное благо, выражающееся в бесконечном развитии личности [11, с. 157]. Однако всеобщее старение населения дестабилизирует общество, так как снижение доли населения репродуктивного возраста уменьшает потенциал социального воспроизводства. Поэтому в случае достижения технологического бессмертия проблема жизни и смерти человека обретет новый этический ракурс. Представляется, что для обеспечения социальной устойчивости в будущем человек должен осознанно и добровольно ограничить продолжительность собственной жизни, отказавшись от бессмертия в пользу жизни последующих поколений.

Снижение адаптивных способностей пожилого человека приводит к его вытеснению из социальных процессов, одиночеству, деперсонализации и, как следствие, ускорению процесса старения [12, с. 188; 13, с. 52-53]. Поэтому с позиции социальной устойчивости более значимой целью является не достижение индивидуального бессмертия любой ценой, а здоровая «модернизация старения», увеличение продолжительности активной жизни личности в социуме во избежание маргинализации старшего поколения и возрастания деструктивной социальной энтропии [14, с. 209; 15, с. 127; 16, с. 95, 98].

Рост доли людей старшей возрастной группы, тяготеющих к консерватизму, ведет к смещению баланса

традиции и инновации в пользу простого воспроизведения традиционных культурных образцов, что несет дополнительные риски стагнации социума. В то же время пожилой человек является носителем и ценным источником многообразных социокультурных образцов, которые могут служить основой для будущих инноваций. Для обеспечения социальной устойчивости в условиях возрастающего межпоколенческого разрыва от молодежи требуется активное содействие адаптации пожилых людей к изменчивой социокультурной среде [15, с. 126]. В свою очередь, старшее поколение в обмен на социальные гарантии уважения и материального благополучия должно осознанно отказаться от геронтократии во избежание реакционного эйджизма как неявной формы геронтицида.

Для обеспечения устойчивости социального континуума необходимо качественное изменение системы вертикальных связей между поколениями. Единновременное сосуществование большого числа поколений в соответствии с концепцией, разработанной В.П. Бранским и С.Д. Пожарским, становится основой преодоления конфликта отцов и детей путем объединения социальных идеалов трёх последовательных поколений. Интеграция идеалов осуществляется в соответствии с диалектической схемой «тезис-антитезис-синтез» путём включения универсального гуманистического начала в социальный суператтрактор - идеальный образ желаемого будущего человечества [17, с. 16-17]. Таким образом, устойчивость социума на макроуровне обеспечивается посредством развития «трансмиссии поколений» на основе принципов кооперации, солидарности и селективной преемственности всех возрастных групп.

Главную роль в интеграции поколений на микроуровне социума играет институт семьи, который в результате демографического перехода претерпел значительные изменения. Семья представляет собой минимальную форму человеческого единства, способную к самовоспроизводству. В соответствии с принципом минимального мышления, предложенным профессором Д.М. Эпштейном, первоначально человек ориентируется на минимальную социальную структуру, которая способна предложить ему модель поведения, обеспечивающую консенсус с обществом [18, с. 340]. Поэтому именно семья является первичной коммуникативной системой, в которой формируется целостная личность, обладающая социальным и эмоциональным интеллектом. Институт семьи есть основа стабильности микроуровня социальной системы, так как семья объединяет людей на основе наиболее близких и продолжительных, родственных связей, обеспечивающих максимальный уровень доверия и эмпатии [19, с. 75-76].

Согласно закону иерархических компенсаций (закону Седова) в формулировке А.П. Назаретяна «рост раз-

нообразия на верхнем уровне иерархической организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации» [20, с. 197]. В соответствии с законом Седова распад традиционной (большой) семьи и частичная передача её функций государству и рынку ограничились разнообразием семейных моделей простейшей структурой нуклеарной семьи, что способствовало стабилизации социальной системы на макроуровне [21, с. 430-436].

Однако в настоящее время нуклеарная семья испытывает глубокий кризис. Традиционные функции семьи, такие как ведение домохозяйства и воспитание детей всё чаще передаются на аутсорсинг профессионалам и государству. Ю.Н. Харари отмечает, что крепкие семейные отношения оказывают более сильное положительное влияние на субъективный уровень счастья по сравнению с материальным благосостоянием [21, с. 462]. Несмотря на это, по мнению Ф. Фукуямы, рыночная экономика стимулирует популяризацию культуры одиночества, которая обеспечивает рост индивидуального потребления, но подрывает устойчивость института семьи [22, с. 108, 118]. С повышением общего уровня благосостояния семья перестает быть экономическим союзом, необходимым для выживания индивидов, а дети из «центра прибыли» становятся «центром затрат» [23, с. 147-148; 24, с. 40]. Осознанный контроль над репродуктивной функцией приводит к ослаблению связи между семейной и сексуальной жизнью [25, с. 227-228]. Поэтому на современном этапе средний возраст вступления в брак и рождения первенца неуклонно растёт, а процент разводов увеличивается [26, с. 332; 27, с. 127].

В условиях экономической нецелесообразности вступления в брак главной причиной и необходимым условием создания семьи становится любовь [15, с. 135-136; 23, с. 153]. Согласно Э. Фромму, любовь есть «действенная озабоченность, заинтересованность в жизни и благополучии того, кого мы любим», то есть подлинное искусство любви заключается в активном и непрерывном участии супругов во взаимном развитии [28, с. 124]. Э. Тоффлер отмечает, что «параллельное развитие»

любви в рамках традиционного брака на протяжении всей жизни становится практически невозможным, так как в условиях ускорения социокультурных изменений асинхронность индивидуальных темпов супругов нарастает [13, с. 275-276]. Этот непреодолимый разрыв становится главной причиной разрушения традиционного брака и появления разнообразных типов временных союзов.

В соответствии с законом иерархических компенсаций возникновение на микроуровне социальной системы многообразия форм отношений, конкурирующих с моделью нуклеарной семьи, включая бездетные пары, неполные семьи и смешанные семьи с детьми от разных браков, ведёт к дестабилизации общества на макроуровне [26, с. 329-330]. Более того, современное общество ни морально, ни технически не готово к массовой передаче репродуктивной функции семьи на аутсорсинг. Поэтому нуклеарная семья остаётся единственным базисом воспроизводства элементов социальной системы. Следовательно, сохранение института семьи и культивирование традиционных семейных ценностей в условиях демографического перехода является необходимым условием обеспечения социальной устойчивости.

Таким образом, демографический переход от экспоненциального роста численности населения к увеличению продолжительности полноценной жизни личности в социуме повышает устойчивость социальной системы. Демографический переход является важным условием формирования образа идеального целевого состояния социальной системы, основанной на гуманистических принципах сотрудничества и селективной преемственности поколений. Важным фактором социальной устойчивости на основе связи поколений представляется квазиинтеграция представителей старших поколений в модель нуклеарной семьи, которая испытывает кризис на современном этапе. Поэтому поддержка института семьи, основанной на традиционных ценностях, является необходимым условием обеспечения устойчивости социальной системы, так как именно в семье обеспечивается непрерывное воспроизводство элементов социальной системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. – Изд. 3-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 288 с.
- Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
- Добренёв В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 9: Возрасты человеческой жизни / В.И. Добренёв, А.И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 1094 с.
- Куркина Е.С., Князева Е.Н. С.П. Курдюмов и его эволюционная модель динамики сложных систем / Е.С. Куркина, Е.Н. Князева // Изв. вузов «ПНД». – 2013. – Т. 21. – № 4. – С. 93-114.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Р. Инглхарт; пер. с англ. С.Л. Лопатиной. – Москва; Челябинск: Социум, 2020. – 348 с.

6. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту / Р.Э. Лукас; пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 288 с.
7. Бодрунов С.Д. Ноономика / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – Москва: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. – 606 с.
9. Курцвейл Р., Гроссман Т. Transcend: девять шагов на пути к вечной жизни / Р. Курцвейл, Т. Гроссман; пер. с англ. Анны Сусяковой. – 5-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 384 с.
10. Харари Ю.Н. Ното Deus. Краткая история будущего / Ю.Н. Харари. – М.: Синдбад, 2018. – 496 с.
11. Турчин А.В. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? / А.В. Турчин, М.А. Батин. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. – 263 с.
12. Аттали Ж. Краткая история будущего / Ж. Аттали; перевод с франц. – СПб.: Питер, 2014. – 288 с.
13. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 557 с.
14. Уэст Дж. Масштаб: универсальные законы роста, инноваций, устойчивости и темпов жизни организмов, городов, экономических систем и компаний / Дж. Уэст; пер. с англ. Д.А. Прокофьева. – М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2018. – 512 с.
15. Йенсен Р. Общество мечты: как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес / Р. Йенсен; пер. с англ. М. Аккая. – Санкт-Петербург: Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2002. – 239 с.
16. Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций / Л.Д. Бевзенко. – К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. – 239 с.
17. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Закон самоорганизации социальных идеалов и глобализация культуры / В.П. Бранский, С.Д. Пожарский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2005. – № 1. – С. 13-20.
18. Болл Ф. Критическая масса. Как одни явления порождают другие / Ф. Болл; пер. с англ. Арсена Хачояна. – М.: Гелиос, 2008. – 528 с.
19. Онучин С.В. Преодоление социально-экономической нестабильности: роль институтов: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.01 / С.В. Онучин. – Санкт-Петербург: С.-Петербург. гос. ун-т, 2017. – 388 с.
20. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии / А.П. Назаретян. – Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.
21. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю.Н. Харари; пер. с англ. Л. Сумм. – М.: Синдбад, 2016. – 520 с.
22. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
23. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – с. 345 с.
24. Туроу Л.К. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л.К. Туроу; перевод с английского А.И. Фета. – Nycöping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016. – 396 с.
25. Бард А., Зондерквист Я. Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зондерквист; пер. с англ. В. Мишучкова. – 2-е, испр. – Санкт-Петербург: Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
26. Нейсбит Д. Мегатренды / Д. Нейсбит пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380 с.
27. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / П.Дж. Бьюкенен пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 444 с.
28. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм; перевод. – М.: Республика, 1992. – 430 с.

© Куртов Сергей Юрьевич (KurtovSY@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ИППОЛИТ БЕДРОСОВИЧ» И ДИПФЕЙК-АВАТАР МИЛОСЛАВСКОГО: «СОВЕТСКОСТЬ» КАК КОМПОНЕНТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЙНОЙ ПОВЕСТКИ

Липицкая Валентина Михайловна

*Кандидат философских наук, доцент, доцент,
Казанское высшее танковое командное училище
vlnasrtdinova@mail.ru*

"IPPOLIT BEDROSOVICH" AND MILOSLAVSKY'S DEEPFAKE AVATAR: "SOVIETNESS" AS A COMPONENT OF THE NATIONAL MEDIA AGENDA

V. Lipitskaya

Summary: Analyzing two notable examples of the national media agenda, the author discusses the models of socio-cultural processing of the Soviet by modern public consciousness. It is revealed that for three decades of modern (Post-Perestroika) history, the discourse of film, television and screen arts has been largely taken up with the search for fresh forms of quoting and transcribing Soviet decorum, plot and image systems. Using the example of the parody film "Self-Irony...", it was found that even banter can become a particular way of reactualizing a significant "donor" potential of Soviet culture. The author's concept of «Soviet subpersonality» is explicated: due to the totality of the Soviet as a text, at the level of individual psychology, a resident of the post-Soviet space shows not only Childish, Parental, Adult subpersonalities (E. Bern), but also a Soviet one, revealing adherence to relevant values, practices, aesthetic patterns.

Keywords: Soviet, Soviet studies, media agenda, public consciousness, sovstalga, recycling, Soviet subpersonality.

Аннотация: Анализируя два заметных образца отечественной медийной повестки, автор рассуждает о моделях социокультурного процессирования советского современным общественным сознанием. Выявлено, что на протяжении трёх десятилетий новейшей истории дискурс кино-, теле- и экранных искусств в значительной степени занят поиском свежих форм цитирования и аранжировки советского декора, сюжетики и системы образов. На примере пародийного фильма «СамоИрония...» установлено, что даже стёб способен становиться частным способом реактуализации значительного «донорского» потенциала советской культуры. Эксплицировано авторское понятие «советская субличность»: в силу тотальности советского как текста, на уровне индивидуальной психологии житель постсоветского пространства проявляет не только Детскую, Родительскую, Взрослую субличности (Э. Берн), но и Советскую, обнаруживая приверженность соответствующим ценностям, практикам, эстетическим образцам.

Ключевые слова: советское, Soviet studies, медийная повестка, общественное сознание, совсталгия, ресайклинг, советская субличность.

Констатация и описание упорных нововременных референций к советскому – порой безыскусных, а порой, отдать должное, и совершенно виртуозных, целью своей единодушно полагающих всё ту же коммодификацию *неиссякающей ностальгии*, становятся общим местом в контуре дискурса отечественных *Soviet studies*. Думается, впрочем, что сосредоточения наибольшего исследовательского интереса заслуживает не пристальное рассмотрение их художественной природы и необходимо присущего им стилистического и жанрового фьюжна, но анализ парадоксальной их способности *протоколировать* общественное сознание, указывая на востребованные модели размещения в нём формально упразднённого, но на самом деле – никуда не исчезнувшего *советского*; выявляя образцы социокультурного процессирования такового.

Казалось бы, за предоставленные историей три с лишним десятилетия обыденное сознание вдоволь *наи-*

гралось с советским – во многих российских городах открыты концептуальные, *портальные* кафе и рестораны на любой вкус и кошелёк – от знаменитого на всю страну роскошного столичного Grand Café Dr. Zhivago до, скажем, «бюджетной» столовой «Товарищ политрук»¹; различные ипостаси советского быта музеефицируются, воплощаясь в тематических музеях: «Социалистического быта», «Советских игровых автоматов», «Счастливого детства» и пр.; охотно эксплуатирует ассоциацию «*советское равно качественное*» гастрономический сектор, с удовольствием прибегая к соответствующей номинации и айденитике – вниманию покупателей представлены, к примеру, эскимо в шоколадной глазури «СССР» («Росфрост»), пломбир «Советский» («Славица»), вафли «Артековские» («ИКФ»), и даже тушёнка «Совок» (ООО «Балтком»); а производитель товаров для пикника «Союзгриль» энергично призывает к объединению «шашлычников всех стран». Многочисленные ретро-топии отечественных сериалов уже описаны и проана-

1 Заведение расположено в г. Казань по адресу ул. Даурская, д. 29.

лизированы Д.А. Журковой [3] и М.Н. Липовецким [6], а продающий и рекламный потенциал культурных артефактов эпохи подробно рассмотрен О.В. Шабуровой [9]. Извлекаемый из бабушкиных сервантов, хрусталь вновь занимает почётное место на праздничных столах; в день свадебного торжества молодожёны арендуют ГАЗ-21 «Волга» и фотографируются на фоне титульных сталинок, а приобретая недвижимость в т.н. «старом фонде», новые владельцы фанатично восстанавливают штучный паркет, сбитую в несправедные «девяностые» лепнину и историческую расстекловку деревянных окон (см., например, Instaglam-аккаунты² @ninavaluable, @estetica_perfetta, @_ego_muza, @stalinka_1927 и др.). Казалось бы, ностальгические игры однажды должны наскучить пресыщенному потребительскому обществу, но вопреки линейной логике, диалог общественного сознания с советским не прекращается, а, напротив, «проигрывается» заново, воплощаясь в новые культурных тела – чего стоит одна только компьютерная игра Atomic Heart (2023) с её стильным «винтажным визионерством» и легендарным саундтреком в электронной обработке.

В рамках настоящей работы, впрочем, мы сосредоточимся на двух образцах медийной повестки, наглядно демонстрирующих появление инаковости в массовом (здесь – разворачивающемся на уровне обыденного сознания, В.М.) интонировании советского и ностальгии по советскому – это музыкально-пародийный фильм «Самоирония судьбы» (реж. М. Семичев, Р. Ким, 2022) и «новогодняя» реклама экосети Сбера образца 2020 г. с дипфейк-версией обаятельного трикстера Жоржа Милославского, персонажа всем известного советского кинофильма.

В интервью порталу PeopleTalk выступивший продюсером «СамоИронии» Гарик Мартиросян заявил: «в

нашем названии главное слово – это «самоирония», отдельно существующее в русском языке. Мы именно этим и хотели подчеркнуть наше отношение: мы смеёмся над собой, пародируем звёзд ТНТ, их отношения <...> Самоирония касается не фильма Эльдара Рязанова, а нас самих» [8]. Отметим, однако, что смеховой тональностью проекта на наш взгляд, является не ирония, но скорее *стёб*, а объектом пародирования оказываются характеристики зрительского запроса на праздничный медийный контент, и в особенности – ностальгическая его компонента. Так, за 109 минут хронометража в кадре появятся косплей-версии Жени Лукашина, Нади Шевелёвой, обманутых Ипполита и Гали, шведского посла, режиссёра Якина, изобретателя Шурика, поющих – о звоне январской вьюги – Зиночки, и о незабвенных пяти минутах – Леночки Крыловой («Карнавальная ночь»), а также колоритного Антон Семеныча Шпака, сетующего, в ногу со временем, на то, что пропало всё, нажитое «непосильным майнингом» (Рис. 1).

Закадровый голос с упоением отмечает и комментирует «ляпы» рязановской картины: «*Что ж, на этом наш фильм заканчивается, как и должен был закончиться оригинальный фильм «Ирония судьбы» (Ну ладно, раз в оригинальном фильме никто на это не обратил внимания, то и мы особо выпендриваться не будем)* (о посадке пьяного Лукашина в самолёт по чужому билету), «*Наш самолёт набрал высоту десять тысяч метров и висит на леске, приятного полёта*», «*А в оригинальном фильме они отпустили Ипполита мокрого на мороз в нетрезвом виде, и больше в фильме он не появлялся*».

С одной стороны, создатели пародийной ленты фактически прямым текстом указывают зрителю и на наивную неприязнительность его предсказуемых предпоче-

Рис. 1. Один из официальных кинорекламных плакатов фильма «СамоИрония судьбы» (2022).
Фото из открытых источников

² Деятельность корпорации Meta, а также принадлежащей ей социальной сети Instagram запрещена на территории Российской Федерации.

ций, и на «нафталиновость» советских сюжетов, и на то, что именно такой «винегрет» из шуточных штампов, давнишних шлягеров и пыльных «нетленок» владеет головами россиян в новогодние праздники. С другой стороны, стёб становится своеобразной альтернативной формой заимствования, в очередной раз подчёркивающей, что «донорский потенциал» советской культуры беспрецедентно велик – как «*всё ещё*», так и «*вообще*».

Мысли, созвучные первому тезису, были высказаны российскими журналистами в материалах, посвящённых релизу эпатажного мюзикла: по мнению Л. Мосенко, «Оный создаётся, чтобы избавить зрителей от необходимости в который раз припадать к засмотренной до дыр советской классике» [7], а А. Каревская полагает, что «... российские продюсеры изобрели таблетку от ностальгии» [5]. Парадоксально в данном случае то, что и в случае критики, осмеяния, окарикатуривания советское продолжает являться корпусом безэквивалентной социокультурной лексики; ведь смотреть «СамоИронию» на телеканал ТНТ пришли не те, кто устал от инвариантности фестивального контента (следует признать, что, в сущности, альтернатив «новогодней банной саге» сегодня найдётся немало – от зажигательных дискотек «восьмидесятых-девяностых» до рождественских влогов от популярных ютуберов), а те, кто желает *продолжать* смотреть культовую картину, только *по-другому* – в очередных «очках» дополненной реальности.

Фактически, на протяжении всей новейшей (постсоветской) истории отечественный дискурс кино-, теле- и других экранных искусств занят не созданием новых, своих собственных образов и сюжетов, но поиском ещё не приевшихся форм *цитирования* и *аранжировки* той поэтики и декорума, тех характеров, типажей и символов, селекция которых произошла в контурах советской эпохи. В разное время российскому зрителю были

предложены и «причудливая ретроспектива советской популярной культуры» [4, с. 266] в виде «Старых песен о главном», и картины двойственной жанровой природы, являющиеся как сиквелом, так и ремейком одновременно (таковы, например, «Карнавальная ночь – 2, или 50 лет спустя» [2007, реж. Э. Рязанов], и «Ирония судьбы. Продолжение» [2007, реж. Т. Бекмамбетов]); и кавер-версии легендарных кинолент (к этой категории отнесём следующие картины: «Человек с бульвара Капуцинок» [2009, реж. А. Сурикова], «Служебный роман. Наше время» [2011, реж. С. Андреасян], «Джентльмены, удачи!» [2012, реж. А. Баранов и Д. Киселёв], «Кавказская пленница!» [2014, реж. М. Воронков] и др.). Таким образом, будучи *шаржем, комиксом, стендапом* по мотивам легендарного двухсерийного фильма 1975 г., «Самоирония судьбы» (2022) становится, как ни странно, «глотком свежего воздуха» в череде картин-реплик, ведь именно к такому способу культурной деривации нововременная киноиндустрия ещё не прибегала. К тому же, пародийная «СамоИрония» с её нескрываемой карнавальностью и китчевой клиповостью позволяет, фактически, «убить двух зайцев» – и обоснованно «выпустить пар», вместе с создателями высмеивая, казалось бы, поднадоевший новогодний хит, и, в то же время, предаться – в очередной раз – новогодней ретропии, сколь упоительной, столь и всенародной.

В качестве второго примера, убедительно иллюстрирующего понимание специалистами рекламы и PR особого почётного места, которое отведено советскому в обыденном сознании современных россиян, приведём нашумевшую рекламу экосети Сбера, для которой с помощью искусственного интеллекта и синтеза речи был создан дигитальный аватар Жоржа Милославского, харизматичного персонажа ещё одной культовой советской комедии («Иван Васильевич меняет профессию», [1973, реж. Л. Гайдай]), (Рис. 2).

Рис. 2. Дипфейк-версия Жоржа Милославского, воссозданного в рекламе экосети Сбера с помощью AI-технологий и синтеза речи (2020). Фото из открытых источников

Благодаря прозвучавшему в фильме хрестоматийному напутствию «Граждане, храните деньги в сберегательной кассе!» становится возможной переадресация суммы бытующих в сознании социума положительных смыслов и тёплых ассоциаций, устойчиво вызываемых картиной, на конкретную финансовую корпорацию. Герой Л. Куравлёва, таким образом, превращается в бренд-амбассадора, лояльность которому многократно мультиплицируется и благодаря звёздному статусу актёра, и колоссальному обаянию воплощённого им экранного образа, и давности лет (ведь доверять Сберкассе, а значит, и её правопреемнику Сберу, граждан призывали ещё полвека назад!). Кроме того, фантастическое перемещение Жоржа в технологичное будущее может быть интуитивно воспринято зрителем как ассоциативно-смысловой трап, словно *поданный с борта* всенародно любимой комедии: видимо, инженер-энтузиаст Тимофеев (А. Демьяненко) по-прежнему жив и преуспевает в области своих футуристических опытов с машиной времени. Ткань времён, таким образом, непрерывна; лучшие образцы советского приручены и присвоены днём сегодняшним, вписаны в актуальный социальный контекст. Добавим также, что выход этого рекламного ролика именно в декабре, в ирреальное время накануне самого «волшебного» праздника в календаре обнаруживает мастерское владение его создателей своеобразной *эмоциональной акупунктурой*: новогодние праздники на постсоветском пространстве, как известно, в значительной мере ритуализированы – на уровне коллективных практик, языковых клише, музыкального сопровождения, зрительской повестки и праздничного меню. Созданная по мотивам одного из заглавных фильмов советского «золотого фонда», реклама Сбера органически встраивается в психоземotionalный и социокультурный энвайронмент праздника и совпадает с его тональностью, благодаря чему контекстуальное её звучание многократно усиливается.

«Я осознала, что ностальгия выходит за рамки ин-

дивидуальной психологии» – пишет С. Бойм [2, с. 18]. Думается, что применительно к *совстальгии* – постперестроечной тематической ностальгии по советскому, этот тезис обретает программное значение. С одной стороны, любые – медийные, маркетинговые, культурные – ностальгические конструкты, осуществляющие различного рода попытки *реактуализации, ресайклинга, ремастеризации, альтернативной аранжировки* советского оказываются устойчиво востребованы и продолжительно интересны широкому кругу реципиентов потому, что советское продолжает оставаться значимым слагаемым и одной из точек сборки российского общественного сознания на сегодняшний день (даже в тех случаях, когда подвергается критике и служит антиидеалом). С другой стороны, добавим, что наблюдаемая невозможность вытравки советского с ткани общественного сознания обусловлена не столько сознательными симпатиями социума к определённым идеям и идеалам и «голосами из прекрасного далёка», но тем, что, будучи *тотальным текстом*, охватывавшим в своё время все уровни общественного сознания и подчинявшим все сферы жизни, советское на уровне индивидуальной психологии оформилось, фактически, в отдельную субличность. Применив линзу теории Э. Берна [1], отметим, что это – четвёртая субличность, и наряду с Детской, Родительской, Взрослой моделями поведения и мышления, житель постсоветского пространства (по нашим субъективным оценкам – рождённый, условно, до 2000 г. – В. М.) порой демонстрирует и Советскую модель, воспроизводя – *словом и делом* – советскую систему ценностей, советские представления о должном и недолжном, советский габитус. Именно поэтому глобальный диалог с советским был и остаётся заметным пунктом отечественной медийной – и, шире – социокультурной повестки: ведь никто не устаёт говорить о самом себе.

Ибо не универсам, но Универсум.

«Какой хороший цемент, не отмывается совсем...»³.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн, Э. Трансактный анализ в психотерапии: Системная индивидуальная и социальная психотерапия / пер. с англ. А. Калмыкова и В. Калиненко. – М.: Академический проект, 2006. – 320 с.
2. Бойм, С. Будущее ностальгии / Светлана Бойм; пер. с англ. А. Стругача. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 680 с.:ил.
3. Журкова Д.А. Ретросериалы об артистах советской эстрады: между конвенциями, прошлым и реальностью // Художественная культура. 2021. № 4. С. 298-331.
4. Журкова Д.А. Телепроект «Старые песни о главном»: судьба ностальгии в контексте постсоветской культуры // Художественная культура. 2020, № 2. С. 264-287.
5. Каревская, А. Камера, повтор! URL: <https://7days.ru/news/kamera-povtor.htm> (дата обращения: 25.08.2023).
6. Липовецкий М.Н. Сериальная ретропопия // Культ-товары: Коммерциализация истории в массовой культуре: Коллективная монография / Ред. М.П. Абашева, М.А. Литовская, И.Л. Савкина, М.А. Черняк. Москва, Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2020. С. 286-300.
7. Мосенко, Л. Ипполит Киркоров и Галя-Надя Бузова на свежих фото со съёмок комедии «СамоИрония судьбы!» URL: <https://kg-portal.ru/comments/109945-kirkorov-i-buzova-dobralis-do-sovetskoj-klassiki-foto-so-semok-balagana-samoironija-sudby/> (дата обращения: 25.08.2023).

3 Цитата из х/ф «Джентельмены удачи», (1971, реж. А. Серый).

8. Павлова, А. «Не ремейк, а частичная пародия»: Гарик Мартиросян о «СамоИронии судьбы» с Павлом Волей, Ольгой Бузовой, Филиппом Киркоровым и другими URL: <https://peopletalk.ru/article/ne-remeyk-a-chastichnaya-parodiya-garik-martirosyan-o-samoironii-sudby-s-pavлом-volej-olgoj-buzovoj-filippom-kirkorovym-i-drugimi/> (дата обращения 25.08.2023).
9. Шабурова О. Ностальгия: стратегии коммерциализации, или Советское в гламуре // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009 – Т. 1. – 33-44.

© Липицкая Валентина Михайловна (vmnasrtdinova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанское высшее танковое командное училище

ЗНАЧЕНИЕ КОДЕКСОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Максименко Марина Вячеславовна

Кандидат философских наук, доцент,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России
m_maximenko@inbox.ru

THE IMPORTANCE OF CODES OF PROFESSIONAL ETHICS IN LAW ENFORCEMENT SERVICE

M. Maksimenko

Summary: The article explores the regulations that set out the moral requirements and prohibitions imposed on law enforcement officers. The text of the article analyzes the objectives of codes of professional ethics and examines ways of formalizing and fixing moral norms using specific examples. The existential meaning of codes of professional ethics in modern society is proven. The article concludes that professional codes are indicators of the moral maturity of society. The consolidation of moral standards in codes of professional ethics is a necessary condition for punishing violators of professional moral norms.

Keywords: code of professional ethics, professional ethics, professional morality, law enforcement, official conduct.

Аннотация: Статья посвящена вопросам нормативного закрепления моральных требований, установок и запретов, сложившихся в профессиональной сфере правоохранительной деятельности. В работе анализируются функции кодексов профессиональной этики, рассматриваются исторические и современные способы формального закрепления нравственных предписаний государственным служащим. Необходимость существования в современном обществе кодексов профессиональной этики, отражающих специфику отдельных видов правоохранительной деятельности, теоретически обосновывается и подкрепляется примерами. В работе делается вывод о том, что кодексы профессиональной этики отражают уровень развития общества, позволяют закрепить в правовом поле моральные предписания, а, следовательно, делают четким механизм привлечения к ответственности за их нарушение.

Ключевые слова: кодекс профессиональной этики, профессиональная этика, профессиональная мораль, правоохранительная деятельность, служебное поведение.

Этика как философское учение о морали предполагает не только теоретическую, но и прикладную часть, значительную долю которой составляют подразделы: профессиональные этики как своды норм поведения определенной общественной группы, профессии. Такой дифференциации и повышению прикладного значения этики способствовала специализация труда, предполагающая формирование относительно замкнутых профессиональных сообществ, которые способны к саморегулированию деятельности, к формированию достаточных требований к членам профессионального сообщества. Профессиональная этика предполагает преломление общих моральных норм через призму той или другой профессии, а также специфические именно для этой профессии моральные нормы [2].

Одним из первых примеров декларирования этических стандартов профессиональной деятельности, известных науке, является клятва Гиппократова, записанная им в III веке до нашей эры. Она содержала нравственные предписания врачам, отражала особенности исторического периода развития античного общества, и в переводе на разные языки серьезно трансформировалась, став в итоге прообразом современных врачебных кодексов, клятв и присяг.

В предельно широком смысле под кодексом следует понимать соглашение договаривающихся сторон о соблюдении норм поведения. Источниками профессиональных норм выступают профессиональные сообщества, таким образом, кодексы этики являются механизмом саморегуляции профессиональных сообществ, нормы которого обеспечены корпоративной моралью.

Нормы, составляющие содержание кодексов профессиональной этики, формируют ожидаемые и профессионально одобряемые стандарты отношений, и стереотипы поведения, которые, в свою очередь, свидетельствуют о профессионализме лиц, их демонстрирующих. Таким образом, можно заключить, что своеобразные этические кодексы как своды правил есть и у представителей криминальных сообществ.

Кодексы профессиональной этики выполняют целый ряд функций:

- поддержание замкнутости профессиональных групп (требования, предъявляемые к личности или деятельности представителя профессионального сообщества, задают определенную планку);
- борьба против нечестной конкуренции и повышение качества продукции/деятельности (закрепление в этических нормах правил, стандартов);

- способствование построению профессиональной идентичности (осознанию индивидом своей тождественности профессиональному образу);
- содействие процессу профессиональной социализации (усвоение норм профессиональной морали молодыми специалистами);
- разрешение нравственно-этических проблем и спорных ситуаций, предотвращение злоупотреблений [5];
- ограничение субъективных усмотрений (например, усмотрения в судебной деятельности, которое прямо предусмотрено действующим законом);
- повышение общественного доверия (формализация стандартов профессиональной морали является для граждан показателем профессионализма того или иного вида служебной деятельности, морально-правовой климат в обществе гарантирует реальную свободу поведения личности в сочетании с ответственностью перед обществом [4]).

В структуре этических предписаний, составляющих суть профессиональной этики, особое место принадлежит совокупности моральных установок, которым должен следовать служащий, осуществляющий от имени государства властные полномочия.

Еще со времен Петра I признается очевидной важность не только строгой регламентации функций и полномочий представителей власти, но и их морального облика, определяющего эффективность их взаимодействия с населением. Историческим артефактом, олицетворяющим очевидную для начала XVIII века необходимость следования моральным предписаниям, является зеркало, утвержденное Петром I к размещению во всех присутственных местах. Трехгранная призма особой конструкции позволяла демонстрировать посетителям и чиновникам три указа Петра I, содержащие этическую базу взаимодействия гражданина и закона для достижения общего блага.

На современном этапе эволюции политических отношений необходимость фиксации моральных требований и установок представителя власти при осуществлении им профессиональной деятельности в наделенных юридической силой документах определяется правовой природой современного государства. Подобно естественным правам человека, нравственные предписания для служителя закона хотя и существуют независимо в структуре общественного сознания, но, тем не менее, получили свое правовое оформление: первые – в основных законах государств, вторые – в кодексах профессиональной этики.

Международное правовое закрепление этических стандартов деятельности властных органов, включая правоохранительные структуры, отражено в таких до-

кументах как Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят в 1979 г. Резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН), Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (приняты в 1989 г. Резолюцией 1989/61 Экономического и Социального Совета ООН), Основные принципы этики полицейской службы (утверждены в 1979 г. Резолюцией 690 Парламентской Ассамблеи Совета Европы).

В российском законодательстве также формализованы моральные предписания правоохранителям. Решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) был одобрен Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Данный документ содержит предельно общие формулировки правил поведения государственных служащих, а также обязанности и некоторые ограничения, налагаемые на них в связи с прохождением государственной службы. Положение п. «и» ст. 11 указанного документа о необходимости соблюдения норм профессиональной этики конкретизировано в документах, регламентирующих прохождение государственной службы в различных органах исполнительной власти. Так, Приказом ФСИН России от 11 января 2012 года № 5 был утвержден Кодекс этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы; Приказом ФССП России от 21 мая 2021 года № 248 – Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации; Приказом МВД России от 26 июня 2020 года № 460 – Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Приказом МВД России от 31 октября 2013 года № 883 ранее действовавший Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ был отменен и в течение почти семи лет российские полицейские не имели собственного Кодекса профессиональной этики. В то же время в формировании общественного мнения о сотрудниках полиции значительную роль сыграли факты нарушения отдельными сотрудниками не только правовых, но и этических норм.

Не претендуя на абсолютную эффективность норм кодекса профессиональной этики и не умаляя значение иных нормативных актов, регулирующих служебное поведение сотрудников полиции, хотелось бы отметить значимость первых. На примере недавнего скандала, связанного с арестом главы ГИБДД Ставрополя и размещением в средствах массовой информации фотографий его особняка, чрезмерно украшенного элементами роскоши, можно отметить, что преступные действия в виде взяточничества как источника средств на приобретение пред-

метов роскоши в настоящее время не доказаны и ведется следствие [3], но факт нарушения этических норм даже в случае признания законности происхождения средств на приобретение предметов роскоши налицо.

Росгвардия, являясь правоохранительным органом, за более чем семилетнюю практику функционирования до настоящего времени не имеет собственного кодекса этики служащих. При этом нормы Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, безусловно, распространяются на сотрудников Росгвардии, но не отражают специфики осуществляемой ими деятельности. Необходимость принятия собственного кодекса профессиональной этики и установления норм об ответственности за нарушение его положений предопределена рядом очевидных предпосылок:

- кодекс этики той или иной профессиональной группы должен определять правила поведения и взаимоотношений в профессиональной деятельности, обеспечивающие определенные нравственные стандарты к профессиональному долгу (в данном случае ключевым является надлежащее отношение к службе) [6];
- умение владеть собой, контролировать, сдерживать себя – обязательное требование культуры поведения сотрудников Росгвардии [1];
- важность применения неодинаковых регулятивных подходов этического поведения различных

профессиональных сообществ с публичными полномочиями;

- в отличие от Типового кодекса, где в основном предъявляются высокие требования к антикоррупционному поведению, а в качестве мер ответственности предусматривается в основном моральное осуждение, этические акты профессиональных сообществ регулируют более широкую сферу жизнедеятельности их участников и грозят нарушителям лишением полномочий или увольнением;
- опыт принятия, действия кодексов этики множества профессиональных сообществ, включая органы исполнительной власти РФ, практика привлечения к дисциплинарной ответственности за нарушения положений кодексов являются определенной гарантией должного служебного поведения и средством создания соответствующего имиджа государственного служащего в глазах общественности.

Наличие кодексов профессиональной этики – это показатель нравственной зрелости общества, которое без помощи государства может самостоятельно регламентировать поведение своих членов [5]. Отсутствие деонтологического кодифицированного документа не означает отсутствие свода моральных правил, но существенно затрудняет действие механизма привлечения к ответственности за их нарушение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долина М.Ю. Особенности профессиональной этики сотрудников специальных подразделений войск национальной гвардии // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 163-166.
2. Иванюшкин А.Я. и др. Методологические вопросы разработки этического кодекса врача-генетика // Российский педиатрический журнал. 2013. № 5. С. 57-62.
3. Ларинцева А. Бывшему главе ГИБДД Ставрополя продлили срок в СИЗО еще на три месяца // Коммерсантъ. 14.07.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6108668> (дата обращения: 17.08.2023).
4. Максименко М.В., Нарыкова Н.А. Философский анализ социальной стабильности и роли права в стабилизации общества // Человек. Общество. Культура. Ставрополь, 2014. С. 107-130.
5. Малиновский А.А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 39-44.
6. Михайлов В.К. Кодексы этики профессиональных сообществ: гарантия независимости или инструмент давления // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 2. С. 160-170.

© Максименко Марина Вячеславовна (m_maximenko@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ВТОРОЕ ОСЕВОЕ ВРЕМЯ» В ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: КОМПАРАТИВНЫЙ ПОДХОД

"SECOND AXIAL TIME" IN WESTERN AND RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT: COMPARATIVE APPROACH

V. Skopa
S. An

Summary: The article is devoted to the problem of understanding the "Second Axial Age" in Western and Russian philosophical thought through a comparative approach. In each study of the question of the meaning of history, different authors highlight one or another aspect, which ultimately allows one to come to a certain understanding of the meaning of history. The concept of "Axial Time" belongs to this circle of theories. It gives spiritual and moral meaning to history. The understanding of time is no longer limited to its physical interpretation; it is considered as a spiritual characteristic of the individual and society. Special attention is paid to the essence of anthropocosmism, as well as to determining the place and role of anthropocosmism in the philosophy of Russian cosmism.

Keywords: axial time, Russian cosmism, comparative studies, history of philosophical thought, K. Jaspers.

Скопа Виталий Александрович

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Ан Светлана Андреевна

Доктор философских наук, профессор, профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: Статья посвящена проблеме осмысления «Второго осевого времени» в западной и русской философской мысли посредством компаративного подхода. В каждом исследовании вопроса о смысле истории разные авторы выдвигают на первый план тот или иной аспект, что в итоге позволяет прийти к определенному пониманию смысла истории. Концепция «осевого времени» принадлежит к этому кругу теорий. Она придает духовно-нравственный смысл истории. Понимание времени уже не исчерпывается его физической трактовкой, оно рассматривается в качестве духовной характеристики личности и социума. Отдельное внимание уделено сущности антропокосмизма, а также определению места и роли антропокосмизма в философии русского космизма.

Ключевые слова: осевое время, русский космизм, компаративистика, история философской мысли, К. Ясперс.

Вопрос о смысле человеческой истории принадлежит к числу вечных проблем философии, который особенно актуален в современную эпоху. В каждом исследовании вопроса о смысле истории разные авторы выдвигают на первый план тот или иной аспект, что в итоге позволяет прийти к определенному пониманию смысла истории. Концепция «осевого времени» принадлежит к этому кругу теорий. Она придает духовно-нравственный смысл истории, и в этом ее особая актуальность и необходимость в наш век [7].

Представления о времени являются ключевыми в категориальном наборе мышления и в модели мира, выстраиваемой философией и культурологией. Каждая культура имеет своё видение мира, в соответствии с которым конструирует проблемное поле в историко-философских трудах. Так, работы В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Е.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского и других русских мыслителей в качестве центральной проблемы представляют единство божественного и человеческого, космического и исторического, в рефлексии подчинённого им мира.

Актуальность теме исследования придаёт и присутствие для современной философии гуманитарное переос-

мысление времени, когда ему возвращаются не только онтологический и антропологический смыслы. Понимание времени уже не исчерпывается его физической трактовкой, оно рассматривается в качестве духовной характеристики личности и социума.

Кроме того, в современном российском обществе как, впрочем, и в других странах произошла утрата устойчивых ценностных ориентиров, в том числе исторических. Утверждение России как самостоятельной и самобытной цивилизации в условиях либерально-западного распространения идей о современном мире без культурной и национальной идентичности, «конца истории», требует обращения к её непревзойдённому духовному наследию [8]. Поэтому исследование философской мысли сути исторического времени, места России в мировом историческом процессе придаёт изысканиям практическую направленность.

Одной из интересных моделей исторического времени, в основу которого было положено развитие духовной культуры человечества, явилась теория «осевого времени» К. Ясперса [12]. Ясперс разделил мировую историю на два периода. Первое осевое время (примерно с VIII-VI вв. до н.э. до появления христианства) он связал с воз-

никновением философии и религии, второе (новое и новейшее время) он связал с возникновением и развитием науки в современном её понимании. Заметим, он рассматривал оба этапа сообразно с западноевропейской духовной историей, особенно намётки второго осевого времени. Немецкий философ Карл Ясперс не увидел развития русской философской мысли, которая прекрасно вписывается во второе осевое время как самобытная и самостоятельная ветвь. Причем она и опиралась, прежде всего, на собственную, оригинальную философию русского космизма.

Если рассмотреть второе осевое время по К. Ясперсу, необходимо отметить, что новоевропейская наука, которая в его понимании тождественна науке как таковой, представляет собой уникальное явление в мировой истории. Причем сделан экскурс в культуру Древней Греции, явившуюся интеллектуальной базой для дальнейшего развития Западной Европы. Отметим, что древние греки имели первую классификацию наук, идущую от Аристотеля. Однако западноевропейская мысль внесла в понимание науки явно новое. Если для греков космос был обширным, но конечным телом, проявляющимся в явлениях природы, поэтому подчиняющийся Логосу космос был замкнут на себя, то новоевропейская наука исходит из других постулатов. Для неё Вселенная незамкнута. В связи с этим познавательная деятельность направляется в те сферы действительности, которые не укладываются в рамки ранее открытых законов и структур мира. Это основной принцип современной научной методологии. Ясперс пишет: «В самом Логосе возникает стремление постоянно доводить себя до крушения, но не для того, чтобы отказаться от себя, а чтобы вновь обрести себя в новом, расширенном и более полном образе, и продолжать этот процесс, не завершая его, до бесконечности» [12, с. 109].

Важной предпосылкой создания новоевропейской науки стало формирование нового отношения к роли человека в мире в целом. Если в средневековом мировоззрении ценность личности держалась на союзе человека с Богом, и «в оторванности от Бога человек ценности не имел» [11, с. 212], то в эпоху Возрождения начинает развиваться процесс автономизации личности. Человек уже воспринимается как ценность сам по себе, в единстве духовного и телесного свойств. Кроме того, он стремится властвовать в природе. «И быть старается, как Бог, всюду [2, с. 110].

В Новое время Р. Декарт поставил перед собой и перед наукой задачу сформулировать новые, рациональные по своему существу, основания человеческого духа и культуры. Сообразно Декарту человек обязан отойти от стихийных действий и рационально планировать всю свою деятельность, основываясь на своём разуме, идёт ли речь о строительстве городов, создании госу-

дарственных учреждений и правовых норм или о науке [4, с. 267].

Установку на активную роль человека в процессе познания поддерживает И. Кант: «...Разум ...должен идти впереди согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у неё словно на поводу...» [6, с. 85]. Методология нового времени обогащается экспериментом. От мысли о том, что природа, в том числе и живая, может быть объектом эксперимента, наука пришла к экспериментированию над психикой и телом человека, над мировой историей. Таким образом, открыв невиданные горизонты познания, научная революция XVII – XIX вв., и незавершившаяся ныне, встала на опасный путь развития человеческого духа. Это означало разрыв с ведущей тенденцией врожденности человека в природу первого осевого времени.

В отличие от западной философии второго осевого времени, философии антропоцентризма, русская философия в этот же период опиралась на философию русского космизма в форме антропокосмизма [1].

Учение об антропокосмизме представляет собой особую историческую традицию философско-антропологических исследований русской философии конца XIX – начала XX веков, которая основана на решении проблемы человека и его отношения к миру с точки зрения преваляирования духовного над материальным, божественного над социальным. Формирование современного взгляда на дальнейшее исследование антропокосмизма во многом зависит от его интерпретации наследия прошлого, что показывает необходимость детального исследования антропокосмических идей сегодня и еще раз доказывает свою актуальность и необходимость обращения к этому философскому мировоззрению [1].

В антропокосмизме человек «захвачен космосом», вписан в динамику его циклов, но согласие с высшей волей принимается как естественное состояние, приводящее к осознанию сопричастности микро- и макрокосма. Обращение исследователей к идеям антропокосмизма и выработке новых подходов в нем является необходимым и с точки зрения его практического применения. Прогнозы антропокосмического мировоззрения касаются технических, антропологических, социально-политических, культурных и философских аспектов человеческой жизни [3]. Фактически суть идеи антропокосмизма в восстановлении связей с природой и в выявлении места человека в Космосе в целом. Именно в этом принципиальное отличие русского космизма от антропоцентризма Запада, где человек с помощью науки становится колонизатором природы, по сути, заменяет Бога. Недаром в западном мировоззрении это время религиозной реформации, время формирующегося всеерного протестантизма.

В антропокосмизме дополняют друг друга две тенденции: постоянное влияние космических сил на зарождение, становление и развитие человека, а также влияние человека на Космос через способность освоения им Космоса и активное влияние на его эволюцию.

Обратим внимание на многогранность подходов русских мыслителей к решению проблемы связи человека с Космосом. Причём этой идеей проникнуто всё мироощущение русского народа, его вера. Например, на Руси существовал пантеон богов, который именами связывался с космосом, где главным божеством был Род – бог Вселенной.

Уже укоренилась в русской философии идея о постепенном формировании трёх направлений русского космизма: культурно-философского, религиозно-философского и естественно-научного. Все три направления достаточно изучены в отечественной науке. Современные исследователи-космисты (В.Н. Дёмин, В.П. Селезнёв) выделяют шесть проявлений «сродства мира и человека», их взаимообусловленности и связи:

1. философское: мир и человек тождественны, что является причиной единства;
2. религиозное: вселенскому образу Софии соотносятся мать и жена человека, нуждающиеся в его ласке и оплодотворении духом;
3. гносеологическое: мы можем преобразовывать познаваемый нами мир;
4. биологическое: окружающий нас мир может служить в качестве продолжения нашего физического тела;
5. психологическое: ощущаемый нами мир есть символическое воплощение внутренней жизни человека;
6. экономическое: всё производимое и потребляемое нами есть наше хозяйство [5, с. 12-13].

Приведённые проявления «средства мира и человека» подтверждают ранее выдвинутую идею П.А. Флоренского и других русских космистов, утверждавших, что человек есть микрокосм в макрокосме. Кстати, П.А. Флоренский, как и В.И. Вернадский, разработал учение о пневмосфере, части вещества Космоса, вовлечённой

в «круговорот духа», человеческого знания и культуры [10]. Данные идеи ярко выражают мысль о слиянии человека с природой, где нет главенства или насилия с какой-либо из этих сторон, напротив, представлена их синергия.

Важной составляющей является практическая направленность научных изысканий космистов. В качестве примера возьмём Н.Ф. Фёдорова, который предложил идею регуляции любых возможных процессов, включая космические, воскрешение всех поколений отцов. Для этого «солнечная система должна быть обращена в хозяйственную силу» [9, с. 423].

Параллельно осуществлялось рождение и развитие естественно-научного направления русского космизма. Оно выразилось в «космических ракетных поездах» К.Э. Циолковского, в «запасах мировой энергии» П.А. Флоренского, «ноосферном человеке» В.И. Вернадского, «учении о влиянии космических процессов на здоровье человека» А.Л. Чижевского. В результате их исследовательского потенциала человечество приблизилось к практическому осуществлению своего выхода в Космос, который начался с 50-х гг. XX столетия и продолжается поныне [3].

Всех исследователей сущности антропокосмизма объединяет возрождение идеи спасения человечества через активное преобразование земной и космической природы, а также переживание единства человека с трансцендентным космосом. Ученые видят спасение современной цивилизации и России в осуществлении космических идей русской философии и именно поэтому ими тонко осознается зависимость будущего человечества от космоса. Прогнозы исследователей сориентированы на потребностях и интересах земной цивилизации, а также на процессах, связанных с развитием социума в направлении разрыва его зависимости от земной среды обитания. Фактически русские ученые-естествоиспытатели смогли преодолеть разрыв между человеком и космосом, веками существовавший в европейской философской традиции, утверждавшей человека активным преобразователем Вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Т.В. Космизм в русской религиозной философии: (В.С. Соловьёв, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков): Дис. ... канд. филос. наук. М., 1994.
2. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки (XVII – XVIII вв.). Москва: Наука, 1987. – 448 с.
3. Даниленко Л.Е. Очерки русского космизма: учебное пособие. 3-е изд. //Л.Е. Даниленко, Б.В. Емельянов. Екатеринбург: УрГУ, 2001, – 124 с.
4. Декарт Р. Рассуждение о методе // Избранные произведения. Москва: Политическая литература, 1950. – С. 255-317.
5. Дёмин В.Н. К звёздам быстрее света: русский космизм вчера, сегодня, завтра. Москва: Народный фонд «Русь возрождения», 1993. – 428 с.
6. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения. В 6 томах. Москва: Мысль, 1964. Том 3. – С. 17-760.
7. Семушкин А.В. «Осоевое время» как условие и предпосылка генезиса философии на Западе и Востоке // Избранные сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.: РУДН, 2009. С. 17—32.

8. Скопа В.А. Понимание человека в экзистенциальной философии Карла Ясперса // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Познание. 2020. № 12. – С. 39-42
9. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела // Сочинения. Москва: Мысль, 1982. – С. 53-441.
10. Флоренский П.А. П.А. Флоренский – В.И. Вернадскому: письмо // Русский космизм. Антология философской мысли. Москва: Педагогика-пресс, 1993. – С. 162-165.
11. Шемякин Я.Г. В поисках смысла. Из истории философии и религии: книга для чтения. Москва: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 432 с.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва: Политиздат, 1991. – 527 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Ан Светлана Андреевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

DEUS EX MACHINE. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ТЕХНОЛОГИЯМИ И ТЕОЛОГИЕЙ: ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИХ ВЛИЯНИЯ НА ЧЕЛОВЕКА

Сорокин Константин Алексеевич

Аспирант, Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия
konstantin.sorokin1@gmail.com

**DEUS EX MACHINE. INTERACTION
BETWEEN TECHNOLOGY AND
THEOLOGY: PHILOSOPHICAL AND
HISTORICAL ANALYSIS OF THEIR
INFLUENCE ON HUMANS**

K. Sorokin

Summary: The purpose of this article is to explore and reveal the relationship between technology and theology in the context of cultural, social and historical development. Analysing the impact of technological developments on theological thought, as well as theology's views on progress and innovation, enables us to more consciously and deeply appreciate the significance of the intersection of the two spheres in contemporary culture and the impact on societies. The underlying idea of the study is the concept of 'deus ex machina', which was used in ancient Greek theatre as a technological element in the appearance of a deity. This concept suggests the intervention of higher powers or unpredictable events that solve complex problems or resolve conflicts that have no solutions. In its essence, «deus ex machina» is an expression of the philosophical idea of the influence of fate or supernatural forces on the course of events. In modern terms, «deus ex machina» can also be seen in the context of technological development and the desire to use modern scientific advances to solve complex problems.

Keywords: God, Deus, Media, Technology, Plato, Aristotle, P. Sloterdijk.

Аннотация: Цель статьи заключается в исследовании и раскрытии взаимосвязи между сферами технологией и теологией в контексте культурного, социального и исторического развития. Анализ влияния технологических достижений на теологическую мысль, а также взгляды теологии на прогресс и инновации, дает нам возможность более осознанно и глубоко оценить значимость пересечения двух сфер в современной культуре и влияние на общества. Основопологающей идеей исследования является концепция «deus ex machina», которая использовалась в древнегреческом театре в качестве технологического элемента при появлении божества. Эта концепция предполагает вмешательство высших сил или непредсказуемых событий, которые решают сложные проблемы или разрешают конфликты, не имеющие решений. В своей сущности, «deus ex machina» является выражением философской идеи о влиянии судьбы или сверхъестественных сил на ход событий. В современном понимании «deus ex machina» также может быть рассмотрена в контексте технологического развития и стремления использовать современные научные достижения для решения сложных проблем.

Ключевые слова: Бог, Deus, Медиа, Технология, Платон, Аристотель, П. Слотердаijk.

Введение

Связь между представлениями о мире Богов и поэзией так же стара, как ранняя европейская традиция. Более того, она восходит к древнейшим письменным источникам цивилизаций всего мира. Каждый, кто помнит вечную пульсацию гомеровских стихов, вспомнит как поэт заставляет Богов-олимпийцев обсуждать судьбы сражающихся на равнине перед Троей. Он заставляет небожителей говорить без обиняков, не всегда с серьезностью, подобающей существам их ранга.

Боги древнегреческого олимпийского типа обычно ведут себя как отстраненные зрители мира. Они не вмешиваются в земные действия дальше, чем это обычно делают любители сражений; во время войн

они сидят в своих ложах, как посетители, делающие ставки на фаворитов. Запутанные отношения – не их дело. Их выбор места жительства показывает, что они существа антигравитации. Они забыли, как существовать, как оставаться в поле гравитации, с которой трудились их предшественники из титанического поколения Богов. Один из аспектов этого особенно важен для дальнейшего изложения: Боги Гомера были говорящими Богами. Они тоже были, как сказал Аристотель о людях, живыми существами, «обладающими речью». Благодаря поэзии они были доступны для слуха людей. Как пишет об этом П. Слотердаijk: «если высшие существа в основном обменивались мнениями только между собой, то разговоры бессмертных иногда подслушивали смертные – как если бы лошади подслушивали ставки зрителей перед скачками» [13, s. 15].

Deus ex machine

Феномен говорящих Богов был включен в греческую театральную культуру спустя столетия после Гомера. Афинская сценическая игра приводила в движение, перед собравшимися гражданами, действия, которые, благодаря своей общей понятности, способствовали эмоциональной синхронизации городской аудитории. Зрители в театре, смотрящие трагедию, должны были испытать дрожь и плач, в основном на одних и тех же отрывках трагических пьес. Точнее скажет М. Гаспаров: «Основной элемент структуры трагедии – это страдание» [2, с. 514]. О страдании в трагедии так же писал Аристотель: «Страсть же есть действие, причиняющее гибель или боль, например смерть на сцене, мучение, раны и тому подобное» [1]. Но это страдание должен был испытать каждый зритель. В греческом языке был специальный глагол для обозначения этого эффекта «*synhomoioipathein*» – испытывать те же страдания одновременно. В комедиях, которые следовали за трагедиями, люди обычно смеялись в одних и тех же местах. Для бодрящего эффекта драмы решающим было то, что, созерцая повороты судьбы на сцене, человек доходил до предела, после которого переставал задавать дальнейшие вопросы. Завуалированное, сверхразумное, можно сказать нуминозное, наполняло сцену реальным присутствием.

На этом фоне необходимо более подробно обсудить гениальное изобретение аттического театрального искусства. Драматурги все еще во многом идентичные поэтам – поняли, что конфликты между людьми, отстаивающими несовместимые вещи, обычно заходят в тупик. Тогда никакие человеческие средства не позволяют найти выход. Такие моменты понимались античным театром как предлог для введения Бога-актера. *Deus ex Machina*, Бог из машины. Первоначально этот термин был придуман для обозначения определенной сцены в греческом театре, разрешения конфликта или проблемы, возникающей не в результате действия драмы, ее повествования, а в результате неожиданного вмешательства божества. Как напишет в Аристотель в *Поэтике*: «“Бог из машины” должен являться лишь в прологах Еврипидовского типа с предысторией событий или в концовках с пророчеством о дальнейших событиях, как обычно и делалось» [1, с. 783], как разрешения конфликта или проблемы, возникающей не в результате действия драмы, ее повествования, а в результате неожиданного вмешательства божества.

Поскольку Бог не мог просто появиться как посланник со стороны, нужно было придумать процедуру, чтобы он прилетел сверху. Для этого афинские театральные инженеры построили машину, которая позволяла Богам появляться сверху. «*Аро mechanēs theos*: над сценой раскачивался подъемный кран, к стреле которого крепилась платформа – пюпитр, – откуда Бог говорил вниз,

на человеческую сцену. Это устройство афиняне называли теологионом» [13, с. 16]. Актер должен был изобразить Бога, Богиню как властную инстанцию, решающую проблемы. Теологион – это не пюпитр, не проповедническая кафедра, а устройство, полностью присущее театру. Он представляет собой тривиальную «машину» в первоначальном смысле этого слова, специальный эффект, призванный удержать внимание зрителей. Его функция не тривиальна: *перевести Бога из состояния невидимости в состояние видимости*. Более того, человек не только видит Бога или Богиню, парящую над сценой, но и слышит, как он – или она – говорит и дает указания. Более поздний латинский термин *deus ex machina* относится к эффектам такого рода, технический смысл которых можно сформулировать следующим образом: только фигура, вмешавшаяся извне, может открыть освобождающий поворот в безнадежно завязанном конфликте. Бог нужен, чтобы разрешить узел в драме, значит, он существует.

Но, как понимали древние греки Бога, который мог прийти и разрешить их проблемы. По мнению Д.В. Пивоварова изначально греческий Бог отстранен от общения с человеком: «Обычно язычники мыслят перового как «праздного Бога» (*deus otiosus*), отстраняющегося от судеб конкретного бытия и от человеческих жизней и перепоручающего вторичным Богам создание нашего мира и контроль над людьми» [9, с. 183]. Так же пишет об этом Плотин: «Бог же, Кронос, представляется в мифах связанным на том основании, что он пребывает недвижимо и неизменно в своем тождестве: господство над видимой вселенной он предоставил своему сыну Зевсу потому, что ему самому, обладателю и источнику всех и всяческих благ, не свойственно, оставив свое царство в умопостигаемом мире, нисходить до владычества в мир позднейший и низший» [10, с. 209]. Изобретение *теологии* у греков сделало явным, посредством механической инновации, с которым должны были иметь дело все высшие религиозные сущности. Оно прояснило задачу помочь потустороннему, высшему, другому, над эмпирическим пространством, населенное властной неопределенностью, достичь достаточно очевидного проявления в человеческом жизненном мире. Как пишет о теологии Д.В. Пивоваров: «Платон, который, собственно, и ввел этот термин в идеологический оборот, определил теологию как *рассудочную мифологию божественного*. По его убеждению, логически проясненные сказания о Богах имеют педагогическую и политическую ценность. Аристотель придал теологии статус первой философии» [9, с. 165]. Древнейшая стадия свидетельств из чувственно-суперсенсорных источников проявлялась как эмоции участников, которые исходили от «зрелища», торжественного обряда, захватывающего жертвенного заклания. Заслуга изобретателей теологиона состоит в том, что они прояснили эпифаническое давление, под которым находился надмирный мир с тех пор, как он взял на себя

задачу помощи в символической или «религиозной» и эмоциональной интеграции с человеком. Как пишет П. Слотердаик: «Появляющиеся Боги давали своим клиентам увидеть, услышать и иногда прочесть столько, сколько казалось необходимым, чтобы направлять, связывать и наставлять их – обычно достаточно для поддержания “структуры правдоподобия”, с помощью которой обеспечивалась приверженность ритуально влияющего сообщества своим культовым идеям (античный: приверженность обычаям древних, *patrioi nomoi, mos maiorum*; христианский: *fides*, “верность в следовании тому, что дает поддержку”). Правдоподобие здесь означает: свободное от теории принятие обычаев, даже тех, которые относятся к вещам потусторонним» [13, с. 18].

Понимание Платона как теологию в виде рассудочной мифологии божественного в дальнейшем привело к тому, что возник процесс отчуждения божественного от мифа, эпоса и театра и его повторное представление в качестве ментальной или ноэтической, дискурсивной сущности, к которой в итоге можно было прикоснуться только созерцательно. Платон в своих диалогах заставлял учителя заниматься деконструкцией, чтобы создать пространство для возведения новой для своего времени доктрины идей. Он определял, по большей части, то, что, по его мнению, неуместно в мифотворчестве должно быть устранено с помощью логических и этических аргументов. Дидактическая стратегия Платона заключалась в том, чтобы представить Сократа, мастера вопросов, как умышленного создателя трудностей. Что бы ни обсуждал учитель с оппонентами, это обычно приводило к апориям.

В диалоге Платона «Евтифрон» (388 года до н. э.) термин *therapeia theon* появился для обозначения чего-то близкого к латинскому понятию *religio*. Сократ использовал его для описания области, в которой его собеседник Евтифрон, случайно встреченный им на дороге по пути в суд, судя по его репутации, хорошо понимает, что есть «благочестие». Основной вопрос, который встает перед собеседниками, заключается в следующем: «благочестивое любимо Богами потому, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят Боги?» (Евтифрон 15b). Если перефразировать можно сказать следующим образом – Боги нуждаются в людях или люди нуждаются в Богах? И следует ли угождать Богам или это превращается в товарообмен? Сократ говорит: «Значит, принесение жертв Богам бессмысленно, а потому и не может характеризовать собой благочестие, не говоря уже о том, что такое принесение даров ничем не отличалось бы от обыкновенного товарообмена» (Евтифрон 13c – 15b). Евтифрон убегая от Сократа, по-видимому, остается при своем мнении, что молитва и жертвы необходимы.

Общество, приверженное позиции Евтифрона (если

можно так назвать), постепенно приручает божества. Теперь Боги служат человеку, а не наоборот. Они становятся социальными акторами, взаимодействующими с людьми. Сначала люди заставляют Бога спуститься на землю, чтобы решить непреодолимые проблемы, взамен на что люди начинают приносить им жертвы в знак благодарности. В этот момент начинается процесс, который можно назвать исчезновением богов в тень. Это первый вызов древнегреческим Богам, которым люди открывают путь в сумерки. Богов начинают убивать раньше на 2400 лет до того, как об этом событии сообщит Заратустра.

Теологион *ante litteram*

Сценически-технический или религиозно-драматургический и медиологический принцип *Deus ex machina* фактически уже использовался в некоторых ритуалах Ближнего Востока задолго до появления афинского театра. Приведем самый известный пример: Древний израильский Ковчег Завета (Арон Хабрит), который носили с собой во время странствий народа и хранили в скинии, пока он не обрел постоянное место во внутренней части первого Иерусалимского храма, куда можно было войти только раз в год, на Йом Кипур, праздник искупления, означал, с точки зрения откровения, классический сакральный механизм для визуализации Бога, способного говорить и писать. В соответствии со своим функциональным назначением Ковчег Завета представлял собой теологумен *ante litteram*. Считалось, что в нем хранились две скрижали, которые Моисей получил на облачной горе Синай: «они были написаны перстом Божиим» (Исход 31:18.). Больше прозрение было недопустимо и невозможно в древнееврейской монолатрии: до поры до времени действовал закон, согласно которому тот, кто увидит Бога, разрушительного князя огня и погоды, в реальном присутствии, лишится жизни. Присутствие Бога ощущалось нуминозно, но никак не могло быть театрализовано. С точки зрения внешнего вида, Яхве или Элохим ограничивались письменностью и «природой» – и то, и другое понималось в знаке авторства, и то, и другое можно было понять только как постоянную реактуализацию написанного и созданного. Символы, хранившиеся в позолоченном ящике из дерева акации, делали близость к нему священной и опасной; тот, кто случайно прикасался к Ковчегу Завета, должен был быть убит – указание на то, что функция табу, замеченная европейскими этнологами XIX в. в Полинезии, также существовала среди семитских народов, как и среди многих других, с незапамятных времен. С мифической передачей скрижалей на Синае Бог Израиля выполнил свое обязательство явиться. Яхве проявлялся в разных образах и в разных ситуациях. В виде огня Он появляется в следующих образах: пламя огня (Быт. 15, 17); огонь небесный (Быт. 19, 24); Столб огненный (Исх. 13, 21-22; 14, 19-20); воспламенившийся гнев (Числ. 11, 1-3); неопалимая купина (Исх.

3, 2). И это далеко не полный список образов, в которых приходит к людям Яхве. Бог, который заключил договор со своим народом о почитании его, ведет его к обещанной земле в обмен на почитание и следование законам, которые Он передал Моисею на горе Синай. Эту связь между Яхве и избранным народом можно рассматривать как социально-договорные отношения, основанные на взаимопонимании и взаимной ответственности.

Заповеди, записанные на скрижалях, сначала были повторены устно, поскольку о расшифровке, чтении, изучении или комментариях не было и речи до гораздо более позднего времени. Бог народа Исхода, очевидно, был расположен двигаться перед Своими во время многолетних скитаний по пустыне в виде огненного столба ночью и столба дыма на горизонте днем. П. Слотердайт отмечает тот факт, что: «Писания древнего Израиля соответствовали схеме *deus in machina*» [13, s. 20]. Яхве выполнил свои обязательства по предоставлению земли народу Израиля при соблюдении их заповедей, а затем при нарушении их рассеял избранный народ по миру за нарушения обязательств. Здесь до сих пор кроется тайна был ли народ Израиля для Бога или Бог на него.

Deus fixus ad machinam

Христианство, отделившееся от иудаизма, должно было по-своему увидеть драматизацию указующего перста свыше. Уже в своих ранних сочинениях оно использовало поразительную схему теологии, когда практически приравнивало явление Иисуса, как Мессии, которого ждали иудеи, к «Слову Божьему». Таким образом, христианское послание решительно выходило за рамки примеров греческой театральной поэзии говорящих Богов. Решающим было то, что они позволили связать мотив еврейского Мессии с доктриной Логоса платонического происхождения. Как отмечает Д.В. Пивоваров: «Космоцентрические религии можно определить как восстановление или налаживание связи людей с Богом, космическим центром, средоточием вселенной. Например, христианство основано на идее о том, что Адам своим грехопадением порвал связь с Богом, оно испытывает в лице народившегося от Бога человечества вину перед Творцом и пытается восстановить с Ним духовную близость. Второй Адам – Иисус Христос – искупил первородный грех, и теперь все христиане, родившиеся к новой жизни через крещение водой и Святым Духом, пребывают в процессе укрепления духовной связи с Богом» [9, с. 48]. Благодаря этому сближению, которое позже достигло степени уравнивания, Бог полностью вошел в свой человеческий облик и в свои языковые выражения. В христианстве Бог-Творец есть, во-первых, Отец едиnorodного (единственного) и предвечного Сына – Иисуса Христа; Сын же явил себя людям как Богочеловек, рожденный девой Марией в год, когда в Палестине над Вифлеемом зажглась рождественская звезда. Как отмечает

П. Слотердайт: «Иисус, таким образом, стал не только теологуменом, то есть источником речи свыше на земной сцене, но и, по крайней мере, с ретроспективной точки зрения, самим говорящим Богом, не как актер, декламирующий ролевую прозу, а как исполнитель, которому удастся произнести свой текст *extempore*. Когда теология начала приписывать авторство Иисусу в метафизическом смысле, его земное присутствие не только должно было свидетельствовать о явлении Бога в человеческом облике – подобное считалось стандартным религиозным событием в пространстве между Нилом и Гангом, хотя и имело там иной смысл – оно хотело представлять собой не что иное, как нисхождение квинтэссенциально трансцендентного Логоса в имманентность, таким образом, акт сингулярного онтологического снисхождения» [13, s. 20]. Согласно мировоззрению античного человека, в Галилее предстояло совершиться нечто феноменальное и противоречивое, абсолютно несовместимое с принципами античного мира. Как напишет об этом М. Шелер: «Бог по собственной воле снизошел до человека, был бедняком и умер на кресте смертью простого раба! Отныне теряет смысл тезис о том, что надо любить добрых и ненавидеть злых, любить друга и ненавидеть врага. Нет больше идеи «высшего блага», имеющей содержание вне и независимо от самого акта любви и ее движения! Из всех благих вещей наиболее благая – сама любовь!» [11, с. 74].

Главным тео-антропологическим событием, о котором повествуют новозаветные Евангелия, было, прежде всего, то, что явившийся Богочеловек вступил в прозрение, не имея возможности отступить. У Иисуса не было драматурга, не было трагика, который бы подсказал слова, соответствующие его «роли». Он не мог снять маску за кулисами. Через триста лет после смерти человека, которому его последователи поклонялись как пришедшему Мессии, Никейский собор установил вероучение, согласно которому Господь Иисус Христос был Богом от Бога и светом от света, истинным Богом от истинного Бога, рожденным, а не сотворенным – что бы это ни значило. В Никейском Символе веры за этим последовала фраза: *et homo factus est* (и был сотворен человеком). Только здесь была прямо выражена метафизическое снисхождение пришествия Иисуса в мир, в одном единственном случае реальный человек должен был появиться на свет, не переставая быть светом от света в силу своей человечности. Как пишет П. Слотердайт: «Богочеловек, назвавший себя “Сыном Человеческим”, вдохновленный персидскими и еврейскими источниками – возможно, мессианский титул, но, возможно, лишь *façon de parler* для обозначения “я” – пришел в мир, как ему было сказано, чтобы подписать свое учение своей жизнью» [13, s. 20]. Философский взгляд на идею теизма представляет собой изображение двух окружностей, которые соприкасаются только в одной точке. Одна из окружностей символизирует Бога, а другая – физический мир. Точка

пересечения между ними является проявлением Бога, посланником Бога. В христианстве этим проявлением является Богочеловек Иисус Христос. Как пишет Апостол Павел: «...как Христос воскрес из мёртвых славою Отца, так и нам ходить в обновлённой жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим.6,4–5). Наконец, человек призван умереть и родиться заново, принять крещение и Бога, ходить в «обновленной жизни».

Гегель – требовал от человека, который проходит учебную программу прихода к себе как к духу, до конца ощутить «бесконечную боль о себе», потому что он, как ушедшая индивидуальность, должен занять место в диалектическом процессе в целом точно так же, как воплощение в абсолютном Сыне было необходимо для общения Бога с самим собой как духовной индивидуальностью. Иначе Богу пришлось бы остаться лишь воплощением пустой возвышенности и восточной властной напыщенности. Г. Гегель пишет: «Возможность примирения состоит только в том, что сознается в себе сущее единство божественной и человеческой природы; это – необходимая основа. Таким образом, человек может сознавать себя принятым в Бога поскольку Бог не есть для него нечто чуждое, он относится к нему не как внешняя акциденция, а принят в Бога по своей сущности, по своей свободе и субъективности; но это возможно лишь постольку, поскольку в самом Боге есть эта субъективность человеческой природы. Это в-себе-бытие должно быть осознано бесконечной болью как в себе сущее единство божественной и человеческой природы, но только согласно в-себе-бытию, субстанциальности, так что эта конечность, слабость, это инобытие не вредит субстанциальному единству обоих – Бога и человека. Единство божественной и человеческой природы, человек в своей всеобщности есть мысль человека и в себе, и для себя сущая идея абсолютного духа» [3, с. 275]. Явиться, говорит Гегель, «значит быть для других» [3, с. 453].

Прозрение Иисуса приняло на себя больше, чем можно было ожидать от Бога, который появляется свыше. В истории религии есть различные культы умирания и воскрешения, например, такие как теллурические божества низшей сферы, связанных с Великой Матерью (Деметра, Изида, Кибела и многие другие), таких как Атис или Осирис. Воскресение распятого Христа должно было означать нечто большее, чем возрождение растительного мира и его неразрушимых вещей. Весть пасхального утра гласила, что отныне преходящее никогда не будет иметь последнего слова, даже для субъектов с духовной индивидуальностью. На кресте Иисус искупил грехи всего человечества, как главную неразрешенную проблему, которую разрешить мог только Бог. Он заявил о себе из пустой гробницы. «Его пещерный выход, с отваленным в одну сторону камнем, перешел в Богословие более высокого порядка» [8, с. 155].

Апостол Павел, скажет: «Иисус должен был воскреснуть, потому что иначе наша вера была бы напрасной. Мы были бы самыми несчастными из людей, если бы ошиблись в этом вопросе» (1-е Коринфянам 15:12–20). И в своей проповеди к Галлатам дополнит: «Ибо я чрез Закон умер для Закона, чтобы жить для Бога. Я распят со Христом» (Гал 2:19). Пришедший с неба к людям Иисус Христос решил главный вопрос, ответ на который они не могли найти. Он избавил их от смерти указав путь к вечной жизни, исправив то, что было нерешаемой проблемой.

Deus ex media

Нет миссии без средств массовой информации, но, возможно, и нет средств массовой информации без миссии. Мессия как основа для медиа пространства. Проявление Мессии может быть как по средствам устного слова, икон, картин, витражей готических соборов и т. д. Но самое эффективное проявление на долгое время в плоть до XX в. было печатное слово. Как отмечает Маклюен: «Только алфавитные культуры овладели связными линейными последовательностями как всепроникающими формами психической и социальной организации. Секрет западной власти над человеком и природой состоял в разбиении любого рода опыта на единообразные элементы с целью убыстрения действия и изменения формы (то есть в прикладном познании)... Эта процедура, открыто проявившая себя уже на греко-римской стадии, приобрела еще большую интенсивность с рождением единообразия и повторяемости Гутенбергова изобретения» [6, с. 97]. Первые школы переводчиков были созданы в Испании для облегчения перевода между исламом, иудаизмом и христианством; первыми книгами, которые были напечатаны, была Библия. Мессия теперь проявлялся не только в церковных песнопениях, снисходил с витражей готических соборов, спускался своим взором со стен византийских храмов или с картин католических соборов. Мессия которая предстала в виде букв алфавита, оказало огромное влияние на последующую историю человечества, как в культурных, так и в социальных вопросах. Первая книга Гутенберга была безусловно божественным откровением. 42-строчная Библия через которую Бог начал говорить с человеком, индивидуализирует процесс его познания. Теперь он может найти с помощью Библии ответы на сложные вопросы. Массовое книгопечатанье вульгаты основанный на трудах Иеронима Стридонского открывает Бога для человека на каждой странице. Находя на страницах ответы которое необходимы человека, там же он находит и вопросы, и сомнения.

В результате перевода Библии на национальные языки произошли глубокие и преобразовательные изменения в дальнейшем пути развития человечества. Этот акт перевода открывает перед нами новую

эпоху, где каждый народ может обращаться к священным текстам на своем родном языке и воспринимать их в своей уникальной культурной и философской матрице. Библия становится не только религиозным медиа, но и воплощением множества мыслей и идей, возникающих в контексте различных национальных и культурных образов. Как пишет Маклюэн: «Развитие книгопечатания – процесс, в котором рука об руку идут как овнешнение и артикулирование частного внутреннего опыта, так и омащовление коллективного национального сознания, ибо воздействие новой технологии заключается в том, что она придает национальному языку визуальность и делает его объединяющей и унифицирующей силой» [6, с. 111]. Книга национализирует и унифицирует Мессию. Путем национализации через книгу Он способен вдохновить каждого читателя на поиск собственного предназначения и осознание своего места в мире. Как говорит об этом Р. Дебрей: «После переворота божественное меняет направление: от архитекторов оно переходит к архитекторам. Из памятника он превращается в документ. Написать абсолюта на лицевой и оборотной стороне листа бумаги – значит сохранить одно измерение, вместо трех – только два. Результат: сакральная плоскость (чудесная, как церковь)» [4, р. 130]. Церковь переходит в плоскость книг и становится опорой для каждого, кто способен проникнуть в ее содержание.

Например, Ф.М. Достоевский будет описывать сцену воскрешения Родиона Раскольникова прибегая к образности книги как Бога с помощью притчи о воскрешении Лазаря, в Евангелие от Иоанна. Об этом эпизоде воскрешения Раскольникова с помощью Библии красноречиво напишет Л.А. Зандер: «Достоевский описал здесь подлинное чудо – непосредственное действие божественной благодати, посещение человеческой души Духом Святым» [5, с. 154]. В романе Ф.М. Достоевский описывает свой экземпляр, который помог ему выжить на каторге как Книга, которая была старая, подержанная, в кожаном переплете (которая была подарена ему в 1850 г. в Тобольске на пересыльном дворе женами декабристов А.Г. Муравьевой, П.Е. Анненковой и Н.Д. Фонвизиной). Свою церковь Достоевский всегда носил с собой.

Более поздние авторы, например такие как Г.П. Лавкрафт, Дж. Р.Р. Толкин будут создавать собственных богов. Со страниц книг спустятся к людям бог Ктулху который в своей мифологии создаст собственное божество по имени Шуб-Ниггурат. Последний проявляется в мифах Ктулху. Эру Илуватар бог которого придумал Толкин сходит со страниц книг как демиург, который создал мир Толкиена. В этом есть проявление эффекта зеркала, где создатель отражается в созданном. Боги сходят не только со страниц книг, в XX в. они так же создают себе пространство в комиксах. Во вселенной Marvel поселяется огромное количество Богов Галактус, Оштур, Бейондер

и т. д. Боги из комиксов становятся для многих читателей друзьями или врагами, которые обитают на прикроватной тумбочке или туалетной комнате.

В развитии технологий и технических средств Deus ex media в XX в. выбирает разнообразные пути для того, чтобы спуститься к людям. Мессия начинает использовать технические средства массовой информации, фотографию, радиовещание, кино или телевидение. Радиопередачи, телепередачи и интернет-вещание сегодня может распространить благословения клира на огромное количество людей, живущих в разных частях света. Как пишет Р. Дебрей: «В свое время печатная продукция вызвала подрыв церковной иерархии, обойдя ее стороной, с той же непреложностью, с какой телевидение подорвало старые иерархии» [4, с. 85]. Сегодня паломнику необязательно посещать святые места на земле, чтобы получить это благословение! Deus ex media пришел в каждый дом, и главное при этом не нужно уметь читать, чтобы услышать его слово. Достаточно просто включить экран с искусственным светом вместо иконы со свечей. По иронии сейчас экраны как черный квадрат Малевича в основном находятся в верхних углах комнат.

Заключение

Естественно, история технологий и средств массовой информации религий на этом не заканчивается. Тем не менее, наше отношение к техническому обновлению религиозных откровений заметно изменилось. С момента своего появления на эстрадных сценах искусство иллюзионизма пользуется интересом у просвещенной публики, которая стремится развлечься – с помощью неизвестных уловок и обманных эффектов. Эта публика платит насмешкой за эстетическую элегантность зрелища, которое с самого начала воспринималось как обман. Верят не иллюзионисту, а его технике; с аналогичными ожиданиями мы смотрим такие фильмы, как «Властелин колец», всегда сознавая, что существа или сцены сражений на экране были просчитаны и составлены. Точно так же и сейчас большинство западного мира относится к религии. Мы знаем, что произойдет, в водевиле, в церкви, в кино, как и на мессе, в интернете, как и на занятиях йогой. Именно поэтому восприятие святого перешло от религиозного содержания к более широкому обращению к техническим формам его создания. Чем более заметно мы живем в эпоху технической воспроизводимости религиозного опыта, тем более религиозно мы воспринимаем технику. Как и прежде, из машин выходят боги, но наше внимание привлекают не боги, а машины, не «Deus ex Machina», а «Deus in Machina», божественная машина, управляющая появлением богов. История религий в области технологий и средств массовой информации на этом не закончилась, но с тех пор она сменила тему – и в последнее время увлекает нас в форме религиозной истории технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель: соч. в 4-х т. Т. 4. М.: «Мысль», 1983.
2. Гаспаров М.Л. Собрание соч. в 6 т. Т. 1: Греция. М.: НЛО, 2021.
3. Гегель Г. Философская религия: в 2 т. Т. 2. М.: Издательство «Мысль», 1977.
4. Дебре Р. Введение в медиологию / пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010.
5. Зандер Л.А. Тайна добра: (проблема добра в творчестве Достоевского). Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960.
6. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2003а.
7. Маклюэн М. Понимания медиа. М.: «Канон-пресс-Ц», 2003б.
8. Морисон Ф. Кто покати́л камень? М.: Знание, 2009.
9. Пивоваров Д.В. Философия религии: в 3 т. Т. 1: Онтология религии: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012.
10. Плотин. Энеиды. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1995.
11. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, 1999.
12. Debray R. Dieu, un itinéraire. Matériaux pour l' Histoire de l' Eternel en Occident. Paris: Éditions Odile Jacob, 2003.
13. Sloterdijk P. Den Himmel zum Sprechen bringen Über Theopoese. Suhrkamp: Verlag, 2020.

© Сорокин Константин Алексеевич (konstantin.sorokin1@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский федеральный университет

ВЛИЯНИЕ ИДЕИ СВЕРХЧЕЛОВЕКА НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Харченко Денис Олегович

Преподаватель, Военный Университет
Министерства Обороны Российской Федерации
имени князя Александра Невского
xata-ta@yandex

THE INFLUENCE OF THE IDEA OF SUPERHUMANITY ON GLOBAL HISTORICAL PROCESSES

D. Kharchenko

Summary: The relevance of this paper is due to the fact that philosophical knowledge throughout human history has influenced historical processes, particularly global ones. The aim of the paper is to analyse how the idea of superman has influenced global historical processes. This goal mediates the implementation of the following tasks: to reveal the content of the idea of «superman»; to identify similar philosophical concepts of the past; to analyse what eugenics is and what historical events it has led to; to list the strengths and weaknesses of the concept of transhumanism. Hypothesis of the study: the idea of Friedrich Nietzsche's «superman» influenced the emergence of the following concepts: eugenics and transhumanism. The material basis of the research was formed by the works of the following authors: F. Nietzsche, Plato, A. Augustine, J.J. Rousseau, M. Heidegger, V.S. Soloviev, Y.V. Hen, E. Black, A. Spektrowski and others.

Keywords: superhuman, sovereign, concept, historical processes, eugenics, transhumanism, potential, transcendence.

Аннотация: Актуальность настоящей работы обусловлена тем фактом, что философское знание на протяжении всей человеческой истории оказывало влияние на исторические процессы, в частности, на глобальные. Цель работы: проанализировать, каким образом идея сверхчеловека повлияла на глобальные исторические процессы. Указанная цель опосредует реализацию следующих задач: раскрыть содержание идеи «сверхчеловека»; обозначить схожие с ней философские концепции прошлого; проанализировать, что представляет собой евгеника, и к каким историческим событиям она привела; перечислить сильные и слабые стороны концепции трансгуманизма. Гипотеза исследования: идея «сверхчеловека» Фридриха Ницше оказала влияние на возникновение следующих концепций: евгеника и трансгуманизм. Материальную основу исследования составили работы следующих авторов: Ф. Ницше, Платон, А. Августин, Ж.Ж. Руссо, М. Хайдеггер, В.С. Соловьев, Ю.В. Хен, Э. Блэк, А. Спектровски и другие.

Ключевые слова: сверхчеловек, государь, концепция, исторические процессы, евгеника, трансгуманизм, потенциал, трансценденность.

В XX-XXI веках имели место глобальные события, оказавшие влияние на все человечество: Вторая Мировая война, сопровождаемая жестокостью и зверством нацистских солдат; принудительные стерилизации; активное развитие цифровых и иных технологий и их использование с целью улучшения человеческого тела (что имело и позитивные стороны, например, использование бионических протезов). Однако нельзя утверждать, что указанные события происходили в отрыве от философского знания. Вышеуказанные факты свидетельствуют об актуальности настоящей работы, цель которой – проанализировать, каким образом концепция «Сверхчеловека» Ф. Ницше оказала влияние на глобальные исторические процессы.

Следует говорить о том, что концепция «Сверхчеловека» подразумевает под собой полное раскрытие потенциала человека. Иными словами, человек должен полностью принять собственную судьбу и сказать «да» всем ее вызовам. Являясь изначально критикой христианской религии, концепция стала инструментом решения проблем, характерных для немецкого общества девятнадцатого века. Акцентируем внимание на том факте, что она появляется в период Просвещения, для

которого характерны вера в прогресс, движимый бесконечным потенциалом человеческого разума, а также отказ от религиозной нравственности. Концепция была раскрыта в работе Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», в которой автор ставит свой диагноз немецкому обществу, для которого, согласно его мнению, характерны декаденство и нигилизм. Как указано в книге, Заратустра провозгласил «смерть современного человека и приход сверхчеловека, освободившегося от тирании религиозных верований» [6, с. 387-389].

Ф. Ницше выступал против большинства главных идеалов своего поколения, в особенности против понятия равенства. Некоторые специалисты высказывают точку зрения, согласно которой концепция «сверхчеловека» представляет собой «аристократическую попытку переосмысления политических событий, характерных для Германии конца двадцатого века» [17]. Полагаем, что с мнением И. Фортича невозможно не согласиться, так как в действительности Ф. Ницше не считал, что для его эпохи характерен бесконечный прогресс и неизбежное просвещение. Напротив, он видел в ней ничтожность человеческого развития, демонстрирующего характер посредственности.

Критикуя идеалы христианской морали, справедливости и прогресса, Ф. Ницше предлагал концепцию «сверхчеловека». Безусловно, для преодоления нигилистической и декадентской эпохи, как полагал философ, необходимо было переосмыслить христианские ценности. Именно поэтому он полагал, что «человечность» необходимо преодолеть, в результате чего появится новый человек, свободный от телесных и умственных ограничений.

А.В. Киселева утверждает, что Ф. Ницше характеризует сверхчеловека следующим образом: «это – выражение свободного духа, сущности человечества, утверждение всех своих потенциальных возможностей, авторитета, власти, свободы и творчества, а также высший принцип дальнейшего развития человечества» [4]. Однако нельзя утверждать, что Ф. Ницше является первым мыслителем, предложившим нечто подобное.

Если мы обратимся к истории, то выяснится, что множество философов обращались к схожей проблематике. Так, в «Государстве» Платона высказывается мысль о том, что «царь-философ» представляет собой человеческое воплощение всех потенциальных возможностей, знаний, творческих и иных компетенций, необходимых правителю для управления государством [7, с. 400-405]. Как следует из смысла, идея Платона во многом схожа с концепцией Ф. Ницше, однако последний не связывает свою идею с какими-либо метафизическими принципами, характерными для первого. Так, Платон полагал, что «царь-философ» является единственным существом, способным преодолеть ограничения, характерные для человеческого разума, и добраться до идеального мира (метафизическая категория).

В «О граде божьем» А. Августин постулировал схожие с концепцией Ф. Ницше принципы. Так, богослов полагал, что правитель должен быть символом авторитета и власти, управляющим государственными делами. Согласно его мнению, «правитель представляет собой властелина мира и верховного лидера, осуществляющего контроль как над собой, так и над своими подданными» [2, с. 88]. Однако Августин связывает власть правителя с Богом, в то время как сверхчеловек Ф. Ницше не может кому-либо подчиняться.

Аналогичным образом Н. Макиавелли в «Князе» утверждает, что государь представляет собой высшего правителя, обладающего абсолютной и тиранической властью над своими подданными [5, с. 100-102]. Несмотря на схожесть со сверхчеловеком, деятельность государя Макиавелли ограничена политическими решениями, в то время как деятельность сверхчеловека распространяется на все сферы: религию, культуру, общество, философию, психологию, науку. Схожая ситуация наблюдается в работе Д. Локка «Два трактата о правлении», в которой

автор указывал, что выражением политического авторитета в государстве является законодатель. Несмотря на то, что последнего можно понимать в качестве сверхчеловека, действующего в политическом пространстве, на иные сферы жизни его авторитет не распространяется. Иными словами, законодатель Д. Локка, как и государь Н. Макиавелли, значительно меньше сверхчеловека Ф. Ницше относительно сферы их деятельности.

Аналогичным образом Ж. Руссо в своей работе «Об общественном договоре» придерживается линии, предложенной Д. Локком. Так, Ж. Руссо полагает, что король представляет собой высшее выражение власти, знания, мастерства и свободы, которые даруются ему «конвенциями» [9, с. 82-84]. Концепция королевской власти перекликается с концепцией сверхчеловека Ф. Ницше. Однако несмотря на то, что они оба представляют собой высшее проявление знания и власти, у Ж.Ж. Руссо лидерство, авторитет, свобода и власть даруются правителю народом, в то время как сверхчеловек не нуждается в чьей-либо помощи, так как может самостоятельно взять их в свои руки.

М.Т. Цицерон в своем трактате «О государстве» сосредотачивает высший авторитет и безграничное знание в руках магистрата, которого он рассматривает в качестве источника государственного суверенитета [13]. Магистрат, имеющий власть над собой и другими, похож на сверхчеловека, однако Цицерон полагает, что любая власть даруется Богом (религиозными верованиями), в то время как сверхчеловек стоит выше любых божеств.

Ф. Ницше полагал, что сверхчеловек является богочеловеком – высшим выражением свободы от тирании религии. Именно поэтому философ провозглашал «смерть Бога», что М. Хайдеггер назвал «крахом сверхчувственного мира» [11, с. 30]. Ф. Ницше полагал, что религия подавляет человеческую свободу, его творческие способности и потенциал в целом, в результате чего последний испытывает зависимости от веры, в действительности являющуюся фикцией и обманом. Кроме того, философ осуждал саму европейскую цивилизацию, основанную на вере и христианской концепции Бога, так как полагал, что они остановили развитие человечества: «христианская мораль делает человека слабым и беспомощным перед лицом жизненных проблем и дает ему надежду на «потусторонний мир» - истинный или небесный, - который, как теперь выяснилось, является фикцией» [6]. Следовательно, Ф. Ницше выступал за отказ от христианских религиозных нравственных идеалов, что должно было освободить место для появления высшего человека.

Необходимо говорить о том, что концепция сверхчеловека Ф. Ницше оказала значительное влияние на философов двадцатого и двадцать первого веков. Что касается России, то представители философско-религиозной

мысли полагали, что указанная концепция представляет собой воплощенную идею зла, антихриста, который действует, полагаясь исключительно на свои низменные потребности. В качестве примера необходимо привести работу В. Соловьева, в которой автор, хоть и отмечает актуальность идеи, указывает, что она угрожает существованию христианской культуры [10, с. 273-285]. В. Соловьев полагал, что цель сверхчеловека – победить смерть. Философ противопоставлял идеалу Ф. Ницше истинного Богочеловека – Иисуса Христа, «подлинного сверхчеловека», «действительного победителя смерти». Богочеловечество В.С. Соловьев рассматривал как человечество, достигшее высшей точки своего развития. Он писал, что популярность идей Ф. Ницше заключалась в том, что они отвечали духовным запросам немцев двадцатого века, однако на сегодняшний день такие идеи не являются актуальными.

Проблема заключается в том, что концепция сверхчеловека, постулировавшая выход за пределы человеческого потенциала и победу над смертью, оказала значительное влияние не только на философскую мысль, но и на глобальные исторические процессы двадцатого и двадцать первого века. В частности, полагаем, что сверхчеловек стал основой следующих концепций: евгеника и трансгуманизм. Акцентируем подробное внимание на каждой из них.

Евгеника, представляющая собой учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств, после 1900 года становится влиятельной научной теорией, которую использовали врачи, эксперты в области здравоохранения, религиозные лидеры и политики всего политического спектра для выражения своего понимания эволюции человека и общества. Предполагалось, что физические и интеллектуальные достижения определяются наследственностью. Контроль над наследственностью, утверждали евгеники, должен был обеспечить улучшение будущих поколений и выживание вида. Еще одно популярное утверждение, выдвинутое в первой половине двадцатого века, заключалось в том, что современное общество находится под постоянной угрозой со стороны людей с физическими и умственными недостатками [19]. Евгеники хотели предотвратить рождение детей у таких людей. Защита так называемых «слабоумных», конституционно слабых и социально «непригодных» считалась вредной для будущего расы. Наконец, евгеника должна была решить следующие проблемы: преступность, алкоголизм и бедность. Ни одно из утверждений не было подкреплено достоверными научными данными, однако это не помешало применению евгеники по социальным, экономическим и расовым мотивам. В двадцатом веке евгенические убеждения привели к убийству миллионов людей, принадлежащих к религиозным, этническим, сексуальным меньшинствам, а также инвалидов. Временами евгеника служила моти-

вом для заключения в тюрьмы и стерилизации женщин и мужчин, считавшихся «угрозой» для общества.

Современная евгеника, возрожденная в конце девятнадцатого века в Великобритании Ф. Гальтоном, представляла собой совокупность эволюционных идей, статистики, демографии, антропологии и психологии [18]. Указанную совокупность можно представить в виде дерева, корни которого станут отражать идеи различных научных дисциплин. Так, в примечании к тексту «Второго международного конгресса по евгенике», проходившего в период с 22 сентября по 22 октября 1921 года, написано следующее: «Подобно дереву, евгеника черпает свои материалы из многих источников и организует их в гармоничное целое» [24]. Изображение этого дерева стало официальным символом двух международных конгрессов по евгенике, состоявшихся в Нью-Йорке в 1921 и 1932 годах.

К 1920-м годам в большинстве стран были созданы национальные евгенические общества, а международные конгрессы позволили евгеникам встречаться и обмениваться идеями. По всему миру множество учреждений, от университетов до государственных структур, занимались евгеническими исследованиями, направленными на улучшение наследственного здоровья населения путем селекции и контроля над воспроизводством. Распространение евгеники по всему миру свидетельствует о том, что руководства большинства стран демонстрировали единое мнение: знание наследственности человека является достаточной и необходимой основой для долгожданного обновления человеческого рода.

Существует мнение, согласно которому евгеника стала популярной благодаря преступлениям нацистской Германии, что не соответствует действительности. Именно Соединенные Штаты Америки начали воплощать в жизнь идеи этой науки и возглавили кампанию «по созданию ведущей расы», как утверждал Э. Блэк [14].

В 1907 году был принят первый евгенического закона в штате Индиана, согласно тексту которого отдельные лица должны были подвергаться принудительной стерилизации. В 1911 году в Лондоне проходит «Первый международный конгресс по евгенике», в рамках которого У. Черчилль представляет короля Георга V.

Р.С. Иевлев и О.С. Выстропова в рамках своего исследования приходят к выводу о том, что во многом в ответ на унижительные условия жизни рабочего класса в Мюнхене, где царили пьянство, беспорядок и болезни, немецкий истеблишмент начинает развивать движение «Расовая гигиена» [3]. После заявления заместителя А. Гитлера, Р. Гесса, о том, что нацизм представляет собой прикладную биологию, в Германии начинается программа «предотвращения вырождения немецкого народа

как представителя арийской расы», в рамках которой были реализованы следующие мероприятия [12]:

- Программа «Т-4», в рамках которой нацисты уничтожали людей с подтвержденными психическими заболеваниями, а также тех, кто не осуществлял трудовую деятельность более пяти лет;
- преследование людей нетрадиционной сексуальной ориентации;
- программа «Лебенсборн», в рамках которой в детских домах воспитывались дети служащих СС (немецкое «Schutzstaffel», отряды охраны), которые ранее прошли расовой отбор. Предполагалось, что в детских домах будут воспитываться дети с «чистой» кровью, то есть, те, чьи предки не были представителями еврейской или любой неарийской расы;
- окончательное решение «еврейского вопроса», закончившееся концентрационными лагерями и Холокостом;
- План «Ост». Нацисты захватывали территории, расположенные в восточной части Европы, в результате чего они намеренно сокращали количество местного населения, которое они воспринимали в качестве представителей «низших рас».

Несмотря на то, что все вышеприведенные программы отдаленно напоминают евгенику, в действительности строго евгенистической программой является лишь «Лебенсборн», так как сторонники евгеники призывали не уничтожать представителей «низших» рас, а лишь предотвращать их размножение.

Несмотря на ужасы Второй Мировой Войны, после ее окончания руководство США и их союзники продолжают проводить евгеническую политику. Подсчитано, что с начала века до конца 1960-х годов в США было насильственно стерилизовано около семидесяти тысяч человек [14, p. 398].

В скандинавских странах имела место аналогичная ситуация. Только в Швеции в период с 1935 по 1975 год было проведено порядка шестидесяти двух тысяч стерилизаций, что подтверждается результатами исследования А. Спектровски и Е. Мизрачи [23]. Несмотря на региональные различия (например, в Скандинавии евгеника рассматривалась как союзник социальной политики государства всеобщего благосостояния, в то время как в США евгеника представляла собой выражение необходимости защиты расы североевропейцев, населяющих американский континент), основная идеология остается неизменной: вырождение масс требует защиты высокоодаренных групп населения или отдельных людей. Человек стремится к самосовершенствованию, и государство должно помочь ему в этом.

Что касается трансгуманизма, то он представляет

собой общественный строй, политическую позицию и философскую концепцию, целью которого является содействие использованию технологий для расширения человеческих способностей, физических или интеллектуальных, или для предотвращения старения (смерти), а также для поддержки права человека выбирать предпочтительный способ воспроизводства с помощью технологий.

Основное убеждение апологетов движения заключается в том, что технология способна помочь человеку высвободить все свои способности, которые в настоящее время не могут быть реализованы из-за ограничений, накладываемых телом. Они утверждают следующее: «Рак, малярия, слабоумие, старение, голод, ненужные страдания, когнитивные недостатки - все это относится к тем подаркам, от которых мы предпочитаем разумно отказаться» [15]. Н. Бостром, один из ведущих представителей этого движения, относит трансгуманизм к традициям западного Просвещения и называет его «рациональным гуманизмом» [16]. В частности, в 2001 году автор высказывал точку зрения, согласно которой в обозримом будущем станут возможны следующие феномены: сверхразумные машины, пожизненное эмоциональное благополучие за счет перекалибровки центров удовольствия, таблетки для развития личности, колонизация космоса, молекулярные нанотехнологии, значительное увеличение продолжительности жизни, перенос сознания в виртуальную реальность, использование криогенных камер.

И хотя автор не поясняет содержание понятия «рациональный», полагаем, что оно является противоположностью «иррационального», под которым следует понимать метафизический или религиозный гуманизм, подчеркивающий ценность человека именно по причине его божественного происхождения. Рациональный гуманизм же определяет ценность человека не в его отношении к трансцендентному существу, каким несомненно является Бог, а в его отношении к природе, от которой общество унаследовало естественные права: жизнь, свободу и стремление быть счастливыми. Так, Д. Пирс в своей работе «Гедонистический императив» предлагает устранить все страдания у всех разумных существ с помощью медикаментов или нейрохирургических операций [21].

Необходимо говорить о том факте, что трансгуманисты отказываются признавать, что их движение каким-либо образом связано с традиционной евгеникой. Обосновывая свое мнение, они утверждают, что разница заключается в роли государства. Если в старой евгенике речь шла о праве государства навязывать свою идеологию (с помощью евгенических методов), то в новой, «либеральной», трансгуманистической евгенике первостепенное значение имеет, по выражению Н. Агара, «нейтралитет государства» [22].

В статьях 7 и 8 «Трансгуманистической декларации» указано, что технология улучшения человечества должны быть в общем доступе и свободно распространяться среди всех людей, независимо от их пола, расы, национальности [20]. В связи с этим Н. Бостром утверждал следующее: «Поскольку отношение людей к технологиям улучшения может сильно различаться, необходимо исключить ситуацию, при котором будет происходить навязывание сверху. Решение должно приниматься в результате дискуссии друг с другом, после которой человек должен сделать вывод о том, нужно ему это или нет. Информация, общественные дискуссии и образование - вот подходящие средства, которые могут побудить других людей сделать разумный выбор» [15].

Таким образом, полагаем, что между нелиберальной и либеральной евгениками имеются существенные отличия. Трансгуманистам удается избежать проблемы власти и ее навязывания, которая так и осталась нерешенной старой нелиберальной евгеникой. Кроме того, им удается избежать тревожных идеологий расового превосходства. Согласно новой «либеральной» модели, наука разрабатывает методы, а информированное демократическое общество распространяет «средства улучшения» среди всех слоев общества. Однако в трансгуманизме имеют место три проблемы, которые его сторонники чаще всего предпочитают игнорировать:

- трансгуманисты исходят из идеи, что научное знание является в полной мере объективным и идеологически нейтральным, что, полагаем не является в полной мере верным. Наука не является ни объективной, ни нейтральной, если только речь не идет о достоинствах применимости технологий;
- трансгуманисты наивно верят в современное демократическое либеральное государство, однако в действительности оно не способно решить проблемы неравенства, обусловленные различиями в уровне благосостояния, культурным происхождением и географическим положением. Очевидно, что блага, доступные среднему американцу, не доступны любому гражданину Южного Судана. Полагаем, что трансгуманисты должны признать свою зависимость (а значит, и свою ограниченность) от культурных моделей западных постиндустриальных демократий, выходцами из которых они являются;
- трансгуманисты убеждены, что информационный поток демонстрирует характер нейтральности, с чем невозможно согласиться. В условиях глобальных международных конфликтов, к которым

следует отнести специальную военную операцию в Украине и военизированные столкновения между Израилем и Палестиной, информация по определению не может быть объективной. Желая склонить общественное мнение на свою сторону, оппоненты готовы идти на крайние меры, вбрасывая в информационное пространство ложную информацию, как, например, в Буче [8].

Необходимо акцентировать внимание на следующем факте. По причине быстрого развития генетических исследований евгеника, в качестве самостоятельной науки, утратила свой смысл. Иными словами, на сегодняшний день она не актуальна, ее идеи не находят отражение в жизни общества. Что касается трансгуманизма, то он продолжает оставаться актуальным на сегодняшний день, что подтверждается анализом публикаций средств массовой информации: так, к 2024 году компания И. Маска «Neuralink» планирует вживить мозговые импланты одиннадцати людям [1].

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что концепция «сверхчеловека» Ф. Ницше (во многом схожая с идеями Платона, А. Августина, Н. Макиавелли, Д. Локка и Ж.Ж. Руссо), представляющая собой идею о том, что для преодоления собственных ограничений и полной реализации своего потенциала человек должен отказаться от человечности (убив в себе Бога и став тем самым «сверхчеловеком»), оказала значительное влияние на глобальные исторические процессы, став прототипом следующих концепций двадцатого-двадцать первого веков: евгеника, трансгуманизм. Евгеника, представляющая собой учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств, привела в двадцатом веке к следующим катастрофам: закон штата Индиана 1907 года о принудительной стерилизации; «расовая гигиена» в нацистской Германии (в частности, программа «Лебенсборн»), принудительные стерилизации в скандинавских странах. Трансгуманизм, представляющий собой общественный строй, политическую позицию и философскую концепцию, целью которого является содействие использованию технологий для расширения человеческих способностей, хоть и ставит перед собой положительную цель, в действительности игнорирует следующие факты: научное знание не является объективным и нейтральным; бессилие современных демократических либеральных государств в части помощи «отстающим» странам; ангажированность информационных потоков, обусловленная глобальными конфликтами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Neuralink Илона Маска намерена вживить мозговые импланты 11 пациентам в 2024 году. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://3dnews.ru/1095717/neuralink-uge-v-sleduyushchem-godu-planiruet-vgivit-mozgovie-implanti-11-patsientam> (дата обращения: 09.11.2023).

2. Блаженный А. О граде Божиим. Книга 1 / Т8. - 2020. - 662 с.
3. Иевлев Р.С., Выстропова О.С. Этимология и дефиниция терминов нацистской программы расовой гигиены // В сборнике: Медицина в годы Великой Отечественной Войны. Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Главный редактор В.И. Петров. - 2015. - С. 90-91.
4. Киселева А.В. Идея сверхчеловека в философии Фридриха Ницше // В сборнике: Россия и мир в исторической ретроспективе. материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. В 3 т. Санкт-Петербург, 2023. - С. 878-883.
5. Макиавелли Н. Государь: Мандрагора / Никколо Макиавелли; [Пер. с итал. Иван Мосин]. - СПб.: Кристалл, 2001. - 189 с.
6. Ницше Ф. То, что не убивает нас, делает нас сильнее; Так говорил Заратустра; Ессе Ното; По ту сторону добра и зла / Фридрих Ницше; [пер. с нем. Ю. Антоновского, Н. Полипова]. - Москва: Э, 2015. - 700 с.
7. Платон. Политика: Наука об управлении государством / Платон, Аристотель. - Москва: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2003. - 859 с.
8. Почему «Бучанская резня» - это фейк [Электронный ресурс] // Доступ: <https://www.kp.ru/daily/27374.5/4567342/> (дата обращения: 09.11.2023).
9. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре / Жан-Жак Руссо; пер. [с фр.] С. Н. Южакова. - Москва: Иглмокс Эдишинз, 2012. - 383 с.
10. Соловьев В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. - 656 с.
11. Хайдеггер М. Ницше и пустота / Мартин Хайдеггер. - Москва: Родина, 2023. - 286 с.
12. Хен Ю.В. Евгеника: миф о совершенном человеке // В сборнике: Мифология века НТР: Утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки. От Франкенштейна и эликсира бессмертия до «биокиборгов» и «постчеловека». Москва, 2020. - С. 82-95.
13. Цицерон М.Т. О государстве: сборник / Цицерон; перевод с латинского В. Горенштейна. - Москва: АСТ, сор. 2022. - 412 с.
14. Black E. War Against the Weak: Eugenics and America's Campaign to Create a Master Race, Expanded Edition / Dialog Press. - 2012. - 622 p.
15. Bostrom N. In Defence of Posthuman Dignity // Bioethics. - 2005. - Vol. 19. - № 3. - Pp. 202-214.
16. Bostrom N. What is transhumanism? [Электронный ресурс] // Доступ: <https://nickbostrom.com/old/transhumanism> (дата обращения: 09.11.2023).
17. Fortich I. Nietzsche's ubermensch: The notion of a higher aristocracy of the future // Civilizar. - 2010. - № 10 (12). - Pp. 75-80.
18. Galton F. Essays in Eugenics. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://galton.org/books/essays-on-eugenics/galton-1909-essays-eugenics-1up.pdf> (дата обращения: 09.11.2023).
19. Herzog D. Unlearning Eugenics: Sexuality, Reproduction, and Disability in Post-Nazi Europe // The American Historical Review. - 2020. - Vol. 125. - № 5. Pp. 1958-1959.
20. More M., Vita-More N. The Transhumanist Reader // Chichester: Wiley-Blackwell. - 2013. - Pp. 54-55.
21. Pearce D. The Abolitionist Project. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://www.hedweb.com/abolitionist-project/index.html> (дата обращения: 09.11.2023).
22. Sandel J.M. The case against perfection: What's wrong with designer children, bionic athletes, and genetic engineering / in: Savulescu, Julian & Bostrom, Nick. Human Enhancement. Oxford - New York: Oxford University Press. - 2009. - № 292(3). - Pp. 50-62.
23. Spektorowski A., Mizrahi E. Eugenics and the Welfare State in Sweden: The Politics of Social Margins and the Idea of a Productive Society // Journal of Contemporary History. - 2004. - Vol. 39. - № 3. - Pp. 333-352.
24. The second International Exhibition of Eugenics. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2946028/pdf/eugenrev00396-0013.pdf> (дата обращения: 09.11.2023).

© Харченко Денис Олегович (xata-ta@yandex).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНОСТЬ «ЖЕНСКОГО ВОПРОСА» ДЛЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ

Христосова Анна Олеговна

Аспирант, Пензенский государственный аграрный университет

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент, Пензенский государственный аграрный университет
dorofeeva.t.g@pgau.ru

THE RELEVANCE OF THE "WOMEN'S QUESTION" FOR CHRISTIAN ETHICS

**A. Christosova
T. Dorofeeva**

Summary: The purpose of the article is to show the role of women in Christian culture from the point of view of Christian ethics. In the biblical tradition, the original duality of a person is set: he is separately represented by the male and female halves, while in their combination a «complete» person is visible. However, the judgments of some pillars of Western Christianity are still supported, one way or another blaming the entire female race for the fall into sin and the subsequent moral vices of a woman. Moreover, in Christian culture, a woman takes on the appearance of a dual being: Eve (the personification of evil, responsible for the fall) and Mary (the personification of purity, eternal femininity). Particular attention is paid to moral traits as an integral characteristic of the Old Testament and New Testament female images. Israel, according to theologians, was the first to be taught to look at the mother's heart as the likeness of the heart of God. This and much more does not take into account feminism. "Neo-feminism" is characterized by an indication that the "secondary", "serving", dependent position of a woman is affirmed in the religious sphere. In assessing the role and position of a woman in society, Christianity focuses on the «inner man», and does not judge a woman and a man by purely external qualities, initially giving preference to one of them, and placing the other in a dependent or humiliating position.

Keywords: woman, Old Testament, New Testament, feminism, neo-feminism, Christian ethics, Christian culture, religious morality.

Аннотация: Цель статьи – показать роль женщины в христианской культуре с точки зрения христианской этики. В библейской традиции задается изначальная двойственность человека: он в отдельности представлен мужской и женской половинами, в соединении же их виден «полный» человек. Однако до сих пор поддерживаются суждения некоторых столпов западного христианства, так или иначе обвинявших весь женский род в грехопадении и последующих нравственных пороках женщины. Причем в христианской культуре женщина приобретает облик двойственного существа: Ева (олицетворение зла, ответственная за грехопадение) и Мария (олицетворение непорочности, вечной женственности). Особое внимание в работе уделяется нравственным чертам как неотъемлемой характеристике ветхозаветных и новозаветных женских образов. Израиль, по мнению theologов, первым был научен смотреть на материнское сердце как на подобие сердца Бога. Это и многое другое не берет во внимание феминизм. Для «неофеминизма» характерно указание на то, что «вторичное», «обслуживающее», зависимое положение женщины утверждается в религиозной сфере. В оценке роли и положения в обществе женщины христианство основное внимание обращает на «внутреннего человека», а не судит женщину и мужчину по сугубо внешним качествам, изначально отдавая предпочтение кому-то из них, а другого ставя в зависимое или унижительное положение.

Ключевые слова: женщина, Ветхий Завет, Новый Завет, феминизм, неофеминизм, христианская этика, христианская культура, религиозная мораль.

У западных и восточных Отцов Церкви мы находим многочисленные суждения, касающиеся как роли женщины в семье и обществе, так и попытки дать ее сущностные характеристики. Безусловным первоисточником являются, в первую очередь, тексты Священного Писания. Таким фундаментальным, исходным текстом являются слова из первой книги Моисея «Бытие»: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:26). Здесь сразу задается изначальная двойственность человека: он в отдельности представлен мужской и женской половинами, в соединении же их виден «полный» человек. И на Адама, и на Еву распространяется благословение Божие (Быт. 1:29): «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небес-

ными, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле». Таким образом, библейский текст дает ясное представление о той первоначальной богоустроенности первых людей в их местобитании до грехопадения – Раю.

Изгнание из Рая и сам акт грехопадения навлекли на Еву и богословские осуждения некоторых столпов западного христианства, так или иначе обвинявших весь женский род (например, блаженный Иероним, 324–420 гг.). Знаменитый Тертуллиан видел в женщинах искусительниц и обвинял их в злокозненности: «И ты еще не знаешь, что Ева – это ты? Приговор Божий над женским полом остается в силе, пока стоит этот мир, а значит, остается в силе и вина. Ведь именно ты по наущению дьявола первой нарушила Божью заповедь, сорвав с запретного дерева плод. Именно ты соблазнила того, кого

не сумел соблазнить дьявол. Ты с легкостью осквернила человека, это подобие Бога; наконец, исправление вины твоей стоило жизни Сыну Божьему» [1].

Примерно такую же позицию занимал и блаженный Августин, делившийся со своим другом соображениями такого рода: «Нет разницы, жена она или мать, это всё та же Ева – искусительница, которой следует остерегаться в любой женщине» [1]. Остатки подобного отношения к женщине дают о себе знать и по сей день.

Несмотря на то, что упоминания об отдельных женских библейских персонажах, безусловно, встречаются в различных источниках часто, особенно если речь идет о Богородице, следует указать на то, что фундаментальных и современных работ, посвященных сводному сравнительному анализу именно женских образов, ветхозаветных и новозаветных, крайне мало. Большинство работ принадлежат западным авторам и зачастую носят публицистический и популярный характер [4; 14; 5; 7]. Научный и богословский анализ отдельных женских образов за рубежом, в основном, также встречается в справочных изданиях: Библейский словарь, Большой библейский словарь, Словарь библейских образов, Теологический энциклопедический словарь и др. Из отечественных фундаментальным является труд протоиерея Константина Кустодиева «Опыт истории библейской женщины» (1870 г.) [9], уделявшего большое внимание в своей работе нравственным и психологическим чертам ветхозаветных женщин. Следует упомянуть и статью священника Кирилла Ёлкина «Образы жен в Евангелии» [10]. Из современных научных работ назовем статью Правда В.Л. «Женщины в библейской и античной культурах» [8].

Как мы уже упоминали выше, суждения о женщине, ее положении в обществе и предназначении содержатся в самой первой книге Ветхого Завета – Бытии. Именно здесь идет речь о сотворении первых людей, Адама и Евы. По мнению специалистов по библейской истории, женщина занимала у израильтян гораздо более выгодное положение, чем у других народов Древнего Востока, чему есть прямые текстологические подтверждения. Так, например, Ревекка едет на верблюде с открытым лицом и закрывает его, заметив идущего Исаака (Быт. 24-26 и далее). Иаков приветствует Рахиль посредством поцелуя и совершает это в присутствии пастухов (Быт. 29:11). Библия дает нам пример женщин, занимавших высокие официальные должности (Девора-судья), или имевших высочайшее духовное призвание (пророчицы Мариам, Олдана, Неадия). Песни Деворы и Анны (Суд. 5 и 1 Цар.) обнаруживают богатство их душ.

Израиль, по мнению теологов, первым был научен смотреть на материнское сердце как на подобие сердца Бога. Утешая народ Свой, Господь говорит через уста пророка Исаяи: «забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы

не пожалеть сына чрева своего» (Ис. 49:15). Это и многое другое не берет во внимание такое направление, как феминизм. Он возник как движение женщин против дискриминации по признаку пола. Несмотря на наличие идеологического оттенка и нравственные издержки, активность женского движения вызвала к жизни необходимость внимательного и серьезного научного изучения роли и положения женщины в отдельные исторические эпохи. Показательной является монография Г.А. Тишкина «Женский вопрос в России» [13]. Автор обращает внимание на то, что «женщина боролась за равные права в семье и обществе, но при этом она вовсе не желала и не должна была терять специфически женских качеств» [13, 231], в отличие от западных движений эмансипации женщин.

«Женская тема» способствовала появлению ряда серьезных научных академических исследований (Women's studies), а при университетах были открыты специальные центры по изучению данной проблематики и разработаны соответствующие программы. Все это говорит о том, что многие проблемы, связанные с положением женщины в обществе и в частной жизни, действительно назрели и приобрели сугубую остроту, что потребовало внимания широкой общественности, в том числе, и религиозных кругов.

Заметим, что для «неофеминизма» характерно упоминание на то, что «вторичное», «обслуживающее», зависимое положение женщины утверждается, якобы, и в религиозной сфере. Вот типичный набор аргументов в пользу данной позиции: «Женщина – принципиально вторичное существо как сотворенное из ребра Адама. Ева – это Другое Адама, “негатив” человека. Женщина – это животное, которое лишено твердости и постоянства» (Августин), это “врата ада” (Тертуллиан), это “неудавшийся мужчина” (Фома Аквинский). Причем в христианской культуре женщина приобретает облик двойственного существа: Ева (олицетворение зла, ответственная за грехопадение) и Мария (олицетворение непорочности, вечной женственности)» [15].

Естественно, современная христианская этика не может пройти мимо таких обвинений. Более того, она не может пройти и мимо попытки радикального феминизма противопоставить Богу некую женскую «богиню» (Goddess), таким образом создать «женскую религию», на основе «женской спиритуальности». «Спиритуальный феминизм поклоняется Богине, которую рассматривает как нетрансцендентное природе начало, внутренний опыт человеческого «Я», в единобытийности богини прослеживается гармония тела и разума, плоти и духа, теории и практики, природы и человека» [15].

Заметим, что сочинения знаменитых христианских мыслителей первых веков новой эры ни в коем случае не отрицают человеческого и божественного достоин-

ства женщины, они лишь порицают конкретные случаи ее грехопадения, вполне отдавая себе отчет в виновности «полного человека», т.е., в том числе, и Адама, как представителя мужской половины. Пресловутая «вторичность» вовсе не подчеркивается библейскими текстами как некая первооснова, а всего лишь единичный, хотя и не лишенный иногда страстности и субъективности мотив. Православная точка зрения по женскому вопросу изложена в сжатом виде в «Православном катихизисе»: «Все люди равны в своем достоинстве, но мужчина имеет некоторое первенство в творчестве и ответственности, а женщина сотворена как помощница и вдохновительница мужчины <...> Наравне со святыми мужами

Бог прославил в Церкви множество святых жен, некоторые из них почитаются “равноапостольными”» [6]. Как мы знаем, Христос оценивал женщину и по внутреннему достоинству ее. Так, например, было в известном случае с лептой бедной вдовицы (Мк. 12:41-44; Лк. 21: 1-4).

Таким образом, в оценке роли и положения в обществе женщины христианство в его православном значении основное внимание обращает на «внутреннего человека», а не судит женщину и мужчину по сугубо внешним качествам, изначально отдавая предпочтение кому-то из них, а другого ставя в зависимое или унижительное положение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армстронг К. История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе / пер. с англ. М.: Альтика нон-фикшн, 2012. С. 141.
2. Библейский словарь / сост. Эрик Нюстрем, пер. со швед. СПб.: Библия для всех, 2008. 522 с.
3. Большой библейский словарь / под ред. У. Элуэлла и Ф. Камфорты. СПб.: Библия для всех, 2007. 1504 с.
4. Джордж Элизабет. По следам библейских женщин. 365 дней с женщинами Библии. М.: Надежда спасения, 2009. 368 с.
5. Дюмулен П. Есфирь, Иудифь, Руфь: миссия женщины / пер. с фр. [Электронный ресурс]. URL: http://yakov.works/library/05_d/um/len_06.html (дата обращения 1.03.2023).
6. Епископ Александр (Семенов Тянь-Шанский). Православный катихизис. М.: Издание Московской Патриархии, 1990. С. 19-20.
7. Модерзон Э. Женщины Ветхого Завета. Луцк: Христианская жизнь. 331 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://esxatos.com/moderzon-zhenshchiny-vethogo-zaveta> (дата обращения 1.03.2023).
8. Правда В.Л. Женщины в библейской и античной культурах // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 7 (324). С. 139 -145.
9. Протоиерей Кустодиев К.Л. Опыт истории библейской женщины. Ч. 1, 2. История ветхозаветной женщины. СПб., 1870 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/zhenshhina-v-vethom-zavete> (дата обращения 10.03.2023).
10. Священник Кирилл Ёлкин. Образы жен в Евангелии [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/obrazy-zhen-v-evangelii> (дата обращения 10.03.2023).
11. Словарь библейских образов / под ред. Райкен Л., Уилхойт Д., и др. СПб: Библия для всех, 2005. 1424 с.
12. Теологический энциклопедический словарь / под ред. У. Элвелла, пер. с англ. М., 2003. 1488 с.
13. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России. 50-60-е годы XIX в. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1984. 240 с.
14. Юнис Ф. Придди Женщины в Библии. Размышления о 50 женщинах в Библии. М.: Славянское Евангельское общество, 2008. 246 с.
15. Янчук Е.И. Феминизм // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 749-750.

© Христосова Анна Олеговна, Дорофеева Татьяна Геннадьевна (dorofeeva.t.g@pgau.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗМЕНЕНИЯ СОЗНАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЙ РЕАЛЬНОСТИ СОЦИУМА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

CHANGES IN CONSCIOUSNESS AND INTERPRETATIONS OF THE REALITY OF SOCIETY IN VIRTUAL SPACE

Ya. Chernyaga

Summary: The article examines changes in the consciousness and interpretations of reality by society influenced by the virtual space. It is emphasized that virtual technologies not only change the ways people interact but also shape a new perception of the surrounding world. The article provides an analysis of the psychosocial aspects of the impact of digital means on the individual and collective consciousness.

Keywords: consciousness, interpretation of reality, virtual space, society, psychosocial aspects, digital technologies.

Черняга Ярослав Сергеевич

Преподаватель-исследователь, Российский университет
транспорта (МИИТ)
psiosteo@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются изменения в сознании и интерпретациях реальности социума, вызванные воздействием виртуального пространства. Подчеркивается, что виртуальные технологии не только меняют способы взаимодействия людей, но и формируют новое восприятие окружающего мира. Статья представляет анализ психосоциальных аспектов воздействия цифровых средств на индивида и коллективное сознание.

Ключевые слова: сознание, интерпретация реальности, виртуальное пространство, социум, психосоциальные аспекты, цифровые технологии.

В последние десятилетия появление и активное развитие виртуальных пространств привели к радикальным изменениям в сознании и интерпретациях реальности современного социума. Если раньше реальность воспринималась преимущественно как материальный, осязаемый мир, то сегодня границы между реальным и виртуальным становятся все менее определенными.

Актуальность изучения взаимодействия сознания и интерпретаций реальности в контексте виртуального пространства обусловлена резким ростом числа пользователей цифровых технологий и их все большим проникновением в повседневную жизнь современного человека [2]. С каждым годом границы между реальным и виртуальным мирами становятся все менее различимыми, что приводит к необходимости переосмысления традиционных представлений о восприятии и интерпретации реальности. Особое внимание заслуживает исследование психосоциальных аспектов воздействия виртуальных пространств на индивида, так как это напрямую связано с ментальным здоровьем, социокультурной адаптацией и формированием новых норм и ценностей в обществе. Невозможно игнорировать тот факт, что виртуальные пространства становятся местом социализации, образования, работы и досуга для многих людей, и поэтому понимание их влияния на сознание и интерпретацию реальности приобретает первостепенное значение в контексте современных социокультурных и психологических исследований.

Основная характеристика виртуального простран-

ства, выделяющая его среди других технологических новшеств, заключается в его уникальной способности к детализированному моделированию различных сред и ситуаций [3]. Эта возможность обусловлена не только техническими инновациями, но и развитием алгоритмов и программного обеспечения, которые могут воссоздавать реалии с высокой степенью достоверности. Моделирование в виртуальном пространстве не ограничивается простым воспроизведением визуальных и аудиальных стимулов. Современные технологии позволяют создавать многомерные пространства, в которых пользователь может взаимодействовать с окружением, изменяя его или адаптируясь к изменениям. Благодаря такому иммерсивному опыту человек может ощутить себя частью моделируемого мира, что, в свою очередь, усиливает эффект присутствия и вовлеченности.

Такое глубокое погружение в виртуальные контексты открывает широкий спектр возможностей для исследования, обучения и развлечения. Например, в медицине виртуальное моделирование используется для тренировки хирургов, позволяя им отрабатывать сложные операции в безопасной среде. В области образования студенты могут погружаться в исторические эпохи или даже путешествовать по космическому пространству, чтобы лучше понять материал. В сфере развлечений виртуальная реальность предоставляет возможность полного погружения в игровые миры или кинематографические истории.

Тем не менее, несмотря на все преимущества, способность виртуального пространства к моделированию

любой среды или ситуации также представляет определенные риски. Переход границы между виртуальным и реальным может стать неясным для индивида, особенно при длительном и частом погружении. Это может привести к изменению восприятия реальности и потребует дальнейшего исследования для понимания всех последствий такого воздействия на психику человека.

Основное влияние виртуальных пространств на сознание можно увидеть в том, как люди интерпретируют реальность. В условиях постоянной смены контекстов в виртуальной среде формируется особый тип мышления, который может быть более гибким, многогранным и нелинейным [4]. Это означает, что традиционные рамки понимания реальности расширяются, а иногда и перестраиваются, благодаря новым опытам и знаниям, полученным в виртуальных мирах.

Тем не менее, такое воздействие виртуального на реальное может иметь и свои трудности. Постоянное взаимодействие с виртуальными средами может привести к серьезным психосоциальным последствиям, в числе которых особое место занимает потеря чувства реальности. Человек, активно и регулярно погружающийся в виртуальные миры, может начать испытывать затруднения в определении границ между виртуальным и реальным, что, в свою очередь, приводит к изменению восприятия окружающего мира.

Если раньше человек мог легко отличить виртуальные события от реальных, то при чрезмерном погружении эта способность уменьшается. Это может проявляться в виде переноса опыта из виртуальной реальности в реальную жизнь, что порой становится причиной неправильных интерпретаций и действий в реальной жизни. Например, опыт взаимодействия в виртуальных социальных сетях может формировать у индивида искаженные ожидания и стереотипы относительно общения в реальном мире.

Более того, когда виртуальное начинает приобретать для человека особую значимость, он может утратить интерес к реальной жизни, предпочитая проводить время в виртуальных мирах [1]. Это может привести к социальной изоляции, потере мотивации и даже депрессии. Одним из проявлений подобного состояния является деперсонализация, когда человек начинает воспринимать себя и окружающий мир как что-то отстраненное, нереальное. Чрезмерное увлечение виртуальными мирами может привести к развитию зависимости. Зависимость от виртуальных сред, будь то онлайн-игры или социальные сети, характеризуется потребностью в постоянном погружении, что может негативно сказаться на физическом здоровье, социальных связях и профессиональной деятельности индивида. Этот процесс напоминает другие формы зависимостей, такие как химическая или

игровая, и требует комплексного подхода к лечению и реабилитации. Таким образом, постоянное погружение в виртуальные среды может привести к целому ряду психосоциальных нарушений, требующих внимания и профессионального подхода.

В последние десятилетия, в связи с бурным развитием информационных технологий и виртуальных сред, исследователи всего мира активно изучают воздействие этих сред на психику человека. Особенно велик интерес к изучению долгосрочных эффектов постоянного погружения в виртуальное пространство, поскольку, как показывают данные, это может привести к различным психосоциальным нарушениям.

В первую очередь стоит отметить, что виртуальные среды, благодаря своей иммерсивности и многогранности, могут стать для человека своеобразным убежищем от реальной жизни. Это может привести к утрате интереса к реальному миру, социальной изоляции, потере мотивации к реализации в реальной жизни. Особенно уязвимы к такому воздействию люди с предрасположенностью к уклонению от решения жизненных проблем или имеющие склонность к аддиктивному поведению.

Далее, чрезмерное взаимодействие с виртуальными средами может привести к нарушению ритма сна, что, в свою очередь, негативно сказывается на общем состоянии организма, психическом здоровье, работоспособности и когнитивных функциях. Этот аспект особенно актуален для пользователей, проводящих в виртуальных средах продолжительное время без перерывов, игнорируя естественные потребности организма.

Также необходимо учитывать риск развития психологической зависимости от виртуальных сред. Такая зависимость может проявляться в потребности в постоянном погружении, невозможности контролировать время, проведенное в виртуальной реальности, и даже в симптомах абстиненции при попытках ограничить доступ к виртуальным мирам.

Наконец, постоянное погружение может привести к диссонансу между восприятием виртуального и реального, что может вызвать состояния, аналогичные деперсонализации, когда человек начинает воспринимать себя и окружающий мир как что-то отстраненное и нереальное.

Подводя итог, можно сказать, что последствия постоянного погружения в виртуальные среды многогранны и требуют детального исследования. Очевидно, что для предотвращения и коррекции возможных психосоциальных нарушений необходим комплексный подход, включая просветительскую работу, психологическую поддержку и, при необходимости, медицинское вмешательство.

Виртуальные пространства представляют собой мощный инструмент, влияющий на формирование сознания и интерпретацию реальности современного социума. Они предоставляют возможности для глубокого

погружения, исследования и понимания различных аспектов реальности, но также могут нести в себе риски и вызовы, связанные с потерей чувства реальности и психосоциальными нарушениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика. М.: Издательство АСТ, 2019. - 448с.
2. Юм Д. О человеческой природе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017.- 320 с.
3. Орлов С.В. Материализм, диалектика и информационная парадигма философского мышления//Новые идеи в философии. 2017. No4 (25). С. 173-182.
4. Соловьева Л.Н. Человек в глобальном виртуальном пространстве: философское измерение // Общество: философия, история, культура. 2016. No2. С. 38-40.
5. Девтеров И.В. Человек и машина: нейрофилософия и новые антиномии // Знание. 2015. No11-1. С. 69- 73.

© Черняга Ярослав Сергеевич (psioseo@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет транспорта (МИИТ)

ИЗМЕНЕНИЯ СОЗНАНИЯ И ЦЕННОСТЕЙ СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Черняга Ярослав Сергеевич

Преподаватель-исследователь, Российский университет
транспорта (МИИТ)
psiosteo@gmail.com

CHANGES IN CONSCIOUSNESS AND VALUES OF THE SOCIETY IN THE CONDITIONS OF VIRTUAL REALITY

Ya. Chernyaga

Summary: The article examines the impact of virtual reality on the consciousness and value orientations of modern society. It describes changes in the perception of reality, the formation of new values, and social ties. The potential risks associated with constant immersion in virtual reality are also highlighted.

Keywords: virtual reality, consciousness, values, society, social ties, perception of reality.

Аннотация: Статья рассматривает влияние виртуальной реальности на сознание и ценностные ориентиры современного социума. Описываются изменения в восприятии реальности, формировании новых ценностей и социальных связей. Также освещены потенциальные риски, связанные с постоянным пребыванием в виртуальной реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, сознание, ценности, социум, социальные связи, восприятие реальности.

В последние десятилетия развитие информационных технологий и, в частности, виртуальной реальности, привело к радикальным изменениям в восприятии мира со стороны современного человека. Исследования в области социальной психологии и культурологии показывают, что сознание и ценности социума меняются под влиянием постоянного взаимодействия с виртуальными реальностями. В данной статье рассмотрим основные направления этих изменений и их потенциальные последствия для общества.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что виртуальная реальность начинает проникать во все сферы жизни человека, включая образование, работу и досуг. С ростом ее влияния увеличивается и риск негативных последствий. К примеру, дети и подростки, активно поглощенные виртуальной реальностью, могут сталкиваться с проблемами социализации, учебы и личностного развития¹.

Первое и наиболее очевидное изменение касается способа восприятия реальности. Виртуальные миры предоставляют возможность погрузиться в альтернативную реальность, где физические законы могут отличаться, а социальные нормы и правила поведения формируются совершенно иными принципами. Это может привести к размыванию границ между реальным и виртуальным, когда индивид не в состоянии различить, где заканчивается одна реальность и начинается другая. В результате возникает риск потери ориентиров в реальном мире и

усиления отчужденности от окружающего мира.

Следующее направление изменений касается ценностей. Виртуальные пространства позволяют индивиду выражать себя, экспериментировать с различными ролями и идентичностями без страха осуждения. Это может привести к формированию новых ценностных ориентиров, которые отражают виртуальные опыты и переживания. Например, в виртуальных сообществах ценится свобода самовыражения, креативность и открытость новому, в то время как в реальной жизни могут преобладать консервативные или традиционные ценности.

Еще одной важной особенностью является изменение социальных связей. В условиях виртуальной реальности общение становится более глобализированным, и человек может общаться с людьми из разных уголков мира, преодолевая культурные и языковые барьеры. Это способствует формированию новых социальных групп и сообществ, объединенных общими интересами или ценностями.

Однако стоит также учитывать потенциальные риски и негативные последствия. Пребывание в виртуальной реальности может привести к социальной изоляции, потере навыков реального общения и усилению чувства одиночества. Также возможны психологические расстройства, связанные с перенасыщением виртуальными впечатлениями и потерей контакта с реальностью.

¹ Mallon, Ron, «Naturalistic Approaches to Social Construction», *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/social-construction-naturalistic/>.

Люди, проводящие много времени в виртуальных мирах, могут начать воспринимать их как часть своей реальности². Примером может служить популярность онлайн-игр, где игроки строят виртуальные карьеры, образуют социальные связи и даже вступают в «виртуальные» отношения. Эти виртуальные действия и отношения могут начать перевешивать реальные, что может привести к ухудшению качества жизни, социальной изоляции и психологическим трудностям. Еще одним проявлением является трансформация ценностных ориентиров. Виртуальные миры, зачастую, базируются на принципах, отличных от реального мира. Например, в некоторых онлайн-играх главной ценностью может являться достижение максимального уровня или накопление ресурсов, в то время как в реальной жизни человек может ценить семейные отношения или карьерный рост.

Кроме того, развитие научных и технологических новшеств, вместе с углублением информационных систем, подталкивает к мысли, что средства коммуникации могут служить инструментами воздействия на коллективное сознание, создавая определенное мировоззрение, соответствующее интересам определенных социальных групп или элит. В научных работах часто можно встретить отсылки к идее, что существует возможность «формирования» особенностей общественного мнения.

Основной контент общественного мнения, исходя из этой теории, формируется действиями средств коммуникации и рассматривается как социальное построение, вытекающее из действий разных участников в рамках

коммуникативного процесса³. Таким образом, общественное мнение может быть адаптировано к различным формам социального восприятия, новым стандартам, мифам или потребительским ожиданиям.

Данная идея о возможности воздействия на общественное мнение обосновывается отсутствием у него собственных, интринсических законов развития, что делает его подверженным внешним воздействиям, таким как действия средств коммуникации⁴. Эта теоретическая концепция основана на технократической модели и радикальном социальном конструкционизме. Общественное мнение рассматривается как продукт действий средств коммуникации, легко поддающийся внешнему влиянию.

Те, кто поддерживает эту концепцию, считают, что современные коммуникационные методы позволяют манипулировать общественным мнением, создавая в нем виртуальные образы мира, которые, в свою очередь, влияют на общественное поведение и служат интересам определенных социокультурных групп. Сознательное изменение содержания идей и концепций в контексте осуществления доминирующих социальных интересов становится основой идеологического формирования мировоззрения через средства коммуникации. Согласно этой модели, создание виртуального изображения в средствах коммуникации, если оно воспринимается общественным мнением как истинное, может привести к определенным формам социального поведения и ожидаемым результатам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гонгало Е. Концепция виртуальной реальности в творчестве Ж. Бодрийяра. / Е. Гонгало. // *Философия и социальные науки: Научный журнал*. – 2010. -- No 4. – С. 57-69.
2. Колин Ю.В. Проблема восприятия исторического наследия как фактора общественной стабильности, «Культура и цивилизация», Москва. 2020, Том 10, No1 А, с.169-181.
3. Манойло А., Попадюк А. «Постправда» как социальное явление и политическая технология [Электронный ресурс] / А. Манойло, А. Попадюк. // *Международная жизнь*. – 2020. -- N 8. – С. 20-35. -- URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2388> (дата обращения 30.10.2023).
4. Mallon, Ron, «Naturalistic Approaches to Social Construction», *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/social-construction-naturalistic/>.

© Черняга Ярослав Сергеевич (psiosteo@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

2 Гонгало Е. Концепция виртуальной реальности в творчестве Ж. Бодрийяра. / Е. Гонгало. // *Философия и социальные науки: Научный журнал*. – 2010. -- No 4. – С. 57-69.

3 Колин Ю.В. Проблема восприятия исторического наследия как фактора общественной стабильности, «Культура и цивилизация», Москва. 2020, Том 10, No1 А, с.169-181.

4 Манойло А., Попадюк А. «Постправда» как социальное явление и политическая технология [Электронный ресурс] / А. Манойло, А. Попадюк. // *Международная жизнь*. – 2020. -- N 8. – С. 20-35. -- URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2388> (дата обращения 30.10.2023).

Наши авторы

Abdullayeva S. – Dagestan State Medical University, Makhachkala

An S. – Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Andrushchak E. – Graduate student of MSPU; Senior lecturer of RUT (MIIT)

Betoeva E. – Postgraduate Student, lecturer, MGIK, Khimki, Russia

Bykov E. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Ural State University of Physical Culture, (Chelyabinsk)

Chernyaga Y. – Lecturer-researcher, Russian University of Transport (MIIT)

Chizhova K. – Candidate of Pedagogical Sciences, RSUH

Christosova A. – Postgraduate student, Penza State Agrarian University

Dorofeeva T. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Penza State Agrarian University

Egorova O. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Northeastern State University

Fetisova E. – Ph.D., Associate Professor, Pacific State University, Khabarovsk

Fidarova F. – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Ganishina I. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Federal State Educational Institution of Higher Education "Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service" (Ryazan)

Grigorieva M. – PhD of Political sciences, Chief-editor of the scientific journal «KANT», Publishing house «Stavrolit», Stavropol

Our authors

Ibragimova E. – PhD, Associate Professor Dagestan State Medical University, Makhachkala

Kemerov V. – Doctor of Philosophy sciences, professor, Ural Federal University

Kharchenko D. – Teacher, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky

Kovalenko R. – Independent researcher

Kovtun V. – Postgraduate Student, Southern Federal University

Kozlovskaya E. – Senior teacher, Privolzhsky research medical University

Kulinich A. – PhD student, Peoples' friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Kurbanov A. – Dagestan State Medical University, Makhachkala

Kurkueva E. – Dagestan State Medical University, Makhachkala

Kurtov S. – Postgraduate student, Saint Petersburg Electrotechnical University

Levchuk I. – Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

Lipitskaya V. – Candidate of Philosophy, Docent, Associate Professor, Kazan Higher Tank Command School

Maksimenko M. – Ph. D. (Philosophy), Assistant Professor of the Perm Institute of the FPS of Russia

Miroshnichenko A. – Candidate of Psychological Sciences, Southern Federal University

Noskova M. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Ural State Medical University, Ekaterinburg, Russia

Oguy V. – Postgraduate student, Ural State University of Physical Culture. Chelyabinsk, Russia

Osipova A. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Southern Federal University

Plotnova S. – Senior teacher, Privolzhsky Research Medical University

Shevtsova Yu. – Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Privolzhsky Research Medical University

Shingaev S. – Doctor of psychological sciences, Professor, Professor, St. Petersburg Academy of Post-Degree Pedagogical Education

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sokolova E. – Psychology teacher, St. Petersburg Academy of Post-Degree Pedagogical Education; Post-graduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia

Sorokin K. – Graduate student, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Stolbov M. – Graduate student, State University of Education; General director, Leader LLC

Tatevosyan A. – Professor of Architecture, Murmansk Arctic University; Corresponding member of the Russian Academy of Fine Arts; Corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences

Tur E. – Dr. psychosomatologist, Saint-Petersburg, Russia

Yakovleva S. – Senior Inspector of the Personnel and Personnel Management Department of the FKU SIZO-6 of the Federal Penitentiary Service of Russia in Moscow

Yarakhmedov R. – Dagestan State Medical University, Makhachkala

Zinevich A. – Graduate of the professional retraining program, Moscow Pedagogical State University

Zvonareva N. – Independent researcher

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).